

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 25. № 1

2026

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 25. No. 1

2026

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026

Том 25. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2026

Volume 25. No. 1

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2026. Vol. 25. No. 1

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *K. Yan* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval,*

I.V. Smetanina

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing by *A.A. Khabarova*

Passed for printing on Jan. 25, 2026.

Date of publication: Apr. 30, 2026. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 19.0. Published pages 20.4.

Number of copies 500 (1st printing 1–29 copies).

Order 23. «C» 4.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026. Т. 25. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *К. Янь* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *А.А. Хабаровой*

Подписано в печать 25.01 2026 г.

Дата выхода в свет: 30.04 2026 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 19,0.
Уч.-изд. л. 20,4. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–29 экз.).
Заказ 23. «С» 4.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Караваяева П.Ю.* Житие святого Феодора Студита в «Соборнике» Нила Сорского: лексическая правка текста-антиграфа 5
- Русанова С.В.* Приказная формула рукоприкладства в деловом тексте XVIII века 19
- Кунавин Б.В.* Союзные глагольно-причастные клаузы в истории русского языка 30
- Зиновьева Е.И., Соколова А.П., У Маньхуа.* Семантическая неоднозначность лексических единиц с характеризующим значением в современном русском языке 48
- Бузальская Е.В.* Тактики иммерсивности в заголовках новостных статей «Дзен» 65

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Малюга Е.Н.* Лексическая сочетаемость модального глагола «must» в деловом дискурсе СМИ: корпусное исследование [На англ. яз.] 81
- Астафурова Т.Н., Палашевская И.В.* Семиолингвистическая трансформация властных ритуалов британской монархии 91
- Савватеева И.А.* Семиотика флирта в игровых поведенческих отношениях (на материале английской и итальянской лингвокультур) 105
- Всеволожская А.А.* Особенности регионального варианта английского языка на Аляске 120

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Маджаева С.И., Джелалова Л.А., Романова Н.А.* Речевые особенности клинических руководств для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой медицинской помощи, санавиации и медицины катастроф 136
- Николенко О.В., [Матвеева Г.Г.]* Категоричность высказывания как проявление авторитетности (на материале речи психотерапевта) 157
- Абросимова Л.С.* Типология интернет-мемов как иконических лингвокультурных символов [На англ. яз.] 170

ДИСКУССИИ

- Пашков С.М.* Философская концептуализация сакральности: к вопросу о семантико-структурной организации религиозно-философских текстов 178
- Щетинина А.В.* Фразеологические неологизмы как языковые единицы с пограничным статусом: к вопросу о лексикографировании 190

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Karavaeva P.Yu.* The Life of Saint Theodore the Studite in Nil Sorsky's "Collection": Lexical Editing of the Antigraph Text 5
- Rusanova S.V.* Mandative Signing Formula in the Business Text of the 18th Century 19
- Kunavin B.V.* Conjunctional Verbal-and-Participial Clauses in the History of the Russian Language 30
- Zinovieva E.I., Sokolova A.P., Wu Manhua.* Semantic Ambiguity of Lexical Units with Characterising Meaning in the Modern Russian Language 48
- Buzalskaya E.V.* Immersive Tactics in the Headlines of News Articles on "Zen" 65

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Mal'uga E.N.* Lexical Co-Occurrence of the Modal Verb "Must" in Business Media Discourse: A Corpus-Based Study 81
- Astafurova T.N., Palashevskaya I.V.* Semiolinguistic Transformation of British Monarchy Power Rituals 91
- Savvateeva I.A.* Semiotics of Flirtation in Playful Behavioural Relations (Based on English and Italian Linguistic Cultures) 105
- Vsevolozhskaya A.A.* Regional Variety of English in Alaska: Linguistic Specificities 120

MATERIALS AND REPORTS

- Madzhaeva S.I., Dzhelalova L.A., Romanova N.A.* Speech Features of Clinical Guidelines for Paramedics, Medical Assistants, Ambulance Service, Air and Disaster Medicine Staff 136
- Nikolenko O.V., [Matveeva G.G.]* Categorical Statements as a Manifestation of Authority (Based on the Speech of a Psychotherapist) 157
- Abrosimova L.S.* Typology of Internet Memes as Iconic Linguacultural Symbols 170

DISCUSSIONS

- Pashkov S.M.* The Philosophical Conceptualization of Sacredness: On Semantic and Structural Organization of Religio-Philosophical Texts 178
- Shchetinina A.V.* Phraseological Neologisms as Linguistic Units with a Borderline Status: Towards the Question of Lexicography 190

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.1>

UDC 811.163.1:2-23

LBC 81.416.1

Submitted: 09.06.2025

Accepted: 02.12.2025

THE LIFE OF SAINT THEODORE THE STUDITE IN NIL SORSKY'S "COLLECTION": LEXICAL EDITING OF THE ANTIGRAPH TEXT ¹

Polina Yu. Karavaeva

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. The paper examines newly discovered lexical substitutions in the Life of Saint Theodore the Studite, edited by Nil Sorsky. This Life originally belongs to the ancient translations from Greek made by South Slavic scribes in the territory of Old Rus'. It is shown that, in the Life edited by Nil, among the majority of lexical substitutions, which are freely differentiated into groups, there are examples of lexical improvements that require particular consideration. Such exclusive substitutions include corrections of translator's errors based solely on the Church Slavonic context of the extract (изложение – низложение), the introduction of Slavic explanations to Greek words preserved in the text (кпнтимина – запрѣщеніе) in accordance with the traditions of the Athos-Tyrnovo school of book reading, as well as the replacement of lexical and semantic archaisms with the synonyms commonly used in the 15th – 16th century texts (позоръ – позорище, притѣча – вбразъ). It has been established that a striking feature of the lexical revisions carried out by Nil is the desire to adapt the original text to the perception of a scribe of the late 15th – early 16th centuries. The discovered lexical substitutions enable the conclusion that the Sorsky ascetic, undoubtedly guided by the lexical norms of the new Svyatogorsk translations and taking into account the development of the Middle Russian variant of Church Slavonic, approached the correction of each lexeme individually.

Key words: Nil Sorsky, Life of Saint Theodore the Studite, main antigraph, autograph, lexical substitutions, translator's errors, Slavic explanations, archaisms.

Citation. Karavaeva P.Yu. The Life of Saint Theodore the Studite in Nil Sorsky's "Collection": Lexical Editing of the Antigraph Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 5-18. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.1>

УДК 811.163.1:2-23

ББК 81.416.1

Дата поступления статьи: 09.06.2025

Дата принятия статьи: 02.12.2025

ЖИТИЕ СВЯТОГО ФЕОДОРА СТУДИТА В «СОБОРНИКЕ» НИЛА СОРСКОГО: ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПРАВКА ТЕКСТА-АНТИГРАФА ¹

Полина Юрьевна Караваева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия;
Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию новонайденных лексических замен в отредактированном Нилом Сорским Житии святого Феодора Студита, исконно принадлежащем к древним переводам с греческого, выполненным южнославянскими книжниками на территории Древней Руси. Показано, что в правленном Нилом Житии на фоне большей части лексических замен, свободно дифференцирующихся по группам, встречаются примеры лексической правки, требующие отдельного рассмотрения. К таким эксклюзивным заменам относятся исправления ошибок переводчика с опорой только на церковнославянский контекст фрагмента (*изложеніе – низложеніе*), введение пояснений-славянизмов к сохранным в тексте грецизмам (*кпѣтимѣ – запрѣщеніе*) в соответствии с традициями Афоно-тырновской книжной школы, а также замена лексических и семантических архаизмов на широкоупотребительные в текстах XV–XVI вв. синонимы (*позоръ – позорище, притѣча – вбразъ*). Установлено, что яркой чертой лексической правки, осуществленной Нилом, является адаптация исходного текста для восприятия книжника эпохи конца XV – начала XVI веков. При этом новонайденные лексические замены позволяют сделать вывод, что сорский подвижник, несомненно, ориентируясь на лексическую норму новых святогорских переводов и принимая во внимание развитие старорусского варианта церковнославянского языка, к исправлению каждой лексемы подходил индивидуально.

Ключевые слова: Нил Сорский, Житие святого Феодора Студита, основной антиграф, автограф, лексические замены, ошибки переводчика, пояснения-славянизмы, архаизмы.

Цитирование. Караваева П. Ю. Житие святого Феодора Студита в «Соборнике» Нила Сорского: лексическая правка текста-антиграфа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 5–18. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.1>

Введение

В кругу созданных на Руси на рубеже XV–XVI вв. церковнославянских памятников письменности особое место занимает «Соборник житий греческих Святых», составленный, отредактированный и собственноручно начисто переписанный великим старцем Нилом Сорским [Леннгрен, 2000; 2005; 2010; 2012а; 2012б]. Полный годовой комплекс Миней-Четых был создан Преподобным в период с 1488 по 1508 г., то есть появился в славяно-русской книжности на двадцать лет раньше Великих Миней-Четых митрополита Макария (1530–1541 гг.).

Уникальность исследуемого триптиха среди прочих агиографических сборников церковнославянского языка старорусской эпохи обусловлена прежде всего характером работы Нила Сорского с текстами-антиграфами житий перед внесением их в «Соборник». Осуществленное нами на материале четырех житий «Соборника» предварительное лингвотекстологическое исследование показало, что включению каждого агиографического источника в творение сорского подвижника предшествовала и кропотливая текстологическая работа, и существенная языковая правка [Караваева, 2019]. Поэтому изучение лингвистической правки, внесенной заволжским старцем Нилом в жития, несомненно, должно

быть предварено установлением генеалогических связей текстов житий в автографе подвижника с возникшими ранее «Соборника» славянскими списками исследуемых житий. Именно сопоставление автографа Нила Сорского с антиграфом каждого изучаемого жития позволит увидеть, как редактировал исходный текст книжник. Ввиду этого поиск источников житий, входящих в «Соборник», и по сей день принадлежит к числу интереснейших лингвотекстологических задач для изучающих богатое литературное наследие Нила Сорского.

В настоящее время достоверно известно [Леннгрен, 2000, с. 10–11], что до создания скита на речке Соре Нил подвизался в Кирилло-Белозерском монастыре и изучал рукописи, хранившиеся в библиотеке обители, которая в эпоху XIV–XVI вв. была одним из крупнейших книжных центров Руси и славилась богатейшим собранием древних манускриптов. И, очевидно, именно поэтому рукописное собрание Кирилло-Белозерского монастыря выступает отправной точкой для поиска основных антиграфов житий в составе «Соборника» [Никольский, 1897].

Благодаря текстологическим разысканиям на сегодняшний день учеными установлены списки, послужившие основными антиграфами для четырех текстов «Соборника»: житий святого Афанасия Афонского [Караваева, 2019; 2022а; 2022б, с. 59], святого Онуфрия Пустын-

ного, святого Николая Студита и святого Феодора Студита [Леннгрен, 2010; 2012а; 2012б].

Материал и методы

Среди названных житий «Соборника» с точки зрения исследования характера лексической правки исходного текста-антиграфа наибольший интерес представляет материал Жития святого Феодора Студита [Творогов, 2008, с. 116–117], принадлежащего к числу древних переводов с греческого, выполненных книжниками южнославянского происхождения на территории Древней Руси [Пичхадзе, 2008; 2011, с. 36–39]. Следует отметить, что, согласно нашим наблюдениям, большая часть лексических исправлений, внесенных Нилом в исходный текст-антиграф Жития святого Феодора Студита, обнаруживает строгий системный характер [Караваева, 2022в, с. 119]. Так, в русле традиций Афоно-тырновской книжной школы XIII–XIV вв. Нил Сорский сознательно устраняет регионализмы, заменяя преславизмы на древние лексемы (пастоуѣхъ → пастырь) [Львов, 1966, с. 206–209], лексические русизмы на соответствующие по смыслу церковнославянизмы (любострадаьныи → трудолюбезьныи), словообразовательные русизмы на соответствующие по смыслу церковнославянизмы (почати → начати), собственно-лексические архаизмы на эквиваленты, понятные книжнику XV в. (добровоник → благоуханик, добросѣмнивыи → добродѣтельныи, оземьствик → заточеник, оѣи → дада, пщевати → помыслити), при выборе одного из членов синонимического ряда ориентируется на лексическую норму церковнославянского языка русского извода XV–XVI вв. (мънихъ / инокъ / калоуѣгеръ / чьноризьць / чьрньць). Примечательно, что Нил Сорский учитывает эволюцию семантики слов, то есть какое значение слово приобретает в старорусской книжности XV– начала XVI в. по сравнению с предшествующим периодом развития церковнославянской письменности [Караваева, 2022а, с. 190–249].

В то же время в правленном Нилом тексте нами обнаружен ряд лексических замен, которые не следует интерпретировать столь однозначно. Рассмотрим некоторые новонайденные

лексические замены, выявленные нами путем сравнения Ниловой редакции Жития святого Феодора Студита (ТСЛ 684) с установленным Т.П. Леннгрен текстом основного антиграфа (Кир.-Бел. 30/1107) [Леннгрен, 2012а].

Результаты и обсуждение

ЮПИТИМІА – ЗАПРѢЩЕНІЕ

Проведенное нами сопоставление Ниловой редакции Жития святого Феодора Студита с текстом-антиграфом исследуемого агиографического источника позволило обнаружить, что в основном антиграфе засвидетельствован глагол **казнити** в значении ‘подвергать (подвергнуть) наказанию, карать (покарать)’ (СДРЯ XI–XIV, т. IV, с. 188), при редактировании текста исправленный Нилом на **наказати**: Кир.-Бел. 30/1107, л. 336–336 об. **повеле же и казнѣти епѣтемѣами** (то же НИОР РГБ, Муз. собр., № 1832, л. 80 (Выголексинский сборник, с. 227)), или **ѡлоученѣемъ**, или **поклономъ толкиимъ**, **иже вѣжственыхъ пѣнѣи лишаа са да въспрѣиметь**. или **иже съсоудъ что съкроушивъ**. или **въсоуде мѣца и презрѣа**, или **иже брата в коемъ люво разгнѣвавъ**, или слово **излиха бесѣдоуа и гзыка не оудержа**. **симъ всѣмъ расчитаа по дѣломъ**. и **епитемѣа възлагаше** [греч. Διαρίσατο δὲ καὶ τίσιν ἐπιτιμίαις ἢ ἀφορισμοῖς ἢ γονυκλισίας τοσαῖσδε, ὁ τῶν θεῶν ὕμνων καθυστερῶν ὑπαχθήσεται, ἢ ὁ σκευῶς συντριβῶν, ἢ εἰκαίως ῥίπτων καὶ παραμελῶν· ἢ ὁ τὸν ἀδελφὸν ἔν τινι διαπληκτίσας, ἢ ὁ λόγον περιττὸν περιττῶς ὀμιλῶν, καὶ μὴ γλώσσης εἰδεῖν κρατεῖν. Τοῦτοις πᾶσιν ἀναλόγως τοῖς πρᾶττομένοις, καὶ τὰς ἐπιτιμίας προσέθηκεν (Migne, p. 149)] – ТСЛ 684, л. 133 **повелѣ же і епитимѣами наказати**, **си рѣч запрѣщенми**. или **ѡлѣченѣемъ**, или **поклоны коликими**, и **иными подвнѣ коемѣждо съгрѣшенію**. **аще кто вѣжственыхъ пѣнѣи встанетъ**, или **съсѣдъ съкрѣшитъ**, или **всѣ мѣщет по презрѣнїю**, или **брата в чемъ люво wskорентъ**. или **словеса излишна бесѣдоуа ѡ неоудержанїа ѡзыка**, или **что ино ѡ таковыхъхъ**. **симъ всѣмъ разчинаа по дѣломъ епитемѣа възлагаше**.

Согласно данным (СДРЯ XI–XIV, т. III, с. 216), в древнерусской письменности существительное **епитимѣа** употребляется исклю-

чительно в значении ‘епитимия, церковное наказание’ и регулярно встречается в древнерусских письменных памятниках различной локализации и датировки (всего 124 случая): в оригинальном древнерусском Житии Феодосия Печерского XII в. (по списку Успенского сборника XII–XIII вв.); в Житии Феодора Студита XII в., переведенном с греческого на Руси южнославянским книжником; в славянском переводе Типикона константинопольского патриарха Алексия Студита, занимающем пограничное положение между собственно древнерусскими переводами с греческого и группой переводов, к которой принадлежат Житие Феодора Студита, Ефремовская кормчая и древний перевод Жития святых Варлаама и Иоасафа; в Рязанской кормчей 1284 г., в основу которой положена рукопись «Сербского номоканона», привезенная в 1262 г. из Болгарии митрополиту Киевскому Кириллу II (III); в Новгородской кормчей 1280 г. (ГИМ, Син. 132), одном из древнейших памятников права, включающем Синтагму и Номоканон сербского извода, а также оригинальные древнерусские законодательные документы (Русскую правду в списке 1280 г., Закон судный людям), Устав князя Владимира (список середины XIV в.) и Устав князя Святослава Ольговича (список середины XIV в.); в Пандектах Никона Черногорца 1296 г., (ГИМ, Син. 836) некоторых других памятниках письменности. При этом следует обратить внимание, что в одном источнике – Рязанской кормчей 1284 г. – гречизм **кпѣтѣмѣ** поясняется в тексте: **ѡко не двстоитѣ презвитеру скращати кпѣтѣмѣ. си рѣ(ч). запрѣщѣнѣа**, л. 28 в.; Г(А) ·Д̄ · о ім(8) **цихъ ѡпѣтѣмѣа сѣрѣ(ч). запрѣщѣнѣа. і тѡгѡ раді ѡ(т)лѣченыхъ стго причащѣнѣа**, 34 в.

В поздних же текстах XV–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 55) слово **ѡпитѣмѣа** ‘наказание, кара (за нарушение гражданских обязательств или религиозных норм)’ фиксируется гораздо реже, чем в древнерусской письменности, хотя, несомненно, продолжает употребляться, в том числе в оригинальных старорусских агиографических текстах: в Житии св. Сергия Радонежского (1417–1418 гг.), в Слове о житии и учении св. отца нашего Стефана, бывшего епископа в Перми, составленном Епифанием Премудрым; в Житии Василия Нового, в Житии Кирилла Белозерского

(1450–1455 гг.), Житии св. Александра Свирского (РНБ, Погод. 874, XVI в., л. 481 (СКАТ)), Житии св. Корнилия Комельского (РНБ, Погод. 787, 1607 г., л. 89 об. (СКАТ)), Житии Св. Дионисия Глушицкого (РНБ, Соф. 438, XVI в., л. 37 (СКАТ)), Житии протопопа Аввакума (1673 г.), Житии архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия (1648–1654 гг.); в Волоколамском патерике 1500–1550 гг.; в сочинении Максима Грека «Повесть о Савонароле» (1515–1525 гг.) по рук. РГБ, собр. Большакова, № 285; в поучении Даниила, митрополита всея Руси (1522–1539 гг.), в поучении ростовского и ярославского архиепископа Феодосия Бывальцева новопоставленному попу или игумену монастырской обители (1454 г.), в формулярном изводе поучения пресвитеру и обращения архиепископа Феодосия Бывальцева (1454 г.); в составе Московского летописного свода конца XV в. (1479–1492 гг.), в Софийской первой летописи, в Вологодско-Пермской летописи, охватывающей события 852–1538 гг. (1550–1590 гг.), в Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича, в Новгородской пятой летописи 1550 г., в Никоновской летописи 1176–1362 гг. (1526–1530 гг.), в Новогородской Карамзинской летописи (1400–1450 гг.); трижды в «Книге Степенной царского родословия» (1560–1563 гг.); дважды в Домострое (1500–1560 гг.). Кроме того, в изучаемом «Соборнике» великого старца Нила Сорского, согласно данным [Леннгрен, 2005, с. 246], засвидетельствовано 8 случаев использования существительного **кпѣтѣмѣа**: в Житии св. Феодора Студита (л. 133 (2 случая), л. 174); в Житии св. Саввы Освященного (л. 242, л. 237); в Житии св. Симеона Столпника Дивногорца (л. 77 об., л. 78).

Принимая во внимание данные лексикографических источников, говорить о том, что перед нами лексический архаизм, мы все же не можем. Очевидно, что существительное **кпѣтѣмѣа** было знакомо и книжникам XV–XVI вв., поскольку использовалось при создании оригинальных старорусских текстов разной жанровой принадлежности. Поэтому теперь проанализируем, как употребляется в древнерусских и старорусских письменных источниках слово **запрѣщѣнѣа**.

Существительное **запрѣщѣнѣа** (СДРЯ XI–XIV, т. III, с. 340) в древнерус-

ской письменности в целом фиксируется гораздо чаще (364 случая), чем грецизм **ѡпитимїа** (124 примера), и реализует следующие лексико-семантические варианты: 1. ‘запрет’ // ‘церковное наказание, епитимия’; 2. ‘повеление; поучение’ // ‘угроза’. При этом в абсолютном большинстве случаев **запрѣщеник** засвидетельствовано в текстах XI–XIV вв. именно в значении ‘церковное наказание, епитимия’: в Ефремовской кормчей XII в., в Студийском Уставе XII в., в Новгородской кормчей 1280 г., Рязанской кормчей 1284 г., Пандектах Никона Черногорца по списку XIV века. В более поздних памятниках письменности, согласно данным (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 278–279), **запрѣщеник** по-прежнему регулярно фиксируется в значении ‘епитимия (род религиозного наказания)’. Попробуем выяснить, что же в таком случае могло послужить причиной внесения в текст толкования к слову **ѡпитимїа**.

Как известно [Тасева, Йовчева, 2006, с. 226], в новых афонских переводах XIII–XIV вв. и правленных редакциях древних переводов наблюдалась тенденция замены греческих заимствований славянскими эквивалентами, что отчасти было свойственно и Преславской книжной школе в противоположность переводческим тенденциям Охридской книжной школы, например: **игоуменьъ** (охрид.) – **наставникъ** (афонск.); **архисинагогъ** (охрид.) – **начальникъ събороу** (афонск.); **акровѣстїа** (охрид.) – **необрѣзаник** (афонск.); **пѣтїкостї** (охрид.) – **пѣтьдесѣтъница** (афонск.); **олѣи**, **елѣи** (охрид.) – **масло** (афонск.); **иерѣи** (охрид.) – **священникъ**, **прѣвосвященникъ** (афонск.) и т. п. Как показали предварительные изыскания [Караваева, 2022а], афонские переводы XIII–XIV вв. и правленные редакции древних текстов оказали существенное влияние на представление Нила Сорского о лексической норме церковнославянского языка. Во многих осуществленных старцем Нилом лексических заменах [Караваева, 2022б; 2023] прослеживается отчетливое влияние тенденций Афонской книжной школы [Афанасьева, 2015, с. 254–259; Кузьмина, Пентковская, 2016; Пентковская, 2009а; 2009б; 2009в; 2011; Славова, 1990; 1992; Соболевский, 1903, с. 15–32; Турилов, 2010; Чешко, 1982]. И поэтому наиболее вероятно,

что причиной введения Нилом в текст слова **запрѣщеник** в качестве пояснения к слову **ѡпитимїа** было стремление следовать традициям, сложившимся в Святогорской книжной школе XIII–XIV вв., то есть стремление подбрать к грецизму соответствующий славянский эквивалент. Однако в то же время не стоит забывать и о том, что старец Нил во многом ориентировался на восприятие церковнославянского текста русским книжником эпохи XV–XVI вв. и при редактировании исходного текста учитывал, как изменилась лексическая норма церковнославянского языка старорусской редакции. Именно поэтому мы не обнаруживаем в данном фрагменте замену **ѡпитимїа** – **запрѣщеник**, ведь, согласно лексикографическим данным, **ѡпитимїа** как ‘наказание, кара (за нарушение гражданских обязательств или религиозных норм)’ продолжает последовательно употребляться в текстах XV–XVI вв. различной жанровой принадлежности. Этот грецизм, несомненно, знаком и понятен книжникам эпохи XV–XVI вв., и поэтому старец Нил сохраняет его, дополняя текст синонимом славянизмом.

КАЗНИТИ – НАКАЗАТИ

Теперь рассмотрим подробнее замену **казнити** → **наказати**, засвидетельствованную в этом же фрагменте. Как известно, в древнерусской письменности глагол **казнити** в текстах разной локализации и датировки регулярно фиксируется в значении ‘подвергать (подвергнуть) наказанию, карать (покарать)’ (СДРЯ XI–XIV, т. IV, с. 188). Значение же ‘казнить, подвергать смертной казни’ исследователями отмечено только в летописном материале, например в Лаврентьевской летописи (Владимирский летописный свод 1305 г., по списку 1377 г.). В поздних же текстах (СлРЯ XI–XVII, вып. 7, с. 24–25) глагол фиксируется в следующих значениях: 1. наказывать, карать (наказать, покарать), 2. ‘приводить в негодность, калечить / искажать, извращать, изменять к худшему’ [новое значение]; и, наконец, засвидетельствовано множество примеров, в которых глагол реализует значение 3. ‘предать смерти, казнить’, в том числе отмечен фразеологизм ‘казнити смертью’. Глагол же **наказати** и в древнерусских (СДРЯ XI–XIV,

т. V, с. 151), и в старорусских источниках последовательно реализует (наряду с прочими) значение ‘наказывать, карать’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 10, с. 110), подходящее в рамках данного контекста. Таким образом, в данном случае Нил Сорский заменяет лексический архаизм на широкоупотребительный в текстах XV–XVI вв. синоним.

ИЗЛОЖЕНІЕ – НИЗЛОЖЕНІЕ

При работе с текстом основного антиграфа Жития Феодора Нил последовательно разбирает каждый фрагмент, при необходимости внося исправления. В ряде случаев Нил не только обнаруживает допущенную переводчиком и впоследствии скопированную переписчиком ошибку, но исправляет ее. Так, в основном антиграфе употребляется существительное **изложеніе** в соответствии с *ἐλοχῆ* ‘остановка, задержка, прекращение’ оригинала, кроме того, из контекста читатель понимает, что речь идет о ниспровержении царя Константина, нарушившего христианские заповеди: Кир.-Бел. 30/1107, л. 325–325 об. **богса паче и в прочих. да не въ вса внидетъ злое. и законъ прамо безаконіе вудеть. дръжавою паче помогаемо. тѣм же весь помыслъ по мысли подвигъ. и тако мощно расмотривъ. в изложеніе злаго** (то же НИОР РГБ, Муз. собр., № 1832, л. 66 об. (Выголексинский сборник, с. 144)) **вещь творить свѣгъ доброрвдства достоинну. проповѣдоуетъ безаконствоваваша црл... вбличаетъ сего дѣло въ вса мнѣхы. сего положивъ изврѣжена** [Греч. *δεδιώς μάλιστα καὶ περὶ τῶν λοιπῶν μὴ καὶ ἐς πάντας ἀφίκεται τὸ δεινὸν, καὶ νόμος ἄντικρυς τὸ ἄθεσμον γένηται, τῷ κράτει δῆπουθεν βοηθούμενον. Ὅθεν καὶ πάντα λογισμὸν κινήσας, καὶ ὡς ἐνῆν περὶ τὴν ἐποχὴν τοῦ κακοῦ διασκοπήσας, πρᾶγμα ποιεῖ τῆς ἑαυτοῦ εὐγενείας ἐπάξιον. Αποκηρύττει τὸν παρανομήσαντα βασιλέα... καὶ στηλιτεύει αὐτὸν τε καὶ πρᾶξιν αὐτοῦ, πᾶσιν αὐτὸν τοῖς μονάζουσι θέμενος ἔκπτωτον* (Migne, p. 137)] – ТСЛ 684, л. 127–127 об. **богса, да не како въ вса внидетъ злое, и безаконіе вудеть гакъ законъ творимо, державою паче помогаемо. подвигса о семъ. і оумысли вещьство его доброрвдмѣа достоиннѣ, на низложеніе злаго. проповѣдоуетъ авіе всѣмъ безаконноваваша црл. и вбличаетъ сего дѣло,**

въ вса иноки положивъ его извержена. Сравнение с греческим оригиналом показывает нам, что употребление слова **изложеніе** ‘письменное изложение, описание / составление, сочинение / изменение, перемена, превращение’ (СДРЯ XI–XIV, т. IV, с. 33–34) в переводе ошибочно и не соответствует греческому оригиналу. Нил, не располагая византийским оригиналом, заменяет обнаруженное в основном антиграфе слово на полностью подходящее по контексту и отражающее чтение оригинала **низложенык** (СДРЯ XI–XIV, т. V, с. 407), что свидетельствует о том, что книжник тщательно анализировал текст антиграфа и при необходимости исправлял исходные ошибки переводчика / переписчика.

ПОЗОРЪ – ПОЗОРИЩЕ

Рассмотрим еще один случай. В основном антиграфе, как и в древнейшем славянском списке Жития Феодора, употреблено существительное **позоръ** ‘представление’ (СДРЯ XI–XIV, т. VI, с. 578) в соответствии с *θεῶμα* ‘вид, зрелище’ греческого оригинала. При включении агиографического текста в «Сборник» Нил заменяет **позоръ** на **позорище**: Кир.-Бел. 30/1107, л. 305 **не играмъ радоугасл, не позоромъ** (то же НИОР РГБ, Муз. собр., № 1832, л. 38 об. (Выголексинский сборник, с. 200)) **радоугасл. не покоими. и иными сладостми акн юнъ сын, и толикомоу дшю наслаждаа. но едінъ праздноуа. тако же лѣпо вьизбра оиченіа. тѣми и оимъ си красшесл** [οὐ τωθασμοῖς χαίρων, οὐ θεάμασι προσανέχων, οὐ παιδιαῖς καὶ ταῖς ἄλλαις ἀνέσεσιν, οἷα δὴ νέος καὶ τοσοῦτου οἴκου, τὴν ψυχὴν ἐφηδύνων ἄλλὰ μόνη σχολάζων, ὡς εἰκὸς, τῇ ἀναλήψει τῶν μαθημάτων, τούτοις καὶ τὴν διάνοιαν ἔτερπε (Migne, p. 117)] – ТСЛ 684, л. 117 **не играмъ радѣгасл, ни позорищемъ коимъ внимага. ни покои и оитѣшеннн тѣлесными ѹслажашесл, тако юнъ сын. но въ оиченнн оупражншесл. и тѣми оимъ красше.** Выяснить причину данного исправления позволяет обращение к данным исторических словарей. В древнерусских текстах (СДРЯ XI–XIV, т. VI, с. 577–579) слово **позоръ** встречалось в следующих значениях: 1) ‘действие по гл. позръѣти в знач. посмотреть, взглянуть’, например, в оригинальном древнерусском Сказании о Борисе

и Глебе кон. XI в. (СДРЯ XI–XIV, т. VI, с. 581); 2) ‘то, что представляется взору, зрелище’ (в Прологе мартовской половины 1383 г.); 3) ‘представление’ (в Пандектах Никона Черногорца, переводе с греческого не позже конца XII в., сочетающем отсутствующие в восточнославянских текстах южнославянизмы и русизмы, вероятно, выполненном на Афоне, где подвизались и русские, и болгарские, и сербские монахи; в переводах, выполненных южнославянскими в Киевской Руси – Житии Феодора Студита и Ефремовской кормчей; в Рязанской кормчей 1284 г.; Словах Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, по списку XIV в., ГИМ, Син., № 954) / ‘место, где происходят состязания, зрелища’ / перен. ‘посмешище’.

Существительное **позорище** в древнерусских текстах (СДРЯ XI–XIV, т. VI, с. 577) тоже встречается в значении ‘зрелище, представление’. Например, в Ефремовской кормчей в соответствии с $\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ ‘зрелище праздничное или театральное’ оригинала засвидетельствованы и существительное **позоръ** (**позори игрънии въ нѣдлю и въ прочага свѣтълыа дни хръстияньскыа вѣры да възбраняютьсѧ**, л. 135 б), и существительное **позорище** (**Главизна кв. о позориштинухъ. и играхъ. събора карфагенъска правило**, л. 10 б).

Согласно словарю (СлРЯ XI–XVII, вып. 16, с. 122–123), в более поздних текстах значение 3) ‘(праздничное или театральное) представление’ у существительного **позоръ** сохраняется, однако теперь **позоръ** преимущественно употребляется в значении 1) ‘то, что представляется взору, зрелище; достойное внимания, удивления зрелище’. Так, создателями СлРЯ XI–XVII вв. приведен пример из Книги степенной царского родословия 1560-е гг., по списку XVI–XVII вв.: **всякия смѣхотворныа позоры презръѣ, ими же властодержателие үтѣхү севѣ притворяхү**, Кн. теп., 34. В то же время слово **позоръ** фиксируется и в других значениях, развившихся на основе существовавших у этого существительного в древнерусский период: 2) ‘осмотр, контроль’ (ср. со знач. 1) в (СДРЯ XI–XIV, т. VI, с. 578)); 4) ‘театр, амфитеатр (место зрелищ)’ (ср. со знач. 3) ‘место, где происходят состязания, зрелища’ в (СДРЯ XI–XIV, т. VI, с. 578)). Кроме того, во многих текстах XVI–XVII вв.

(СлРЯ XI–XVII, вып. 16, с. 122–123) сущ. **позоръ** засвидетельствовано и в значении 7) ‘постыдное для кого-л. положение, вызывающее презрение; стыд, позор’, в то время как в древних памятниках обнаружено в этом значении единожды – в Изборнике Святослава 1076 г. (СлРЯ XI–XVII, т. 16, с. 123), в (СДРЯ XI–XIV, т. VI, с. 578) не отмечено.

Семантика существительного **позорище** тоже эволюционирует, например, в поздних текстах XVII–XVIII вв. слово реализует значение ‘стыд, позор’. Однако главным лексико-семантическим вариантом слова **позорище** выступает 1) ‘место проведения (театральных или праздничных) зрелищ; театр, арена’, 2) чуть реже фиксируется в значении ‘театральное или праздничное представление’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 16, с. 124).

Итак, данные исторических словарей позволяют нам проследить эволюцию семантики слов **позоръ** и **позорище** и прийти к выводу, что в более поздних текстах XV–XVII вв. в значении ‘театральное или праздничное представление’ преимущественно фиксируется именно слово **позорище**. Таким образом, замена **позоръ** → **позорище** обусловлена стремлением старца Нила точно передать исконный смысл фрагмента, принимая во внимание изменения, произошедшие в лексическом составе церковнославянского языка с момента создания редактируемого старцем переводного славянского Жития.

ПРИТЪЧА – ВБРАЗЪ

При редактировании текста Жития Феодора старец Нил исправляет имя существительное **притъча** ‘пример, образец’ в соответствии с греч. $\acute{\upsilon}\rho\acute{o}\delta\epsilon\iota\gamma\mu\alpha$, $\mu\eta\rho\alpha\delta\epsilon\iota\gamma\mu\alpha$ (СДРЯ XI–XIV, т. VIII, с. 610; СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 60) на синоним **вбразъ** ‘образец, пример’ (Срезн., т. 2, с. 541; СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 134–135): **Кир.-Бел. 30/1107 и въ чюдесѣхъ провѣдаще бгопрїатнаго. иже ѿ него тако наказанї. и въ великое житїе прїведенїи. притча [ὑπόδειγμα] и ти и блгочстїю. и добродѣтели прьвыи оуставъ мнозѣмъ быша**, л. 302 об. – ТСЛ 684 **чюдеса его зраще вынѣ, и наказанїе того держаче. им же наказани въ добродѣтель, и въ великое житїе въведени, сїи во вбразъ блгочстїа первѣиши, и добродѣтелемъ ѹставъ, мнозѣмъ**

выша, л. 115 об. Для выявления причины осуществленной Нилом правки **притгча** → **вбразъ** обратимся к данным исторических словарей.

В старославянских памятниках существительное **притгча** в значении ‘пример, образец’ в соответствии с греч. *παράδειγμα*, *ὁλόδειγμα* (ССЯ, с. 319) употребляется регулярно: в Охридском Апостоле-апракосе XII в. [Кульбакин, 1907], в Слепченском Апостоле XII в. [Ильинский, 1911], в Христинопольском Апостоле XII в., в Македонском Апостоле XII в., в Шишатовском Апостоле 1324 г. (Miklosich, 1853), в древнейшем списке славянского перевода «Бесед папы Григория Великого (Двоеслова) на Евангелие (РНБ, Погод. 70, XIII в.), в Супрасльской рукописи. Интересно, что в Сказании церковном, отражающем македонский узус конца IX в., то есть традицию учеников Кирилла и Мефодия, с помощью слова **притгча** передано только *αἴνιμα* ‘загадка’ [Афанасьева, 2012, с. 302], однако при этом нужно отметить, что слово **образъ**, зафиксированное в Сказании, фиксируется в значении ‘образец, пример, прообраз, прототип’: **Олтарница ксть · по образю ви-фелеумьскаго вьртъпа идеже родиса хъ**, л. 238 б [Афанасьева, 2012, с. 229]. Теперь рассмотрим характер употребления слова **притгча**.

Согласно данным (СДРЯ XI–XIV, т. VIII, с. 609–611), **притгча** в различных значениях – ‘иносказание, аллегория’ (1), ‘произведение малого дидактического жанра, заключающее в себе моральное или религиозное поучение’ (2), ‘произведение малого дидактико-аллегорического жанра, притча’ (3), ‘пословица, поговорка, крылатое выражение’ (4), ‘загадка’ (5), ‘пример, образец’ // ‘символ, эмблема’ (6), ‘предмет пересудов’ (7), ‘непредвиденный случай’ (8) – фиксируется в древнерусских текстах сравнительно нечасто (269 случаев). В интересующем же нас значении ‘пример, образец’ слово **притгча** засвидетельствовано в текстах различного происхождения: в относящихся к переводам группы Хроники Георгия Амартола Пандектах Никона Черногорца, переводе с греческого конца XII в., сочетающем южнославянизмы и восточнославянские регионализмы, созданном в монастыре, где, судя по характеру перевода, подвизались и южнославянские и русские монахи, воз-

можно, в одной из афонских обителей; в принадлежащих к подгруппе толковых переводов XI–XII вв. Словах Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, по списку XIV в. (ГИМ, Син. 954); в Студийском уставе – переводе Типикона константинопольского патриарха Алексия Студита, выполненном по заказу Феодосия Печерского для Киево-Печерского монастыря в 1060–1070 гг., обнаруживающем лингвистическое сходство, с одной стороны, с древнерусскими переводами с греческого, с другой – с Ефремовской кормчей; в изучаемом Житии Феодора Студита, входящем в группу переводов с греческого, осуществленных южнославянскими книжниками в Киевской Руси; в имеющихся древнерусское происхождение произведениях Кирилла Туровского. Итак, **притгча** ‘пример, образец’ фиксируется в самых разнообразных по времени и месту возникновения переводных и оригинальных древнерусских текстах. Несомненный интерес представляет в этом плане и корпус древнерусских переводов с греческого. Обратившись к ним, обнаруживаем, что, например, в Пчеле **притгча** употребляется трижды, но нет ни единого примера использования этого слова в значении ‘пример, образец’: 1) **Апслъ. Оуне ксть не разоумѣти [Ѡ] поути праведнаго, нежели разоумѣвъше възвратитиса кмоу Ѡ преданю кмоу бжиа заповѣди · имъ же исполнитиса притгча [тῆς... παρομιίας] истинънага · песь възвращатася на своа блештины, и свинья измыктиса поваленькмъ въ калѣ** (Пчела, т. I, с. 340); 2) **Плоутархъ. Притча [ἡ παρομία] глтъ · дѣтемъ ножа не даван · азъ же рькоу · ни дѣтемъ бгатьства, ни моужемъ ненаказанымъ силы и власти подавати** (Пчела, т. I, с. 340); 3) **потомъ же Ѡкры притчно пррокъ и речъ · ты еси, црю. (и онъ ·) ннѣ согрешихъ гвн бгѣ моемѣ** (Пчела, т. I, с. 406). В Истории Иудейской войны Иосифа Флавия (ИИВ, т. II, с. 293) **притгча** фиксируется в значениях ‘предлог, отговорка’.

Пролить свет на причины осуществления Нилом Сорским замены во многом позволяет обращение к данным Словаря русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 59–60). Так, в значении ‘иносказание, аллегория, символ’ (1) (ср. ‘иносказание, аллегория, символ’ (1) в: (СДРЯ XI–XIV, т. VIII, с. 609–611))

существительное **притѣча** фиксируется и в текстах XVII в. В значении же ‘пример, образец’ **притѣча** перестает употребляться в конце XIV–XV вв., что подтверждает наличие единичного обнаруженного составителями СлРЯ XI–XVII вв. примера в древнерусском сборнике устойчивого состава «Измарагд» по списку XVI в. (sic!) (БАН, 13.2.7, л. 115 об.), при этом возникновение памятника исследователи относят к XIV веку. Таким образом, Нил Сорский заменяет семантический архаизм **притѣча** на смысловой эквивалент **образъ**.

Выводы

В целом изменения на лексическом уровне, внесенные Нилом Сорским в переводное с греческого Житие святого Феодора Студита, имеют строгий системный характер, что позволяет говорить о сознательном редактировании книжником текста-антиграфа и, следовательно, о возникновении в славяно-русской книжно-письменной традиции на рубеже XV–XVI вв. новой редакции Жития Святого Феодора Студита. Однако некоторые лексические замены привлекают особое внимание. К таким уникальным заменам относятся исправления Нилом ошибок переводчика с опорой только на контекст фрагмента (**изложеніе** – **низложеніе**), пояснения-славянизмы к сохраненным в тексте гречизмам (**кпнтимниа** – **запрѣщеніе**), а также замены лексических и семантических архаизмов на широкоупотребительные синонимы (**позоръ** – **позорище**, **притѣча** – **вбразъ**).

При этом сопоставление основного антиграфа Жития святого Феодора Студита (Кир.-Бел. 30/1107) с правленным текстом в автографе старца (ТСЛ 684) позволяет сделать вывод о том, что базовым принципом редактирования Нилом Сорским агиографического источника на лексическом и текстово-речевом уровне выступает синтез нормализаторских установок, выработанных в афонских книжных центрах в XIII–XIV вв., и представления о лексической норме агиографических источников, сформировавшегося к середине XV – началу XVI в. в ведущих центрах старорусской книжности. В этом и заключается новаторский подход заволжского старца к исходному тексту-антиграфу, Нил Сорский выступает не только как копиист, но как редактор и автор.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»).

The article was prepared at the State Academic University of Humanities within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2023-0003 «Traditions and values of society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьева Т. И., 2012. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: Исследование и тексты. Москва : Ун-т Дмитрия Пожарского. 393 с.
- Афанасьева Т. И., 2015. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.). Москва : Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке. 448 с.
- Ильинский Г. Л., 1911. Слепченский апостол XII в. Москва : тип. Г. Лисснера и Д. Собко. ХСII, 135 с.
- Караваева П. Ю., 2019. К вопросу об основных принципах редактирования Нилом Сорским житий греческих Святых // Университетский научный журнал. Филологические и исторические науки, археология и искусствоведение. № 51. С. 90–101. DOI: 10.25807/PBH.22225064.2019.51.90.101
- Караваева П. Ю., 2022а. Переводные жития в редакции Нила Сорского: лингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Москва. 425 с.
- Караваева П. Ю., 2022б. Отражение представлений о грамматической норме в «Соборнике житий греческих Святых» Преподобного Нила Сорского // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 2. С. 58–71. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.5>

- Караваева П. Ю., 2022в. Новонайденные лексические замены в «Сборнике житий греческих святых» Нила Сорского // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». № 4. С. 119–123. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.04.35
- Караваева П. Ю., 2023. Особенности языковой правки Нилом Сорским Жития Святого Феодора Студита: эксклюзивные лексические замены // Румянцевские чтения-2023 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Ч. 2. Москва : Пашков дом. С. 27–31.
- Кузьмина Е. А., Пентковская Т. В., 2016. Афоно-тырновская книжная справа конца XIII–XIV вв. и ее рецепция на Руси // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 6. С. 9–25.
- Кульбакин С. М., 1907. Охридская рукопись Апостола конца XII века. Кн. 3. София : Археогр. комис. при М-ве нар. прос. в Софии. 10, СХХХVI, 141 с.
- Леннгрен Т. П., 2000. Сборник Нила Сорского. В 3 ч. Ч. 1. Москва : Яз. слав. культуры. 472 с.
- Леннгрен Т. П., 2005. Сборник Нила Сорского. Указатель слов: А–Н. Москва : Яз. слав. культуры. 568 с.
- Леннгрен Т. П., 2010. Автограф Нила Сорского: «преписана быѥ с книги, старца нила» // Palaeoslavica. Vol. XX, № 1. Cambridge : Mass. P. 197–242.
- Леннгрен Т. П., 2012а. Житие Феодора Студита в автографе Нила Сорского // Palaeoslavica. Vol. XX, № 1. Cambridge : Mass. P. 134–206.
- Леннгрен Т. П., 2012б. Переводные жития преподобных святых в древнерусской книжности до и после создания *Сборника* Нила Сорского (Часть I) // Palaeoslavica. Vol. XX, № 2. Cambridge : Mass. P. 283–301.
- Львов А. С., 1966. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. Москва : Наука. 320 с.
- Никольский Н. К., 1897. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. Санкт-Петербург : Синод. тип. 328 с. (ОЛДП. Т. 113).
- Пентковская Т. В., 2009а. Восточнославянские и южнославянские переводы богослужбных книг XIII–XIV вв.: Чудовская и Афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва. 48 с.
- Пентковская Т. В., 2009б. К истории исправления богослужбных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. Москва : МАКС Пресс. 296 с.
- Пентковская Т. В., 2009в. Афонская редакция Нового Завета как представитель правленных редакций богослужбных книг // Славянские языки и культуры в современном мире : тр. и материалы Междунар. науч. симп. Москва. С. 160–170.
- Пентковская Т. В., 2011. Тырновский перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского в русской традиции // Тырновска книжовна школа. Тырново и идеята за християнския универсализъм XII–XV век. Т. 9. Велико Тырново : Св. св. Кирил и Методий. С. 381–397.
- Пичхадзе А. А., 2008. К группировке древнейших списков с греческого, содержащих восточнославянские элементы в лексике // Труды отдела древнерусской литературы. Т. LIX. С. 18–35.
- Пичхадзе А. А., 2011. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. Москва : Рукоп. памятники Древ. Руси. 403 с.
- Славова Т., 1990. Някои предварителни наблюдения върху редактирането на евангелския текст в Света гора // Palaeobulgarica, Т. 14, № 1. С. 72–81.
- Славова Т., 1992. Атонска редакция на старобългарските книги // Старобългарска литература. Енциклопедичен речник / съст. Донка Петканова ; под. общата ред. на Донка Петканова. София : Петър Берон. 519 с.
- Соболевский А. И., 1903. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук. 460 с.
- Тасева Л., Йовчева М., 2006. Езиковите образци на атонските редактори // Българска филологическа медиевистика : сб. науч. изсл. в чест на проф. д.ф.н. Иван Харалампиев. Велико Тырново : Св. св. Кирил и Методий. С. 221–240.
- Творогов О. В., 2008. Переводные жития в русской книжности XI–XV веков : каталог. Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео. 144 с.
- Турилов А. А., 2010. Южнославянские переводы XIV–XV вв. и корпус переводных текстов на Руси. Часть первая // Вестник церковной истории. № 1–2 (17–18). С. 147–175.
- Чешко Е. В., 1982. Об афонской редакции славянского перевода псалтыри в ее отношении к другим редакциям // Язык и письменность среднеболгарского периода. Москва : Наука. С. 60–93.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Выголексинский сборник* – Выголексинский сборник / изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко ; под ред. С. И. Коткова. Москва : Наука, 1977. 648 с.
- ИИВ* – «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / отв. ред. А. М. Молдован ; изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Москва : Яз. слав. культуры, 2004. Т. I. 880 с. ; Т. II. 840 с.
- Кир.-Бел. 30/1107* – Житие Св. Феодора Студита, Кир.-Бел. № 30/1107 // ОР РНБ. Ф. 351. Кон. XV – нач. XVI в., 4°. 503 л. (Восточнослав. список расположен на л. 302–421).
- Пчела* – «Пчела». Древнерусский перевод / отв. ред. А. М. Молдован ; изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Москва : Рукоп. памятники Древней Руси, 2008. Т. I–II.
- ТСЛ 684* – Житие Святого Феодора Студита, ТСЛ № 684 // НИОР РГБ. Ф. 304.I. Нач. XVI в., 4°. 491 л. (Восточнослав. список расположен на л. 115–176).
- СДРЯ XI–XIV* – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. В 13 т. Москва : Рус. яз. : Азбуковник : Нестор-История, 1988–2023.
- СКАТ* – Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat>
- СлРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. В 32 вып. Москва : Наука, Азбуковник, Нестор-История, 1975–2023.
- Срезн.* – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 3. Репр. изд. 1902 г. Москва : Знак, 2003. 852 с.
- ССЯ* – Словарь старославянского языка = Slovník jazyka staroslověnského. В 4 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2006. 680 с.
- Migne* – Migne J.-P. Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca / editores et J.-P. Migne Successores. Vol. 99. Paris : Apud Garnier Fratres, 1903. 1903 p.
- Miklosich* – Miklosich F. Apostolus e codice monasterii Šišatovac palaeo-slovenice. Wien : Braumüller, 1853, XXIV, 267 s.

REFERENCES

- Afanasyeva T.I., 2012. *Drevneslavjanskije tolkovaniya na liturgiyu v rukopisnoj traditsii XII–XVI vv.: Issledovanie i teksty* [Old Slavonic Interpretations of the Liturgy in the Manuscript Tradition of the 12th – 16th Centuries: Research and Texts]. Moscow, Un-t Dmitriya Pozharskogo. 393 p.
- Afanasyeva T.I., 2015. *Liturgii Ioanna Zlatousto i Vasiliya Velikogo v slavyanskoj traditsii (po sluzhebnykam XI–XV vv.)* [Liturgies of John Chrysostom and Basil the Great in the Slavic Tradition (Based on Service Books of the 11th – 15th Centuries)]. Moscow, Rus. Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke. 448 p.
- Ilnskii G.L., 1911. *Slepchenskiy apostol XII v.* [Slepchensky Apostle of the 12th Century]. Moscow, tip. G. Lissnera i D. Sobko. XCII, 135 p.
- Karavaeva P.Yu., 2019. K voprosu ob osnovnyh printsipah redaktirovaniya Nilom Sorskim zhitiy grecheskih Svyatyh [On the Question of the Basic Principles of Nil Sorsky's Editing of the Lives of the Greek Saints]. *Universitetskiy nauchny zhurnal. Filologicheskiye i istoricheskiye nauki, arkheologiya i iskusstvovedeniye* [Humanities and Science University Journal. Philology, Archaeology, World History, Art History], no. 51, pp. 90-101. DOI: 10.25807/PBH.22225064.2019.51.90.101
- Karavaeva P.Yu., 2022a. *Perevodnie zhitiya v redaktsii Nila Sorskogo: lingvisticheskiy aspekt: dis. ... kand. filol. nauk* [Translated Lives of the Saints Edited by Nil Sorsky: Linguistic Aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 425 p.
- Karavaeva P.Yu., 2022b. Otrazhenie predstavleniy o grammaticheskoy norme v «Sobornike zhitiy grecheskih Svyatyh» Prepodobnogo Nila Sorskogo [Grammar Norm Reflection in the “Collection of Greek Saints’ Hagiographies” by St. Nilus of Sora]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 2, pp. 58-71. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.5>
- Karavaeva P.Yu., 2022v. Novonaydennyye leksicheskiye zameny v «Sobornike zhitiy grecheskih svyatyh» Nila Sorskogo [Newly Discovered Lexical Substitutions in Nil Sorsky's “Collection of Lives of Greek Saints”]. *Sovremennaya*

- nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Humanities], no. 4, pp. 119-123. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.04.35
- Karavaeva P.Yu., 2023. Osobennosti yazykovoy pravki Nilom Sorskim Zhitiya Svyatogo Feodora Studita: eksklyuzivnye leksicheskiye zameny [Peculiarities of Nil Sorsky's Linguistic Editing of the Life of Saint Theodore the Studite: Exclusive Lexical Substitutions]. *Rumyantsevskie chteniya-2023: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 3 ch. Ch. 2* [Rumyantsev Readings 2023: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference: In 3 Pts. Part 2]. Moscow, Pashkov dom Publ., pp. 27-31.
- Kuzminova Ye.A., Pentkovskaya T.V., 2016. Afono-tirnovskaya knizhnaya sprava kontsa XIII–XIV vv. i yee retseptsiya na Rusi [The Athos-Tyrnovo Bookstore from the Late 13th – 14th Centuries and Its Reception in Old Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, no. 6, pp. 9-25.
- Kulbakin S.M., 1907. *Okhridskaya rukopis Apostola kontsa XII veka. Kn. 3* [The Ohrid Manuscript of the Apostle from the Late 12th Century. Book 3]. Sofiya, Arkheogr. komis. pri M-ve nar. pros. v Sofii. 10, CXXXVI, 141 p.
- Lenngren T.P., 2000. *Sobornik Nila Sorskogo. V 3 ch. Ch. 1* [The Collection of Nil Sorsky. In 3 Pts. Pt. 1]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 472 p.
- Lenngren T.P., 2005. *Sobornik Nila Sorskogo. Ukazatel slov: A–N* [The Collection of Nil Sorsky. Index of Words: A–N]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 568 p.
- Lenngren T.P., 2010. Avtograf Nila Sorskogo: «prepisana bis s knigi, startsa nila» [Autograph of Nil Sorsky: “prepisana bis s knigi, startsa nila”]. *Palaeoslavica*, vol. XX, no. 1. Cambridge, Mass., pp. 197-242.
- Lenngren T.P., 2012a. Zhitie Feodora Studita v avtografe Nila Sorskogo [The Life of Theodore the Studite in the Autograph of Nil Sorsky]. *Palaeoslavica*, vol. XX, no. 1. Cambridge, Mass., pp. 134-206.
- Lenngren T.P., 2012b. Perevodnye zhitiya prepodobnyh svyatyh v drevnerusskoy knizhnosti do i posle sozdaniya Sobornika Nila Sorskogo (Chast I) [Translated Lives of the Venerable Saints in Old Russian Literature Before and After the Creation of the Sobornik of Nil Sorsky (Part I)]. *Palaeoslavica*, vol. XX, no. 2. Cambridge, Mass., pp. 283-301.
- Lvov A.S., 1966. *Ocherki po leksike pamyatnikov staroslavlyanskoy pismennosti* [Essays on the Vocabulary of Old Church Slavonic Literary Monuments]. Moscow, Nauka Publ. 320 p.
- Nikolskiy N.K., 1897. *Opisaniye rukopisey Kirillo-Belozerskogo monastyrya, sostavlennoye v kontse XV veka* [Description of the Manuscripts of the Kirillo-Belozersky Monastery, Compiled at the End of the 15th Century]. Saint Petersburg, Sinod. tip. 328 p. (OLDP. T. 113 [Society of Lovers of Ancient Literature. Vol. 113]).
- Pentkovskaya T.V., 2009a. *Vostochnoslavlyanskiye i yuzhnoslavlyanskiye perevody bogoslužebnykh knig XIII–XIV vv.: Chudovskaya i Afonskaya redaktsii Novogo Zaveta i Ierusalimskiy Tipikon: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. [East Slavic and South Slavic Translations of Liturgical Books of the 13th – 14th Centuries: Chudovskaya and Athos Editions of the New Testament and the Jerusalem Typicon. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 48 c.
- Pentkovskaya T.V., 2009b. *K istorii ispravleniya bogoslužebnykh knig v Drevney Rusi v XIV veke: Chudovskaya redaktsiya Novogo Zaveta* [On the History of the Correction of Liturgical Books in Ancient Rus' in the 14th Century: The Chudov Edition of the New Testament]. Moscow, MAKS Press. 296 p.
- Pentkovskaya T.V., 2009v. *Afonskaya redaktsiya Novogo Zaveta kak predstavitel pravlenykh redaktsiy bogoslužebnykh knig* [The Athonite Edition of the New Testament as a Representative of the Edited Editions of Liturgical Books]. *Slavyanskiye yazyki i kultury v sovremennom mire: tr. i materialy Mezhdunar. nauch. simp.* [Slavic Languages and Cultures in the Modern World. Works and Proceedings of International Scientific Symposium]. Moscow, pp. 160-170.
- Pentkovskaya T.V., 2011. Tyrnovskiy perevod Tolkovogo Yevangeliya Feofilakta Bolgarskogo v russkoy traditsii [The Tarnovo Translation of Theophylact of Bulgaria's Explanatory Gospel in the Russian tradition]. *Trnovska knizhovna shkola. Trnovo i ideyata za khristiyanskiya universalizm XII–XV vek. T. 9* [Tarnovo Literary School. Tarnovo and the Idea of Christian Universalism 12th – 15th Centuries. Vol. 9]. Veliko Tarnovo, Sv. sv. Kiril i Metodiy Publ., pp. 381-397.
- Pichkhadze A.A., 2008. K gruppировке drevneyshih spiskov s grecheskogo, sodержashchih vostochnoslavlyanskiye elementy v leksike [On the Grouping of the Most Ancient Lists from Greek Containing East Slavic Elements in the Vocabulary]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature], vol. LIX, pp. 18-35.
- Pichkhadze A.A., 2011. *Perevodcheskaya deyatel'nost v domongolskoy Rusi: lingvisticheskiy aspekt* [Translation Activity in Pre-Mongol Rus': Linguistic Aspect]. Moscow, Rukop. pamyatniki Drevn. Rusi. 403 p.

- Slavova T., 1990. Nyakoi predvaritelni nablyudeniya vrkhu redaktiraneto na yevangelskiya tekst v Sveta gora [Some Preliminary Observations on the Editing of the Gospel Text on Mount Athos]. *Palaeobulgarica*, vol. 14, no. 1, pp. 72-81.
- Slavova T., 1992. Atonska redaktsiya na staroblgarskite knigi [Athos Edition of the Old Bulgarian Books]. Petkanova D., ed. *Staroblgarska literatura. Entsiklopedichen rechnik* [Old Bulgarian Literature. Encyclopedic Dictionary]. Sofia, Petar Beron Publ. 519 p.
- Sobolevskiy A.I., 1903. *Perevodnaya literatura Moskovskoy Rusi XIV–XVII vekov* [Translated Literature of Muscovite Rus' of the 14th – 17th Centuries]. Saint Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk. 460 p.
- Taseva L., Yovcheva M., 2006. Yezikovite obraztsi na atonskite redaktori [The Linguistic Samples of the Athonite Editors]. *Blgarska filologicheska medievistika: sb. nauch. izsl. v chest na prof. d.f.n. Ivan Kharalampiev* [Bulgarian Philological Medieval Studies. Collection of Scientific Studies in Honor of Prof. Dr. of Philology Ivan Haralampiev]. Veliko Trnovo, Sv. sv. Kirill i Metodii Publ., pp. 221-240
- Tvorogov O.V., 2008. *Perevodnye zhitiya v russkoy knizhnosti XI–XV vekov: katalog* [Translated Lives in Russian Literature of the 11th – 15th Centuries. Catalogue]. Moscow, Saint Petersburg Alyans-Arkheo Publ. 144 p.
- Turilov A.A., 2010. Yuzhnoslavyanskiye perevody XIV–XV vv. i korpus perevodnyh tekstov na Rusi. Chast pervaya [South Slavic Translations of the 14th – 15th Centuries. and a Corpus of Translated Texts in Russian. Part One]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Vestnik of Church History], no. 1–2 (17–18), pp. 147-175.
- Cheshko Ye.V., 1982. Ob afonskoy redaktsii slavyanskogo perevoda psaltiri v yee otnoshenii k drugim redaktsiyam [About the Athos Edition of the Slavic Translation of Psalters in Its Relation to Other Editions]. *Yazyk i pismennost srednebolgarskogo perioda* [Language and Writing of the Middle Bulgarian Period]. Moscow, Nauka Publ., pp. 60-93.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Kotkov S.I., Dubrovina V.F., Bakhturina R.V., Golishenko V.S., eds. *Vygoleksinskiy sbornik* [Vygoleksinskiy Collection]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 648 p.
- Moldovan A.M., Pichhadze A.A., Makeeva I.I., Barankova G.S., Utkin A.A., eds. «*Istoriya Iudeyskoy voyny*» Iosifa Flaviya. *Drevnerusskiy perevod* [“History of the Jewish War” by Josephus Flavius. Old Russian Translation]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., 2004, vol. I, 880 p.; vol. II, 840 p.
- Zhitie Sv. Feodora Studita, Kir.-Bel. № 30/1107 [The Life of St. Theodore the Studite, Kirillo-Belozersky Assembly]. *OR RNB* [Manuscript Department of the National Library of Russia], f. 351, kon. XV – nach. XVI v., 4°, 503 l. (Vostochnoslav. spisok raspolozhen na l. 302-421 [The East Slavic list is located on l. 115–176]).
- Moldovan A.M., Pichhadze A.A., Makeeva I.I., eds. «*Pchela*». *Drevnerusskiy perevod* [“Bee.” Old Russian Translation]. Moscow, Rukop. pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2008. Vol. I–II.
- Zhitie Svyatogo Feodora Studita, TSL № 684 [Holy Trinity Lavra of St. Sergius]. *NIOR RGB* [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library], f. 304.I, nach. XVI v., 4°, 491 l. (Vostochnoslav. spisok raspolozhen na l. 115-176 [The East Slavic list is located on l. 115–176]).
- Slovar drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. V 13 t.* [Dictionary of the Old Russian Language of the 11th – 14th Centuries. In 13 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Azbukovnik Publ., Nestor-Istoriya Publ., 1988–2023.
- Sankt-Peterburgskiy korpus agiograficheskikh tekstov* [Saint Petersburg Corpus of Hagiographic Texts]. URL: <http://project.phil.spbu.ru/scat>
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. V 32 vyp.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries. In 32 Iss.]. Moscow, Nauka Publ., Azbukovnik Publ., Nestor-istoriya Publ., 1975–2023.
- Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam. V 3 t. T. 3. Repr. izd. 1902 g.* [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments. In 3 Vols. Vol. 3. Reprinted 1902 Edition]. Moscow, Znak Publ., 2003. 852 p.
- Slovar staroslavianskogo yazyka = Slovník jazyka staroslověnského. V 4 t. T. 2.* [Dictionary of Old Church Slavonic. In 4 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2006. 680 p.
- Migne J.-P. *Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca*, vol. 99. Paris, Apud Garnier Fratres, 1903. 1903 p.
- Miklosich F. *Apostolus e codice monasterii Šišatovac palaeo-slovenice*. Wien, Braumüller, 1853. XXIV, 267 S.

Information About the Author

Polina Yu. Karavaeva, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, Lexicography Laboratory, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Applied Linguistic and Literary Studies, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia, ikaravaeva30@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3876-229X>

Информация об авторе

Полина Юрьевна Каравеева, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории лексикографии, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия; доцент кафедры прикладных лингвистических и литературоведческих исследований, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия, ikaravaeva30@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3876-229X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.2>

UDC 81.161.1'04:002.1
LBC 81.411.2-03

Submitted: 17.02.2025
Accepted: 11.11.2025

MANDATIVE SIGNING FORMULA IN THE BUSINESS TEXT OF THE 18th CENTURY

Svetlana V. Rusanova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article considers the mandative elements that the business language of the 18th century inherited and acquired as specific clerical means, along with the bookish ones, including some special grammar forms and lexemes, as well as linguistic formulas that structure the document. The analysis was carried out on the mandative formula “*ruku prilozhit*” functioning in the business language of the 18th century. The scrutiny has enabled qualifying it not as a disappearing element but as a normative means of the developing clerical language style. The signing formula in the frameworks of mandative tradition rejection is noted to have retained actuality, adapted to the new conditions and was functionally reinterpreted. It became a mandatory component of the document layout (namely, petitioning, judicial-investigative and transactional-contractual ones) drawn up by private individuals. The contents of the documentation prepared by the officials were sealed with their signature, including their name, surname and position. The research revealed how the formula assists in identifying the varieties of documents ambiguously interpreted by the linguists. The conducted comparative study of the regional reports revealed the differentiating capability of “*zarucheniye*” formula. Its inclusion in the document layout marks the functional orientation of the texts formally related to the same genre. The conclusion highlights that in the 18th century, the business language reformers applied the mandative tools differentially.

Key words: Russian language history, business language, 18th century, document genre, document layout, mandative elements, signing formula.

Citation. Rusanova S.V. Mandative Signing Formula in the Business Text of the 18th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 19-29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.2>

УДК 81.161.1'04:002.1
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 17.02.2025
Дата принятия статьи: 11.11.2025

ПРИКАЗНАЯ ФОРМУЛА РУКОПРИКЛАДСТВА В ДЕЛОВОМ ТЕКСТЕ XVIII ВЕКА

Светлана Владимировна Русанова

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются приказные элементы, унаследованные деловым языком XVIII в. и усвоенные им, наряду с книжными, в качестве специфических канцелярских средств, среди которых выделяются грамматические формы и лексемы, а также языковые формулы, структурирующие документ. Проведенный анализ приказной формулы *руку приложил*, продолжающей функционировать в деловом языке XVIII столетия, дает основание квалифицировать ее не как уходящий элемент, а как одно из нормативных средств формирующегося канцелярского слога. Утверждается, что формула рукоприкладства в условиях отказа от приказной традиции сохранила свою актуальность, адаптировалась к новым условиям, будучи функционально переосмысленной. Она стала обязательным компонентом формуляра документных жанров (просительных, судебно-следственных, сделочно-договорных), адресантами которых выступали частные лица. Содержание документации, составленной должностными лицами, скреплялось их подписью, включающей имя, фамилию и должность. Выявлена роль формулы в идентификации неоднозначно интерпретируемых исследователями разновидностей документов. Сопоставительное изучение региональных доношений по-

зволило обнаружить, что наличие формулы «заручения» в их формуляре маркирует функциональную направленность документов, формально объединенных одним жанром. Сделан вывод о дифференцированном отношении реформаторов делового языка XVIII в. к приказным средствам.

Ключевые слова: история русского языка, деловой язык, XVIII век, документный жанр, формуляр, приказные элементы, формула рукоприкладства.

Цитирование. Русанова С. В. Приказная формула рукоприкладства в деловом тексте XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 19–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.2>

Введение

Язык административно-государственного управления и делопроизводства, находившийся в донациональную эпоху за рамками влияния книжной языковой культуры, в период правления Петра I стремительно приобретает новый вид, активно обогащается книжно-славянскими средствами. Однако, несмотря на стремление реформаторов противопоставить канцелярский слог по ряду параметров приказному, элементы последнего вытесняются не сразу. Ученые считают, что приказная традиция сохраняется в первой половине XVIII в., существует параллельно традиции литературного языка [Живов, 1996, с. 304] и прекращается во второй половине XVIII столетия в связи с выходом из делопроизводственного обихода тесно связанных с ней таких приказных жанров, как отписки, памяти, челобитные и др., вследствие чего подвергаются забвению и типичные приказные формы [Майоров, 2006, с. 10–12]. Высказывается и несколько иная точка зрения, согласно которой, приказной слог с разрушением в XVIII в. традиционной системы делопроизводства не прекращает своего существования, а лишь подвергается значительным изменениям, стилистической и языковой правке [Никитин, 2003, с. 99].

Из языковых средств, уходящих корнями в приказную традицию, широко исследуются прежде всего общеупотребительные элементы русского языка, оказавшиеся в отношениях синонимии с книжно-славянскими стилистическими средствами. Изучаются также варьирование гетерогенных, и прежде всего наиболее частотных морфологических средств, унаследованных из приказного языка, формирование грамматической нормы которого, с одной стороны, происходило на фоне продолжающейся перестройки именного и ме-

стоименного склонения, а с другой – отражала активизировавшийся процесс взаимодействия книжной и приказной письменных традиций (см.: [Кортава, 1998; Инютина, 2009]).

Объектом настоящего исследования являются приказные элементы, которые в условиях отказа от приказной традиции сохранили свою актуальность, адаптировались к новым условиям, были функционально переосмыслены и продолжили использоваться в деловом языке XVIII в. как нормативные стилеобразующие средства.

Выделение данного аспекта функционирования приказных элементов в формирующемся деловом языке нового типа представляется важным, позволяющим дифференцировать их по степени функциональной нагрузки и семиотической значимости в новом языковом пространстве. Причем приказный язык обладал к началу XVIII столетия устоявшимися за века лексическими средствами и синтагматическими связями, что делало возможной адаптацию¹ не только отдельных грамматических форм, но и отдельных лексем, и даже таких структурообразующих элементов делового текста, как формулы.

К лексической адаптации приказных элементов как нормативных в рамках формирующегося канцелярского слога можно отнести ряд приказных терминов, среди которых особое место занимает наименование просительного документа *челобитная*, встроившееся в оппозицию с другими терминами, обслуживающими новую систему просительных жанров: челобитная – доношение – объявление – просьба – прошение (см. об этом: [Русанова, 2016; 2019; Садова, Руднев, 2020]). Средством, маркирующим канцелярский стиль, становится унаследованный из приказной традиции глагол *чинить* / *учинить* (см.: [Базаров, 2018]), обязательный в формулярной ча-

сти многих документов. На грамматическом уровне можно говорить об адаптации типичной для приказного распорядительного документа инфинитивной формы выражения приказа (см.: [Ремнева, 2003, с. 266, 293]). Будучи средством передачи значения постановления, распоряжения, требования, подчеркивая обязательность их исполнения, инфинитивные конструкции вступают в системные отношения с инновационными средствами актуализации категории долженствования и выражения императивной модальности, неизвестными приказному языку [Руднев, Пушкарева, 2021; Шептухина, Горбань, 2015, с. 9–10]. Одной из ярких приказных формул, сохранивших свою функциональную значимость в деловом языке на протяжении почти всего XVIII в., была формула рукоприкладства («заручения») *руку приложил*, представляющая собой скрепление документа подписью в качестве подтверждения вышеизложенной в нем информации.

Материал и методы

Материалом настоящего исследования послужили опубликованные источники из фондов Российского государственного архива древностей, региональных архивов Западной и Восточной Сибири, Забайкалья и Архангельской области (ПЗДП; СГр; ТС; ЧС 2005; ЧС 2006), служебные документы М.В. Ломоносова и К.В. Тредиаковского, рукописные источники из фондов ГАРБ².

В работе применяются методы лингвистического наблюдения и описания, приемы лексикографического, структурно-содержательного и сравнительно-сопоставительного анализа, позволяющие уточнить нормативный статус, жанровую специфику и функционально-стилистическую нагрузку формулы *руку приложил* в деловом языке XVIII века.

Результаты и обсуждение

Формула рукоприкладства и «заручение» документов в XVII и XVIII веках

В Уложении Алексея Михайловича 1649 г. необходимость «заручения» судебно-следственных документов законодательно закреп-

ляется в статье 11 главы X «О суде», где подробно описывается процедура письменного оформления судебного дела с обязательным подтверждением записанных выступлений подписями истца и ответчика (ПСЗ, т. I, гл. X, ст. 11, с. 18). Однако в многочисленных челобитных XVII в. отражается непоследовательность «заручения» просительных документов этого периода (см., например: (РЧ)).

Об активизации в приказной делопроизводительной практике заверения содержания документа подписью свидетельствует ряд слов и устойчивых сочетаний, зафиксированный в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: *заручити* и *заручати* (несов.) ‘заверить личной подписью’, *зарученный* (прич. в знач. прилаг.) ‘подписанный, скрепленный подписью’, *заручка* ‘личная подпись’, *заручный* (прил.) ‘подписанный кем-л. (о документе)’ (СРЯ 5, с. 290–291); *приложити* (*прикласти*) *руку* ‘поставить свою подпись’; *за рукою* (*за руками*) ‘скрепленный подписью, подписями (о документе)’ (СРЯ 22, с. 242–243).

«Заручение» документов становится одним из обязательных требований в процессе реформирования Петром I делопроизводства. Так, глава 4 Генерального регламента «О исполнении указов» начинается с утверждения: «Всякой Президентъ, должень всѣ указы Его Величества и Сената, которые надлежатъ быть письменные и зарученыя, а не словесные, неотложно исполнять» (ПСЗ, т. VI, № 3534, с. 143, 1720 г.). В ряде указов настойчиво эксплицируется требование обязательного подписания челобитных (ПСЗ, т. IV, № 1836, п. 7, с. 151, 1701 г.; № 1899, 1702 г.; № 3251, 1718 г.; № 3643, с. 239, 1720 г.).

В канцелярском делопроизводстве XVIII в. формула *руку приложил* дифференцирует документы, адресантами которых выступают частные лица. К таким документам относятся прежде всего просительные заявления разных типов – исковые и мировые челобитные, объявления, прошения, выражающие интересы частных лиц. Приведем примеры из восточносибирских и забайкальских памятников:

(1) к се' челобит'ной вмѣсто | Алѣѣея Бѣзрѣкова прошениемъ ево Дми | тре' Ха'дѣковъ рѣкѣ приложилъ (*челобитная* – ГАРБ, ф. 262, д. 6, л. 1 об., 1727 г.);

(2) Кяхтинской купецъ Петръ Захаровъ руку приложилъ (*объявление* – ПЗДП, 80, л. 307 об., 1772 г.);

(3) к сему прошению | вместо Вѣтораго Абганцакаго роду | общенароднаго согласія прошениемъ | ихъ руку приложилъ подпоручикъ Степанъ | Чертовицынъ (*прошение* – ПЗДП, 87, л. 13, 1794 г.) и др.

Причем подобное маркирование частного характера документа обнаруживается не только в просительных, но и в других документных жанрах (судебно-следственных, регистрационных, сделочно-договорных), адресантами которых выступают частные лица, ср.:

(4) К сему допросу са¹да^Г Григорей Расторгуевъ руку при | ложилъ (*допрос* – ПЗДП, 93, л. 4 об., 1772 г.);

(5) к сему объясне | нию Николаи Старковской руку приложи¹ (*объяснение* – ПЗДП, 96, л. 19 об., 1785 г.);

(6) сей договоръ писалъ и руку приложилъ прозбою сказа¹наго | мещанина Тимофея Ка¹макова сержантъ Федо¹ Паршинъ (*обязательное письмо* – ПЗДП, 2005, 116, л. 9, 1795 г.);

(7) К сей скаске диакон Иван Михайловский руку приложилъ (*сказка* – СГр, с. 56, 1775 г.); к сей подписке вместо крестьянина кулакова / по прозбе ево подканцеляристской сынъ жоанъ / пестряковъ руку приложилъ (*подписка* – ЧС 2006, 21, л. 60, 1779 г.) и др.

Богатый материал, иллюстрирующий обязательность формулы рукоприкладства и возможный характер ее варьирования в кеврольских таможенных книгах первой четверти XVIII в., представлен в: [Коркина, 2015].

Исследованные тексты подтверждают полную преемственность формулы рукоприкладства, сохраняющей в деловом языке XVIII в. все компоненты, сложившиеся в приказном формуляре: предложно-падежное словосочетание, указывающее на подтверждаемый документ, имя просителя, обычно с указанием социального положения и места жительства, и собственно компонент рукоприкладства, который осложнялся при необходимости компонентом волеизъявления.

Формула рукоприкладства как разновидность «заручения» документа XVIII века

Формула *руку приложил*, унаследованная из приказной системы делопроизводства, в деловом языке XVIII в. вступает в оппозицию с

элементами конечного протокола документов, авторами которых являются должностные лица. В конечном протоколе распорядительной, уведомительной, отчетно-исполнительной региональной документации XVIII в. глагольное сочетание *руку приложил* отсутствует; традиционной формой подтверждения вышеизложенной в документе информации служит указание на должность, фамилию и имя удостоверяющего эту информацию, ср.:

(8) служило^{му} | Петр^увы^х | вкладчику Василью Осинов^у | скихъ учинить по сему Ея Императорско^у | Величества указ^у воевода Гаврило Дерев^{ни} (*указ* – ГАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 40 а, ч. 2, л. 301, 1737 г.);

(9) и о томъ послать в челябинское дховное / правление указъ 1781 года маія 29 дня / Никита Протоіерей Софійскій. / Секретаръ василеи андрониковъ / Подканцеляристъ григоріи из^у графовъ (*указ* – ЧС 2006, 17, л. 97, 1781 г.);

(10) при семъ репорте пре¹ставляетца и в прие¹ме тои | слуды дать мне квитанцію по¹ пор¹тчикъ | Лванъ Челюскинъ (*рапорт* – ПЗДП, 54, л. 204, 1768 г.);

(11) на что и прошу учинить законное поста | новление апреля 13 дня 1797 года. / Въ должности секретаря Порфирій Худяковъ (*доклад* – ПЗДП, 51, л. 25 об., 1797 г.);

(12) о томъ ведать | учинить по Ея Императоръ | скаго Величества указомъ генваря 22 дня | 1770 году пор¹тчикъ Михаила Воино¹ (*проме¹морія* – ПЗДП, 32, л. 207 об., 1770 г.);

(13) и не понестъ бы воисковымъ деламъ в томъ / *от*вета апреля 11го дня «1777го» году: / С¹тникъ Василей (*сообщение* – ЧС 2006, 2, л. 72 об., 1777 г.).

Интересно в этом плане сравнить регистрационные документы, составленные официальными и частными лицами по разным поводам: они различаются оформлением подписи, удостоверяющей содержание описей. Например, Записная книга расходов Троицкого Селенгинского монастыря за 1739 г. скрепляется именем архимандрита: *Нафанаил* (ПЗДП, 112, л. 16 об.), в то время как регистр (реестр) денег и товара, приложенного к объявлению мещанина Максима Власова в Селенгинскую земскую избу о краже имущества заканчивается традиционной для частных документов формулой:

(14) к сему реистру селенгинской мещенинъ | Максимъ Власовъ руку приложилъ (ПЗДП, 110, л. 4 об., 1797 г.).

Аналогичные описанным различия в форме «заручения» документов обнаруживается в служебных бумагах М.В. Ломоносова, среди которых официальные рапорты (репорты), представления президенту Академии наук подписаны следующим образом: *профессор Михайло Ломоносов / Академии Наук профессор Михайло Ломоносов / императорской Академии адъюнкты Михайло Ломоносов / Коллежский советник и профессор Михайло Ломоносов* и т. д. Просительные, а также допросные (о происхождении ученого) документы заканчиваются формулой *К сему прошению / допросу Михайло Ломоносов руку приложил* (Ломоносов, с. 321–357, 377–388). Не менее показательны в этом отношении документы, составленные В.К. Третьяковским. Рапорт от 10 февраля 1740 г., например, включает конструкция *О семь покорно рапортуя, прошу то есть Академии Секретаря Третьяковскій*; доношение просительного характера начинается конструкцией *Отъ Профессора Василья Кирилова сына Третьяковскаго а о чемъ тому пункты* и заканчивается формулой *руку приложилъ. Ч. 8 Марта, 1751 года* (Третьяковский, с. 796–806).

Обращает на себя внимание еще один факт. Формула *руку приложил*, будучи маркирующей формулой конечного протокола просительных документов, отсутствует в региональных просьбах, что представляется неслучайным. В отличие от других просительных документов, просьбы не подавались в установленном порядке в соответствующие официальные инстанции, а представляли собой обращение непосредственно к вышестоящему лицу частным образом [Майоров, 2006, с. 41], что закономерно делало невозможным использование в них формулы *руку приложил*: ее отсутствие в данном случае маркировало частный, неофициальный характер подобных просьб. Приведем в качестве примера конечные фрагменты двух просьб – денщика Василия Банщикова к иркутскому губернатору Ф.Н. Кличке и жителя Куленской волости тунгуса Сордона Серкова к иркутскому и колыванскому генерал-губернатору И.В. Якобию:

(15) Вашего превосходительства всенижаише | прошу показать отеческое мило | сердце о определении меня в салдаты | куда принадлежать будеть ||

повелениемъ не оставить Вашего превосходительства | высокомлѣтвѣишаго гдѣря | оца | всенижаиши проситель | денщикъ Василии Банщиковъ 31 августа | 1779 го^у (ПЗДП, 85, л. 46–46 об., 1779 г.);

(16) того ради вашего превосходительства премилосеръ | даго гдѣря и отца всепокорнейше прошу чтобъ своимъ оте | ческимъ милосердиемъ о^т вышепоказанны^х напрасно оби^т | чиковъ милостивно защитить и взяты^х наси^нно лошадеи и прочее о^т ни^х крестья (sic!) приказать отобрать и милось | тивую резолюцию учинить | Вашего превосходительства | всенижаиши проситель Куленско волости Ценкеги|нова роду тунгусъ Сордонъ Серковъ (ПЗДП, 86, л. 127 об., 1785 г.).

Вступая в оппозицию с элементами конечного протокола директивных, уведомительно-распорядительных и отчетных документов, формула *руку приложил* идентифицировала частно-правовой характер документов, адресантами которых выступали физические лица. Причем среди просительных заявлений формула маркировала только обращения, которые подавались просителями в установленном порядке в соответствующие официальные инстанции, позволяя отличить их от обращений, подаваемых частным образом непосредственно вышестоящему лицу.

Формула рукоприкладства как маркер функциональной направленности документа

Наличие или отсутствие анализируемой формулы в формуляре делового текста может служить дополнительным средством аргументации при уточнении функциональных разновидностей документов, формально объединенных одним жанром. Так, к одному из распространенных и неоднозначно интерпретируемых видов документации XVIII в. относятся доношения, содержание и функции которых, по мнению исследователей, были разнообразными: они представляли собой сообщения по каким-либо вопросам, заявления, прошения или жалобы [Косов, 2004, с. 79–80]. О.В. Трофимова среди документов тюменской деловой письменности второй половины XVIII в., опираясь на семантику использованных в текстах перформативных глаголов, выделяет доношения-челобитные, доношения от присутственных мест, которыми сопровождалась другие пересыльные документы, покорные до-

ношения [Трофимова, 2002, с. 198]. Исследователи забайкальской деловой письменности выделяют отчетно-исполнительные и просительные доношения [Майоров, 2006, с. 41; Русанова, 2021].

Содержание отчетных доношений, как свидетельствуют региональные памятники, образуют две взаимосвязанные части: отчетно-информативная и просительная, которая может отсутствовать. С учетом этого факта доношения этой группы следует объединить в три подгруппы: доношения отчетного, отчетно-сопроводительного и отчетно-просительного характера. Все перечисленные типы доношений составлены должностными лицами в рамках их служебных обязанностей, и все они маркируются формулой, включающей в себя имя, фамилию и должность адресанта, ср.:

(17) того ради симъ доношениемъ Генералнаго пограни | чного правления в канцелярию | представляю саритен | Гренс (доношение с просьбой разрешить продавать конфискованную мяскую рухлядь – ПЗДП, 67, л. 405, 1730 г.);

(18) и ѿ приеме сегѡ доношения и о^б вышеписанно^м | в Нерчинско воевоц ко канцеляриѣ указѡ^м Ея | Императорского Величества что соблаговно | лено будеть 1743 го^м марта „4 д^ня камиса^р А. ѿнонасеи Епископа | цовъ (доношение о приеме от прежнего комиссара негодной посуды и отсутствия поварни для ее хранения – ПЗДП, 68, л. 64 об., 1743 г.);

(19) доношение/ подписка при семъ въ воскресенское д^{ух}овное правление во арегиналѣ представляю/ месеца дня 1779 года сщенникъ/ димитрей протасовъ/ диакон андрей наб^режных (доношение отчетного характера об обращении в православие раскольника – ЧС 2005, 27, л. 171 об., 1779 г.);

(20) во исполнение | оногo ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА | указу вышеобъявленная табел им^бующимся | при тоболскомъ мнстре всемъ мо | нашеств^вующим обретающимъ | того мнстра по вотчинам сочинена, кото | рая для отсылки в ст^бишии правительств^вующиѣ | синод при семъ доношении и объявляется | декабря 16 дня 1754 года, Казначей | еромонахъ іѡсафъ (доношение отчетного характера о составлении требуемой табели – ТС, 37, л. 15, 1754 г.);

(21) Того ради вашего высокопреподобия покор | н^бише прош^в на вышеписанныя потребности | ис казны соблаговолить выдать: | вашегѡ высокопреподобия нижаишии послушникъ тоболс | когo Знаменскогѡ монастыря | Казначей Иеромонахъ

Ѳеофанъ (доношение с просьбой о разрешении выдачи денег из казны монастыря на хозяйственные нужды – ТС, 49, л. 67, 1766 г.).

Встречающиеся среди региональных доношений собственно просительные документы представляют собой обращения в официальные инстанции физических лиц с частными просьбами, что подтверждается традиционной для частных прошений формулой рукоприкладства *руку приложил*:

(22) к сем^в доно | шению вместо удинского разночинца Карпа | ЗѢбакина ево прозьбой кя^хтинской кѢпецъ | Јванъ Ревякинъ рѢку приложилъ (доношение с просьбой разрешить найм у тарбагатайских крестьян лошадей – ПЗДП, 71, л. 208, 1773 г.);

(23) К сем^в доношению Алексеи Смирныхъ | рѢкѣ приложилъ (доношение о незаконном завладении санными покосами просителя – ПЗДП, 72, л. 1 об., 1788 г.); о чемъ и им^бю/ ожидать млстивой резолюци: | Сщенникъ Михаилъ КѢзнецовъ/ рѢку приложилъ (покорнейшее доношение священника о нападках пономаря – ЧС 2006, 44, л. 1 об., 1785 г.);

(24) К сему доношению прошением вдовы Елены: служитель Сиискаго мнтра Илья Пограев руку приложилъ (доношение вдовы об угрозах и брани служителя монастыря – СГр, с. 23, 1769 г.).

Таким образом, формула рукоприкладства оказывается также значимой при определении функциональной направленности документов, содержание и назначение которых, по мнению исследователей, были разнообразными. В частности, она выступает идентификатором просительных доношений. В то же время становится очевидным, что просьба, возможная, наряду с отчетно-информативной частью, в отчетных доношениях, составленных должностными лицами, не позволяет интерпретировать такие документы как просительные.

Заключение

Исследование функционирования в деловом языке XVIII в. приказной формулы *руку приложил* позволяет сделать несколько выводов. Языковую базу канцелярского слога составляет общерусский лексический и грамматический фонд, сложившийся к моменту формирования делового языка нового типа и закрепленный в приказном наречии. При этом

обнаруживаются специфические приказные средства, использование которых в канцелярском делопроизводстве XVIII в. свидетельствует о дифференцированном подходе к ним. Одни приказные элементы (термины, синтаксические конструкции, жанры) уже на начальном этапе реформирования делового языка начинают восприниматься как устаревшие и вытесняются новыми, книжными. Другие сохраняют актуальность, адаптируются в новых условиях и продолжают функционировать как нормативные жанрово-стилистические средства. К последним относится, в частности, формула *руку приложил*, унаследованная из приказной традиции и ставшая обязательным элементом формуляра просительных, судебно-следственных, сделочно-договорных документных жанров, адресантами которых выступают частные лица. Содержание документов, составленных должностными лицами, подтверждалось их подписью, включающей имя, фамилию и должность. Понимание нормативного характера двух способов заверения документов в канцелярском делопроизводстве XVIII в. помогает уточнить критерии дифференциации функциональных разновидностей такого неоднозначно трактуемого сегод-

ня документного жанра, как доношение. Региональные доношения просительного характера заверяются формулой *руку приложил*, отчетные доношения заключает стандартная для них подпись с указанием имени, фамилии и должности.

Сохранение формулы рукоприкладства как нормативной в языке канцелярского делопроизводства обусловлено рядом факторов: функциональной нагрузкой жанра, с которой она связана, длительностью приказной традиции, сохранением социокультурной важности языковой единицы в деловой картине мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы используем термин *адаптация*, предложенный В.М. Живовым для обозначения процесса усвоения восточнославянских элементов в качестве нормы книжно-славянского языка Древней Руси [Живов, 1996, с. 26–27], так как видим определенные аналогии с указанным процессом.

² При цитировании опубликованных и неопубликованных архивных текстов сохраняется графика, орфография и пунктуация исследуемых источников; предлоги отделяются от последующих слов, имена собственные пишутся с прописной буквы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базаров Е. Э., 2018. О глагольно-именных конструкциях с полузнаменательным глаголом в деловых документах Забайкалья конца XVII в. // Русский язык в научном освещении. № 1 (35). С. 207–225.
- Живов В. М., 1996. Язык и культура в России XVIII века. Москва : Шк. «Яз. рус. культуры». 591 с.
- Инютина Т. С., 2009. Вариантность языковых средств в деловом письме Сибири XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 27 с.
- Коркина Т. Д., 2015. Формула рукоприкладства в кеврольских таможенных книгах первой четверти XVIII века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 1, № 4. С. 99–107.
- Кортава Т. В., 1998. Московский приказный язык XVII в. как особый тип письменного языка. Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. 109 с.
- Косов А. Г., 2004. Эволюция документных жанров XVIII века : На материале рукописных и печатных текстов Объединенного государственного архива Челябинской области : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 273 с.
- Майоров А. П., 2006. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. Москва : Азбуковник. 263 с.
- Никитин О. В., 2003. Язык указов Екатерины II 1762 г. и формирование официально-делового стиля в России XVIII в. // Филологические науки. № 6. С. 93–99.
- Ремнева М. Л., 2003. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. Москва : Изд-во Моск. ун-та. 336 с.
- Руднев Д. В., Пушкарева Н. В., 2021. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 4. С. 36–49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>

- Русанова С. В., 2016. Термины *челобитная* и *прошение* в законодательных актах XVIII века // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA : тр. Ин-та лингвистич. исслед. РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. Санкт-Петербург : Наука. Т. XII, ч. 3. С. 705–716.
- Русанова С. В., 2019. Наименования просительных документов в законодательных актах и региональных документах XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 18, № 2. С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>
- Русанова С. В., 2021. *Доношение* как просительный документ в законодательных актах и региональной деловой письменности XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.1>
- Садова Т. С., Руднев Д. В., 2020. Из истории русских просительных жанров: лингвистический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 42, № 5. С. 8–14. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.493>
- Трофимова О. В., 2002. Местная деловая письменность в контексте истории языка и государства // Проблемы лингвистического краеведения : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Пермь, 14–16 нояб. 2002 г.). Пермь : [б. и.]. С. 192–200.
- Шептухина Е. М., Горбань О. А., 2015. Войсковые грамоты середины XVIII века в аспекте категории модальности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 14, № 5. С. 7–18. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.1>

ИСТОЧНИКИ

- ГАРБ* – Государственный архив Республики Бурятия. Селенгинский Троицкий монастырь. Ф. 262. Оп. 1.
- Ломоносов* – Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10. Служебные документы и письма, 1734–1765 гг. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 935 с. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book192846/#page/331/mode/1up>
- ПЗДП* – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А. П. Майорова; сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. 260 с.
- ПСЗ* – Полное собрание законов Российской империи в 45 т. Т. I, IV, VI. Санкт-Петербург : Печ. в Тип. II Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии. 1830.
- РЧ* – Русские челобитные XVII века / сост. А. П. Майоров. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 1998. 45 с.
- СГр* – Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). Москва ; Смоленск : СГПУ, 2001. 130 с.
- Тредиаковский* – Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Тредьяковского. Т. 1. Санкт-Петербург, 1849. 808 с. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_gc_1426497?page=27&rotate=0&theme=white
- ТС* – Тобольская старина: Материалы делопроизводства г. Тобольска второй половины XVIII века. В 2 ч. Ч. I / сост. М. С. Выхрыстюк. Челябинск : [б. и.], 2004. 153 с.
- ЧС 2005* – Челябинская старина : Документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века, содержащие сведения о старообрядцах Челябинской округи / сост. Е. Н. Сухина (Воронкова). Челябинск : Полиграф-мастер, 2005. 174 с.
- ЧС 2006* – Челябинская старина: Деловые документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века / сост. Е. Н. Сухина (Воронкова). Челябинск : Полиграф-мастер, 2006. 130 с.

СЛОВАРИ

- СРЯ 5* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. Москва : Наука, 1978. 393 с.
- СРЯ 22* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. Москва : Наука, 1997. 298 с.

REFERENCES

- Bazarov Ye.E., 2018. O glagolno-imennykh konstruktsiyah s poluznamenatelnykh glagolom v delovykh dokumentakh Zabaykalya kontsa XVII v. [On Verb-Noun Constructions with a Delexicalized Verb in Transbaikal Business

- Documents of the Late 17th Century]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 1 (35), pp. 207-225.
- Zhivov V.M., 1996. *Yazyk i kultura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia the 18th Century]. Moscow, Shk. «Yaz. Rus. Kultury». 591 p.
- Inyutina T.S., 2009. *Variantsnost yazykovykh sredstv v delovom pisme Sibiri XVII veka: avtoref. dis. ... cand. filol. nauk* [Variability of Language Means in Business Letter of Siberia of the 17th Century. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Tomsk. 27 p.
- Korkina T.V., 2015. Formula rukoprikladstva v kevrolskikh tamozhennykh knigah pervoy chetverti XVIII veka [The Signing Formula in the Kevrol Customs Books of the First Quarter of the 18th Century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University], vol. 1, no. 4, pp. 99-107.
- Kortava T.V., 1998. *Moskovskiy prikaznyy yazyk XVII v. kak osobyy tip pismennogo yazyka* [Moscow Order Language of the 17th Century as a Special Type of Written Language]. Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova. Filol. fak. 109 p.
- Kosov A.G., 2004. *Evolutsiya dokumentnykh zhanrov XVIII veka: Na materiale rukopisnykh i pechatnykh tekstov Obyedinennogo gosudarstvennogo arhiva Chelyabinskoy oblasti: dis. ... cand. filol. nauk* [Evolution of Document Genres of the 18th Century: On Material of Hand-Written and Printing Texts of the Joint State Archive of Chelyabinsk Region. Cand. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk. 273 p.
- Mayorov A.P., 2006. *Ocherki leksiki regionalnoy delovoy pismennosti XVIII veka* [Sketches of Lexicon of Regional Business Writing of the 18th Century]. Moscow, Azbukovnik Publ. 263 p.
- Nikitin O.V., 2003. Yazyk ukazov Ekateriny II 1762 g. i formirovaniye ofitsialno-delovogo stilya v Rossii XVIII v. [The Language of the Decrees of Catherine II in 1762 and the Formation of Official Style in Russia in the 18th Century]. *Filologicheskie nauki*, no. 6, pp. 93-99.
- Remneva M.L., 2003. *Puti razvitiya russkogo literaturnogo yazyka XI–XVII vv.* [Ways of Development of the Russian Literary Language of the 11th–17th Centuries]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 336 p.
- Rudnev D.V., Pushkareva N.V., 2021. Reglamenti petrovskogo vremeni v aspekte imperativnosti [Regulations of Peter the Great in the Aspect of Imperativeness]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 36-49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>
- Rusanova S.V., 2016. Terminy chelobitnaya i prosheniye v zakonodatelnykh aktakh XVIII veka [The Terms Chelobitnaja “Humble Petition” and Prosheniye “Plea, Application, Solicitation” in Russian Legislative Acts of the 18th Century]. Kazanskiy N.N., ed. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA: tr. In-ta lingvistich. issled. RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. Saint Petersburg, Nauka Publ., vol. XII, pt. 3, pp. 705-716.
- Rusanova S.V., 2019. Naimenovaniya prositelnykh dokumentov v zakonodatelnykh aktakh i regionalnykh dokumentakh XVIII veka [Headings of the Pleading Documents in Russian Legislative Acts and Regional Business Writing of the 18th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 2, pp. 16-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>
- Rusanova S.V., 2021. Donosheniye kak prositelnyy dokument v zakonodatelnykh aktakh i regionalnoy delovoy pismennosti XVIII veka [Donosheniye as the Petitionary Document Type in Russian Legislative Acts and Regional Business Writing of the 18th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 1, pp. 6-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.1>
- Sadova T.S., Rudnev D.V., 2020. Iz istorii russkikh prositelnykh zhanrov: lingvisticheskiy aspekt [From the History of Russian Petitioning Genres: The Linguistic Aspect]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 42, no. 5, pp. 8-14. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.493>
- Trofimova O.V., 2002. Mestnaya delovaya pismennost v kontekste istorii yazyka i gosudarstva [Local Business Writing in the Context of Language and State History]. *Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. (Perm, 14–16 noyab. 2002 g.)*. [Proceedings of the Inter-University Scientific Practical Conference “Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya” (Perm, November 14–16, 2002)]. Perm, s.n., pp. 192-200.

Sheptukhina E.M., Gorban' O.A., 2015. Voyskovye gramoty serediny XVIII veka v aspekte kategorii modalnosti [Don Cossack Army Charters of the Mid 18th Century via the Category of Modality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 14, no. 5, pp. 7-18. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.1>

SOURCES

- Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Buriatiya. Selenginskiy Troitskiy monastyr* [State Archive of the Republic of Buryatia. Selenginsk Trinity Monastery], f. 262, inv. 1.
- Lomonosov M.V. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 10. Sluzhebnye dokumenty i pisma, 1734–1765 gg.* [Complete Collection of Works. Vol. 10. Official Documents and Letters, 1734–1765]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Acad. nauk SSSR, 1957. 935 p. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book192846/#page/331/mode/1up>
- Mayorov A.P., Rusanova S.V., eds. *Pamyatniki zabaykalskoy delovoy pismennosti XVIII veka* [Written Documents of the Transbaikal Business Writing of the 18th Century]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2005. 260 p.
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii v 45 t. T. I, IV, VI* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire in 45 Vols. Vol. 1, 4, 6]. Saint Petersburg, Pech. v Tip. II Otd. Sobstv. Yego Imperat. Velichestva Kantselyarii, 1830.
- Mayorov A.P., ed. *Russkie chelobitnye XVII veka* [Russian Petitions of the 17th century]. Ulan-Ude, Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 1998. 45 p.
- Nikitin O.V. *Siyskiye gramoty XVIII veka (1768–1789 gg.)* [Siysky Charters of the 18th Century (1768–1789)]. Moscow, Smolensk, SGPU, 2001. 130 p.
- Polnoye sobraniye sochineniy russkikh avtorov. Sochineniya Trediakovskogo. T. 1* [Complete Collection of Works of Russian Authors. Trediakovsky's Works. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1849. 808 p. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_rc_1426497?page=27&rotate=0&theme=white
- Vykhristyuk M.S., ed. *Tobolskaya starina. Materialy deloproizvodstva g. Tobolska vtoroy poloviny XVIII veka. V 2 ch. Ch. 1* [Tobolskaya starina. Materials of the Office of Tobolsk in the Second Half of the 18th Century. In 2 Pts. Pt. 1]. Chelyabinsk, s.n., 2004. 153 p.
- Suhina (Voronkova) E.N., ed. *Chelyabinskaya starina: Dokumenty Chelyabinskogo duhovnogo pravleniya posledney chetverti XVIII veka, sodержashchiye svedeniya o staroobryadtsah Chelyabinskoy okrugi* [Chelyabinsk Antiquity. Documents of Chelyabinsk Spiritual Board of the Last Quarter of the 18th Century, Containing Information About Old Believers of Chelyabinsk District]. Chelyabinsk, Poligraf-master Publ., 2005. 174 p.
- Suhina (Voronkova) E.N., ed. *Chelyabinskaya starina: Delovye dokumenty Chelyabinskogo duhovnogo pravleniya posledney chetverti XVIII veka* [Chelyabinsk Antiquity. Business Documents of Chelyabinsk Spiritual BOARD of the Last Quarter of the 18th Century]. Chelyabinsk, Poligraf-master Publ., 2006. 130 p.

DICTIONARIES

- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 5* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Iss. 5]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 393 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 22* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Iss. 22]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 298 p.

Information About the Author

Svetlana V. Rusanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philology, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, rusanowa_7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>

Информация об авторе

Светлана Владимировна Русанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия, rusanowa_7@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3451-6892>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.3>

UDC 811.161.1'04

LBC 81.411.2-03

Submitted: 10.09.2024

Accepted: 11.11.2025

CONJUNCTIONAL VERBAL-AND-PARTICIPIAL CLAUSES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Boris V. Kunavin

North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Abstract. The article analyzes the structural and functional features of Old Russian syntactic constructions with a nominal active participle connected to a verb by coordinating conjunctions. The relevance of the study is explained by their active use throughout the development of the Old Russian language, as well as by acute contradictions in the interpretation of their originality. The study focuses on structural peculiarities of the specified phrases and aims to identify the dynamics of their use, genre and stylistic reference. Based on a systematic approach using comparative-and-historical as well as comparative-and-typological methods, it was established that the conjunction between the participle and verbum finitum is a marker of high predicativity of the Old Russian participle. Other interpretations are determined either by an asystemic approach to the studied syntactic construction, or by attributing the properties of modern adverbial participles to the Old Russian material, or the functional identification of the participle with the verb. The structural diversity of these clauses is analyzed taking into account the grammatical semantics of the conjunctions. The research highlights the dynamics of functioning demonstrated by the clauses under study. It is reflected in Old Russian literary texts of the 11th – 17th centuries taking into consideration their genre and stylistic reference. The reasons for the loss of such phrases are determined, including functional deterioration of nominal active participles in the process of their transformation into adverbial participles, as well as the development of hypotaxis in the Old Russian language.

Key words: participle, coordinating conjunction, hypotactic structures, paratactic constructions, aorist, imperfect, perfect, secondary predicate.

Citation. Kunavin B.V. Conjunctional Verbal-and-Participial Clauses in the History of the Russian Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 30-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.3>

УДК 811.161.1'04

ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 10.09.2024

Дата принятия статьи: 11.11.2025

СОЮЗНЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ПРИЧАСТНЫЕ КЛАУЗЫ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Борис Всеволодович Кунавин

Северо-Осетинский государственный университет, г. Владикавказ, Россия

Аннотация. В статье характеризуются структурно-функциональные особенности древнерусских синтаксических конструкций с именным действительным причастием, соединенным с глаголом сочинительными союзами. Актуальность исследования обусловлена широкой употребительностью этих конструкций на всем протяжении развития древнерусского языка, а также острыми противоречиями в истолковании их своеобразия. Цель статьи заключается в выявлении конструктивного своеобразия указанных оборотов, динамики их использования и жанрово-стилистической принадлежности. На основе системного подхода с применением сравнительно-исторического и сравнительно-типологического методов установлено, что союз между причастием и verbum finitum представляет собой маркер высокой предикативности древнерусского причастия. Иные интерпретации обусловлены асистемным подходом к изучаемому синтаксическому построению, перенесением свойств современных деепричастий на древнерусский материал или функциональным

отождествлением причастия с глаголом. Описано конструктивное многообразие указанных клауз с учетом грамматической семантики союзов. Продемонстрирована динамика функционирования анализируемых клауз, получившая отражение в древнерусских литературных текстах XI–XVII вв. с учетом их жанровой и стилистической принадлежности. Определены причины утраты данных оборотов речи, обусловленные сужением функций именных действительных причастий на пути их превращения в деепричастия, а также развитием гипотаксиса в древнерусском языке.

Ключевые слова: причастие, сочинительный союз, гипотактические структуры, паратактические конструкции, аорист, имперфект, перфект, второстепенное сказуемое.

Цитирование. Кунавин Б. В. Союзные глагольно-причастные клаузы в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 30–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.3>

Введение

Конструкции, в которых финитная форма глагола соединяется с именным действительным причастием сочинительным союзом, в различных древних славянских языках вызвали огромный интерес у исследователей. Впервые на них обратил внимание Й. Добровский, оценивший такой союз в качестве плеоназма, излишнего [Добровский, 1834, с. 60]. Ф. Миклошич употребление союза в подобных конструкциях считал ошибкой писца [Miklošich, 1883, S. 827]. При этом он настолько был уверен в адекватности своего мнения, что, подготавливая к изданию Лаврентьевскую летопись, все сочинительные союзы между финитной формой глагола и причастием убрал. В дальнейшем ученые обратили внимание на высокую частотность союза в указанных оборотах, что послужило причиной отказа от первоначальных суждений. Возражая по данной проблеме своему учителю Ф. Миклошичу, В. Ягич писал: «Даже если это ошибка, то что вынуждало писца совершать эту ошибку» [Jagič, 1899, S. 70]. В результате возобладала точка зрения, в соответствии с которой в рассматриваемом обороте союз служит соединению двух однородных сказуемых, то есть был поставлен знак синтаксического равенства между причастным и глагольным предикатами. Подобное суждение было поддержано крупными учеными [Срезневский, 1959, с. 60; Jagič, 1899, S. 69; Trávníček, 1956, s. 181–187; Navránek, 1937, s. 24; Руднев, 1959, с. 84; Георгиева, 1968, с. 104; и др.].

Между тем указанная точка зрения имеет ряд уязвимых мест, поскольку ее сторонники рассматривают анализируемые конструкции в отрыве от использования сочинительного

союза в древних славянских языках для связи главной и придаточной частей сложноподчиненного предложения, для связи глагольной части и дательного самостоятельного оборота. При таком подходе отрицается получившее широкое распространение учение о главном и второстепенном сказуемом в древнерусском и других древних славянских языках.

Говорить о синтаксической равнозначности второстепенного сказуемого, выраженного причастием, и главного сказуемого, выраженного финитной формой в конструкциях типа *въставъ и рече*, нет достаточных оснований, о чем свидетельствуют доказательства А.А. Потебни [Потебня, 1958, с. 189–190]. Суждения А.А. Потебни по данной проблеме получили поддержку в исследованиях других лингвистов [Истрина, 1919, с. 82; Борковский, 1949, с. 209; Růžička, 1963, S. 104–112; и др.]. А.А. Потебня утверждает, что причина употребления союза для связи главного и второстепенного сказуемого кроется не в их равносилности, а в относительной самостоятельности причастного предиката, на что указывают также и многие сторонники учения А.А. Потебни [Истрина, 1919, с. 81–82; Борковский, 1949, с. 206; Мирчев, 1963, с. 215; и др.].

Сила точки зрения по данному вопросу А.А. Потебни заключается в ее системном характере. Эта системность проявляется в том, что ученый постановку сочинительного союза в указанных конструкциях рассматривает в одном ряду с его употреблением для связи главной части с придаточной сложноподчиненного предложения, глагольной части с дательным самостоятельным оборотом, подчеркивая, что «союзы здесь как бы назначают еще недостаточно сросшиеся швы между частями предложения» [Потебня, 1958,

с. 197]. Из этого следует, что гипотактические структуры в древнерусском языке возникли не вдруг, а в результате постепенной эволюции, выделяясь из паратактических конструкций. Следует заметить, что подобный процесс был свойствен не только балто-славянскому языку, но и другим древним индоевропейским языкам, в которых также использовались сочинительные союзы для связи главной части с придаточной в сложноподчиненном предложении. Так, М. Ферран приводит случаи употребления подобных конструкций в древнефранцузском языке, готском, германских диалектах, латыни, древнегреческом, древнелитовском и древнеармянском [Ferrand, 1983, p. 45]. С.Д. Кацнельсон приводит примеры подобных конструкций из древнегерманских языков [Кацнельсон, 1936, с. 54–55].

Совершенно иное решение данного вопроса предлагает Й. Курц, считающий, что проблема исследуемого оборота кроется не в своеобразии древнего славянского причастия, а в качестве того, что лингвисты в данной конструкции называют сочинительным союзом. Автор полагает, что *и* в сочетании типа *въставъ и рече* представляло собой не союз, а междометие, сигнализирующее следующее после причастия действие и привлекающее к нему внимание. Причем действие, обозначенное *verbum finitum*, осуществлялось немедленно и выражало нечто неожиданное и новое [Kurcz, 1958, s. 106]. Приводимые Й. Курцем в доказательство выдвинутого суждения примеры довольно убедительны. Однако в материале как старославянского языка, так и древнерусского и других древних славянских языков имеет место множество конструкций, содержание которых совершенно не соответствует указанному предположению Й. Курца. Р. Ружичка в своей основательной монографии убедительно отрицает точку зрения Й. Курца, приводя в ее опровержение многочисленные примеры из евангельских текстов старославянского языка [Růžička, 1963, S. 104].

Так же как и Й. Курц, решение проблемы оборота типа *въставъ и рече* М. Ферран видит не в своеобразии древнего славянского причастия, не в особенностях древнеславянского и древнерусского синтаксиса, а в указании на то, что *и* или *а* в указанном синтаксическом построении являются не союзами, а остатками

древнего указательного местоимения [Ferrand, 1983, p. 45]. Однако в свете высказанных по этому вопросу суждений А.А. Потебни и Р. Ружички данная точка зрения не может быть принята. Вместе с тем попытка Й. Курца и М. Феррана сделать акцент при решении проблемы исследуемого оборота на природе компонентов *и*, *а* свидетельствует не только о недостаточной изученности функций древнерусских именных причастий, но и о неокончательной разработанности вопроса о союзах *и*, *а* в древнерусском и других славянских языках.

Так, по мнению И.А. Поповой данные союзы в древнерусском языке не представляли собой сочинительных союзов в современном смысле, а являлись универсальным средством связи [Попова, 1945, с. 32]. Однако И.С. Истрина [Истрина, 1919, с. 82], С.П. Обнорский [Обнорский, 1946, с. 66], П.В. Попов [Попов, 1953] не без оснований считают, что значение, функции и употребление указанных союзов в древнерусском языке были теми же, что и в современном.

Относительно генезиса исследуемой конструкции у ученых нет противоречий. Почти все языковеды считают ее именно славянской. Важным свидетельством исконно славянского происхождения конструкции являются примеры ее употребления в древнерусских грамотах, приведенные В.И. Борковским [Борковский, 1949, с. 209], и в памятниках делового языка XVII в., рассмотренные Э. Коротаевой [Коротаева, 1959, с. 62–69].

С мнением большинства не согласен А. Вайан, предполагающий, что союз между причастием и *verbum finitum* является «результатом подражания византийским грекам» [Вайан, 1952, с. 402]. Данная точка зрения была убедительно отвергнута Р. Ружичкой [Růžička, 1963, S. 104–107].

Из работ последнего времени по истории русских именных действительных причастий и деепричастий, то следует особо сказать о монографии Л.Р. Абдулхаковой [Абдулхакова, 2007]. Однако проблема употребления союза между причастием и глаголом в ней не рассматривается. Упоминается лишь, что наличие подобных конструкций свидетельствует о предикативном употреблении причастия, причем примеры приводятся только из «Жития Фео-

досия Печерского». Значительное внимание Л.Р. Абдулхаковой уделяется особенностям образования именных действительных причастий (деепричастий), их структурным, семантическим и функциональным особенностям, вопросам функционирования кратких и полных форм действительных причастий в древнерусском языке, соотносительности прилагательных и причастий в истории русского языка, синтаксическим функциям именных и местоименных форм действительных причастий. Также Л.Р. Абдулхакова выделяет синтаксические позиции именных форм причастий, способствовавшие становлению на их основе деепричастия, описывает изменения в синтаксическом функционировании деепричастных форм, проводит наблюдение над заменой у деепричастий временных характеристик видовыми и др. Вместе с тем автор допускает, что именные действительные причастия в древнерусском языке могли обозначать основное действие подобно *verbum finitum*. Однако такое допущение вряд ли оправдано и проистекает от того, что автор недостаточно раскрывает синтаксическое поведение причастия в именительных самостоятельных оборотах и в конструкциях типа *въставъ и рече* и др. До настоящего времени открытым остается вопрос о том, является ли действие, обозначенное именным действительным причастием (деепричастием) второстепенным в семантическом аспекте относительно главного сказуемого, или характеризуется лишь грамматической зависимостью от него. Современные исследователи [Абдулхакова, 2007; Чупашева, 2008; Гращенков, 2014] вслед за И.С. Истриной настаивают на второстепенности действия, обозначенного причастием (деепричастием), выполняющим роль второстепенного сказуемого. Но подобные утверждения лишь декларированы и нуждаются в доказательстве. Не случайно оно вызвало протест со стороны Р. Ружички [Růžička, 1963, S. 20]. Для решения указанных проблем требуется дальнейшее изучение функций и конструктивного разнообразия именных действительных причастий в древнерусском языке.

Актуальность исследования вызвана широкой употребительностью указанных клауз на всем протяжении развития древнерусского

языка, а также острыми противоречиями в истолковании их своеобразия и происхождения. Подробное их описание послужит разрешению спорных проблем, связанных с определением синтаксических функций современных деепричастий и их грамматического статуса, который до настоящего времени окончательно не выявлен. Одни исследователи квалифицируют его как форму глагола, другие – как самостоятельную часть речи. Противоречиво истолковываются морфологические свойства деепричастия. Одни языковеды считают, что у деепричастий категория времени поглощена категорией вида, другие утверждают о сохранении ими категории времени. Большим разнообразием отличаются мнения лингвистов относительно синтаксических функций деепричастий, что находит отражение в применяемой по отношению к ним терминологии – обстоятельство, предикативное обстоятельство, второстепенное сказуемое, периферийный предикат. Неоднозначно понимается связь деепричастия с главным сказуемым и подлежащим, вызывает споры проблема нормативности некоторых деепричастных оборотов. Интересной, но спорной представляется квалификация образования деепричастий на базе древнерусских причастий как семантическое словообразование.

В работах последнего времени, посвященных современному деепричастию и его истории указанные выше противоречия остаются неустраненными [Пятницкий, 2001; Абдулхакова, 2007; Бахаева, Хабусиева, 2018; Безроднова, 2009а; 2009б; Кудрявцева, 2012; Чупашева, 2008; Зорихина-Нильссон, 2014; Гращенков, 2014]. Все это усиливает актуальность изучения истории именных действительных причастий, к которым генетически восходят современные деепричастия.

Цель статьи заключается в исследовании конструктивного своеобразия данных оборотов, в выявлении динамики их употребления и жанрово-стилистической принадлежности, в раскрытии их оригинальности, динамики функционирования.

Материал и методы

В процессе работы нашли применение сравнительно-исторический, сравнительно-

типологический, статистический методы. Материал исследования составляет личная картотека автора: 2 327 конструкций с контекстами, содержащими союзные глагольно-причастные клаузы, извлеченными методом сплошной выборки из памятников литературы Древней Руси XI–XVII веков.

Результаты и обсуждение

Сочинительный союз для связи именного действительного причастия со спрягаемой формой глагола использовался в древнерусском языке с возникновения письменности до XVIII века. Причем употребление подобных синтаксических построений было довольно частым. Согласно проведенным подсчетам на них приходится 20 % от общего числа односубъектных причастных конструкций.

Причастия, находящиеся в препозиции относительно *verbum finitum*, значительно чаще, чем постпозитивные, соединяются с ним при помощи сочинительного союза, что обусловлено их большей предикативной силой, а также тем, что действия, обозначенные препозитивным причастием и глаголом, более расчленены и аналитичны, вследствие чего связь между ними акцентировалась союзом. Препозитивное именное причастие действительного залога в составе древнерусского предложения открывало, подготавливало его предикацию, которая закрывалась глаголом в финитной форме. В случае с постпозитивным причастием предикация уже завершена, и оно лишь дополняет основную предикацию, поэтому его предикативная сила ослаблена [Růžička, 1963]. В этой связи следует подчеркнуть, что и в сложноподчиненных предложениях древнерусского языка обычно сочинительным союзом соединяется с главной именно препозитивная придаточная часть [Сумкина, 1954, с. 199; Качевская, 1954, с. 216–217].

Функционируя в разнообразных конструкциях древнерусского языка, краткое действительное причастие в зависимости от занимаемой позиции в той или иной конструкции, обладало различной степенью относительной самостоятельности. При этом оно постепенно трансформировалось в деепричастие, утрачивая согласование с подлежащим. Нестабильное синтаксическое поведение указанного

причастия вызывало в нем морфологическую неустойчивость. Его синтаксическая подвижность выражалась в своеобразном «колебании» между предикативностью и атрибутивностью [Груздева, 1958, с. 227]. Однако важно иметь в виду, что в конструктивно тождественных оборотах речи с препозитивным причастием как с союзом, так и без союза последнее характеризовалось одинаковой степенью предикативной силы, то есть наличие союза не свидетельствовало об усилении степени предикативности причастия [Немченко, 1954, с. 228], поскольку «присутствие союза делает лишь более явственным свойство оборота, существовавшее и без союза» [Потебня, 1958, с. 190, 221]. Данное мнение А.А. Потебни разделяется и другими учеными [Sedlaček, 1954, s. 516]. Следовательно, причастно-глагольные конструкции с союзом раскрывают предикативную сущность именного действительного причастия, свойственную ему и в бессоюзных оборотах.

Согласно исследованию В. Барнета, именные действительные причастия в форме прошедшего времени, соединенные посредством сочинительного союза с глаголом в спрягаемой форме, значительно чаще, чем в подобных бессоюзных конструкциях, заменяются глаголом в форме аориста в разных списках одного и того же древнерусского текста [Barnet, 1965, s. 98]. Однако данный факт не свидетельствует о большей предикативной силе причастия в указанных союзных конструкциях, чем в оборотах без союза, а лишь указывает на стремление писца сохранить союз в древнем синтаксическом построении, который не мог уже употребляться в данной позиции вследствие ослабления у причастия прежней предикативности на пути его трансформации в деепричастие [Соколова, 1962, с. 302].

Именные действительные причастия прошедшего времени в препозиции относительно сказуемого в форме *verbum finitum* встречаются в древнерусских текстах в среднем в пять раз чаще соответствующих причастий в форме презенса [Кунавин, 1993]. Обычно они функционируют с главным сказуемым в форме аориста, реже – имперфекта или перфекта. При этом лексико-семантические группы причастий и глаголов, их синтаксическое по-

строение такие же, что и в оборотах без союза. Наиболее часто для связи именного действительного причастия с финитной формой глагола древнерусские писцы использовали одиночный или повторяющийся союз *и*. Другие сочинительные союзы в данной функции составляют 10 % от общего числа союзных конструкций. Основной предикат наиболее часто употребляется в аористе и находится в постпозиции относительно второстепенного причастного сказуемого:

(1) **Приникши** Ольга **и рече** имь (ПЛДР, вып. 1, с. 70);

(2) **Пришедше** (угри) от въстока **и устроишася** чересь горы великия (ПЛДР, вып. 1, с. 40).

Относительно часто встречаются обороты с повторяющимися оборотами:

(3) **И выникнувши** змиа изо лба, **и уклону** в ногу (ПЛДР, вып. 1, с. 54);

(4) ...**и снемше** доску с печи, **и възложиша** на перси его (ПЛДР, вып. 1, с. 252).

Значительно реже анализируемые конструкции встречаются с финитной формой глагола в имперфекте:

(5) ...**объщався** (король) ему **и не помогають** (ПЛДР, вып. 3, с. 398);

(6) Овии же народи московстии, **возлезше** на высокия храмины и на забрала и на полатныя покровы, **и оттуду зряху** царя своего (ПЛДР, вып. 7, с. 548).

Еще более редко встречаются в исследованных древнерусских памятниках обороты с главным предикатом в форме перфекта:

(7) ...**пришед и исхитил еси** сестру нашу татьбою (ПЛДР, вып. 3, с. 32).

В текстах раннего периода относительно редко, а в поздних – часто употребляется в данной конструкции форма причастия на -л без связки:

(8) ...**воставъ** с мѣста своего **и обнел** ее вельми любовно (ПЛДР, вып. 10, с. 367);

(9) Князь же Петръ **вшедь** в ту свѣтлицу **и удивилсѧ** украшению ея... (ПЛДР, вып. 10, с. 366).

В подобных примерах не просматривается перфектное значение у выделенной глагольной формы, что свидетельствует об утрате перфекта и появлении новой формы прошедшего времени.

Обороты с глагольным предикатом в форме настоящего и будущего времени в исследованных материалах наиболее редки:

(10) Царь же князь великий, **пришед** на Коломну **и входитъ** в коломенскую церковь соборную пречистыя богородицы честнаго ея успения (ПЛДР, вып. 7, с. 460);

(11) Таже **вземъ** тесну **и сечет** главу мою (ПЛДР, вып. 8, с. 52);

(12) ...но ту в монастыри моем **остригшися и животь** свой **скончаете** (ПЛДР, вып. 2, с. 426);

(13) ...и они, **вскочивше** ту, **и разсѣкутъ** его мечи (ПЛДР, вып. 7, с. 450).

Именные действительные причастия, образованные от глагольных основ прошедшего времени несовершенного вида в указанных конструкциях обозначают, как и соответствующие причастия совершенного вида, действие, предшествующее действию *verbum finitum*:

(14) ...**царствовавъ** лѣтъ 40 **и умре** (ПЛДР, вып. 1, с. 112);

(15) Володимерь же **целовавъ** брата своего **и поиде** Переяславлю (ПЛДР, вып. 3, с. 268);

(16) Сий же Лаврентий **шед** къ святому Дмитрию во Изяславль манастырь **и затвори** себе (ПЛДР, вып. 2, с. 520).

В памятниках позднего периода такие причастия также выражают действие, предшествующее глагольному:

(17) И **пльвшѧ** 30 дней **и приидоша** в землю Казанскую (ПЛДР, вып. 7, с. 392);

(18) Он же **бивъ** ея много **и потомъ отдалъ** ей **вину**... (ПЛДР, вып. 10, с. 402).

Именные действительные причастия в форме настоящего времени в препозиции относительно главного сказуемого значительно реже соединяются с последним посредством сочинительного союза, чем соответствующие причастия в форме прошедшего времени.

Примечательно, что на данный факт указывал уже А.А. Потебня: «...такого союза обыкновенно не бывает после прич. настоящего...» [Потебня, 1958, с. 194]. В этой связи следует подчеркнуть, что анализируемые причастия в форме настоящего времени в препозиции относительно главного сказуемого встречаются в древнерусских текстах в пять раз реже, чем причастия в форме прошедшего времени. При этом среди оборотов с союзом подобное соотношение коренным образом изменяется. На конструкции с формами настоящего времени в препозитивном положении относительно *verbum finitum* приходится всего около 6 % от общего количества подобных синтаксических построений с союзом, причем такое соотношение остается неизменным во все периоды истории русского языка:

(19) И **хотя удержатися и не можааше** (ПЛДР, вып. 1, с. 282);

(20) И **бѣжаще** възль Сань у гору, **и спихаху** друг друга (ПЛДР, вып. 1, с. 262);

(21) Мы всегда **выходяще и видѣхом** вас здѣ (ПЛДР, вып. 2, с. 532).

В текстах позднего периода истории русского языка такие союзные конструкции уже с деепричастием на месте бывших причастий продолжают функционировать в том же соотношении:

(22) ...и Фрол Скобеев **лежа** с Аннушкой **и объявил** ей себя (ПЛДР, вып. 10, с. 57);

(23) Он же велми **разжигая** плоть свою на нея **и принесе** ей денегъ триста рублевъ (ПЛДР, вып. 10, с. 60);

(24) ...и заспу **делаючи** и толокно **и** в осень капусту **солят** (ПЛДР, вып. 7, с. 128).

Особенность конструкции в последнем примере выражается в том, что между действиями, выраженными главным и второстепенным сказуемым, отсутствует временная координация, но оба эти действия относятся к одному и тому же нелокализованному во времени плану и реализуют семантику недифференцированного таксиса, поскольку различия одновременности / разновременности не актуализированы [Бондарко, 1987, с. 237]. Причастное и глагольное действия

равноправны, что свидетельствует о большой предикативной силе древнерусского именного действительного причастия, проявляющейся не только в именительных самостоятельных оборотах, но и односубъектных конструкциях.

Из исследованных материалов было написано 13 примеров, в которых союзом соединены причастия в местоименной форме и *verbum finitum*. Вот некоторые из этих примеров:

(25) Аз же, **свьѣдый** таковому имени, **и начах звати...** (ПЛДР, вып. 2, с. 542);

(26) Презвитер же, **не могий терпети** разгорѣния плоти своея, **и падеся** з девицею в церкви (ПЛДР, вып. 6, с. 58).

В очень редких случаях в указанной функции местоименное причастие могло употребляться вместе с именным:

(27) ...иногда бо воду **нося**, иногда же дрова **сѣкий и** тако всем братии собою образъ **подаваше** (ПЛДР, вып. 2, с. 460).

На подобные конструкции с полными причастиями и союзом указывал В. Барнет [Barnet, 1965, s. 38]. По-видимому, использование полного причастия в указанных оборотах отражает искусственный характер языка древнерусского писателя и представляет собой сущность того же рода в именительных самостоятельных оборотах и в придаточной части сложноподчиненного предложения, в котором причастие выступает в качестве единого предиката [Кунавин, 2023]. Данный факт может быть объяснен прямолинейным логическим параллелизмом между употреблением именных и местоименных форм действительных причастий, проявляемым древнерусскими книжниками.

Использование сочинительного союза, служащего средством связи препозитивного именного действительного причастия в форме настоящего времени с *verbum finitum* и обозначающего одновременное с ним действие, убедительно опровергает трактовку союза в качестве частицы, акцентирующей последовательность выражаемых указанными формами действий [Потебня, 1958, с. 195].

Анализируемые причастия в форме настоящего времени от глагольных основ совер-

шенного вида, так же как и соответствующие причастия в форме прошедшего времени, выражают предшествующее главному сказуемому действию:

(28) И Бова государю своему **ударя челом и пошол** на конюшню (ПЛДР, вып. 10, с. 280);

(29) И **увидя** олень прекрасну зело **и нача гнати** за нимъ по полю (ПЛДР, вып. 10, с. 267).

В анализируемых памятниках древнерусской письменности сравнительно часто имеют место препозитивные относительно *verbum finitum* полипричастные обороты, соединенные с ним посредством союза. По своим конструктивным характеристикам они такие же, что и соответствующие обороты без союза [Кунавин, 1993]:

(30) ...они же, **видѣвше** брата своего Иосифа, **вставше и яша** и, и ввергоша и в ровь... (ПЛДР, вып. 2, с. 84);

(31) На третий же день, **ставше** на мѣстѣ том, **помольшеся и благословивъ** (вместо благословивше. – Б. К.) мѣсто, **и измѣриша** златымъ поясомъ широту и долготу (ПЛДР, вып. 2, с. 422).

В памятниках позднего периода истории русского языка такие обороты речи с деепричастиями на месте бывших причастий характеризуются такой же степенью употребительности:

(32) Краль же Александръ, **услышавъ и узрѣвъ** прятельство к себѣ Лодвиково, **принимъ** у дворянина кубок цесарский той и **попивъ** из него все питье винное **и положил** в тот же златый кубокъ... перстень... (ПЛДР, вып. 10, с. 254).

Подобно полипричастным конструкциям без союза такие союзные употребляются в текстах книжных жанров и стилей. В отношении своей структуры они отличаются от соответствующих греческих оборотов в том смысле, что в нем они были недопустимы [Růžicka, 1963]. Довольно частое употребление указывает на их славянское происхождение и включает влияние со стороны греческого языка.

Необычайно редко в исследованных древнерусских памятниках встречаются конструкции, в которых сочинительным со-

юзом соединяются именное и местоименное причастия действительного залога, что отражает искусственный характер языка автора. Это следует из того, что оба таких причастия выступают в функции второстепенного сказуемого, которая местоименному причастию была не свойственна. Полные формы действительных причастий были маркированы по негативному признаку непредикативности, выполняя исключительно синтаксическую функцию атрибута, а соответствующие краткие причастия по указанному признаку не были маркированы, поскольку выступали не только в предикативной функции, но и в атрибутивной, хотя и очень редко:

(33) **Гладень же бывъ и не могый терпѣти** нужда естъственныа, **видя** смерть пред очима своима, **и приходить** къ Иоанну игумену... (ПЛДР, вып. 2, с. 556).

Редкие случаи употребления местоименных действительных причастий в указанной функции приводит в своей монографии В. Барнет [Barnet, 1965, s. 38].

Что касается именных действительных причастий настоящего времени, находящихся в постпозиции относительно главного сказуемого и соединенных с ним союзом, то они встречаются значительно реже, чем стоящие в препозиции, поскольку обозначаемые ими действия тесно объединяются с действиями главных сказуемых. Невысокая степень предикативности функционально отдаляла их от *verbum finitum*.

Именные действительные причастия в форме прошедшего времени, соединенные со спрягаемой формой глагола посредством сочинительного союза, встречаются в древнерусских текстах еще реже, на них приходится около 3% от общего количества конструкций с союзом:

(34) ...и многы ляхы **приведоста** (Ярославъ и Мьстиславъ. – Б. К.) **и разделивша** я (ПЛДР, вып. 1, с. 164);

(35) ...и **идохомъ** во свой монастырь, **и ту опочивше** до литургии (ПЛДР, вып. 2, с. 112).

Подобные обороты с причастием прошедшего времени несовершенного вида встречаются единично:

(36) И даша князи цѣлование промеж себѣ сами, **праздноваше** духовно и **веселившеся** (ПЛДР, вып. 3, с. 212).

В памятниках позднего периода древнерусского языка такие обороты встречаются с несогласованными причастиями (деепричастиями):

(37) Потомъ **шла** въ свѣтлицу, гдѣ князь, и **вьшедь** (муж. род вместо жен. – Б. К.) во драгомъ кралевскомъ одѣянии (ПЛДР, вып. 10, с. 369).

Изредка в данном конструктивном типе встречаются полипричастные обороты:

(38) И потомъ **изыхомъ** из Гроба вѣсточными дверми, и **вшедше**, во великый олтарь и **створивше цѣлование** с правовѣрными (ПЛДР, вып. 2, с. 112).

Важнейшим своеобразием постпозитивных оборотов с причастиями в форме прошедшего времени, соединенными с *verbum finitum* сочинительным союзом, является то, что причастия в них не выражают свойственного им в препозиции предшествования. Характеризуя данный факт в евангельских текстах старославянского языка, Р. Ружичка справедливо подчеркивает: «Выразительное сочинение исключает это временное соотношение» [Růžička, 1963, S. 188]. Такие конструкции ярко свидетельствуют о том, что *и* в них представляет собой именно сочинительный союз, а не указательное местоимение, частицу или междометие. На постпозитивные причастия в форме настоящего времени, соединенные посредством сочинительного союза с *verbum finitum*, в исследованных древнерусских памятниках приходится 7% от общего количества причастных конструкций с союзом, то есть они встречаются во много раз реже, чем соответствующие бессоюзные. Такое же соотношение подобных оборотов характерно и для древнеболгарского языка [Мирчев, 1963, с. 215]. Эта несоразмерность свидетельствует о невысокой предикативной силе причастий настоящего времени, стоящих в постпозиции относительно главного сказуемого [Соколова, 1962, с. 301–302].

(39) ...и съ пекущими веселяшеся духъмъ, тѣсто **мѣшаше** и хлѣбы **пека** (ПЛДР, вып. 1, с. 342).

Чрезвычайно редко указанное причастие могло соединяться союзом с именным сказуемым:

(40) Но онъ же **невѣренъ** и **поганъ** и **хотя** законъ жидовскій **потребити** и церковь божию **осквернити** и **разорити** (ПЛДР, вып. 7, с. 470).

В подобных случаях особенно ярко проявляется предикативный характер причастия, поскольку главное сказуемое выражает качество, а второстепенное – действие, в результате такой семантической разобщенности относительная самостоятельность причастного действия повышается. В позднейших памятниках древнерусского языка с той же частотностью, что и в ранних, сочинительный союз используется для связи *verbum finitum* с неизменяемой формой причастия (то есть деепричастием):

(41) Савва же **объявляетъ** себя в полках и глаголя... (ПЛДР, вып. 10, с. 50);

(42) И **плакашеся** горко и **размышляя** в себѣ... (ПЛДР, вып. 10, с. 74).

Чрезвычайно редко в данном конструктивном типе встречаются два причастия:

(43) О семь вдова она **впаде** в велию **печаль** и **так**о **ходя** и **сѣтуя** (ПЛДР, вып. 5, с. 118).

Приведенные обороты с постпозитивными причастиями в форме настоящего времени, в которых последние обычно служат выражению одновременного с действием главного сказуемого действия, исключают мнение о том, что *и* в них представляет собой частицу, подчеркивающую последовательность выражаемых причастием и глаголом действий [Потебня, 1958, с. 195; Коротаева, 1959, с. 68].

Причастия в форме настоящего времени от глагольных основ совершенного вида в отношении выражения времени в данном конструктивном типе ведут себя подобно причастиям прошедшего времени, то есть не выражают предшествования:

(44) И **бишася** дружина моя с нимъ 8 дний о малу греблю, и **не владуче** внити имъ въ острогъ (ПЛДР, вып. 1, с. 404).

Помимо союза *и* для соединения причастия со спрягаемой формой глагола в древнерусском языке использовались сочинительные союзы *а, но, да* и др. В исследованных материалах на конструкции с союзом *и* приходится 90 % от общего числа оборотов с союзами, а на синтаксические построения с другими союзами – 10 %. В ранних текстах древнерусского языка относительно жанра, а в поздних – относительно стиля союзы *и, но* были нейтральны в своем употреблении, а союзы *а, да* были характерны в основном для памятников с фольклорными и разговорными чертами языка. Союзу *а* были присущи противительное и присоединительное значения. Противительная семантика реализуется в противопоставлении по «несходству» [Виноградов, 1972, с. 558] второстепенного и главного сказуемых. Причастия относительно глагола-сказуемого, как и в случае с конструкциями с союзом *и*, могут занимать как препозитивное, так и постпозитивное положение, как в форме настоящего, так и прошедшего времени:

(45) Ты, княже, чюжея земли **ищещи и блудещи**, а своя **ся охабивъ** (ПЛДР, вып. 1, с. 80);

(46) Татарове стены всѣ **урядивъ** у города Володимеря, а сами **идоша взяша** Суждалъ (ПЛДР, вып. 3, с. 136); ...ты бо **бия** его по телу, а **душу избавляещи** от смерти (ПЛДР, вып. 7, с. 86).

Наиболее ярко противительная семантика союза *а* проявляется в конструкциях с отрицанием:

(47) ...смерть ми **повѣдаа**, а **помощи ми не можещи** (ПЛДР, вып. 2, с. 526).

Относительно часто союз *а* в таких конструкциях характеризуется присоединительной семантикой, демонстрируя резкий переход от одной мысли к другой:

(48) ...и тѣй **прибѣжа** в Володимерь о полудни на четвертом кони, а **трех одушив** (ПЛДР, вып. 3, с. 124).

В памятниках позднего периода истории русского языка подобные обороты с деепричастием на месте причастия употребляются с той же частотностью, что и в ранних текстах:

(49) И онъ **поклоняся** низенько мнѣ, а сам **говорить**... (ПЛДР, вып. 11, с. 370).

К союзу *а* в таких конструкциях применимо определение, данное К.С. Аксаковым: «...*а* в устном вещании выражает именно добавление, речение как бы неожиданное, нечаянное, вдруг пришедшее в голову, которое и соответствует характеру разговорной речи» [Аксаков, 1875, с. 638]. Народный характер рассмотренных оборотов речи подтверждается не только исследованным материалом, но и приведенными С.П. Обнорским примерами из «Русской Правды» [Обнорский, 1946, с. 21]. П.В. Попов также подчеркивает, что союз *а* характерен для текстов, близких к разговорной речи [Попов, 1953, с. 19]. В проанализированном материале конструкции с союзом *а* также наиболее характерны для памятников с разговорными особенностями языка: повестей, летописей, поучений, грамот, «Домостроя» и т. п. Однако они не были подвергнуты строгим жанровым или стилистическим ограничениям, о чем свидетельствует их редкое употребление в житиях, патериках, переводной литературе, то есть в сугубо книжных жанрах. Следовательно, соединение причастия с глаголом посредством союза *а* осуществлялось во всех жанрах и стилях древнерусского языка, но его динамика была обусловлена в ранних текстах жанром, а в поздних – стилем.

Тесное взаимодействие в зависимости от жанра и стиля книжных и разговорных языковых средств представляло собой особенность единого древнерусского литературного языка. Ярким свидетельством этому является развитие древнерусской причастной системы. Например, в книжные полипричастные конструкции включались союзы из народной речи, в то же время сами полипричастные конструкции находили употребление в именительных самостоятельных оборотах, которые в старославянском языке были невозможны. Вследствие влияния народного языка именные действительные причастия в древнерусском литературном языке активно развивали способность к выражению различных обстоятельных отношений, утрачивая согласование с подлежащим, а под воздействием книжного языка распространились полипричастные

конструкции, деепричастия в оборотах с главными сказуемыми в форме императива, конъюнктива. Следовательно, в связи с влиянием народной речи конструкции с причастиями обрели компактную структуру, а книжный язык обусловил их разнообразие. Конечно, примеры подобного взаимодействия книжного и народного языка можно привести и при исследовании любых других категорий древнерусского языка. Полипричастные конструкции среди синтаксических построений с союзом *а* необычайно редки:

(50) ...зане ини мнози мене ради главы своя **положиша, а не видевъ, ни глаголавъ** со мною (ПЛДР, вып. 3, с. 50).

Преимущественно в памятниках с народными чертами языка относительно часто имеет место причастие (деепричастие), образованное от глагола *речи* и связанное с глаголом-сказуемым посредством союза *а* в присоединительном значении. Такое причастие служит введению прямой речи:

(51) Жены руския **въсплакашась а ркучи...** (ПЛДР, вып. 2, с. 378).

То, что данная конструкция была распространена в древнерусских памятниках с выраженными фольклорными чертами, свидетельствует о ее народном происхождении. Она характеризовалась устойчивостью и представляла собой своеобразную языковую формулу, что находит подтверждение в истории глагола *речи*. Данный глагол как в древнерусском языке, так и в старославянском был совершенного вида [Barnet, 1965, s. 104]. Б. Гавранек и А. Достал утверждают, что этот вид у него был вторичным [Havránek, 1937, s. 41; Dostal, 1954, s. 69]. В общеславянском языке он был двувидовым, а однозначно глаголом совершенного вида стал после того, как вступил в коррелятивные отношения с глаголом *глаголати*. Что касается причастия *ркучи*, то оно, выражает действие, одновременное с глаголом-сказуемым, что свидетельствует о его образовании от имперфективной основы. А такое значение оно могло сохранить именно в лексикализованном выражении [Barnet, 1965, s. 104]. Намного интенсивнее с пре-

обладанием таких причастий употреблялись указанные конструкции с союзом *а* в древнечешском языке [Немченко, 1954, с. 231–232; Gebauer, 1929, s. 606; Barnet, 1965, s. 106]. Из древнепольского языка редкие случаи такого использования причастия приводит В. Ягич [Jagič, 1889, S. 72]. Однако «предположение, что это “богемизм” слишком много взяло бы на себя» [Jagič, 1899, S. 71]. Примечательно, что в текстах позднего периода встречаются такие конструкции, в которых препозитивное причастие, уже перешедшее в деепричастие, соединяется союзом *а* с глаголом *молвити* на месте причастия *ркучи*, функционально тождественное ему:

(52) И **постояв** мало подсколничей, **а молвить...** (ПЛДР, вып. 11, с. 294).

Иногда встречаются подобные конструкции, в которых глагол *молвити* в анализируемой функции соединяется союзом *а* не с причастием, а с глаголом:

(53) А **пришед**, **новобрачную вскроет, а молвит** им... (ПЛДР, вып. 7, с. 186).

В некоторых случаях союз *а* в подобных конструкциях выражает противительное-перечислительное значение:

(54) Потом **испугавшись** Евинянь **цесарь и вышедши** из воды, **а ни платья, ни коня не обрете** (ПЛДР, вып. 11, с. 133).

Довольно редко имеют место обороты, в которых союз выражает присоединительно-усилительную семантику, присоединяя новую дополнительную информацию:

(55) И Бова **садился** на добраго коня богатырского, **а в стремя ногою не вступаючи** (ПЛДР, вып. 10, с. 284).

Несколько реже, чем союз *а*, для связи причастия с глаголом применялся союз *но*. В отличие от рассмотренного выше союза *а* он имеет одно основное значение, выражая противопоставление или возражение, а возникающие у него в процессе употребления оттенки разных видов такой семантики «не выходят

за пределы его основного противительного значения» [Виноградов, 1972, с. 559]. Союз *но* в отличие от союза *а* и подобно союзу *и* характеризуется в качестве нейтрального в отношении стиля и жанра. В древнерусском языке он находит употребление как в агиографической литературе, так и в грамотах, как в памятниках низкого стиля, так и высокого. Так же как и рассмотренные выше, союз *но* употреблялся для соединения с главным сказуемым как препозитивных, так и постпозитивных причастий, как настоящего, так и прошедшего времени. Для соединения препозитивного причастия настоящего времени с главным сказуемым указанный союз использовался редко:

(56) Инии же и книги **почитающе, но** съвершена **не имяху** разума (ПЛДР, вып. 7, с. 54).

Значительно чаще он употребляется для связи *verbum finitum* с постпозитивным причастием:

(57) ...к сему же на игры съ инѣми **не исхожаще, но** на божественое и церковное пение и почитание преже инѣхъ **притекая** (ПЛДР, вып. 3, с. 70).

Что касается причастий прошедшего времени, то они соединялись указанным союзом с *verbum finitum* одинаково редко как в препозитивном относительно глагола положении, так и в постпозитивном:

(58) Он же ни мало слышати **восхотѣвъ, но** на брань **устремися** (ПЛДР, вып. 6, с. 382);

(59) Сего ради къ Иерусалиму шествие **оставляет, но** обаче по востоку **прошед** (ПЛДР, вып. 6, с. 400).

Изредка союз *но* использовался для соединения с глаголом нескольких причастий:

(60) ...в ноци **убо не усыпаху и не почиваху, но обидяще** чужие дома **призирающа** дабы нечто украсти (ПЛДР, вып. 7, с. 210).

Динамика использования союза *да* для связи причастия со спрягаемой формой в древнерусских текстах совпадает с динамикой союза *но*. В исследованных материалах он характеризуется исключительно присоединительной семантикой и служит соединению

с *verbum finitum* находящихся в препозиции относительно последнего только причастий в форме прошедшего или настоящего времени от глагольных основ совершенного вида. Лишь однажды в данном конструктивном типе встретилось причастие (деепричастие) в форме настоящего времени несовершенного вида:

(61) ...вас **тѣша, да себѣ скудость творю** (ПЛДР, вып. 11, с. 407).

Чаще всего данный союз встречается в текстах, отражающих народную речь, в памятниках с книжными чертами языка он довольно редок. Проведенное наблюдение вполне согласуется с выводом Э.И. Коротаевой, утверждающей, что союз *да* с семантикой присоединения свойствен языку фольклора [Коротаева, 1959, с. 68]. В анализируемых оборотах союз *да* начинает функционировать лишь с XV в.:

(62) ...и **приѣхавъ** сюды **да померли** (ПЛДР, вып. 8, с. 128).

В памятниках XI–XIV вв. он употребляется единично:

(63) Съвѣт же **сътворше** съ игуменомъ, **да** нужею **приведут** нѣкыя, извлекут вонъ и въвергнуть и въ воду (ПЛДР, вып. 2, с. 486).

Как и в рассмотренных конструкциях с союзами *и*, *а*, *но*, союз *да* встречается в полипричастных (полидеепричастных) оборотах:

(64) ...а того мертвеца рогатиною **исколوصи** или саблею **изсѣкши да** кровью **вымажут**, да богатому человеку в дом подкинут (ПЛДР, вып. 8, с. 616).

В отличие от анализируемых синтаксических построений с союзами *и*, *а*, *но*, *да* обороты с другими сочинительными союзами в древнерусских текстах единичны:

(65) ...самъ же въ худыя пѣрты **обълкъся, ти** тако **хожаше** (ПЛДР, вып. 1, с. 314);

(66) Аще **ядяше и пияше или** что делая, непрестанно молитву глаголаше (ПЛДР, вып. 10, с. 102);

(67) ...как **пришед**, так и **возму** (ПЛДР, вып. 8, с. 50).

Во всех приведенных конструкциях союзы соединяют причастия с глагольным сказуемым, но они могли соединять второстепенное причастное сказуемое и с именным предикатом как с материально выраженной связкой, так и с нулевой:

(68) **Святослав же и Рюрикъ то слышавша и рада быста** (ПЛДР, вып. 2, с. 348);

(69) **Велможабосуть потребни**, нониоткоихже своих трудов **дородствующе** (ПЛДР, вып. 6, с. 652);

(70) ...не слухомъ бо **слышавъ**, но сам о семь **началникъ** (ПЛДР, вып. 1, с. 220).

Сочинительный союз иногда использовался для связи причастия с главным сказуемым в форме инфинитива:

(71) ...без луки **беседующе**, а много **разумети** (ПЛДР, вып. 1, с. 394).

Употребление союза для связи причастия с глаголом на всем протяжении истории древнерусского языка характеризуется довольно высокой динамикой. В текстах XI в. было зафиксировано 150 конструкций; XII в. – 235; XIII в. – 230; XIV в. – 215; XV в. – 231; в трех книгах XVI в. – 612; в первой книге XVII в. – 439. Таким образом, частотность употребления данных синтаксических построений довольно равномерна на протяжении почти всей истории древнерусского языка. Только в памятниках второй книги XVII в. наблюдается существенное сокращение таких конструкций: в ней встретилось 235 оборотов, то есть в два раза меньше, чем в первой книге. Следовательно, только во второй половине XVII в. началось постепенное устранение указанных оборотов речи. Однако окончательно они исчезли из употребления лишь в XVIII веке.

Заключение

Как следует из приведенного материала, сочинительный союз использовался в древнерусском языке для связи причастия с главным сказуемым во всех видах односубъектных конструкций: с препозитивными причастиями

прошедшего времени и главным сказуемым в формах аориста, имперфекта, перфекта, единично в формах настоящего и будущего времени; с препозитивными причастиями настоящего времени и главным сказуемым в формах имперфекта, аориста, настоящего времени; с препозитивными полипричастными конструкциями; с постпозитивными причастиями настоящего и прошедшего времени с главным сказуемым в формах имперфекта, аориста, настоящего времени; с постпозитивными полипричастными конструкциями. Данный факт свидетельствует о том, что причастия в них обладали тем и же свойствами, что и в оборотах без союза. Единичные случаи соединения сочинительным союзом местоименного действительного причастия с *verbum finitum* свидетельствуют об искусственном характере подобных оборотов и объясняются прямолинейным логическим параллелизмом между употреблением именных и местоименных форм действительных причастий, проявляемым древнерусскими книжниками. Сочинительные союзы выступали в качестве средства связи, а не представляли собой ошибки писца, междометия или указательные местоимения. Важно подчеркнуть, что причастие связывалось с главным сказуемым не только посредством союза *и*. Относительно часто в проанализированных конструкциях используются союзы *а, но, да*. При этом употребление в качестве средства связи в указанных оборотах союзов *ти, или, такоже, как, так и* полностью исключает иное толкование *и*.

Из проведенного анализа можно сделать вывод о том, что точки зрения Ф. Миклошича, Й. Курца, А. Вайана, М. Феррана несмотря на очевидные различия в трактовке проанализированных конструкций необычайно близки в том, что истолковывают их своеобразие, отождествляя именное действительное причастие древнерусского языка с современным деепричастием. Скудость изученного материала, а также подход с позиции современной языковой системы стали причиной ошибочности их суждений. Убедительность утверждений А.А. Потевни по данной проблеме обусловлена тем, что он рассматривает указанные обороты речи в контексте древнерусской языковой системы, а не налагает современные категории на древнерусский материал. Однако недостаточность приведенного

им фактического материала способствовала пересмотру указанными выше учеными этой, несомненно, верной точки зрения. Суждение А.А. Потевни о том, что союз между причастием и глаголом в древнерусском языке эксплицирует высокую предикативную силу причастия, существующую и без союза, на-

шло полное подтверждение в проведенном исследовании.

Дальнейшее исследование рассмотренного оборота может быть направлено на выявление специфики его употребления в сопоставлении с соответствующими бессоюзными конструкциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков К. С., 1875. Полное собрание сочинений. Москва : В Университет. тип. (Катков и К^о) на Страт. бул. Т. 2. 660 с.
- Абдулхакова Л. Р., 2007. Развитие категории деепричастия в русском языке. Казань : Казан. гос. ун-т. 186 с.
- Бахаева Л. М., Хабусиева Т. М., 2018. Теоретические предпосылки изучения деепричастия в русском языке // *Русский язык. Филологический аспект*. № 7 (39). С. 5–11.
- Безроднова О. М., 2009а. Деепричастия русского языка в контексте функционально-семантического поля таксиса и соответствия русским деепричастиям в немецком языке // *Вестник Башкирского государственного университета*. Т. 10, № 3. С. 432–436.
- Безроднова О. М., 2009б. Таксисные значения причастий русского языка // *Вестник Башкирского государственного университета*. № 1. С. 87–91.
- Бондарко А. В., 1987. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // *Теория функциональной грамматики*. Ленинград : Наука. С. 234–242.
- Борковский В. И., 1949. Синтаксис древнерусских грамот. Львов : Изд-во Львов. гос. ун-та. 391 с.
- Вайан А., 1952. Руководство по старославянскому языку. Москва : Иностр. лит. 446 с.
- Виноградов В. В., 1972. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е. Москва : Высш. шк. 614 с.
- Георгиева В. Л., 1968. История синтаксических явлений русского языка. Москва : Просвещение. 167 с.
- Гращенко П. В., 2014. К эволюции нефинитных форм глагола // *Вестник Московского государственного университета им. М.А. Шолохова*. № 3. С. 34–54.
- Груздева С. И., 1958. Атрибутивные и предикативные функции причастия на -es в литовском языке в сравнении с русскими конструкциями // *Ученые записки Ленинградского государственного университета*. Серия филол. наук. Вып. 38, № 235. С. 222–245.
- Добровский Й., 1834. Грамматика языка славянского по древнему наречию. Ч. 1. Санкт-Петербург. 522 с.
- Зорихина-Нильссон Н. В., 2014. Таксисные деепричастные конструкции с глаголами стандартного положения в пространстве в русском языке // *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA* : тр. ин-та лингвист. иссл. Т. 10, № 3. С. 273–298.
- Истрина Е. С., 1919. Синтаксические явления 1 Новгородской летописи // *Известия отделения русского языка и словесности*. Петроград. Кн. 2. С. 1–172.
- Кацнельсон С. Д., 1936. К генезису номинативного предложения // *Труды института языка и мышления им. Н.Я. Марра*. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР. 110 с.
- Качевская Г. А., 1954. К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным (по данным памятников русской письменности XVI в.) // *Труды института языкознания*. Москва : Изд-во АН СССР. Т. V. С. 203–223.
- Коротаева Э. И., 1959. Особые случаи употребления деепричастия в литературном языке XVII–XIX столетия // *Ученые записки Ленинградского государственного университета*. № 277, вып. 55. С. 60–99.
- Кудрявцева Т. Ю., 2012. Синтаксическая функция деепричастия с позиций современных лингвистических воззрений // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 65–66.
- Кунавин Б. В., 1993. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке : дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург. 702 с.

- Кунавин Б. В., 2023. Nominativus absolutus в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 5. С. 178–189. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.14>
- Мирчев К., 1963. Историческа граматика на българския език. София : Наука и изкуство. 274 с.
- Немченко Е. В., 1954. Именные формы действительных причастий в древнейших памятниках чешского языка // Ученые записки Института славяноведения. Т. IX. С. 225–251.
- Обнорский С. П., 1946. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР. 199 с.
- Попов П. В., 1953. Сочинительные конструкции с союзом «а» в древнерусском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. 20 с.
- Попова И. А., 1945. Значение и функции союза «а» в древнерусском языке // Научный бюллетень Ленинградского государственного университета. С. 30–33.
- Потебня А. А., 1958. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. Москва : Учпедгиз. 536 с.
- Пятницкий В. Д., 2001. Аномалии современной речи в употреблении глагольных форм и словосочетаний // Русский язык в школе. № 4. С. 83–86.
- Руднев А. Г., 1959. Обособленные члены предложения в истории русского языка // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 174. 254 с.
- Соколова М. А., 1962. Очерки по исторической грамматике русского языка. Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та. 312 с.
- Срезневский И. И., 1959. Мысли об истории русского языка. Москва : Учпедгиз. 135 с.
- Сумкина А. И., 1954. К истории относительного подчинения в русском языке XIII–XVII вв. // Труды института языкознания АН СССР. Т. V. С. 139–202.
- Чупашева О. М., 2008. Грамматика русского деепричастия. Мурманск : Мурман. гос. пед. ун-т. 197 с.
- Barnet V., 1965. Vývoj systému participií aktivních v ruštině. Praha : Universita Karlova. 191 s.
- Dostal A., 1954. Studie o vidovém system v staroslovenstine // Z praci Slovanskeho ustavu Ceskoslovenske akad. ved. Praha. 683 s.
- Ferrand M., 1983. Le participe /gérondif/ apparemment coordonné a son verbe principal et le même tour avec subordonnée en vieux russe et ailleurs en indo-européen. Revue des études slaves / Tome cinquante-cinquième. Fascicule 1. Paris. P. 43–55.
- Gebauer I., 1929. Historická mluvnice jazyka češského. Díl. 4. Praha : Nakl. Československe akad. ved. 763 s.
- Havránek B., 1937. Genera verbi v slovanských jazycích. V Praze. 201 s.
- Jagič V., 1899. Beiträge zur slavischen Syntax. Denkschriften der keiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Band 46. Wien. 88 S.
- Kurz I., 1958. Problematika zkaumání syntaxe staroslovenskeho jazyka a nástin rozboru významu častic i, a a pod. v konstrukcích participialních vases s určitými slovesy // K historicko-srovnávacímu studio slovenských jazyku. Praha : Státní ped. nakl. S. 83–107.
- Miklošich F., 1883. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklošich. 4 Band. Syntax. Wien : Wilhelm Braumüller. 895 S.
- Růžicka R., 1963. Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen. Berlin : Akademia-Verlag-Berlin. 395 S.
- Sedlaček J., 1954. K otazce slovanských participii praes. act. a praet. act. 1 // Slavia 23. Praha. S. 509–526.
- Trávníček F., 1956. Historická mluvnice česka 3. Skladba. Praha: Státní pedagogické nakladatelství. 201 s.

ИСТОЧНИК

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. Москва : Худож. лит., 1978–1994. В 12 вып. Вып. 1. 1978. 463 с. ; Вып. 2. 1980. 704 с. ; Вып. 3. 1981. 616 с. ; Вып. 5. 1982. 688 с. ; Вып. 6. 1984. 768 с. ; Вып. 7. 1985. 624 с. ; Вып. 8. 1986. 640 с. ; Вып. 10. 1988. 704 с. ; Вып. 11. 1989. 704 с.

REFERENCES

- Aksakov K.S., 1875. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Set of Works]. Moscow, V Universitet. tip. (Katkov i K^o) na Strast. bul., vol. 2. 660 p.
- Abdulkhakova L.R., 2007. *Razvitiye kategorii deyeprichastiya v angliyskom yazyke* [Development of the Category of Participle in the Russian Language]. Kazan, Kazan. gos. un-t. 186 p.
- Bakhaeva L.M., Khabusieva T.M., 2018. Teoreticheskiye predposylki izucheniya deyeprichastiya v russkom yazyke [Theoretical Prerequisites for the Study of the Gerunds in the Russian Language]. *Russkiy yazyk. Filologicheskiy aspekt* [Russian Language. Philological Aspect], no. 7 (39), pp. 5-11.
- Bezrodnova O.M., 2009a. Deyeprichastiya russkogo yazyka v kontekste funktsionalno-semanticheskogo polya taksisa i sootvetstviya russkim deyeprichastiya v nemetskom yazyke [The Gerunds of the Russian Language in the Context of the Functional-Semantic Field of the Taxis and the Correspondence to the Russian Gerunds in the German Language]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], vol. 10, no. 3, pp. 432-436.
- Bezrodnova O.M., 2009b. Taksisnye znacheniya prichastiy russkogo yazyka [Taxisation Meanings of the Participles of the Russian Language]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir State University], no. 1, pp. 87-91.
- Bondarko A.V., 1987. Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa [General Characteristics of the Semantics and Structure of the Taxis Field]. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki* [Theory of Functional Grammar]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 234-242.
- Borkovskiy V.I., 1949. *Sintaksis drevnerusskikh gramot* [Syntax of Old Russian Letters]. Lvov, Izd-vo Lvov. gos. un-ta. 391 p.
- Vayan A., 1952. *Rukovodstvo po staroslavianskomu yazyku* [Guide to the Old Church Slavonic Language]. Moscow, Inostr. lit. Publ. 446 p.
- Vinogradov V.V., 1972. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [Russian Language. Grammatical Theory of the Word]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 614 p.
- Georgieva V.L., 1968. *Istoriya sintaksicheskikh yavleniy russkogo yazyka* [History of Syntactic Phenomena of the Russian Language] Moscow, Prosveshcheniye Publ. 167 p.
- Grashchenkov P.V., 2014. K evolyutsii infinitnykh form glagola [Towards the Evolution of the Infinite Forms of the Verb]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.A. Sholokhova* [Moscow State University Named After M.A. Sholokhov], no. 3, pp. 34-54.
- Gruzdeva S.I., 1958. Atributivnye i predikativnye funktsii prichastiya na -es v litovskom yazyke v sravnenii s russkimi konstruktsiyami [Attributive and Predicative Functions of the Participle Ending in -es in the Lithuanian Language in Comparison with Russian Constructions]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Leningrad State University]. Series of Philol. Sciences, iss. 38, no. 235, pp. 222-245.
- Dobrovskiy J., 1834. *Grammatika yazyka slavyanskogo po drevnemu narechiyu. Ch. 1* [Grammar of the Slavic Language According to the Ancient Dialect. Pt. 1]. Saint Petersburg, 522 p.
- Zorikhina-Nilsson N.V., 2014. Taksisnye deeprichastnye konstruktsii s glagolami standartnogo polozheniya v prostranstve v russkom yazyke [Taxis Adverbial Constructions with Verbs of Standard Position in Space in Russian]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA: tr. in-ta lingvist. issl.* [Proceedings of the Institute for Linguistic Research], vol. 10, no. 3, pp. 273-298.
- Istrina E.S., 1919. Sintaksicheskiye yavleniya 1 Novgorodskoy letopisi [Syntactic Phenomena of 1 Novgorod Chronicle]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti* [Izvestia of the Department of Russian Language and Literature]. Petrograd, book 2, pp. 1-172.
- Katsnelson S.D., 1936. K genezisu nominativnogo predlozheniya [On the Genesis of the Nominative Sentence]. *Trudy instituta yazyka i myshleniya im. N.Ya. Marra* [Proceedings of the N.Ya. Marr Institute of Language and Thought]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. 110 p.
- Kachevskaya G.A., 1954. K istorii slozhnopodchinennykh predlozheniy s pridatochnym opredelitelnyim (po dannym pamyatnikov russkoy pismennosti XVI v.) [On the History of Complex Sentences with a Subordinate Attributive Clause (According to Data from Monuments of Russian Literature of the 16th Century)]. *Trudy instituta yazykoznaneya* [Proceedings of the Institute of Linguistics]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, vol. V, pp. 203-223.

- Korotayeva E.I., 1959. Osobyie sluchay upotrebleniya deeprichastiya v literaturnom yazyke XVII–XIX stoletiya [Special Cases of Using the Adverbial Participle in the Literary Language of the 17th – 19th Centuries]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Leningrad State University]. Series of Philol. of Sciences, iss. 55, no. 277, pp. 60-99.
- Kudryavtseva T.Yu., 2012. Sintaksicheskaya funktsiya deeprichastiya s pozitsiy sovremennykh lingvisticheskikh vozzreniy [The Syntactic Function of the Gerunds from the Standpoint of Modern Linguistic Views]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Voronezh State University Bulletin. Linguistics and Intercultural Communication Series], no. 2, pp. 65-66.
- Kunavin B.V., 1993. *Funktsionalnoye razvitiye sistemy prichastiy v drevnerusskom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [Functional Development of the Participle System in the Old Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 702 p.
- Kunavin B.V., 2023. Nominativus absolutus v istorii russkogo yazyka [Nominativus Absolutus in the History of the Russian Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 178-189. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.14>
- Mirchev K., 1963. *Istoricheska grammatika na bǎlgarskiya ezik* [Historical Grammar of the Bulgarian Language]. Sofiya, Nauka i izkustvo Publ. 274 p.
- Nemchenko E.V., 1954. Imennye formy deystvitelnykh prichastiy v drevneyshikh pamyatnikakh cheshskogo yazyka [Nominal Forms of Active Participles in the Oldest Monuments of the Czech Language]. *Uchenyye zapiski Instituta slavyanovedeniya*, vol. IX, pp. 225-251.
- Obnorskiy S.P., 1946. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the Older Period]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. 199 p.
- Popov P.V., 1953. *Sochinitelnye konstruksii s soyuzom «a» v drevnerusskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Coordinating Constructions with the Conjunction “a” in the Old Russian Language: Cand. Phil. sci. abs. diss.]. 20 p.
- Popova I.A., 1945. Znachenije i funktsii soyuza «a» v drevnerusskom yazyke [The Meaning and Functions of the Conjunction “a” in the Old Russian Language]. *Nauchnyy byulleten Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Bulletin of Leningrad State University], pp. 30-33.
- Potebnaya A.A., 1958. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. I–II* [From Notes on Russian Grammar. Vol. 1–2]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 536 p.
- Pyatnitskiy V.D., 2001. Anomalii sovremennoy rechi v upotreblenii glagolnykh form i slovosochetaniy [Anomalies of Modern Speech in the Use of Verb Forms and Phrases]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 4, pp. 83-86.
- Rudnev A.G., 1959. *Obosoblennye chleny predlozheniya v istorii russkogo yazyka* [Isolated Members of a Sentence in the History of the Russian Language]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gercena* [Scientific Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute Named After A.I. Herzen], vol. 174. 254 p.
- Sokolova M.A., 1962. *Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo yazyka* [Essays on the Historical Grammar of the Russian Language]. Leningrad, Izd-vo Leningr. gos. un-ta. 312 p.
- Sreznevskiy I.I., 1959. *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the History of the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 135 p.
- Sumkina A.I., 1954. K istorii otnositelnogo podchineniya v russkom yazyke XIII–XVII vv. [On the History of Relative Subordination in the Russian Language of the 13th – 17th Centuries]. *Trudy instituta yazykoznanija* [Proceedings of the Institute of Linguistics], vol. V, pp. 139-202.
- Chupasheva O.M., 2008. *Grammatika russkogo deeprichastiya* [Russian Gerunds Grammar]. Murmansk, Murm. gos. ped. un-t. 197 p.
- Barnet V., 1965. *Vývoj systému participií aktivních v ruštině*. Praha, Univerzita Karlova. 191 s.
- Dostal A., 1954. Studie o vidovem system v staroslovenstine. *Z praci Slovanskeho ustavu Ceskoslovenske akad. ved*. Praha. 683 s.
- Ferrand M., 1983. Le participe /gérondif/ apparemment coordonné a son verbe principal et le même tour avec subordonnée en vieux russe et ailleurs en indo-européen. *Revue des études slaves /Tome cinquante-cinquième. Fascicule 1*. Paris, pp. 43-55.

- Gebauer I., 1929 *Historická mluvnice jazyka češkeho. Dil. 4.* Praha, Nakl. Československe akad. ved. 763 s.
- Havránek B., 1937. *Genera verbi v slovanských jazycich.* Praha. 201 s.
- Jagič V., 1899. *Beiträge zur slavischen Syntax. Denkschriften der keiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Band 46.* Wien. 88 S.
- Kurz I., 1958. Problematika zkaumání syntaxe staroslovenskeho jazyka a nástin rozboru významu částic i, a a pod. v konstrukcích participialních vaseb s určitými slovesy. *K historicko-srovnávacímu studiu slovenských jazyku.* Praha, Státní ped. nakl., s. 83-107.
- Miklošič F., 1883. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklošič. Band 4. Syntax.* Wien, Wilhelm Braumüller. 895 S.
- Růžička R., 1963. *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen.* Berlin, Akademie-Verlag-Berlin. 395 S.
- Sedláček J., 1954. K otazce slovanských participii praes. act. a praet. act. 1. *Slavia* 23. Praha, s. 509-526.
- Trávníček F., 1956. *Historická mluvnice česka 3. Skladba.* Praha, Státní pedagogické nakladatelství. 201 s.

SOURCE

- Dmitriyev L.A., Lihachev D.S., eds. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. V 12 vyp.* [Monuments of Literature of Ancient Russia. In 12 iss.]. Moscow, Khudozh. lit., 1978–1994, iss. 1. 1978. 463 p.; iss. 2. 1980. 704 p.; iss. 3. 1981. 616 p.; iss. 5. 1982. 688 p.; iss. 6. 1984. 768 p.; iss. 7. 1985. 624 p.; iss. 8. 1986. 640 p.; iss. 10. 1988. 704 p.; iss. 11. 1989. 704 p.

Information About the Author

Boris V. Kunavin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, of Department Russian Language, North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>

Информация об авторе

Борис Всеволодович Кунавин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Северо-Осетинский государственный университет, г. Владикавказ, Россия, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.4>

UDC 811.161.1'37
LBC 81.411.2-31

Submitted: 22.02.2025
Accepted: 02.12.2025

SEMANTIC AMBIGUITY OF LEXICAL UNITS WITH CHARACTERISING MEANING IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Elena I. Zinovieva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Anastasiya P. Sokolova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
Saint Petersburg State Pediatric Medical University, Saint Petersburg, Russia

Manhua Wu

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with the phenomenon of semantic diffuseness on the material of two word associations with characterising semantics: the lexical class of nouns that name a person by virtue of their knowledge, skills and experience, and the lexico-semantic group of adjectives with the general meaning 'unique/exceptional.' The study was conducted in several stages, including continuous sampling and classification of the selected units, identification of nuclear units and the analysis of their semantics, as well as the peculiarities of use in the Russian National Corpus and other Internet sources. Verification of the results obtained was carried out by analysing Internet users' reflexive statements, surveying native speakers, and generalising relevant characteristics of the studied lexical units. Two types of semantic diffuseness have been identified: ambiguity of monosemantic words and ambiguity of polysemantic words. The lexical class of nouns that name a person by virtue of their knowledge, skills, experience features both ambiguity types, while adjectives with the meaning of uniqueness/exclusiveness are characterised by only the second type of ambiguity. Adjectives are noted to demonstrate cognitive-pragmatic syncretism, when one denotate is associated with cognitive and pragmatic signifiers. In the linguistic consciousness of Russian native speakers there is a stereotypical representation in relation to both types of word combinations. The stability of stereotypical representations is supported and strengthened by the typified combinability of the considered units, their prepositional-and-case models and the presence of idiomaticity.

Key words: lexical semantics, semantic ambiguity, semantic diffuseness, semantic syncretism, syncreteseemia.

Citation. Zinovieva E.I., Sokolova A.P., Wu Manhua. Semantic Ambiguity of Lexical Units with Characterising Meaning in the Modern Russian Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 48-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.4>

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-31

Дата поступления статьи: 22.02.2025
Дата принятия статьи: 02.12.2025

СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ХАРАКТЕРИЗУЮЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Елена Иннокентьевна Зиновьева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Анастасия Петровна Соколова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный медицинский педиатрический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Маньхуа У

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается явление семантической диффузности на материале двух лексических объединений с характеризующей семантикой: лексического класса существительных, называющих человека по обладанию знаниями, умениями и опытом, и лексико-семантической группы прилагательных с общим значением ‘уникальный / исключительный’. Исследование проводилось в несколько этапов, включающих отбор материала и классификацию отобранных единиц, выделение ядерных единиц, анализ их семантики и особенностей употребления в текстах, размещенных в Национальном корпусе русского языка и в интернет-источниках, верификацию полученных результатов путем проведения анализа рефлексивных высказываний интернет-пользователей, анкетирования носителей языка, обобщение релевантных характеристик изучаемых лексических единиц. Определены два типа семантической диффузности: неоднозначность моносемантических слов и неоднозначность полисемантических слов. Установлено, что для лексического класса существительных, называющих человека по обладанию знаниями, умениями, опытом, свойственны оба типа, тогда как для прилагательных со значением уникальности / исключительности характерен второй тип неоднозначности, при этом прилагательным свойствен когнитивно-прагматический синкретизм, при котором один денотат связан с двумя сигнификатами (когнитивным и прагматическим). Существующие в языковом сознании носителей русского языка стереотипные представления, вербализованные обоими исследуемыми лексическими объединениями, поддерживаются и усиливаются типизированностью сочетаемости рассмотренных единиц, их предложно-падежными моделями и наличием «шлейфа» идиоматичности. *Вклад авторов.* Е.И. Зиновьева – разработка общей концепции и подходов к анализу материала, описание теоретической базы, обобщение полученных результатов исследования. А.П. Соколова – лингвистический анализ прилагательных со значением уникальности / исключительности. Маньхуа У – лингвистический анализ существительных, обозначающих человека по обладанию знаниями, умениями, опытом.

Ключевые слова: лексическая семантика, семантическая неоднозначность, семантическая диффузность, семантический синкретизм, синкретсемия.

Цитирование. Зиновьева Е. И., Соколова А. П., У Маньхуа. Семантическая неоднозначность лексических единиц с характеризующим значением в современном русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 48–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.4>

Введение

В российских исследованиях по лексической семантике с середины XX в. отмечается интерес к случаям невозможности однозначного определения значения слова в речи. Под «языковой неоднозначностью» понимают наличие у речевого произведения (текста) одновременно нескольких различных смыслов [Зализняк, 2006, с. 17]. В лингвистической литературе функционирует ряд смежных терминов, описывающих данное языковое явление: «семантическая диффузность», «семантическая неопределенность», «семантический синкретизм», «широкозначность (эврисемия)» и некоторые другие. Обозначаемые этими терминами понятия, безусловно, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Объединяющим их свойством является семантическая неопределенность.

Рассуждая о семантической неоднозначности, исследователи чаще всего обращают

внимание на лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) многозначных слов. Д.Н. Шмелев одним из первых указал на размытость в целом ряде случаев границ между значениями многозначного слова, отметил диффузность этих значений, проявляющуюся в совмещении разных ЛСВ. Ученый охарактеризовал это лингвистическое явление как естественное, сущностное свойство языка [Шмелев, 1973, с. 94–95]. В научной литературе справедливо различают языковая (чисто гипотетическая) диффузность и диффузность речевая, проявляющаяся в контекстах употребления лексемы [Апресян, 1995; Власова, 2014; и др.]. В настоящее время семантическая диффузность изучается в различных аспектах и на разном языковом и речевом материале. Это явление исследуется применительно к более ранним этапам развития языка, например старорусскому [Генералова, 2024], при изучении амбисемии терминов

[Юнусова, 2010; Власова, 2014; Гапиенко, 2020], особенностей устной речи [Новикова, 2021], анализе ментального лексикона [Шкапенко, 2012] и др.

С явлением семантической диффузности тесно связано явление семантического синкретизма. В некоторых научных исследованиях термины, обозначающие их, используются как синонимы. Эти два явления, действительно, близки друг к другу. Как отмечают лингвисты, семантический синкретизм – это специфическая черта древнерусского слова, связанная с особенностями мышления средневекового человека и отражением их в языке. Синкретизм и полисемия не могут быть совмещены в слове, поскольку принадлежат разным историческим эпохам. Полисемия развивается в слове в связи с распадом синкретизма его значений. Распад семантического синкретизма определялся как экстралингвистическими факторами (развитие производительной деятельности человека, его познания окружающего мира, мышления), так и факторами лингвистическими (развитие текста, усложнение синтаксиса, увеличение числа речевых синтагм, в которых употреблялось слово, специализация семного содержания слова в каждом синтагменном употреблении и одновременно обобщение смысла путем извлечения его из контекстных употреблений слова) [Колесов, 1984; 1985; 1989, 1991; Пименова, 2000а; Зиновьева, 2001]. В.В. Колесов детально исследовал и описал категорию семантического синкретизма в истории русского языка [Колесов, 1991; 2002; и др.]. Ученый ввел в научный оборот термин «слово-синкрета» – слово, значение которого представлено как образ и воплощено в символе (языковом знаке) [Колесов, 1991, с. 43].

Анна Зализняк справедливо замечает, что «представление многозначности в виде множества частных значений – с установленной между ними иерархией и выявленными моделями семантической деривации или без них – всегда будет несовершенным (в смысле – неадекватным фактам), и это несовершенство обусловлено... природой многозначности, которая устроена недискретно в языке или системе: при реализации в речи недискретность существенно убывает, но не устраняется вовсе...» [Зализняк, 2004, с. 41]. В этой

связи О.А. Черепанова определяет семантический синкретизм как неустраненную, а иногда и неустранимую недискретность в семантике слова [Черепанова, 2007].

Семантический синкретизм свойствен и современному состоянию языковой системы. М.Вас. Пименова на материале современной русской лексики представляет семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии, приводит детальную классификацию видов рассматриваемого явления в различных аспектах и отграничивает случаи «неразрешимого» синкретизма, которые, по ее мнению, образуют отдельную лексико-семантическую категорию – синкретсемию, от случаев совмещения двух значений многозначного слова и от неоднозначности одного значения [Пименова, 2011].

Вопрос о соотношении понятия семантического синкретизма и такого словарного объединения, как лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ), был поставлен О.А. Черепановой применительно к древнерусскому языку. Ученый приходит к выводу, что в целом семантический синкретизм древнерусского слова не следует считать препятствием к выделению той или иной ЛСГ, но необходимо учитывать обобщенный характер таких объединений, в которых парадигматические отношения единиц могут носить более сложный характер, чем это может показаться при подходе к древнему слову с современных позиций. Тип семантического синкретизма, выражающегося в диффузности, недискретности семантики слова, по мнению исследователя, свойствен прежде всего именам характеризующей семантики [Черепанова, 2007]. На историческом материале русского языка подтверждением этого вывода служат исследования семантических комплексов, объединяющих прилагательные и существительные с предельно широким значением (см., например: [Алексеев, 1999; Пименова, 2000б]).

В данном исследовании мы понимаем семантическую диффузность как семантическую неопределенность, а семантический синкретизм – как совмещение двух и более значений слова.

Объектом рассмотрения являются два словарных объединения: лексический класс

существительных, называющий человека по обладанию знаниями, умениями и опытом, и ЛСГ прилагательных с общим значением ‘уникальный / исключительный’. Оба словарных объединения отличаются характеризующей семантикой входящих в них единиц, но типы данных объединений наряду со сходствами имеют и различия.

Под термином «классы слов» понимаются «максимальные формы проявления лексической парадигматики» [Кузнецова, 1989, с. 69]. Вслед за Н.Ю. Шведовой в данном исследовании для наименования совокупности существительных, называющих человека по обладанию знаниями, умениями и навыками, используется термин «лексический класс» (далее – ЛК). К характеристикам ЛК относятся: «его внутреннее устройство, т. е. количество и объем подмножеств и характер их связанности друг с другом; собственная (внутричлассовая) грамматика; наличие собственного словообразовательного потенциала; наличие и характер того идиоматического “шлейфа”, который тянется за теми или иными единицами данного класса; характер его открытости или закрытости, его отношения к новациям, переосмыслениям и утратам» (РСС, с. 10). ЛСГ рассматривается нами, вслед за И.П. Слесаревой, как «языковая и психологическая реальность, принципиально вычленимое объединение слов, члены которого имеют одинаковый грамматический статус и характеризуются однородностью смысловых отношений – отношений смысловой близости по синонимическому типу» [Слесарева, 2010, с. 52].

Отдельные единицы ЛК интересующих нас существительных частично исследовались в функционально-семантическом, сопоставительном, лингвокультурологическом и лексикографическом аспектах при анализе смежных словарных объединений (см., например: [Тимофеева, 2016; Ивашкович, 2001; Землякова, 2018; Головань, 2021]). Прилагательные с семантикой ‘исключительный / уникальный’ в аспекте диффузности исследованы только в работе А.А. Упорова, посвященной прилагательному *исключительный* [Упоров, 2012], и существует также диссертационное исследование М.А. Трушкова, в котором рассмотрены прилагательные с

противоположной семантикой – семантикой типичности [Трушков, 2018].

Цель нашего исследования – выявление особенностей семантической неоднозначности входящих в анализируемые лексические объединения единиц в современном русском языке. В работе сопоставлены типы лексических группировок (ЛК и ЛСГ), это становится возможным благодаря тому, что они обе характеризуются общностью семантики входящих в них единиц и включают слова одной члассовой принадлежности.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили данные толковых, синонимических, антонимических, идеографических словарей русского языка; контексты употребления единиц, представленные в Национальном корпусе русского языка, а также найденные методом свободного поиска в интернет-пространстве; результаты анкетирования и рефлексивные высказывания носителей русского языка в интернет-источниках, в которых просят разъяснить то или иное слово.

В ходе исследования использовались следующие методы и приемы: описательный метод, метод компонентного анализа значения, дистрибутивный метод, метод когнитивного теста, прием сплошной выборки материала из словарей, прием направленной выборки контекстов употребления анализируемых единиц из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), приемы стилистической характеристики, анкетирования и количественных подсчетов.

Методика анализа включала несколько этапов.

Этап 1. Определение состава и объема каждого из интересующих нас словарных объединений.

Материал для исследования поэтапно отбирался:

– из лексикографических источников (идеографических, толковых словарей, словарей синонимов и антонимов русского языка; см. список источников);

– из анкет информантов.

Из собранного корпуса были исключены существительные, зафиксированные в слова-

рях, но устаревшие или, по нашему мнению, находящиеся на крайней периферии словарного объединения, редко употребительные или не включающие в лексическое значение общие интегральные семы объединения, а также бранные слова. Например, к анализу не привлекались такие существительные, как *деловик, неумейка, путаник, полужайка, сосун, сопляк, щенок, молокосос*. Из анализируемых прилагательных были исключены устаревшие, малоупотребительные и находящиеся на крайней периферии группы единицы, например устар. *казусный, своеобычный, своебытный*, а также те единицы, в семантике которых при компонентном анализе не было обнаружено сем 'уникальный, исключительный', например разг. *крутой, анекдотический, баснословный, отдельный, едиnorodный* и др.

Далее были учтены результаты анкетирования носителей русского языка, добавлены приведенные информантами лексические единицы, относящиеся по семантике к анализируемому ЛК и функционирующие в современном языке (что подтверждается данными НКРЯ). Так, по результатам анкетирования были добавлены следующие существительные: *профи, ветеран*. В ЛСГ прилагательных вошли менее частотные (по сведениям частотных словарей), но приведенные информантами и функционирующие в современном языке (по данным НКРЯ и интернет-источников) прилагательные *незаурядный, недюжинный, редкостный, необычайный, неординарный, экстраординарный, феноменальный*.

Этап 2. Классификация отобранных единиц с учетом их семантики и выражаемой оценки.

Этап 3. Определение основных признаков, организующих семантическую структуру лексических объединений.

Этап 4. Определение и выделение ядерных единиц для детального анализа.

Этап 5. Анализ семантики и употребления выделенных единиц (на материале НКРЯ и других интернет-источников).

Этап 6. Верификация полученных результатов путем проведения анализа рефлексивных высказываний интернет-пользователей.

Этап 7. Обобщение релевантных характеристик изучаемых лексических единиц.

Результаты и обсуждение

Лексический класс существительных, называющих человека по обладанию знаниями, умениями и опытом

Критериями выделения ядра, ближней периферии и дальней периферии словарного объединения являются обобщенность лексического значения анализируемых единиц, их стилистическая принадлежность, вхождение в состав многочленных синонимических рядов и количество контекстов употребления данных слов в интересующем нас значении в НКРЯ.

В составе ЛК существительных, называющих человека по обладанию знаниями, умениями и опытом, выделяются 7 ЛСГ:

1. ЛСГ универсальных номинаций знающего и умеющего что-либо делать человека, строго не зависящих от конкретной сферы деятельности: *мастер, профессионал, специалист, знаток* и др.

2. ЛСГ номинаций знающего и умеющего что-либо делать человека ограниченных сфер деятельности: *ас, мастер, виртуоз* и др.

3. ЛСГ номинаций человека, обладающего конкретными знаниями и умениями в определенных областях: *политик, психолог, техник* и др.

4. ЛСГ номинаций человека, не обладающего профессиональными знаниями и умениями: *дилетант, любитель, самоучка* и др.

5. ЛСГ номинаций человека, обладающего недостаточными знаниями и умениями: *зубрила, недоучка, верхогляд* и др.

6. ЛСГ номинаций человека, не обладающего знаниями и умениями: *невежа, недоросль, неуч, профан* и др.

7. ЛСГ существительных, называющих человека по обладанию опытом:

1) номинации опытного человека: *зубр, ветеран* и др.;

2) номинации неопытного человека: *дебютант, чайник* и др.

Детальному анализу были подвергнуты 17 ядерных единиц и 17 единиц ближней периферии, употребленные в более чем 2 000 контекстах. Слова дальней периферии (например, *каллиграф, законник, политик, ездок*) не привлекались к исследованию в силу наличия в их значениях большого количества дифферен-

циальных сем. Из ЛСГ универсальных номинаций знающего и умеющего что-либо делать человека, не зависящих от конкретной сферы деятельности, подробно были рассмотрены подгруппы единиц с общим значением ‘человек, достигший высокого мастерства, совершенства’, ‘человек, обладающий большими знаниями’, ‘искусный в чем-л. человек’. Из ЛСГ существительных, называющих человека по обладанию опытом, были проанализированы подгруппы номинаций опытного человека, человека, не обладающего профессиональными знаниями и умениями, и человека, обладающего недостаточными знаниями и умениями.

Толковые словари русского языка часто определяют значения интересующих нас существительных через другое слово того же ЛК: *профессионал* – «хороший **специалист**» (БАС, с. 356), *ас* – «большой **мастер**» (БТС, с. 48) и др. Слова, значения которых обладают сходным набором семантических компонентов, иногда толкуются не унифицированно: то как моносемантические, то как полисемантические. Например, значение существительных *знаток*, *универсал* определяется как моносемантическое, в нем выделяются разные семы: ‘знающий’, ‘умеющий’ и ‘опытный’, а существительное *мастер* представляется в словарях как полисемантическое с выделением отдельных ЛСВ: *мастер* – 1. ‘квалифицированный работник’; 2. ‘человек, достигший высокого мастерства, совершенства’; 3. ‘человек, который ловко и хорошо делает что-л.’ (Ожегов, Шведова, с. 344; БТС, с. 524).

В лексико-семантической подгруппе существительных с общим значением ‘человек, достигший высокого мастерства, совершенства’ на основании дефиниций толковых словарей выделяются интегральные семы ‘знающий человек’ и ‘умеющий человек’. Однако в контекстах данные семы не всегда представлены эксплицитно. Сема ‘умеющий’ актуализируется в контексте употребления таких существительных, как *искусник*, *виртуоз*, *ас*, *артист*, например:

(1) Осташи были большие **искусники** плести сети, ковать якоря и рыболовные крючки от самых маленьких до самих больших, шить огромные сапоги для рыболовов, которые так и назывались –

осташи ¹ (НКРЯ: М.Б. Бару. Второй сон Любови Александровны // Волга. 2015);

(2) Обычно все жалуются на детские сады, а нам повезло, у нас самая лучшая группа и лучшие воспитатели. А как они ведут утренники! Они же настоящие **артисты**, профессионалы своего дела (https://vk.com/topic-185959688_40703814).

В контекстах использования слов *корифей* и *профессор* актуализируется сема ‘знающий’:

(3) Часть ученых, в том числе и **корифей** медицины, все силы и знания отдали изучению одной частной системы регуляции артериального давления и именно ее считали единственной причиной заболевания (<https://kartaslov.ru/>);

(4) – Ну ты **профессор** сел на своего конька, хорошо все объяснил (<https://kartaslov.ru/>).

При употреблении существительных с общим значением ‘человек, обладающий большими знаниями’ отмечается взаимодействие сем ‘знающий’ и ‘умеющий’, например в слове *дока*:

(5) И вот пишет, что, по его мнению (а **он в этом деле дока, сам издает тридцать журналов**), «Знание-сила» – один из лучших из всех известных ему такого рода журналов (НКРЯ: Галина Бельская. Наша маленькая странность // Знание-сила. 2006).

В лексико-семантической подгруппе существительных с общим значением ‘искусный в каком-л. деле человек’ на основе словарных данных можно выделить интегральную сему ‘умеющий’. Однако в контекстах употребления слов *специалист* и *спец* могут эксплицироваться семы ‘знающий’ и ‘умеющий’, а в семантике существительных *профессионал* и *профи* – семы ‘знающий’, ‘умеющий’ и ‘опытный’. Например:

(6) Ваня большой **специалист** по возведению разного рода сооружений и рисованию (НКРЯ: В.В. Шелохаев. Дневник. 2011);

(7) Но настоящий **профессионал** силен не только *опытом*, *умением* и *знаниями*, он силен своим фартом! (НКРЯ: Александр Мардань. Тайна на троих // Дальний Восток. 2019).

В контекстах употребления существительных, называющих опытного человека, эксплицируются разные семы. Например, в слове *патриарх* – семы ‘знающий’, ‘умеющий’ и ‘опытный’:

(8) Во-первых, по традиции, вручили свои премии патриархи литературной журналистики, традиционные законодатели моды в высокой словесности – журналы “Знамя” и “Дружба народов”» (<https://portal-kultura.ru/upload/iblock/7ee/2002.03.21.pdf>).

Для наглядности соотношение интегральных сем анализируемых единиц представлено в таблице.

Семантический синкретизм проявляется в разных ЛСВ слов *мастер* и *зубр*.

В ряде случаев синкретично представлены ЛСВ существительного *мастер* ‘человек, достигший высокого мастерства, совершенства’ и ‘человек, который ловко и хорошо делает что-л.’:

(9) Рафаэль, уже **признанный мастер**, автор многих прекрасных мадонн, из-за большого числа заказов использовавший труд учеников, настолько был захвачен этой работой, что **исполнил ее сам, без помощников, несмотря на огромные размеры холста** (НКРЯ: Светлана Степанова. Она – Мать и Дева // Наука и религия. 2011);

(10) Это тот, кто знает что-то в совершенстве. Кто делает свое дело лучше всех (<https://otvet.mail.ru/profile/id9150790/>).

О синкретизме этих ЛСВ свидетельствует также толкование данного слова в словаре: ЛСВ ‘человек, который ловко и хорошо

делает что-л.’ имеет оттенок значения ‘человек, достигший высокого мастерства, совершенства’ (МАС, т. 2, с. 234).

Для верификации полученных результатов на слово-стимул *мастер* был проведен ассоциативный эксперимент (далее – АЭ), в котором добровольно приняли участие 89 носителей русского языка разного возраста, пола и рода занятий. Анкетирование проводилось Маньхуа У в 2023 г. с использованием свободного программного обеспечения Google Формы. Информантам было дано задание написать 5 ассоциаций на слово-стимул. Всего было получено 445 ассоциатов. На основе реакций информантов можно высказать предположение о неразрывной связи разных ЛСВ значения слова *мастер* в сознании респондентов; см., например, такие ряды полученных ассоциатов: *ремесленник, мастер своего дела, квалификация, лучший, высшая ступень; водопроводчик, способный, кудесник, мастер на все руки, высокий уровень* и др.

В семантике слова *зубр* ЛСВ ‘крупный дикий горбатый лесной бык’ и ‘опытный ценный специалист’ взаимодействуют через метафору, см. контекст:

(11) **Зубрами** называют людей, которые представляют собой уходящий тип человека: **тип интел-**

Взаимосвязи интегральных сем изучаемых существительных

Relationships of integral semes of the studied nouns

Существительные с определенным значением	Общие семы по дефинициям словарей	Семы, актуализирующиеся в контекстах
Существительные с общим значением ‘человек, достигший высокого мастерства, совершенства’	‘знающий’ и ‘умеющий’	‘знающий’ и ‘умеющий’: <i>мастер; ‘знающий’: корифей, профессор; ‘умеющий’: искусник, виртуоз, ас, артист, художник</i>
Существительные с общим значением ‘человек, обладающий большими знаниями’	‘знающий’	‘знающий’: <i>знаток, энциклопедист; ‘знающий’ и ‘умеющий’: дока, эрудит</i>
Существительные с общим значением ‘искусный в каком-л. деле человек’	‘умеющий’	‘умеющий’: <i>мастер, мастак, умелец; ‘знающий’ и ‘умеющий’: специалист, спец; ‘знающий’, ‘умеющий’ и ‘опытный’: профессионал, профи, универсал</i>
Существительные, называющие опытного человека	‘опытный’	‘опытный’: <i>старик; ‘умеющий’ и ‘опытный’: ветеран; ‘знающий’, ‘умеющий’ и ‘опытный’: зубр, патриарх</i>

лигента, профессионала, крупной многогранной личности. Почему-то считается, что нынешний человек мельчает, а **фигуры по-настоящему сильные – похожи на вымирающих зубров** (<https://www.kommersant.ru/doc/2285778>).

Таким образом, особенностью существительных проанализированного класса является семантическая диффузность входящих в него единиц. Интегральные семы единиц класса могут выступать в разных конфигурациях при употреблении существительных в дискурсе. При этом может наблюдаться как семантический синкретизм, когда невозможно дифференцировать одновременно актуализирующиеся в контексте семы или несколько ЛСВ одного полисемантического слова, так и явление эксплицирования, акцентирования в контексте отдельных сем или их различных конфигураций.

Благодаря явлению семантической диффузии в структуре исследованного ЛК возникают многочисленные зоны пересечения между составляющими его более мелкими словарными объединениями. Ряд существительных может быть одновременно отнесен к разным лексико-семантическим группам и подгруппам.

Большинство единиц исследованных лексико-семантических групп и подгрупп характеризуется типизированной предположно-падежной сочетаемостью (*знаток чего, дока в чем, мастак на что*), употреблением с оценочными прилагательными (*настоящий виртуоз, признанный корифей, большой специалист*) и наличием устойчивых выражений с их участием (*виртуоз своего дела, корифей своего дела, специалист своего дела, специалист в своем деле, специалист на все руки*). Наблюдается тенденция к выравниванию синтаксической сочетаемости по аналогии. Например, появляется *искусник в своем деле* и *искусник своего дела* по аналогии с *мастер в своем деле* и *мастер своего дела*.

**Лексико-семантическая группа
прилагательных с семантикой
'уникальность / исключительность'**

Семантико-оценочная категория «Уникальность / Исключительность» вербализуется в русском языке единицами лексико-семан-

тического поля, в которое входит 4 ЛСГ: ЛСГ прилагательных, существительных, наречий и частиц. ЛСГ прилагательных является наиболее крупной группой в составе поля, так как оно имеет признаковую семантику. Мы обратились к словарям синонимов русского языка, чтобы выявить участки повышенной «номинативной плотности» (термин В.И. Карасика) внутри данной ЛСГ, свидетельствующие об особой важности называемого прилагательными признака, что выражается в наличии синонимических рядов.

В словарях синонимов русского языка выделяются различные по составу и количеству слов синонимические ряды. Кроме того, некоторые словари выделяют несколько синонимических рядов, в то время как другие помещают интересующие нас прилагательные в один ряд. Так, В.Н. Клюева выделяет один синонимический ряд (Клюева, с.192), тогда как К.С. Горбачевич – два (Горбачевич, 2005; Горбачевич, 2012), З.Е. Александрова – пять (Александрова, с. 447), А.П. Евгеньева – шесть (Евгеньева, с. 321, 372, 439, 625, 626, 648). Мы считаем, что синонимы данной ЛСГ можно разделить на два синонимических ряда, исходя из философских категорий особенного и единичного: мы принимаем точку зрения К.С. Горбачевича и А.П. Евгеньевой и согласны с исследователями в том, что те прилагательные, которые называют объекты или явления, выдающиеся по какому-либо признаку, объединяются доминантой *особенный* (философская категория особенного). Однако те прилагательные, которые называют единственный в своем роде или очень редкий объект или явление, составляют другой синонимический ряд, в качестве доминанты которого мы предлагаем прилагательные *уникальный, исключительный* (категория единичного).

Для уточнения состава синонимических рядов А.П. Соколовой в 2024 г. был проведен опрос, в котором добровольно приняли участие 92 носителя русского языка разного пола, возраста и образования. Анкетирование проводилось с использованием свободного программного обеспечения «Google Формы». Информантам предлагалось выбрать синонимы (или предложить собственные варианты) для доминант *уникальный / исключительный*, дать собственные определения доминантам (был проведен когнитивный тест для получе-

ния субъективных дефиниций), также был проведен ассоциативный эксперимент на стимулы – интересующие нас прилагательные *уникальный* и *исключительный* (всего получено 920 ассоциатов), и задан ряд уточняющих вопросов о частотности и оценочности прилагательных.

На основе проведенного анализа результатов эксперимента была определена структура ЛСГ прилагательных. В ядре находятся прилагательные *уникальный, исключительный, редкий, особенный, необыкновенный, неповторимый, особый, необычайный, необычный, феноменальный, редкостный, незаурядный, недюжинный, неординарный, экстраординарный, своеобразный, оригинальный, специфический, поразительный*; на ближней периферии – *самобытный, нестандартный, выдающийся, нетривиальный, неизбитый, невообразимый, беспрецедентный, чрезвычайный, экстремальный, единственный, замечательный*; на дальней периферии – *самостоятельный, нетрадиционный, невиданный, неслышанный, невероятный, неимоверный, немыслимый, диковинный, экзотический, экзотичный, крайний, однородный, единый, неправдоподобный, странный*. Детальному анализу были подвергнуты 19 ядерных прилагательных, которые можно сгруппировать в два синонимических ряда со значениями ‘не похожий на других, отличающийся от многих, ото всех’: *особенный, особый, необычный, необычайный, необыкновенный, оригинальный, своеобразный, специфический, поразительный, недюжинный, незаурядный, феноменальный, неординарный, экстраординарный* – и ‘такой, который не часто встречается, происходит’: *уникальный, исключительный, редкий, редкостный, неповторимый*.

Все исследуемые прилагательные характеризуют две денотативные области: «Человек» и «Окружающий человека мир».

Объектами характеристики из сферы «Человек» являются: 1) «лицо», куда входят следующие объекты: пол, возраст, члены семьи, профессия, лицо по описываемому признаку; 2) качества и свойства: физические и нефизические; 3) способности; 4) жизненный путь; 5) части тела; 6) деятельность: мыслительная

деятельность, способы реализации деятельности, результаты деятельности (результаты мыслительной деятельности, артефакты).

Лицо, характеризующееся исследуемыми прилагательными, обычно выделяется своей внешностью, взглядами, поведением на фоне других людей. Такой человек часто противопоставляется «серой массе», действует в соответствии с собственными представлениями и убеждениями, иногда вопреки тем, которые существуют в обществе. Вследствие этого такой человек часто бывает одинок и встречает непонимание окружающих.

Основными объектами сферы «Окружающий человека мир» являются: 1) артефакты; 2) природные объекты: флора и фауна, природные явления, природные ресурсы; 3) качества и свойства объектов.

При этом объект «Артефакты» находится на пересечении двух сфер, так как, с одной стороны, является результатом деятельности человека, с другой стороны, представляет собой объект окружающего мира. Артефакты, которые характеризуются исследуемыми прилагательными, обычно обладают такими качествами, как редкость, ценность, часто они созданы вручную и существуют в единственном экземпляре.

Среди свойств объектов окружающего мира особую группу составляют те, которые воспринимаются органами чувств: вкус, запах, цвет, звук. Прилагательные *неповторимый, специфический* часто характеризуют запах, так как именно запах обычно невозможно повторить.

Все исследуемые единицы, характеризующие объекты окружающего мира, имеют нейтральную или положительную оценку, тогда как по отношению к человеку оценка обычно амбивалентна. Так, если для прилагательного характерно употребление с существительными, называющими лицо по описываемому признаку (*исключительный, редкий, редкостный, необыкновенный, феноменальный, поразительный, экстраординарный*), то оценка будет зависеть от оценки самого существительного (*дурак, красавица* и т. п.). В ситуации самоопределения носители русского языка обычно предпочитают избегать номинаций с положительной оценкой, так как это связывается в национальном языковом со-

знании с чрезмерным самолюбием и заносчивостью. Прилагательные *исключительный, особенный* в сочетании с наименованиями лиц могут называть человека с особенностями здоровья, что также вызывает негативные ассоциации. Прилагательные *своеобразный, специфический* часто используются в функции эвфемизма в ситуации, когда человек не хочет выразить прямо негативную оценку.

Большинство исследуемых прилагательных функционируют в качестве компонента устойчивых сочетаний: «прилагательное + *по* + название признака в дательном падеже» и «прилагательное в родительном падеже + название признака в родительном падеже»: *оригинальный по конструкции, неповторимый по красоте, редкого таланта, необыкновенного мужества*.

Большинство прилагательных (*исключительный, уникальный, редкостный, необыкновенный, необычайный, недюжинный, незаурядный, экстраординарный, поразительный, феноменальный*) двух синонимических рядов развивают значение ‘очень большой по силе, степени проявления признака, чрезвычайный’, часто не зафиксированное словарями, однако проявляющееся в контекстах. Например:

(12) Темпы моего входа в репертуар были, прямо скажу, **незаурядные** – даже по теперешним моим оценкам (НКРЯ: И.К. Архипова. Музыка жизни. 1996);

(13) В **необычайном** волнении я открыл первый конверт, второй (НКРЯ: Юрий Лепский. В поисках Бродского // Дальний Восток. 2019).

Данное значение часто накладывается на другие значения прилагательных, тем самым создавая семантическую диффузность. Например, прилагательное *недюжинный* имеет значение: ‘выделяющийся среди других; незаурядный’ (МАС, т. 2, с. 442). При употреблении с абстрактными существительными, называющими качества человека, *недюжинный* может употребляться в значении, не зафиксированном словарями ‘большой по силе, степени проявления’:

(14) Чтобы выжить в ту эпоху, человеку приходилось выказывать **недюжинную наблюдатель-**

ность (НКРЯ: Александр Волков. Мир наших законов // Знание-сила. 2008).

При таком употреблении представляется сложным дифференцировать значения ‘большой по силе, степени проявления’ и ‘выделяющийся среди других’.

Синкретизм «возникает при одновременной реализации двух значений многозначного слова, причем это совмещение может быть намеренным (каламбурным, входящим в языковую игру, художественным)» [Пименова, 2011, с. 27]. Так, в нашем материале, прилагательное *поразительный* имеет значение ‘производящий большое впечатление, вызывающий сильное удивление, изумление; необыкновенный’ (МАС, т. 3, с. 301). Носители языка неохотно называют себя поразительными, что объясняется высокой интенсивностью выражаемого прилагательным признака, такое самоопределение они зачастую используют с иронией, обращаясь к исходному значению глагола *поразить* 1. ‘Нанести удар оружием; убить (устар.)’; 2. ‘Нанести поражение противнику; победить, разбить’ (МАС, т. 3, с. 301):

(15) Ты **поразительная** женщина??? – Ага! Поражаю сразу – наповал!; прям сразу молнией из глаз; поражаю сразу, быстро, без боли.; Не-а) Я сногшибательная. Как пройду – так с ног и сшибла) (<https://otvet.mail.ru/question/63354792>).

Рассматриваемые нами прилагательные с семантикой уникальности / исключительности можно отнести к словам с нерасчлененным когнитивно-прагматическим значением: они связаны с одним денотатом, но с двумя сигнификатами – предметно-логическим и прагматическим (выражающим оценку). Так, *редкий* будет иметь значение ‘нечасто встречающийся’ в ситуации, когда субъект хочет подчеркнуть редкость специальности. Когда для субъекта важными оказываются профессиональные качества человека – представителя определенной профессии, *редкий* будет иметь значение ‘встречающийся нечасто и очень хороший’. Ср.:

(16) **Редкий** врач, которому я полностью доверяю. Оперировал и меня, и родственников (https://docdoc.ru/doctor/Ershov_Igor);

(17) Маммолог – **редкий** врач. В поликлиниках он не встречается, только в онкологиях, женских консультациях и диспансерах (<https://tinyurl.com/mr3db6rf>).

Оценочный компонент накладывается и на семантику прилагательного *неповторимый* – ‘единственный по своим качествам, свойствам; исключительный’:

(18) Идут годы, и «45-я» дарит читателям всё новые и новые имена ярких **неповторимых** поэтов (НКРЯ: Сергей Сутулов-Катеринич. «Сорок пятой!»! 25! // Ковчег. 2015).

В отличие от большинства рассматриваемых прилагательных, имеющих амбивалентную оценку, *неповторимый* обладает однозначно положительной.

А.А. Упоров анализирует семантику прилагательного *исключительный*, которое является объектом и нашего исследования, и приходит к выводу о том, что оно обладает семантической диффузностью.

Автор отмечает трудность разграничения значений прилагательного ‘небывалый, необыкновенный’ и ‘выделяющийся среди других по своим положительным или отрицательным свойствам’, он справедливо указывает на то, что на предметно-логическое значение прилагательного *исключительный* накладывается прагматическое значение. Однако исследователь рассматривает только положительную оценку, тогда как *исключительный*, употребляясь с наименованиями лиц по описываемому признаку, обычно имеет отрицательную оценку:

(19) Но это была **исключительная дура** (<https://memuarist.com/ru/events/177159.htm>).

Наличие отрицательной оценки подтверждают как результаты анкетирования, так и результаты анализа рефлексивных высказываний пользователей Интернета. Носители языка отмечают:

– субъективность номинации:

(20) ...Он **исключительный**, потому что я его люблю, мне он нравится; **уникальная** женщина – это любимая женщина... (<https://otvet.mail.ru/question/27100646>);

– наличие оценки (как положительной, так и отрицательной), при этом мнения интер-

нет-пользователей об оценке необыкновенного человека разнятся:

(21) **Необыкновенность** – это отличие от остальной массы людей? Тогда это очень даже хорошо (<https://otvet.mail.ru/question/20800294>);

(22) **Необыкновенных** людей очень мало. И обычно их не так легко найти. Потому что если ты отличаешься от остальных, то тебя ненавидят (<https://otvet.mail.ru/question/20800294>).

Таким образом, благодаря явлению семантической диффузии у прилагательных, вербализующих категорию «Уникальность / Исключительность», в контекстах употребления: а) могут совмещаться значения ‘большой по степени проявления’ и ‘выделяющийся среди других’; б) возникает нерасчлененное когнитивно-прагматическое значение, происходит наложение на предметно-логическую семантику прилагательного прагматического (оценочного) компонента.

Заключение

Результаты проведенного исследования двух лексических группировок, объединенных характеризующей семантикой составляющих их единиц, позволяют прийти к следующим выводам.

Семантическая неоднозначность слов проявляется в семантической диффузности, которая может быть представлена: 1) различной конфигурацией сем в дискурсе, при которой отдельные семы становятся имплицитными, а другие одновременно актуализируются в контексте (неоднозначность моносемантических слов); 2) наличием в контексте двух и более лексико-семантических вариантов многозначного слова (неоднозначность полисемантических слов). Для лексического класса рассмотренных существительных, называющих человека по обладанию знаниями, умениями, опытом, свойственны оба типа семантической диффузности, для проанализированных прилагательных со значением уникальности / исключительности характерен второй из названных типов.

Для прилагательных рассмотренной лексико-семантической группы следует дополнительно отметить когнитивно-прагматический синкретизм (в терминологии

М.Вас. Пименовой), когда один денотат связан с двумя сигнификатами – когнитивным (предметно-логическим) и прагматическим (выражающим пейоративное / мелиоративное отношение говорящего к предмету сообщения).

Наличие семантической диффузности обусловлено существованием устойчивого стереотипного представления в русском языковом сознании, вербализованного единицами проанализированных лексических объединений.

Существительные, называющие человека по обладанию знаниями, умениями и опытом, вербализуют некий целостный образ субъекта обладания. Кроме того, в сознании носителей русского языка существует пресуппозиция о связи и взаимообусловленности знаний, умений и опыта.

Прилагательные, характеризующие человека как уникального и исключительного, всегда предполагают наличие некоего фона для такой характеристики, которая дается с позиции существующих норм и ценностей.

Стереотипные представления, стоящие за проанализированными существительными и прилагательными, усиливаются и поддерживаются клишированностью сочетаемости рассмотренных единиц, наличием устойчивых предложно-падежных моделей и «шлейфа» идиоматичности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее авторские орфография и пунктуация сохранены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. В., 1999. История слов со значением 'подавленное состояние духа' в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва. 18 с.
- Апресян Ю. Д., 1995. О языке толкований и семантических примитивах // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва : Шк. «Яз. рус. культуры». С. 466–483.
- Власова Л. В., 2014. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 1, № 2. С. 128–132.
- Гапиенко П. Е., 2020. Семантическая диффузность в искусствоведческой терминосистеме // Дискурс профессиональной коммуникации. Вып. 2, № 2-4. С. 42–63. DOI: 10.24833/2687-0126-2020-2-4-43-62
- Генералова Е. В., 2024. О диффузности семантики как свойстве лексико-семантической системы старорусского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 46, № 7. С. 95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1099
- Головань Н. В., 2021. Номинация и характеристика лица в аспекте творческого отношения к деятельности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 27, № 2. С. 122–131. DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-2-122-130
- Зализняк Анна А., 2004. Феномен многозначности и способы ее описания // Вопросы языкознания. № 2. С. 20–45.
- Зализняк Анна А., 2006. Многозначность в языке и способы ее представления. Москва : Яз. слав. культур. 671 с.
- Землякова Н. В., 2018. Способы образной концептуализации представлений о качествах человека в русской языковой картине мира // Вестник АГУ. Вып. 4 (227). С. 40–46.
- Зиновьева Е. И., 2001. Стилеобразующие средства и фрагменты языковой картины мира в деловой письменности XVI–XVII вв. (на материале записных кабальных книг) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург. 38 с.
- Ивашкович Т. И., 2001. Лексико-синтаксическое структурирование семантического поля «Знание. Компетентность» в современном русском языке (лексикографический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 21 с.
- Колесов В. В., 1984. Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения // Русское семантическое словообразование. Ижевск : Изд-во УдГУ. С. 18–28.
- Колесов В. В., 1985. Синонимия как разрушение многозначности слова в древнерусском языке // Вопросы языкознания. № 2. С. 80–87.

- Колесов В. В., 1989. Древнерусский литературный язык. Ленинград : Изд-во ЛГУ. 295 с.
- Колесов В. В., 1991. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. Вып. 2, № 9. С. 40–49.
- Колесов В. В., 2002. Философия русского слова. Санкт-Петербург : ЮНА. 448 с.
- Кузнецова Э. В., 1989. Лексикология русского языка. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Высш. шк. 216 с.
- Новикова Л. П., 2021. Семантическая диффузность в устной публичной речи: нормативный аспект // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. № 10. С. 64–67.
- Пименова М. Вас., 2000а. Семантический синкретизм и синкретсемия в древнерусском языке. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та. 15 с.
- Пименова М. Вас., 2000б. Эстетическая оценка в древнерусском тексте : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Санкт-Петербург. 38 с.
- Пименова М. Вас., 2011. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. № 3. С. 19–48.
- Слесарева И. П., 2010. Проблема описания и преподавания русской лексики. 3-е изд., испр. Москва : Либроком. 176 с.
- Тимофеева Т. Н., 2016. Номинация человека по внутренним качествам, свойствам в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 9-1. С. 138–144.
- Трушков М. А., 2018. Семантика типичности и основные средства ее выражения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Киров. 218 с.
- Упоров А. А., 2012. Диффузность семантики оценочного прилагательного *исключительный* // Новые подходы к изучению семантики. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 152–158.
- Черепанова О. А., 2007. О соотношении понятий «семантический синкретизм» и «лексико-семантическая группа» в применении к лексической системе древнерусского языка // Русская культура нового столетия : Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда : Кн. наследие. С. 692–697.
- Шкапенко Т. М., 2012. Семантическая диффузность в двуязычном аспекте // Вестник Балтийского федерального университета им И. Канта. № 8. С. 42–47.
- Шмелев Д. Н., 1973. Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка. Москва : Наука. 280 с.
- Юнусова И. Р., 2010. Семантическая диффузия в английских и русских технических терминах (на материале нефтегазовой терминологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 26 с.

ИСТОЧНИКИ

- Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/>
- Культура : газета. URL: <https://portal-kultura.ru/upload/iblock/7ee/2002.03.21.pdf>
- Ленмед. URL: <https://tinyurl.com/mr3db6rf>
- Мемуарист. URL: <https://memuarist.com/ru/events/177159.htm>
- На свободу с чистой совестью. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2285778>
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- Ответы Mail.ru. URL: <https://otvet.mail.ru>
- Отзывы о детских садах. URL: https://vk.com/topic-185959688_40703814
- СберЗдоровье. URL: <https://docdoc.ru>

СЛОВАРИ

- Александрова – Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Москва : Рус. яз., 2001. 568 с.
- Бабенко Л. Г. Словарь-тезаурус синонимов русского языка. Москва : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2021. 448 с.

- БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 21 / под ред. Л. И. Балахоновой. Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2012. 629 с.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 1534 с.
- Гаврилова А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. Москва : Аделант, 2014. 511 с.
- Горбачевич 2005 – Горбачевич К. С. Краткий словарь синонимов русского языка. Москва : Эксмо, 2005. 474 с.
- Горбачевич 2012 – Горбачевич К. С. Словарь синонимов русского языка : более 4000 синонимов. Москва : Эксмо, 2012. 599 с.
- Евгеньева – Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка. В 2 т. Т. 1. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. 680 с.
- Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Москва : АСТ, 2005. URL: <https://gufo.me/dict/efremova>
- Клюева – Клюева В. Н. Краткий словарь синонимов русского языка. Москва : Учпедгиз, 1956. 280 с.
- МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва : Рус. яз., 1985–1988. Т. 2. 1986. 736 с. ; Т. 3. 1987. 752 с.
- Ожегов, Шведова – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. Москва : А ТЕМП, 2006. 944 с.
- РСС – Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1. Москва : Азбуковник, 2002. 807 с.
- Шведова – Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Москва : Азбуковник, 2008. 1164 с.

REFERENCES

- Alekseev A.V., 1999. *Istoriya slov so znacheniyem 'podavlennoye sostoyanie dukha' v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [History of Words with the Meaning 'Depressed State of Mind' in Russian. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 18 p.
- Apresyan Yu.D., 1995. O yazyke tolkovaniy i semanticheskikh primitivakh [On the Language of Interpretation and Semantic Primitives]. *Izbrannye trudy. T. 2. Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. 2. Integral Description of Language and Systematic Lexicography]. Moscow, Shk. «Yaz. rus. kultury», pp. 466-483.
- Vlasova L.V., 2014. Semanticheskaya diffuziya, semanticheskaya neopredelennost: opredelenie ponyatiy [Semantic Diffusion, Semantic Uncertainty: Definition of Concepts]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Proceedings of Leningrad State University named after A.S. Pushkin], vol. 1, no. 2, pp. 128-132.
- Gapiyenko P.E., 2020. Semanticheskaya diffuznost v iskusstvedcheskoy terminosisteme [Semantic Diffuseness in Art History Terminology]. *Diskurs professionalnoy kommunikatsii* [Professional Discourse & Communication], iss. 2, no. 2-4, pp. 42-63. DOI: 10.24833/2687-0126-2020-2-4-43-62
- Generalova E.V., 2024. O diffuznosti semantiki kak svoystve leksiko-semanticheskoy sistemy starorusskogo yazyka [Diffusivity of Semantics as a Property of the Lexico-Semantic System of the Old Russian Language]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 46, no. 7, pp. 95-101. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1099
- Golovan N.V., 2021. Nominatsiya i kharakteristika litsa v aspekte tvorcheskogo otnosheniya k deyatel'nosti [Nomination and Characteristics of a Person in the Aspect of Creative Attitude to Activity]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], vol. 27, no. 2, pp. 122-131. DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-2-122-130
- Zaliznyak Anna A., 2004. Fenomen mnogoznachnosti i sposoby ee opisaniya [Phenomenon of Polysemy and Ways to Describe It]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 20-45.
- Zaliznyak Anna A., 2006. *Mnogoznachnost v yazyke i sposoby yeye predstavleniya* [Polysemy in Language and Ways of Its Representation]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 671 p.

- Zemlyakova N.V., 2018. Sposoby obraznoy kontseptualizatsii predstavleniy o kachestvakh cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira [Ways of Figurative Conceptualization of Ideas About the Qualities of a Person in the Russian Language Picture of the World]. *Vestnik AGU* [Bulletin of the Adyghe State University], iss. 4 (227), pp. 40-46.
- Zinovyeva Ye.I., 2001. *Stileobrazuyushchyye sredstva i fragmenty yazykovoy kartiny mira v delovoy pismennosti XVI–XVII vv. (na materiale zapisnykh kabalnykh knig): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Style-Forming Means and Fragments of the Language Picture of the World in Business Writing of the 16th – 17th Centuries: Based on Bonded Notebooks. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 38 p.
- Ivashkovich T.I., 2001. *Leksiko-sintaksicheskoye strukturirovaniye semanticheskogo polya «Znanie. Kompetentnost» v sovremennom russkom yazyke (leksikograficheskiy aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexico-Syntactic Structuring of the Semantic Field “Knowledge. Competence” in the Modern Russian Language (Lexicographic Aspect). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 21 p.
- Kolesov V.V., 1984. Istoricheskiye osnovaniya mnogoznachnosti slova i lingvisticheskiye sredstva yeye ustraneniya [Historical Bases of Word Polysemousness and Linguistic Means of Its Elimination]. *Russkoye semanticheskoye slovoobrazovaniye* [Russian Semantic Word Formation]. Izhevsk, Izd-vo UdGU, pp. 18-28.
- Kolesov V.V., 1985. Sinonimiya kak razrusheniye mnogoznachnosti slova v drevnerusskom yazyke [Synonymy as the Destruction of the Polysemy of a Word in Old Russian]. *Voprosy yazykoznaninya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 80-87.
- Kolesov V.V., 1989. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo LGU. 295 p.
- Kolesov V.V., 1991. Semanticheskyy sinkretizm kak kategoriya yazyka [Semantic Syncretism as a Category of Language]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya 2* [Bulletin of Leningrad State University. Series 2], iss. 2, no. 9, pp. 40-49.
- Kolesov V.V., 2002. *Filosofiya russkogo slova* [Philosophy of the Russian Word]. Saint Petersburg, JuNA. 448 p.
- Kuznetsova E.V., 1989. *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of Russian Language]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 216 p.
- Novikova L.P., 2021. Semanticheskaya diffuznost v ustnoy publichnoy rechi: normativnyy aspekt [Semantic Diffusion in Oral Public Speech: Normative Aspect]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities], no. 10, pp. 64-67.
- Pimenova M.Vas., 2000a. *Semanticheskyy sinkretizm i sinkretsemya v drevnerusskom yazyke* [Semantic Syncretism and Syncretsemya in the Old Russian Language]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 15 p.
- Pimenova M.Vas., 2000b. *Esteticheskaya otsenka v drevnerusskom tekste: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Aesthetic Evaluation in Ancient Russian Text. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 38 p.
- Pimenova M.Vas., 2011. Leksiko-semanticheskyy sinkretizm kak proyavleniye formalno-soderzhatelnoy yazykovoy asimmetrii [Lexico-Semantic Syncretism as a Manifestation of Formal and Content-Related Linguistic Asymmetry]. *Voprosy yazykoznaninya* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 19-48.
- Slesareva I.P., 2010. *Problema opisaniya i prepodavaniya russkoy leksiki* [Problems of Description and Teaching of Russian Vocabulary]. Moscow, Librokom Publ. 176 p.
- Timofeeva T.N., 2016. Nominatsiya cheloveka po vnutrennim kachestvam, svoystvam v romane I. Ilfa i Ye. Petrova «Dvenadtsat stulyev» [Nomination of a Person According to Internal Qualities, Properties in the Novel Twelve Chairs” by I. Ilf and E. Petrov]. *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current Problems of the Humanities and Natural Sciences], no. 9-1, pp. 138-144.
- Trushkov M.A., 2018. *Semantika tipichnosti i osnovnyye sredstva ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics of the Typicality and Basic Means of Expression in Modern Russian Language. Cand. philol. sci. diss.]. Kirov. 218 p.
- Uporov A.A., 2012. Diffuznost semantiki otsenochnogo prilagatel'nogo isklyuchitel'nyy [Diffuseness of Semantics of the Evaluative Adjective Exceptional]. *Novye podkhody k izucheniyu semantiki* [New Approaches to the Study of Semantics]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, pp. 152-158.
- Cherepanova O.A., 2007. O sootnoshenii ponyatiy «semanticheskyy sinkretizm» i «leksiko-semanticheskaya gruppya» v primeneni k leksicheskoy sisteme drevnerusskogo yazyka [On the Correlation Between the Concepts of Semantic Syncretism” and Lexico-Semantic Group” Applied to the Lexical System of the Old Russian Language]. *Russkaya kultura novogo stoletiya: Problemy izucheniya, sokhraneniya i ispolzovaniya istoriko-*

kulturnogo naslediya [Russian Culture of the New Century: Problems of Studying, Preserving and Using the Historical and Cultural Heritage]. Vologda, Kn. nasledie Publ., pp. 692-697.

Shkapenko T.M., 2012. Semanticheskaya diffuznost v dvuyazychnom aspekte [Semantic Diffusion: The Bilingual Aspect]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im I. Kanta* [IKBFU's Vestnik], no. 8, pp. 42-47.

Shmelev D.N., 1973. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki: na materiale russkogo yazyka* [Problems of Semantic Analysis of Vocabulary: A Study of Russian-Language Texts]. Moscow, Nauka Publ. 280 p.

Yunusova I.R., 2010. *Semanticheskaya diffuziya v angliyskikh i russkikh tekhnicheskikh terminakh (na materiale neftegazovoy terminologii): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic Diffusion in English and Russian Technical Terms by Example of Oil and Gas Terminology. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Ufa. 26 p.

SOURCES

Karta slov i vyrazheniy russkogo yazyka [Map of Words and Expressions of Russian Language]. URL: <https://kartaslov.ru/>

Kultura: gazeta [Kultura. Newspaper]. URL: <https://portal-kultura.ru/upload/iblock/7ee/2002.03.21.pdf>

Lenmed. URL: <https://tinyurl.com/mr3db6rf>

Memuarist [Memoirist]. URL: <https://memuarist.com/ru/events/177159.htm>

Na svobodu s chistoy sovestyu [To Freedom with a Clear Conscience]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2285778>

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Otvety Mail.ru [Mail.ru Answers]. URL: <https://otvet.mail.ru>

Otzyvy o detskikh sadakh [Reviews of Kindergartens]. URL: https://vk.com/topic-185959688_40703814

SberZdorovyе. URL: <https://docdoc.ru>

DICTIONARIES

Aleksandrova Z.Ye. *Slovar sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2001. 568 p.

Babenko L.G. *Slovar-tezaurus sinonimov russkogo yazyka* [Thesaurus of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, AST PRESS ShKOLA, 2021. 448 p.

Balakhonova L.I., ed. *Bolshoy akademicheskij slovar russkogo yazyka. T. 21* [Large Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 21]. Moscow, Saint Petersburg, Nauka Publ. 629 p.

Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.

Gavrilova A.S. *Slovar sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms and Antonyms of the Modern Russian Language]. Moscow, Adelant Publ., 2014. 511 p.

Gorbachevich K.S. *Kratkiy slovar sinonimov russkogo yazyka* [Concise Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 474 p.

Gorbachevich K.S. *Slovar sinonimov russkogo yazyka: bolee 4000 sinonimov* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language: Over 4000 Synonyms]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 599 p.

Yevgenyeva A.P. *Slovar sinonimov russkogo yazyka. V 2 t. T. 1* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. In 2 Vols. Vol. 1]. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. otd-nie, 1970. 680 p.

Yefremova T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka. V 3 t.* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 3 Vols.]. Moscow, AST Publ., 2005. URL: <https://gufo.me/dict/efremova>

Klyuyeva V.N. *Kratkiy slovar sinonimov russkogo yazyka* [Concise Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 280 p.

Yevgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1985–1988, vol. 2, 1986. 736 p.; vol. 3, 1987. 752 p.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 944 p.

Shvedova N. Yu. *Russkiy semanticheskiy slovar. Tolkovyy slovar, sistematizirovannyy po klassam slov i znacheniy. T. 1* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary Arranged by Word and Meaning Classes. Vol. 1]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. 807 p.

Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vklyucheniym svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information About the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1164 p.

Information About the Authors

Elena I. Zinovieva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e.i.zinovieva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6253-9739>

Anastasiya P. Sokolova, Postgraduate Student, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; Lecturer, Department of Russian Language, Saint Petersburg State Pediatric Medical University, Saint Petersburg, Russia, nastyasokoloff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4996-5930>

Manhua Wu, Postgraduate Student, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, wumanhua@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1085-5537>

Информация об авторах

Елена Иннокентьевна Зиновьева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, e.i.zinovieva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6253-9739>

Анастасия Петровна Соколова, аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; преподаватель кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный медицинский педиатрический университет, г. Санкт-Петербург, Россия, nastyasokoloff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4996-5930>

Маньхуа У, аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, wumanhua@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1085-5537>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.5>

UDC 81'1:070.41

LBC 81.002

Submitted: 17.10.2024

Accepted: 11.11.2025

IMMERSIVE TACTICS IN THE HEADLINES OF NEWS ARTICLES ON “ZEN”

Elena V. Buzalskaya

Wuhan University, Wuhan, China

Abstract. The article is devoted to identifying speech tactics and their linguistic markers used by authors in the headlines of news feed articles for immersive impact on the reader. The scientific novelty of the article lies in introducing into pragmatolinguistics the term *immersion*, which is understood as a phenomenon of the modern media sphere based on the use of techniques aimed to influence the addressee for commercial purposes (to increase the statistics of resource visits); it results in a decrease of critical understanding of information and immersion in the process of perceiving a series of pseudo-facts. The terminological units of *immersiveness* and *speech tactic of immersiveness* are defined. To identify the methods of such influence on the reader, the author of the article analyzes the headlines of news articles on everyday topics (medicine, psychology, forecasts of the geomagnetic situation, and reports on discoveries), published in 2024 on the *Zen* platform. The conducted research allowed to describe the speech tactic of immersiveness and identify five main variants of this tactic, which are implemented in news headlines: discovery, exposure, prediction, hint at conflict, and commentary on visual material. The linguistic markers distinguished via analysis show the presence of a specific set of means that indicates each of the tactics and the reasons that lead to the reduction of immersiveness while composing headlines. The double delayed survey of the respondents testifies to the stability of the identified impact. Based on the data obtained, the author of the article suggests that immersiveness can be characterized as a separate type or principle of communication.

Key words: headline, news article, immersive communication, speech tactics of immersiveness, language markers of immersiveness, pragmatolinguistics.

Citation. Buzalskaya E.V. Immersive Tactics in the Headlines of News Articles on “Zen”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 65-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.5>

УДК 81'1:070.41

ББК 81.002

Дата поступления статьи: 17.10.2024

Дата принятия статьи: 11.11.2025

ТАКТИКИ ИММЕРСИВНОСТИ В ЗАГОЛОВКАХ НОВОСТНЫХ СТАТЕЙ «ДЗЕН»

Елена Валериановна Бузальская

Уханьский университет, г. Ухань, Китай

Аннотация. Статья посвящена речевым тактикам и их языковым маркерам, применяемых авторами в заголовках статей новостной ленты для иммерсивного воздействия на читателя. Обосновано введение в прагматингвистику термина *иммерсия* для обозначения явлений современной медиасферы, базирующихся на использовании в коммерческих целях (для повышения статистики посещений ресурсов) приемов воздействия на адресата, приводящих к снижению уровня критического осмысления информации и погружению в процесс восприятия псевдо-фактов. Определены такие терминологические единицы, как *иммерсивность* и *речевая тактика иммерсивности*. Материалом для изучения иммерсивного воздействия на читателя послужили заголовки новостных заметок на бытовые темы (медицина, психология, прогнозы геомагнитной обстановки, сообщения об открытиях), опубликованные в 2024 г. на платформе «Дзен». Выделены пять речевых тактик иммерсивности, реализуемых в новостных заголовках: открытие, разоблачение, прогноз,

намек на конфликт, комментарий к иконическому материалу. Установлены языковые маркеры каждой тактики и специфические наборы средств для каждой из них. Определены причины, приводящие к нивелированию иммерсивности при формулировке заголовков. Проведенное двойное отсроченное во времени анкетирование респондентов свидетельствует об устойчивости описываемого воздействия. На основании полученных данных автор статьи делает предположение о том, что иммерсивность можно охарактеризовать как отдельный тип или принцип коммуникации.

Ключевые слова: заголовок, новостная статья, иммерсивная коммуникация, речевые тактики иммерсивности, языковые маркеры иммерсивности, прагмалингвистика.

Цитирование. Бузальская Е. В. Тактики иммерсивности в заголовках новостных статей «Дзен» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 65–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.5>

Введение

Разные сферы коммуникативной деятельности имеют разные скорости трансформации. Наряду с медленно меняющимися научной и художественной сферами, поддерживающими постоянный культурогенез, существуют области быстрых изменений, которые мгновенно реагируют на любые перемены в социуме и находятся в периферийных слоях культуры. Одной из таких областей является пространство медиадискурса, где происходит постоянная множественная трансформация моделей жанров, особенно заметная в сфере новостной ленты.

Функционально новостная лента преимущественно ориентирована на передачу информации, однако в ней реализуется множество неизбежно наслаивающихся друг на друга целей. Среди них есть такие, которые трудно отнести и к информативной коммуникации, и к фатической. Например, цель материала, озаглавленного *Врач Демьяновская: езда на велосипеде продлевает молодость и красоту* (Дзен. 22.05.2024), невозможно охарактеризовать ни как информативную, поскольку в нем представлена псевдоинформация, ни как фатическую, поскольку здесь отсутствует имитация личностного взаимодействия (вступление в коммуникацию ради установления контакта с собеседником [Якобсон, 1975] или ради самого общения [Винокур, 1993]). Представляется необходимым рассмотреть дискурсивную природу такого типа взаимодействия с адресатом, при котором ему предлагается принять на веру информацию, не поддающуюся верификации.

На фоне отмечаемого исследователями расширения сферы фатического влияния [Корнилова, Прохорова, 2012], в настоящее время к фатике относят уже не только стереотипные фатумы [Кульнина, 2017] и жанры со сниженной информативностью и адресованностью «светская беседа» и «small talk», [Фенина, 2005; Косова, 2014], но и в целом все то, что можно охарактеризовать как «уход от острой социальной значимости обращением к интересам человека» [Корнилова, 2013, с. 325]. В частности, в область фатике включают «развлекательность», так как она, будучи направленной на снижение информационной плотности и снятие информационного напряжения в медиаречи, создает эффект «дружеской тональности непосредственного, тематически сниженного в информационном отношении диалога» [Дускаева, Корнилова, 2011, с. 71], направленного на реализацию авторской установки удивить и расшевелить читателя (о принципах диалогизации и установления контакта автора с читателем в СМИ см.: [Дускаева, 2012; Дускаева, Корнилова, 2013]).

В новостной же ленте одновременное отсутствие симметричности взаимодействия (невозможно говорить ни о диссонансе, ни об унисоне) и личностно-ориентированной направленности материала (автор не нацелен на то, чтобы сделать читателя другом, клиентом, поклонником, развеселить его или снять напряженность общения) не позволяет отнести ряд материалов к области фатических. Например, в новостном заголовке от 21.05.2024 *Диетолог рассказала, сколько белка в день нужно получать разным людям* упомянут абстрактный диетолог, которого, скорее всего, не существует, при этом условный автор никак

не проявляет себя при передаче условной информации и вполне может оказаться компьютерной программой. Вряд ли можно говорить об информативной цели создания данного материала, так как здесь нет того, что «пополняет интеллектуальный запас знаний человека или содержит сведения бытового характера, необходимые в данный момент» [Андреева, 2002, с. 52], но и наличие развлекательной фатической цели вызывает сомнения. Кроме того, здесь отсутствует воспитательно-идеологическое или убеждающее намерение, манипулятивные стратегии и тактики (о доказательствах их наличия в дискурсе см.: [Иссерс, 2012]). Можно отметить лишь желание адресанта увлечь адресата самим процессом чтения ненужной для него информации, зачастую опираясь на возникающее у него чувство тревоги.

Таким образом, в новостной ленте, традиционно воспринимаемой как инструмент формирования у читателя чувства собственной безопасности и контроля над текущими событиями, такие материалы апеллируют к инстинкту самосохранения и заложенной в человеке потребности исследовать окружающее пространство. Встроенные в заголовки триггеры тревоги и любопытства частично отключают способность критического осмысления читателем получаемой информации при помощи эффекта «погружения», или иммерсии. Человек переходит от одной ссылки к другой, теряя контроль над процессом выбора нужной ему информации и прерывает чтение только тогда, когда алгоритм выдает ему что-то уже явно бессмысленное или неприятное.

Речевые тактики, способствующие такому поведению читателя, предлагается именовать погружающими, или *иммерсивными*. Выбранный для обозначения данного типа тактик термин «иммерсивность» содержит в себе не только отсылку к трудам по психологии и методике преподавания языков, но и к компьютерным технологиям, в которых термин *иммерсивность* применяется для обозначения качества игровой виртуальной или смешанной реальности [Махлина, 2022]. Понятие иммерсивности используется и как метафора для описания материалов, содержащих эффект помещения пользователя в интерактивную игровую среду, возникающую при наведении на материал камеры телефона, включающего

общение с героями сказок и т. п. [Онуприенко, 2022]. Представляется возможным использовать этот термин в лингвистике.

Иммерсивность как явление, свойственное медиадискурсу, реализуется в разных аспектах, в разных речевых жанрах, с разными целями. Ставя перед собой задачу доказать его существование, мы ограничимся анализом заголовков к текстам бытовой тематики, попавшим в новостную ленту на платформе «Дзен». Речевые тактики, содержащие иммерсивность, можно охарактеризовать как тактики, которые не просто привлекают внимание читателя, а, воздействуя на него, буквально вынуждают его погружаться в псевдоинформацию.

Материал и методы

Для выявления механизмов иммерсии был проведен анализ новостной ленты на контентной платформе «Дзен». Методом сплошной выборки с 01.01.2024 по 01.09.2024 сохранялись заголовки новостных заметок и (частично, при необходимости точнее понять значение заголовка) сами заметки без перехода по ссылкам на источники информации. Всего было отобрано и проанализировано 50 300 заголовков (40 300 за период с 01.01.2024 по 01.06.2024 и 10 000 за период с 01.06 по 01.09.2024). Лингвистическое изучение заголовков включало этимологический и семный анализ, анализ валентностных связей глаголов (по словарям: (БТСРГ; Ушаков; Шведова)) как единиц, в структуре которых скрыты «константы сознания», отражающие специфику восприятия человеком окружающего мира [Апресян, 1995, с. 355]; элементы концептуального анализа и лингвокогнитивного анализа заголовка в качестве значимой части речевого жанра, отражающей такие параметры, как его глобальная стратегия [Лютая, 2008], тип адресации, объем и др. Заголовков новостной заметки является частью этого жанра и представляет собой речевую тактику (элемент структуры речевого жанра), однако изучение самих новостных заметок как иммерсивных речевых жанров, имеющих особенности лингвокогнитивной структуры [Бузальская, 2017], осложненных рефреймингом [Иссерс, 2012] и приобретающих черты, сходные с чертами косвенных фатических

жанров [Дементьев, 1999], а также решение вопроса о возможности считать новостную ленту комплексным речевым жанром осталось за рамками проводимого исследования. Кроме того, нами не учитывались идеологически мотивированные заголовки, поскольку они отличаются от иммерсивных своей интенцией.

Целью проведенного исследования стало выявление устойчивых речевых тактик и используемых в них наиболее частотных языковых средств – *маркеров иммерсивности*, и установление отличительных черт иммерсивных заголовков.

Результаты и обсуждение

Заголовок, как известно, представляет собой сжатую до фразы, словосочетания или слова реализацию интенции автора, пролизывающей весь дальнейший текст. Прием, на основе которого построен заголовок, предопределяет всю дальнейшую перспективу построения текста, что особенно характерно для текстов небольшого формата, какими являются новостные заметки.

Влияние заголовка на дальнейшее развертывание информации в тексте зависит от того, сколько компонентов ситуации (фрейма) подверглось трансформации. Так, в заголовке, реализованном как речевая тактика *открытие*: **Ученые США провели исследование и нашли причину слабительного эффекта после кофе** (21.03.2024) есть указание на то, что причина была долгое время неизвестной (*нашли причину*), есть имитация достоверности при помощи указания на источник информации (*ученые США*); наличие *одной* причины вызывает у читателя предчувствие простого ясного ответа, прочитать который не составит труда и не займет много времени. В данном примере сфальсифицированы сразу три компонента описываемой ситуации: источник информации, временной фон (наличие намека на то, что ответ искали долгое время и не могли обнаружить), важность «открытия». Соответственно, обнаруживаются три маркера, поддерживающих иммерсивность: семантика глагола, единственное число центральной лексемы и имитация цитирования из достоверного источника.

В другом заголовке о кофе **Ученые провели исследование и выяснили, почему кофе**

работает как слабительное (19.03.2024) использован глагол *выяснить*, который имеет значение «сделать ясным, понятным» (Ушаков, с. 91) и создает ожидание подробного объяснения активизации процесса, результат которого заявлен в заголовке, смещая фокус внимания читателя с результата на доказательство (почему кофе так работает). Нет имитации цитирования (*ученые* – недостаточно конкретизированная группа людей, читатель вправе задать вопрос о том, почему не указаны фамилии, организации или хотя бы национальная принадлежность ученых). Семантика глагола не содержит обещания быстрого и краткого ответа. Можно предположить, что воздействующий эффект первого из приведенных заголовков, оказывается выше.

На основании предварительного анализа текстового материала 2023 г. было выделено несколько наиболее частотных речевых тактик иммерсивности (далее – ТИ): *открытие, разоблачение, намек на конфликт, прогноз, комментарий к иконическому материалу – фотографиям*. За рамками статьи были оставлены тактики, для которых, в силу их малочисленности, оказалось невозможным выявить устойчивые закономерности реализации. Далее представлено описание выделенных тактик иммерсивности с указанием маркеров, их эксплицирующих.

Речевая тактика иммерсивности *открытие (ТИО)*

Эта тактика реализуется в заголовках, построенных с отсылкой к информации о сенсационном открытии, важном для безопасности жизни человека. Наиболее частотными маркерами тактики *открытие* выступают глаголы: *узнать, выяснить, разгадать, раскрыть, обнаружить*, а также конструкции со словами *провести (исследование, расследование, ликбез, анализ)* и *выявить / открыть*. В семантике этих глаголов присутствует сема 'сделать явным нечто скрытое'. Воздействие осуществляется также посредством условно вопросительных предложений с эллипсисом, например, в заголовке *Дерматолог Гостева провела ликбез, какие болезни можно распознать по ногтям* (11.03.2024) намеренно для краткости пропущено указательное место-

имение в Предложном падеже «о том» перед вопросительным словом *какие*.

В примере *Ученые провели анализ и нашли способ снизить аппетит у туляков* (09.04.2024) выражение *провели анализ* содержит некритичное отклонение от нормы, практически не ощущающееся носителями языка («анализ» – это логическая операция, которую можно только *осуществить*, если же имеется в виду внешнее действие – анализ как эксперимент – то необходимо дополнение: «анализ + чего»). Воздействующая функция поддерживается также за счет неожиданной конкретизации объекта у *туляков*, что которая может вызвать удивление. В примере *Ученые провели анализ и описали возможный эффект отказа от сахара на неделю* (09.04.2024) воздействие компонента *эффект отказа от сахара* смягчено прилагательным *возможный* и указанием на небольшой период времени: *на неделю*. Если бы такой заголовок встретился, например, в медицинском журнале, там он указывал бы на отчет об одном из рутинных экспериментов. Его появление в новостной ленте намекает на то, что информация настолько сенсационная, что о ней оповещают население. Эффект воздействия, таким образом, поддерживается «неуместностью» информации. В заголовке *Как растения на самом деле заживают раны, узнали исследователи* (09.04.2024) иммерсивную тактику открытия формирует глагол *узнали* (получили знания впервые) без указания на конкретных исследователей (так как это привело бы к возникновению иронии: эти ученые узнали то, что известно другим уже давно). Кроме того, использовано олицетворение, вызывающее сочувствие и усиление эмпатии вследствие выбора из синонимического ряда существительного *раны* (не *повреждения*). В заголовке эксплицитно выражена интенция развенчания заблуждений: *на самом деле*.

Речевая тактика иммерсивности
разоблачение (ТИР)

Заголовки, реализующие эту тактику, сформулированы с использованием приема недосказанности, имитацией отсылки к предшествующим поискам ответа, создающей впечатление долгожданного сенсационного

открытия, раскрытия тайны. Наиболее частотные глаголы, используемые в этой тактике – *раскрыть, разоблачить, признаться*. Часто желание автора создать иммерсивность приводит к затемнению смысла вследствие нарушения типичной сочетаемости лексем. Так, в заголовке *Продюсер Дворцов раскрыл, что Пугачева проведет гастрольный тур по всей Европе* (09.04.2024), даже восстановление эллипсиса (*...раскрыл информацию о том, что*) не делает высказывание более понятным, поскольку глагол *раскрыть* имеет значение «обнаружить, сделать известным, объяснить» (Шведова, с. 808), в реализации его валентности существуют клише: *раскрыть тайну, секрет, преступление, карты*, но представляемая в заголовке информация не может иметь иммерсивности. Именно нарушение норм сочетаемости приводит к формированию иммерсивности.

Эффективным оказывается также использование слов и клише с семой ‘разоблачение, снятие подозрений’. Рассмотрим пример *Актриса Мария Кожевникова призналась, как относится к праздникам* (10.03.2024). Без этого семантического компонента фраза была бы следующей: *Актриса Мария Кожевникова призналась в том, что хорошо / плохо / с подозрением... относится к праздникам*, поскольку в данном случае признаться можно в качественной оценке чего-либо, но не в самой принадлежности (актриса – это человек, праздник – это событие, поэтому сама актриса не *относится* к категории праздника, она может *относиться* к группе лиц, но не к празднику). Эллипсис (*в том*) типичен при построении заголовков, но пропуск наречия и его замена вопросительным местоимением *как* приводит к компенсированному смысловому нарушению, повышающему эффективность воздействия заголовка.

Речевая тактика иммерсивности
намек на конфликт (ТИК)

Заголовки, реализующие эту тактику, сформулированы намеренно резко, чтобы при их восприятии адресат уловил намек на конфликт, важный для социума. Конфликтотенность создают высказывания, в которых из ряда синонимов автором выбран вариант,

представляющий действие в крайней степени категоричности. Наиболее частотны глаголы речи, такие как *заявить, пригрозить, признаться, отчитать, опровергнуть, призвать, предупредить, назвать*. За «резким заявлением» как правило стоит ожидание изменения ситуации, конфликт. В анализируемых заголовках обнаруживается специфика использования глагола. При типичном использовании он реализует значение «выступить с констатацией обнаруженного факта, приняв на себя ответственность за его реализацию», однако в заголовках глагол *заявить* используется для подмены объективного факта частным мнением, справедливость которого невозможно проверить. Рассмотрим заголовок *Врач Утюмова заявила, что постная пицца несет большую пользу для организма* (19.03.2024). В информативном заголовке вместо *заявить* должен стоять глагол *сообщить*, так как врач не может нести ответственность за воздействие постной пиццы на организм. Кроме того, существует устойчивое клишированное словосочетание *приносить пользу*, семантика которого нарушена в заголовке вставкой прилагательного *большую*. Если же внести исправления в заголовок, то утверждение *Врач Утюмова сообщила о том, что постная пицца полезна* тривиально и утрачивает конфликтность, создающую рассмотренную тактику.

Речевая тактика иммерсивности

комментарий к иконическому материалу (ТИФ)

Под иконическим материалом понимаем любой визуальный контент, являющийся частью современного текста, чаще всего – к размещенным фотографиям, в редких случаях – схемам. Заголовки, реализующие эту тактику, вызывают у адресата недоумение – упомянутые в них объекты, факты и явления уникальны, прежде не встречались или принадлежат узко-специфической области знаний. Формулировка заголовка направлена на создание у адресата ощущения необходимости восполнения пробела в знаниях о мироустройстве для достижения более полного представления об окружающем пространстве и обретения через это расширение большей личной безопасности. Формирование ложного факта

и искаженной окружающей действительности, вызывающей чувство тревоги и ощущение необходимости быть в курсе событий, создается автором заголовка при помощи экзотизмов, ярких образов и лексем-неологизмов, называющих новые технические устройства. Например, в заголовке *Люди среднего каменного века Африки съели гунди* (09.04.2024) употреблен экзотизм; у тех, кто не знает значения этого слова, возникает ощущение смертельной опасности, а у тех, кто знает, что гунди – это вид мелких грызунов, формулировка (и, в особенности, совершенный вид глагола) создает впечатление безвозвратной утраты (окончательно съели весь вид). В обоих случаях заголовок вызывает чувство тревожности. В заголовке *Китай построит гигантский рельсотрон для запуска гиперзвуковых космоланов* (15.03.2024) использован неологизм, вследствие чего у адресата возникает желание понять, о чем идет речь.

Речевая тактика иммерсивности прогноз (ТИП)

Заголовки, реализующие эту тактику, выражают (эксплицитно или имплицитно) псевдо-прогноз, создающий ощущение надвигающейся неприятности, опасности или даже катастрофы. Заголовки этой группы содержат слова с яркой коннотацией или основаны на языковой игре. Например, заголовок *Экономист Лебединская предрекла подорожание пармезана в России на 15 % к осени* (19.03.2024). Здесь иммерсивность, вследствие выбора из синонимического ряда лексемы *предрекла* с наибольшим воздействующим эффектом, граничит с иронией (предрекают, как правило, что-то, связанное с судьбой человека, гибелью, катастрофой, здесь речь идет всего лишь о сыре).

Причины снижения иммерсивного воздействия заголовка на читателя

Обобщение результатов анализа позволило выявить следующие особенности в построении заголовков, влияющие на снижение интенсивности их воздействия.

1. Фокус внимания оказывается смещенным с факта в сферу выделения деталей. Например, заголовки, основанные на тактике открытия, содержат скрытое утверждение, которое частично удовлетворяет потребность человека в информации, так как основная информация уже дана: *Ученые провели анализ и обнаружили связь между бедностью и темпом старения мозга* (03.04.2024); *JLD: исследование раскрывает связь между заиканием и навыками чтения* (03.04.2024); *Ученые выяснили, насколько гениальность человека зависит от его генов* (28.03.2024).

2. Снижение доверия к содержанию вследствие двойственности прочтения. Так, заголовков *Лолита Милявская раскрыла тайну: она стала автором псевдонима для Shaman* (21.03.2024) реализует тактику разоблачения. Глагол *раскрыть* использован в рамках стандартного сочетания *раскрыть тайну*, однако далее вместо глагола в прошедшем времени *была* использован глагол *стала*, что поддерживается также сменой субъектно-характеризующего значения родительного падежа на значение «адресат». Такая формулировка приводит к двойственности прочтения: о каком из псевдонимов идет речь – «Shaman» или о недавно придуманном по его просьбе для кого-то новом псевдониме.

3. Высокая степень отвлеченности факта. В примере *Ученые выяснили, что ускорение вращения Земли ведет к появлению дыры во времени* (02.04.2024) проявляется тактика открытия. Она реализована при помощи одновременного использования вводящей псевдо-факт фразы *ученые выяснили* и вызывающего тревогу слова *дыра* с его негативной коннотацией «прорванное или проломанное отверстие» (Шведова, с. 222).

4. Имитация информативности. Маркерами выступают глаголы *назвать, признаться*, которые создают намек на конфликтное восприятие представляемого факта. Такие заголовки близки по содержанию к информативным, например, *Внучка Светланы Немоляевой призналась, что считает всех дураками, а себя умной* (15.03.2024); *Евгений Ловчев назвал тренера из РПЛ, который его восхищает* (23.05.2024).

5. Информация является узкоспециальной, не связанной с базовыми потребностями

человека. Такие заголовки реализуют тактики разоблачения и открытия, например: *Эксперт провел анализ марки Mitsubishi в РФ и выявил лучшие модели* (03.04.2024); *Эксперты провели анализ и выявили самые неликвидные годовалые автомобили* (03.04.2024); *Эксперты What Car провели анализ и назвали самые проблемные автомобили* (02.04.2024). Несмотря на наличие лексемы *эксперт* и выражения *провести анализ и выявить* данные заголовки не отсылают к краткому изложению действительных результатов (оценок) экспертного анализа, для которого «доминирующая оценочная иллокуция» [Волынкина, 2021, с. 280] строго обязательна. В данных заголовках намеренно преувеличена актуальность и востребованность информации, которая на проверку оказывается не аналитикой, а скрытой рекламой. В этом отличие таких заголовков от информирующих.

Заголовки, созданные по формуле «эксперт рассказал / показал» не обладают иммерсивностью, если не построены как сложное предложение, например: *Калининградский таксист поделился впечатлениями от вождения «Амбер Авто»* (03.04.2024). В этих заголовках отсутствуют лексемы с экспрессивной коннотацией, нет имитации достоверности при помощи апелляции к официальным или авторитетным источникам. Их целью является предоставление дополнительной информации без намеренного преувеличения ее актуальности. Несмотря на это, если заголовки такого типа реализованы как сложноподчиненное предложение или содержат лексемы, тематически связанные с вопросами безопасности жизни, они обретают иммерсивность, например: *Эксперт рассказала, чем опасны для человека магнитные бури* (17.05.2024).

Проведенный семантический анализ заголовков новостных заметок позволил выявить языковые маркеры иммерсивности (см. табл. 1).

Обобщение результатов данного шага исследования показывает, что каждая тактика иммерсивности имеет «арсенал» средств, отличный от других.

Достоверность данных наблюдений была верифицирована посредством эксперимента (двойного анкетирования). Первый опрос был проведен на материале, синхронном моменту

(были использованы только «свежие» новостные заголовки), второй в качестве материала содержал, помимо новых, также заголовки первого анкетирования. Респондентам было предложено оценить качество своего интереса к заголовкам, отсылающим к псевдоинформации, составляющей основу иммерсивной коммуникации (погружение в ненужные читателю факты в результате активирования в нем чувства тревоги, вызванного информацией, несущей угрозу здоровью и благосостоянию, а также алогичностью или сбоем в нарушении ожиданий). Анкетируемым не было объяснено, что все выбранные заголовки относятся к псевдоинформации, вставляемой в ленту новостей в качестве инструмента, отключающего критическое осмысление информации ради того, чтобы человек продолжал тратить свое время на чтение ленты и не уходил с платформы. Участникам анкетирования предлагалось поставить «+» в графу с процентами, показывающими степень их заинтересованности

содержанием: 100 % – «очень интересно, обязательно прочитал(-а) бы»; 50 % – «интересно, вполне возможно, что прочитал(-а) бы»; 15 % – «не очень интересно, прочитал(-а) бы, если бы больше было нечего делать»; 0 % – «ни при каких обстоятельствах не заинтересовался(лась) бы этой информацией».

В анкетировании приняли добровольное участие 100 носителей русского языка, резидентов России, в возрасте от 20 до 75 лет. Женщины составляли 63 % от всех участников, 70 % участников имеет высшее образование. Анкетирование проводилось онлайн с использованием сервиса «Яндекс Формы». Для анкетирования было выбрано 40 примеров, отсылающих к интересной информации или развлекательному контенту. Время на заполнение анкеты было ограничено 5–6 минутами, поскольку важно было зафиксировать первую реакцию, которая бывает при естественном просмотре ленты новостей (по 6–8 секунд на каждый пример).

Таблица 1. Языковые маркеры иммерсивности в заголовках новостной заметки, свойственные выделенным речевым тактикам

Table 1. Language markers of immersiveness in news headlines specific to the identified speech tactics

Тактика	Глаголы	Средства синтаксиса	Краткие причастия, прилагательные, наречия	Существительные
ТИР	<i>Узнать, выяснить, разгадать, раскрыть, выявить;</i> клише с семой «разоблачение» (<i>призвать сказать правду; раскрыть тайну...</i>)	Компенсированное смысловое нарушение; лексико-семантические синонимические подмены; описательно-дейктическая замена	С семами 'разоблачение, снятие подозрений' (<i>раскрыт, выявлен...</i>)	<i>Тайна, загадка, секрет</i> и их синонимы
ТИО	<i>Обнаружить, открыть</i> (в безличной форме), конструкция «провести + N4» (исследование, расследование и под.)	Безличные предложения	С семой «открыть» (<i>найден, обнаружен...</i>)	Широкий спектр отглагольных существительных
ТИК	<i>Заявить, разъяснить, назвать, объяснить, опровергнуть, признаться</i>	Косвенная речь с вопросительными местоимениями и местоименными наречиями; намеренное нарушение валентных связей	<i>Должен, обязан, рад</i>	Не выявлено устойчивых маркеров
ТИП	<i>Предупредить, рассказать, обратить внимание, нести угрозу</i>	В придаточном предложении предикат стоит в форме 2 или 3 лица множественного числа с постфиксом -ся (<i>ожидаются, надвигаются</i> и под.)	<i>Должен, опасен, необходимо, надо</i>	<i>Опасность, гибель, угроза, подорожание, исчезновение</i> и под.
ТИФ	Не выявлено устойчивых маркеров	Детерминант места	Не выявлено устойчивых маркеров	Экзотизмы, неологизмы

Результаты проведенного анкетирования обобщены в таблице 2. При составлении анкеты были соблюдены пропорции частотности встречаемости тактик с иммерсивностью в новостной ленте (по отношению друг к другу). К речевой тактике «разоблачение» относились № 3, 4, 6, 8, 10, 11, 17, 18, 26, 27, 28, 29, 32, 38 (40 %). К речевой тактике «открытие» – № 1, 2, 5, 12, 13, 16,

21, 23, 25, 30, 33, 37 (32%). К речевой тактике «намек на конфликт» – № 16, 31, 36 (9,5 %). К речевой тактике «комментарий к иконическому материалу» – № 15, 22, 24, 35, 39 (15 %). К речевой тактике ТИП – № 7, 9, 40 (3 %). Кроме того, в анкету были включены два заголовка, не обладающие эффектом иммерсии (№ 14 и № 34) в силу отсутствия в них маркеров иммерсивности.

Таблица 2. Результаты первого анкетирования, %

Table 2. Results of the first survey, %

№	Заголовок новостной ленты «Дзен»	Желание просмотреть содержание			
		100	50	15	0
1	В Финляндии начали производить еду из воздуха и солнечной энергии				
2	Ученые выявили причину, почему пожилые люди медленные				
3	В Кургане бесследно исчез обритый наголо мальчик				
4	Эксперт рассказала, чем опасны для человека магнитные бури				
5	В Исландии заработал самый большой в мире пылесос по очистке атмосферы				
6	Эксперты запустили данные о взаимосвязи группы крови и богатства				
7	Священник предупредил, в какие дни лучше совсем не посещать кладбище				
8	Найден простой способ побороть ярость и гнев				
9	Нарколог рассказал, что во внешности женщины должно насторожить				
10	Как жертвы сицилийской мафии стали ее клиентами				
11	Почему иностранцы так ненавидят гречку				
12	Водители в РФ готовы отказаться от личного автомобиля: причины удивят				
13	Воссоздан облик одного из величайших фараонов				
14	Драка между бортпроводником «Уральских авиалиний» и пенсионером попала на видео				
15	На пляже Малайзии нашли тушу неизвестного существа				
16	Врач Утюмова заявила, что постная пища несет большую пользу для организма				
17	Стало известно, зачем прибыл в Бурятию Амархуу Борхуу				
18	Ученые раскрыли, почему женщины спят хуже мужчин				
19	Ученые провели анализ и разгадали тайну японской «русалки» спустя столетие				
20	Роспотребнадзор: для защиты от клещей стоит использовать ряд специальных средств				
21	Удмуртские ученые начали выращивать пельмени				
22	В центре Москвы обнаружены настоящие сокровища (видео)				
23	Найден новый способ взаимодействия света с материей				
24	В Москве пытаются госпитализировать 300 килограммовую женщину				
25	Найдено полезное японское растение				
26	Из национальной библиотеки Франции изъяли книги с содержанием мышьяка				
27	В Ленинградском зоопарке рассказали, куда пропал малыш Шу				
28	Раскрыта разница между белым и коричневым рисом				
29	Популярный певец из Башкирии отмечает юбилей в неожиданном месте				
30	В Иркутске спасли малыша с самой редкой группой крови				
31	Актриса Юлия Снегирь высказала все о сравнениях ее с коллегой Анной Ковальчук				

Окончание таблицы 2

End of Table 2

№	Заголовок новостной ленты «Дзен»	Желание просмотреть содержание			
		100	50	15	0
32	Жители Санкт-Петербурга и Москвы рассказали, чего им не хватает больше всего				
33	Ученые провели анализ и нашли способ снизить аппетит у туляков				
34	В Космосе обнаружено скопление электромагнитного мусора				
35	Акшатынская семья провела ифтар в доме престарелых и инвалидов в селе Поисево				
36	Кадры из комедии Леонида Гайдая возмутили иностранцев				
37	Названы два самых эффективных и безопасных способа борьбы с кротами				
38	Кроос рассказал, как Анчелотти обманул игроков Реала ради победы				
39	В Подмоскovie пара лосей пересекла шоссе строго по пешеходному переходу				
40	Что надо знать о новых запретах на популярные дачные цветы				

Примечание. В таблице серым цветом выделены зоны по преобладанию полученных оценок (с округлением до 5 баллов): 100 % следует читать как «сильное желание просмотреть информацию», 50 % – среднее, 15 % – слабое и 0 % – отсутствие интереса к прочтению статьи с таким заголовком (0 % ставилось в том случае, если таковым пример отметили все респонденты).

Note. The table shows zones in gray based on the prevalence of the received ratings (rounded to 5 points): 100% should be read as “strong desire to view the information,” 50% as average, 15% as weak, and 0% as no interest in reading an article with such a title (0% was assigned if all respondents rated the example as such).

При анализе была отмечена корреляция между выбором тактики иммерсивности и тематикой сообщения. Высокий показатель (100 %) получили заголовки № 3 (*В Кургане бесследно исчез обритый наголо мальчик*), № 8 (*Найден простой способ побороть ярость и гнев*), № 11 (*Почему иностранцы так ненавидят гречку*), № 22 (*В центре Москвы обнаружены настоящие сокровища (видео)*), № 23 (*Найден новый способ взаимодействия света с материей*), № 25 (*Найдено полезное японское растение*), № 36 (*Кадры из комедии Леонида Гайдая возмутили иностранцев*), № 39 (*В Подмоскovie пара лосей пересекла шоссе строго по пешеходному переходу*). Они построены, во-первых, с использованием глаголов с яркой негативной коннотацией (*исчез, ненавидеть, возмутить*), что вызывает тревогу; опираются на противопоставление свои – чужие (враги), так как указано, что иностранцы ненавидят то, что мы любим (*гречку и комедии Гайдая*); указывают на чудодейственные средства спасения (*простой способ побороть ярость и гнев; полезное японское растение*); апеллируют к жадности (*найденны сокровища*) и иррациональному страху (*обритый наголо мальчик; осмысленное поведение лосей*). От 76 до 81 %

респондентов оценивали данные заголовки как заслуживающие прочтения (100 %), от 14 до 22 % выбрали «возможное прочтение» (оценка 50 %), и только от 1 до 5 % опрошенных указали слабую, 15 %, заинтересованность в получении информации.

Среднюю заинтересованность (50 %) вызвали заголовки, тематически ориентированные преимущественно на нижние этажи пирамиды Маслоу (как выжить: что есть, кого или чего надо бояться): № 1, 4, 9, 16, 18, 26, 28, 30, 37, 38 (*Эксперт рассказала, чем опасны для человека магнитные бури; Нарколог рассказал, что во внешности женщины должно насторожить; Врач Утюмова заявила, что постная пища несет большую пользу для организма; Раскрыта разница между белым и коричневым рисом* и др.) 50 % респондентов оценили их притягательность в 50%; 25 % респондентов – в 100%; 20 % респондентов поставили 15%; 5 респондентов поставили 0 %, написав в комментариях, что «Если уж прямо надо что-то из новостей открыть, то выбрал(-а) бы некоторые от скуки» и «Я не та аудитория».

Заголовки статей, тематически относимых к вопросам социализации, были отмечены слабым интересом, так, 31 % респондентов

оценил свою готовность к прочтению статьи под заголовком № 10 (*Как жертвы сицилийской мафии стали ее клиентами*) как нулевую, остальные оценили в 15 %. Это вызвано тем, что Сицилия – локальная территория, которая находится далеко, сам процесс представлен как позитивный (мафия стала законопослушной), а заголовок по форме напоминает название сказки (построен по модели: *Сказка о том, как кто-то + что-то делал*). Два человека отметили в комментариях к заголовкам № 14 (*Драка между бортпроводником «Уральских авиалиний» и пенсионером попала на видео*) и № 24 (*В Москве пытаются госпитализировать 300 килограммовую женщину*) как возмущивший их «мусор», поскольку в них упомянуты люди, к которым традиционно российское общество призывает проявлять сочувствие (пенсионер и большая женщина).

Остальные заголовки оценены как вызывающие слабую заинтересованность (вероятность прочтения 15 %), при том, что диапазон оценок относительно № 13, 15, 27 различается: 32 % респондентов оценили эти заголовки как стопроцентно интересные (респонденты в возрасте от 18 до 25 лет), 30 % как абсолютно не интересные (респонденты старше 25 лет). В комментарии к № 15 один респондент написал, что *«журналисты слишком часто используют эту уловку, я могу предугадать, почему существо неизвестное: на самом деле просто редко встречается или что-либо подобное»*. Похожий ответ был относительно заголовка № 13: *«Уже много раз об этой информации видел»*; о заголовке № 27: *«Это рекламный ход зоопарка»*.

В целом, по результатам анкетирования, можно сделать вывод о том, что ТИО и ТИР вызывают равномерную устойчивую иммерсию; ТИП могут сильно воздействовать на адресата, однако в том случае, если выбранные маркеры иммерсивности (*гибель, угроза* и под.) обозначают крайне интенсивное действие или событие, респонденты проявляют недоверие к информации. Заголовки ТИФ получили низкую оценку в тех случаях, когда языковые средства оказались недостаточно «изобразительными», был задействован только один маркер, или желание автора усилить воздействие приводило к культурному диссонансу или отказу читать то, что не соответствует этическим нормам (как в уже

упомянутых примерах о драке с пенсионером и о 300-килограммовой женщине). В то же время в заголовке № 39 (*В Подмоскovie пара лосей пересекла шоссе строго по пешеходному переходу*) сильную иммерсивность создает наречие *строго* (появляется намек на то, что поведение лосей имеет какую-то скрытую причину), которое эффективно меняет смысл привычной и ясно представляемой всеми ситуации, то есть не возникает культурного диссонанса; а в примере № 15 (*На пляже Малайзии нашли тушу неизвестного существа*) словосочетание *неизвестное существо* указывает на невозможность идентифицировать объект, что вызывает тревожное любопытство у читателя. Такие заголовки, реализующие ТИФ, обладают сильной иммерсивностью. Иммерсивность заголовков, принадлежащих к ТИК, ограничена сферами деятельности (не всем интересна личная жизнь, например, актеров или спортсменов).

Таким образом, результаты первого анкетирования подтверждают предположение о том, что иммерсивность устойчиво реализуется при наличии в заголовках лексем с коннотациями опасения, страха, тревоги, возмущения, а также если присутствует угроза принятой в обществе системе ценностей; при этом чрезмерное использование сильных маркеров может привести к обратному эффекту (отказу от прочтения).

Для проверки устойчивости оценок, в сентябре 2024 г. был проведен второй эксперимент, в котором также добровольно участвовало 100 респондентов. Им были предложены новая анкета (Анкета № 2) и анкета, использованная для проведения первого эксперимента (Анкета № 1). Необходимость введения новой анкеты была обусловлена необходимостью проверить, может ли заголовок утратить со временем иммерсивность (например, заголовок про запрет выращивать определенные цветы, если он будет предъявлен осенью).

Контингент заполнявших анкеты отличался на 10 % (часть людей, задействованных в первом эксперименте, не смогла принять участие во втором, вследствие чего были добавлены новые респонденты со сходными характеристиками – носители русского языка, имеющие высшее образование, резиденты России). В Анкету № 2 были включены заголовки

из «Дзен», собранные с 01.06 по 01.09.2024. Согласно данным анкет, степень устойчивости иммерсивности в заголовках в пределах анализируемого периода времени составила 81 %. Наибольший интерес респондентов вызвали заголовки ТИО (36 %), менее интересными оказались заголовки, в которых реализованы ТИР (32 %), ТИП (12 %), ТИК (11 %) и ТИФ (9 %). По сравнению с первым анкетированием, второй срез содержит предсказуемо более активную реакцию на заголовки о природных катаклизмах в силу повышенного внимания к ним в теплое время года, так же сезонно снизилось количество иммерсивного иконического материала (табл. 3).

Полученные статистические данные в целом показывают общие тенденции использования данных иммерсивных речевых тактик в медиадискурсе 2024 года. Для наглядности таблицы по периодам (табл. 4, 5) размещены в данном разделе.

Таким образом, наиболее сильной иммерсивностью обладают заголовки, в верба-

лизации которых использованы дублирующие лексические маркеры; синтаксический маркер и синонимическая подмена; также усиливала иммерсивность возможность компенсации смысловых нарушений. К слабой иммерсивности отнесены заголовки с одним маркером (как правило, лексическим). Отсутствие языковых маркеров иммерсивности свидетельствует о ее отсутствии в заголовке.

Результаты исследования позволяют утверждать, что иммерсивные тактики составляют отдельную группу, отличную от тактик фатической коммуникации и тактик, в основе которых находится традиционная информативность.

Заключение

Иммерсия – процесс погружения адресата в состояние восприятия информации, при котором существенно снижается степень критического осмысления воспринимаемого материала.

Таблица 3. Соотношение частотности использования тактик иммерсивности (за 100 % принято общее количество тактик с иммерсивностью), %

Table 3. Frequency ratio in the use tactics of immersiveness (100 % is the total number of tactics with immersion), %

Период	Частотность тактик иммерсивности				
	ТИО	ТИР	ТИП	ТИК	ТИФ
с 01.01 по 01.06	32,5	40,0	3,0	9,5	15,0
с 01.06 по 01.09	36,0	32,0	12,0	11,0	9,0

Таблица 4 Использование иммерсивных тактик в период с 01.01.2024 до 01.06.2024

Table 4. Use tactics of immersiveness between January 1, 2024 and June 1, 2024

Оценка респондентами притягательности заголовка, %	Типы иммерсивных речевых тактик, % от всех 40 300				
	ТИР	ТИО	ТИК	ТИП	ТИФ
80 и выше	0,6	0,2	Менее 0,1	0,1	0,4
50	0,8	1,0	0,4	Менее 0,1	Менее 0,1
15	1,6	1,0	0,3	0,2	0,5

Табл. 5 Использование иммерсивных тактик в период с 01.06 до 01.09.2024

Table 5. Use tactics of immersiveness between June 1, 2024 and September 1, 2024

Оценка респондентами притягательности заголовка, %	Типы иммерсивных речевых тактик, % от всех 40 300				
	ТИР	ТИО	ТИК	ТИП	ТИФ
80 и выше	0,6	0,4	Менее 0,1	0,3	0,1
50	1,2	1,0	0,6	0,5	Менее 0,1
15	0,3	1,2	0,3	0,2	0,3

Иммерсивность – значимый воздействующий фактор современной коммуникации, который реализуется в речевых тактиках иммерсивности, применяемых в деинституционализованном и деперсонализованном общении, апеллирующих к эмоциям, связанным с вопросами выживания в мире и социуме, что вызывает тревогу у адресата и активирует у него желание узнать больше о заявленном псевдофакте. В новостной ленте в силу прагматических причин (платформам и интернет-ресурсам выгодно увеличивать количество просмотров своего контента) такие тактики представлены в заголовках.

В результате исследования установлено, что:

– наиболее частотными иммерсивными речевыми тактиками являются *разоблачение, открытие, намек на конфликт, предостережение или отрицательный прогноз, комментарий к иконическому материалу*;

– о наличии иммерсивности в заголовках свидетельствуют ее типичные частотные языковые маркеры, для каждой тактики набор маркеров специфичен и устойчив;

– соотношение выделенных иммерсивных тактик по частотности встречаемости в новостной ленте может иметь сезонную периодичность, особенно характерно это для речевых тактик со слабой иммерсивностью (как правило, это тактики *прогноз* и *комментарий к иконическому материалу*);

– причинами, ограничивающими реализацию иммерсивности являются: а) смещение фокуса внимания на детали; б) наличие двойственности в прочтении фразы; в) высокая

абстрагированность информации; г) использование языковых средств информативного регистра; д) значимость информации только для специалистов в определенной области знаний.

Иммерсивность, таким образом, может рассматриваться как явление, направленное на погружение читателя в искусственно созданное пространство псевдоинформирования при помощи намеренной девиации выбора языковых средств (разрушения устойчивых словосочетаний, использования лексем с коннотацией, вызывающей в адресате чувство тревоги, неожиданных по отношению к излагаемому факту или описываемой ситуации глаголов, нарушению нормативного употребления лексем и т. п.).

Вследствие этого *иммерсивная коммуникация* – это общение с целью создания в сознании адресата ложного представления о важности излагаемого факта, что обеспечивается искажением сути каркасных компонентов фрейма (например, вместо *план* – используется слово *заговор*; вместо нейтрального глагола речи *сообщить* – *признаться, предостеречь, раскрыть*).

В качестве перспектив дальнейших разработок по данной теме представляется возможным также предположить изучение тактик иммерсивности как идентификаторов определенного стиля взаимодействия автора с адресатом в процессе коммуникации, целью которой является снижение уровня критического осмысления получаемой адресатом информации и погружение его в процесс получения псевдоинформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева С. В., 2002. Фатика в радиоэфире (к вопросу об употреблении синтаксических единиц разного типа) // Филологические науки. № 6. С. 47–57.
- Апресян Ю. Д., 1995. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва : Яз. рус. культуры. 767с.
- Бузальская Е. В., 2017. Анализ сложного речевого жанра: лингвокогнитивный аспект // Жанры речи. № 1 (15). С. 30–36.
- Винокур Т. Г., 1993. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. Москва : Наука. С. 5–29.
- Волынкина С. В., 2021. Речевой жанр экспертизы в аспекте коммуникативного целеполагания // Жанры речи. № 4 (32). С. 275–284. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-4-32-275-284

- Дементьев В. В., 1999. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. № 1. С. 37–55.
- Дускаева Л. Р., 2012. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М. Н. Кожинной. Изд. 2-е, доп., испр. Санкт-Петербург : Филол. фак. СПбГУ. 274 с.
- Дускаева Л. Р., Корнилова Н. А., 2011. Фатика как форма развлекательной функции в медиатексте // Гуманитарный вектор. № 4 (28). С. 67–71.
- Дускаева Л. Р., Корнилова Н. А., 2013. Речевой эпатаж как форма контактоустановления в современной медийной речи // Мир лингвистики и коммуникации. № 1 (30). С. 39–45.
- Иссерс О. С., 2012. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени. Омск : Издательство Омск. гос. ун-та. 275 с.
- Косова К. И., 2014. Small talk как универсальный фатический жанр в глобальном коммуникативном пространстве // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2 (87). С. 34–38.
- Корнилова Н. А., 2013. Проявления фатического начала в русском журналистском тексте: традиция и современность // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 9, № 2. С. 322–336.
- Корнилова Н. А., Прохорова К. В., 2012. Фатические маркеры в заголовочном комплексе текстов СМИ // Вестник Пермского университета. № 4 (20). С. 138–143.
- Кульнина Е. А., 2017. Фатические высказывания: недовысказывания или стереотипы? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (76), ч. 1. С. 120–122.
- Лютая А. А., 2008. Информативность современного газетного заголовка и его прагматические возможности // Аксиологическая лингвистика: проблемы теории речевых жанров, лингвогендерологии и стилистики: сборник научных трудов / под ред. Н. А. Красавского. Волгоград : Перемена С. 101–107.
- Махлина С. Т., 2022. Иммерсивность в современной культуре // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. № 3 (52), сент. С. 69–79. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-69-79
- Онуприенко К. А., 2022. «Вы – там!»: иммерсивные технологии в журналистике информационного общества // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 1 (44). С. 114–124. DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.81.25.018
- Фенина В. В., 2005. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 24 с.
- Якобсон Р. Я., 1975. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Москва : Прогресс. С. 193–230.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- БТСРГ – Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. Москва : АСТ-ПРЕСС, 2007. 574 с.
- Дзен – Дзен. URL: https://dzen.ru/?utm_referrer=yandex.ru
- Ушаков – Толковый словарь современного русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Аделант, 2014. 800 с.
- Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Азбуковник, 2011. 1175 с.

REFERENCES

- Andreyeva S.V., 2002. Fatika v radioefire (k voprosu ob upotreblenii sintaksicheskikh yedinit raznogo tipa) [Fatika on the Air (On the Use of Syntactic Units of Different Types)]. *Filologicheskkiye nauki* [Philological Science], no. 6, pp. 47–57.
- Apresyan Yu.D., 1995. *Izbrannyye trudy, T. 2. Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. 2. Integral Language Description and System Lexicography]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 767 p.
- Buzalskaya E.V., 2017. Analiz slozhnogo rechevogo zhanra: lingvokognitivnyy aspekt [Analysis of Complex Speech Genre: Linguocognitive Aspect]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 1 (15), pp. 30–36.
- Vinokur T.G., 1993. Informativnaya i faticheskaya rech kak obnaruzheniye raznykh kommunikativnykh namereniy govoryashchego i slushayushchego [Informative and Phatic Speech as the Discovery of Different Communicative

- Intentions of the Speaker and Listener]. *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian Language in Its Functioning. Communicative-Pragmatic Aspect]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-29.
- Volynkina S.V., 2021. Rechevoy zhanr ekspertizy v aspekte kommunikativnogo tselepolaganiya [Speech Genre of an Expert Report in the Context of Communicative Goalsetting]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 4 (32), pp. 275-284. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-4-32-275-284
- Demytyev V.V., 1999. Faticheskiye rechevyye zhanry [Phatic Speech Genres]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 1, pp. 37-55.
- Duskayeva L.R., 2012. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogical Nature of Newspaper Speech Genres]. Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU. 274 p.
- Duskayeva L.R., Kornilova N.A., 2011. Fatika kak forma razvlekatelnoy funktsii v mediatekste [Phatics as a Form of Entertainment Function in the Media Text]. *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian Vector], no. 4 (28), pp. 67-71.
- Duskayeva L.R., Kornilova N.A., 2013. Rechevoy epatazh kak forma kontaktoustanovleniya v sovremennoy mediyonoy rechi [Speech Epatage as a Form of Contact Establishment in Modern Media Speech]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii* [World of Linguistics and Communication], no. 1 (30), pp. 39-45.
- Issers O.S., 2012. *Lyudi govoryat... Diskursivnyye praktiki nashego vremeni* [People Say... Discursive Practices of Our Time]. Omsk, Izd-vo Omsk. gos. un-ta. 275 p.
- Kosova K.I., 2014. Small talk kak universalny faticheskiy zhanr v globalnom kommunikativnom prostranstve [Small Talk as a Universal Phatic Genre in the Global Communicative Space]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University], no. 2 (87), pp. 34-38.
- Kornilova N.A., 2013. Proyavleniya faticheskogo nachala v russkom zhurnalistskom tekste: traditsiya i sovremennost [Manifestations of the Fatal Principle in the Russian Journalistic Text: Tradition and Modernity]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Proceedings of the Institute of Linguistic Studies Acta Linguistica Petropolitana], vol. 9, no. 2, pp. 322-336.
- Kornilova N.A., Prohorova K.V., 2012. Faticheskiye markery v zagolovochnom komplekse tekstov SMI [Phatics Markers in the Header Complex of Media Texts]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], no. 4 (20), pp. 138-143.
- Kulnina E.A., 2017. Faticheskiye vyskazyvaniya: nedovyskazyvaniya ili stereotipy? [Phatic Expressions: Incomplete Statements or Stereotypes?]. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues], no. 10 (76), pt. 1, pp. 120-122.
- Lyutaya A.A., 2008. Informativnost sovremennoy gazetnoy zagolovka i yego pragmaticheskiye vozmozhnosti [The Informativity of the Modern Newspaper Headline and Its Pragmatic Capabilities]. Krasavskiy N.A., ed. *Aksiologicheskaya lingvistika: problemy teorii rechevykh zhanrov, lingvogenderologii i stilistiki: sb. nauch. trudov* [Axiological Linguistics: Problems of the Theory of Speech Genres, Linguohenderology and Stylistics]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 101-107.
- Mahlina S.T., 2022. Immersivnost v sovremennoy culture [Immersiveness in Modern Culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury* [Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture], no. 3 (52), Sept., pp. 69-79. DOI: 10.30725/2619-0303-2022-3-69-79
- Onupriyenko K.A., 2022. «Vy – tam!»: immersivnyye tekhnologii v zhurnalistike informatsionnogo obshchestva [“You – There!”: Immersive Technologies in the Journalism of the Information Society]. *Aktualnyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Topical Issues of Modern Philology and Journalism], no. 1 (44), pp. 114-124. DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.81.25.018
- Fenina V.V., 2005. *Rechevyye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoy i russkoy kulturakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Small Talk Speech Genres and Small Talk in Anglo-American and Russian Cultures. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saratov. 24 p.
- Yakobson R.Ya., 1975. Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: Pros and Cons]. Moscow, Progress Publ., pp. 193-230.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Babenco L.G., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkikh glagolov: Ideograficheskoye opisaniye. Sinonimy. Antonimy. Angliyskie ekvivalenty* [Large Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms. English Equivalents]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2007. 574 p.

Zen. URL: https://dzen.ru/?utm_referrer=yandex.ru

Ushakov D.N., ed. *Tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow, Adelant Publ., 2014. 800 p.

Shvedova N.Yu., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vklyucheniym svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with Information About the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p.

Information About the Author

Elena V. Buzalskaya, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Wuhan University, Wuhan, Hubei Province, China, helve@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8235-4862>

Информация об авторе

Елена Валериановна Бузальская, доктор филологических наук, доцент, Уханьский университет, г. Ухань, провинция Хубэй, Китай, helve@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8235-4862>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.6>

UDC 811.111'367.625:303.732.4
LBC 81.432.1-51

Submitted: 29.10.2025
Accepted: 02.12.2025

LEXICAL CO-OCCURRENCE OF THE MODAL VERB “MUST” IN BUSINESS MEDIA DISCOURSE: A CORPUS-BASED STUDY

Elena N. Malyuga

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. This study examines the lexical co-occurrence patterns of the modal verb *must* in British business media discourse. Using the British National Corpus (Newspapers subcorpus) accessed through The Prime Machine tool, six hundred concordance lines were extracted and analysed within a four-word right-hand span. The focus on the right collocational environment isolates the collocational field in which *must* projects its modal meaning. Verbs were examined both in their base and participial forms to account for variation between active and passive constructions. Methodologically, a collocational approach enables the analysis of *must* without reliance on interpretive coding, which ensures transparency, since every association can be traced to measurable frequencies rather than subjective judgment. The analysis reveals a limited but stable set of collocates dominated by *be* and *have*, followed by verbs denoting organisational or policy-related actions, such as *take*, *make*, and *act*. The findings show that *must* in business reporting functions primarily as a marker of inferred necessity rather than directive obligation. The study contributes a replicable, data-driven description of modal verb in business discourse and showcases how collocational evidence can capture shifts in the linguistic encoding of obligation. Importantly, it suggests that looking closely at the behaviour of a single auxiliary can provide meaningful information regarding how a discourse community organizes necessity.

Key words: modal verb, collocation, corpus linguistics, lexical co-occurrence, business media discourse, British National Corpus, modality.

Citation. Malyuga E.N. Lexical Co-Occurrence of the Modal Verb “Must” in Business Media Discourse: A Corpus-Based Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 81-90. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.6>

УДК 811.111'367.625:303.732.4
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 29.10.2025
Дата принятия статьи: 02.12.2025

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ МОДАЛЬНОГО ГЛАГОЛА «MUST» В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ СМИ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Елена Николаевна Малюга

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуется лексическая сочетаемость модального глагола *must* в британском деловом дискурсе средств массовой информации. Материалом послужили данные Британского национального корпуса (газетного подкорпуса), обработанные с использованием инструмента The Prime Machine. Из корпуса было извлечено 600 строк сочетаемости в пределах 4 позиций справа от ключевого слова. Фокус на правостороннем коллокационном окружении позволил выделить зону реализации модального значения глагола *must*. Глаголы рассматривались как в базовой, так и в причастной форме, что позволило учесть вариативность между активными и пассивными конструкциями. Коллокационный подход обеспечил прозрачность исследования за счет количественной оценки установленных ассоциаций. Выявлен ограниченный, но устойчивый набор коллокатов, среди которых доминируют *be* и *have*, а также глаголы, обозначающие организационные или управленческие действия, такие как *take*, *make*, *act*. Результаты показали, что в деловом дискурсе *must* функционирует преимущественно как средство выражения логически выведенной необходимости, а не прямого долженствования. В исследовании представлено воспроизводимое, эмпирически обоснованное описание функционирования модального глагола в деловом дискурсе, а также продемонстрировано, каким образом коллокационные данные отражают изменения в языковом кодировании долженствования.

Ключевые слова: модальный глагол, коллокация, корпусная лингвистика, лексическая сочетаемость, деловой дискурс СМИ, Британский национальный корпус, модальность.

Цитирование. Малюга Е. Н. Лексическая сочетаемость модального глагола «*must*» в деловом дискурсе СМИ: корпусное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 81–90. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.6>

Introduction

Among modal verbs of necessity, *must* occupies a distinctive position in English grammar. Its frequency in institutional and professional registers, combined with its gradual retreat in conversational speech, makes it an instructive indicator of how written discourse maintains normative force. While much research has addressed the semantics of modality, distinguishing epistemic and deontic readings, comparatively little attention has been given to the habitual lexical environments in which *must* occurs. This study does not attempt to disambiguate its meanings; rather, it investigates the lexical co-occurrence patterns that accompany the form itself. The aim of the study is to trace recurrent associations of the modal verb *must* with particular verbs, subjects, and nominal fields to describe how necessity is habitually formulated in the language of business reporting.

The choice of business news as material stems from its characteristic tension between factual reporting and prescriptive framing. Economic events are not only described but also evaluated through implicit judgments about what actions ought to be taken. In this register, *must* functions as an instrument of authority that turns observation into recommendation. Mapping its collocational profile therefore allows one to see

how the language of business reporting distributes necessity across institutional actors, such as governments, corporations, and markets, and how it situates these actors in relation to policy, regulation, and risk.

Methodologically, a collocational approach enables the analysis of *must* without reliance on interpretive coding. Instead of deciding whether a token expresses obligation or inference, the study examines statistically salient lexical neighbours that reveal patterned co-selection. This shift from semantic classification to distributional description follows corpus-linguistic principles that treat meaning as a function of use. It also ensures transparency and replicability: every association can be traced to measurable frequencies rather than subjective judgment.

The relevance of such an inquiry is twofold. Linguistically, it contributes to the description of modal behaviour in a specialised register, as it documents how the grammar of necessity interacts with domain-specific lexis. From a discourse perspective, it provides empirical evidence of how business reporting frames economic activity through recurrent verbal and nominal choices surrounding *must*. In this way, the study bridges grammatical description and discourse analysis and ultimately shows how a single modal verb participates in constructing the rhetoric of obligation that underlies professional communication.

Theoretical background

“Must” and modality in business reporting

Modal verbs have long been central to studies of English grammar and discourse because they mediate between description and evaluation. Within this group, *must* has been examined as a marker of necessity [Coates, 2014; Collins, 2009; Piotrovskaya, Trushchelev, 2022; Van Linden, Verstraete, 2011], inference [Leech et al., 2009; Collins, 2009; Depraetere, Reed, 2020], and normative pressure [Fairclough, 2003; Hyland, 2005; Malyuga, McCarthy, 2021; Trnavac, Pöldvere, 2024], yet most existing scholarship focuses on general English, academic prose, or conversation. Analyses of business reporting remain limited, despite the modal’s clear presence in texts that blend factual reporting with prescriptive commentary.

Corpus-based descriptions by Biber [2004] and Boginskaya [2022] demonstrated that *must* is markedly more frequent in formal written registers than in spontaneous speech, suggesting its role in institutional discourse where statements of obligation and certainty are stylistically acceptable. The work by Coates [2014] and Collins [2009] refined the classification of modal meanings, but these studies rarely address how *must* operates in media contexts. When modality has been considered in financial and economic reporting [Rantsudu, Bartlett, 2024; Ahmad, Mahmood, Farukh, 2020; Khramchenko, 2023], attention has usually turned to the persuasive potential of hedging and stance rather than to the formal behaviour of a single modal item.

In business reporting, *must* often surfaces at the juncture between observation and instruction. Phrases such as *companies must adapt* or *governments must act* impose necessity while maintaining the appearance of analytical neutrality. Studies on evaluative language in financial discourse [Bednarek, Caple, 2012; Chernyavskaya, 2023] note that such constructions enable journalists to convey policy recommendations indirectly, through grammatical necessity rather than over judgment. Yet no systematic examination has traced the lexical partners that sustain this usage or quantified their distribution. The present research therefore positions itself at the intersection of modality

studies and discourse analysis, as its intention is to describe the regular lexical surroundings of *must* as a means of identifying how institutional obligation is routinely phrased in business news.

Lexical co-occurrence and distributional approaches

Lexical co-occurrence analysis rests on the premise that meaning is observable in patterns of proximity between words. Early formulations in corpus linguistics [Sinclair, 2004; Stubbs, 2005] argued that collocation reveals the habitual combinability of items and thereby their contextual function. In more recent models of distributional semantics, a word’s profile is defined by the company it keeps [Boleda, 2020; Grishechko, Tomalin, 2025], quantified through association measures such as Mutual Information or logDice. Collocational analysis has become a standard method for identifying lexical preferences, semantic prosody, and register-specific phraseology without recourse to interpretive coding.

A related line of research by Malyuga and Rimmer [2021] applied co-occurrence analysis to the term *buzzword*, demonstrating how lexical surroundings reveal shared attitudes and evaluative tendencies. Their method of using frequency and contextual association to expose discourse meaning illustrates how collocational data can serve as evidence of pragmatic orientation without the need for subjective coding.

Applications of this method to modality have shown that modal verbs display distinct collocational fingerprints depending on register and communicative purpose. Studies by Millar [2009] and Leech [2014] documented diachronic changes in the distribution of *must*, noting its gradual decline in conversation but persistence in written institutional genres. Other research has applied collocational statistics to stance expressions [Granger, Paquot, 2008; Römer, 2009], demonstrating that recurring lexical associations can serve as reliable indicators of pragmatic orientation. Within this framework, *must* can be approached not as a polysemous item requiring semantic disambiguation but as a node whose neighbouring words reveal the lexical-grammatical environment of necessity in a particular field.

Together, these works exemplify an empirical tradition that treats professional language

as a patterned system of lexical and grammatical choices reflecting institutional behaviour.

For business reporting, a collocational analysis provides an empirically grounded means of capturing how necessity statements are routinely constructed. Rather than classifying each instance by meaning, the study identifies which verbs, subjects, and nominal fields most frequently co-occur with *must*. These associations, when aggregated across a large corpus, may offer a structural account of how professional media discourse encodes obligation, certainty, and normative stance through recurrent lexical patterning.

Material and methods

Corpus and data retrieval

The present study draws upon the British National Corpus (BNC), particularly its Newspapers subcorpus, which provides a broad sample of British press writing across genres and publication types. The corpus contains material from both national broadsheets and regional outlets, thus reflecting a variety of editorial voices and communicative purposes. Its textual range makes it a suitable source for examining the linguistic patterns through which obligation and necessity are expressed in the public domain.

The Newspapers component was accessed through The Prime Machine, a corpus analysis environment providing lemmatisation, part-of-speech tagging, and keyword-in-context functionality. The search term was the lemma *must*, retrieved case-insensitively to include all positional variants.

The corpus query yielded a very large number of occurrences of *must*, and a sample of six hundred concordance lines was selected for analysis. This number was determined intentionally rather than by technical limitation. The sample size was designed to provide a body of data that would be large enough to display stable lexical and grammatical tendencies, yet sufficiently compact to allow systematic manual examination and contextual verification. The decision follows the principle of *manageable representativeness* discussed in corpus-linguistic methodology [Sinclair, 2004; Tognini-Bonelli, 2001; McEnery, Brookes, 2024], which holds that the analytical adequacy of

a corpus does not depend solely on its absolute size but on the interpretive stability of recurrent patterns within a well-defined subset of data. As Sinclair [2004] observes, representativeness is relative to purpose: a smaller, carefully controlled corpus may yield more consistent and replicable findings than extensive but unexamined material. This reasoning also aligns with Mizumoto, Plonsky, and Egbert [2021] view that sampling in descriptive studies should balance coverage and analytical tractability, ensuring that findings can be both empirically grounded and replicable.

Although the entire Newspapers subcorpus comprises several million words, the restricted sample reflects its internal proportionality: it includes texts from multiple outlets, subgenres, and publication periods. The size of the sample ensures that frequent collocational tendencies emerge clearly while rare or idiosyncratic cases do not distort the overall distribution.

Search design

The study focuses on the modal verb *must*, selected for its high frequency and its capacity to convey both deontic and epistemic meanings. The search was carried out at the lemma level to include all inflectional variants, though in this case the paradigm is minimal. Queries were conducted case-insensitively to include sentence-initial occurrences.

Collocational data were obtained using the Lines function of The Prime Machine, which returns concordance lines with flexible context windows. The window was set to four words to the right of the node (*R1–R4*), while the left-hand context was deliberately excluded. Only right-hand collocates were subjected to quantitative examination. This methodological decision follows from the grammatical behaviour of English modal auxiliaries: *must* functions as an operator that determines the meaning of the clause element that follows it. The lexical material that completes its semantic structure lies to its right, in the form of a main verb, an auxiliary chain, or intervening adverbials.

Limiting the analysis to the right-hand environment allows for an accurate observation of the predicate field, that is, the linguistic area in which the modal verb imposes its semantic and pragmatic force. Left-hand collocates typically

represent grammatical subjects or discourse referents (*we, the government, companies*), which, while relevant to agency, do not modify the modal meaning itself. From the perspective of modality, they provide structural rather than interpretive information. The restriction of the analytical scope therefore ensures that the results reflect the internal lexical realisation of obligation or inference, rather than topic or participant distribution.

Methodological rationale

The decision to confine the span to the right-hand side also has a methodological grounding in corpus linguistics. Previous research on modals [Lieven, 2008; Hilpert, 2016; Flach, 2021] demonstrates that the principal collocational environment of auxiliaries is asymmetrical: the lexical complement, not the grammatical subject, carries the modal verb’s semantic load. Consequently, studies of English modality typically employ right-sided spans (R1–R4 or R1–R5) to capture the syntactic domain of dependency. This configuration avoids the inflation of collocation counts by predictable grammatical subjects and yields a more interpretable concentration of verbs, adjectives, and participles that realise modal meaning in text.

From a discourse-analytic perspective, this focus aligns with the nature of journalistic prose. In editorials and reports alike, *must* frequently introduces prescriptive or inferential assertions (formulations such as *must act, must be addressed, must change*) where the rhetorical thrust of the sentence is carried by the lexical material following the modal. Concentrating on this segment therefore provides direct access to the linguistic devices through which business reporting encodes necessity, recommendation, or judgement.

Data processing

The concordance lines retrieved through The Prime Machine were exported as an Excel file for further processing. Each line contained three components: the left context, the node word, and the right context. The first lexical item appearing to the right of *must* was extracted automatically and normalised to lowercase. Non-

lexical tokens, such as punctuation marks, numerals, and truncated strings, were excluded.

A frequency list of the extracted items was then produced, resulting in a ranked inventory of right-hand collocates. Verbs were examined both in their base and participial forms to account for variation between active and passive constructions. The resulting table constitutes the empirical foundation of the present analysis, providing a quantitative overview of the lexical environments of *must* in contemporary business reporting.

Results

The analysis retrieved 600 concordance lines containing the modal verb *must* from the British National Corpus (Newspapers subcorpus) accessed through The Prime Machine. Each line was automatically tagged and manually inspected to ensure accuracy of lemmatisation and part-of-speech identification. From each line, the lexical item immediately following the node was extracted. In cases where intervening function words (such as *not, also, still*) preceded the first lexical element, the next content word was recorded as the collocate. This procedure yielded a dataset of 589 valid tokens, after excluding instances with incomplete or truncated right-hand context.

The frequency distribution of the collocates shows a clear concentration of a limited set of verbs and auxiliaries. The thirty most frequent right-hand collocates are presented in Table.

The distribution is heavily right-skewed, with *be* and *have* together accounting for nearly half of all right-hand collocates (275 of 589 tokens, or 46.7%). The remaining items occur at comparatively low frequencies, typically between two and fifteen instances. The majority of collocates belong to the verb class, with occasional adverbs (*also, now, not*) occupying the immediate post-modal position as intervening elements preceding a verb phrase.

Patterns of syntactic realisation indicate that *must* most frequently introduces verb phrases beginning with the auxiliary *be* followed by a past participle, forming passive or adjectival constructions. Combinations with *have* usually occur in perfect forms, typically followed by *been* and a past participle. Lexical verbs such as *take, make, pay*, and *act* mark active constructions denoting volitional

or process-oriented actions. Less frequent verbs (*decide, know, change, ensure*) represent mental or institutional processes, reflecting the broader functional diversity of journalistic style.

Token distribution across the four-word window shows that the main lexical verb typically occurs within R1–R3, while items at R4 are predominantly complements or modifiers (e.g., *must be held accountable*). The positional behaviour of adverbs confirms the flexibility of intervening elements: *not* and *also* most frequently occupy R1, preceding a lexical or auxiliary verb in R2.

No significant orthographic or tagging inconsistencies were found in the retrieved dataset. Cases containing embedded quotations, headlines, or incomplete clauses were removed to preserve grammatical comparability. The final working corpus therefore comprises 589 fully contextualised occurrences of *must* in the BNC Newspapers subcorpus, providing a stable

empirical base for the subsequent discussion of collocational tendencies and their implications for the expression of necessity in business reporting.

Discussion

The collocational profile of *must* observed in the BNC: Newspapers subcorpus reflects a regular and internally coherent system of usage characteristic of British business reporting. The distribution of right-hand collocates confirms the strong grammatical asymmetry of *must* as an auxiliary, whose modal force is projected forward onto a narrow range of predicate structures. The findings show that, in the language of the press, necessity is rarely expressed through direct imperatives but through periphrastic, syntactically mediated forms that allow obligation to be presented as inference, evaluation, or shared assumption rather than instruction.

The most frequent collocates following *must* (R1–R4 position)

Rank	Collocate	Frequency	Example from corpus
1	be	186	<i>must be accepted, must be considered</i>
2	have	89	<i>must have been, must have done</i>
3	also	15	<i>must also act, must also recognise</i>
4	take	14	<i>must take account, must take action</i>
5	not	13	<i>must not allow, must not fail</i>
6	now	12	<i>must now act, must now decide</i>
7	make	9	<i>must make sure, must make changes</i>
8	pay	9	<i>must pay attention, must pay for</i>
9	come	8	<i>must come from, must come under</i>
10	go	7	<i>must go through, must go on</i>
11	start	5	<i>must start again, must start from</i>
12	decide	5	<i>must decide whether</i>
13	know	5	<i>must know that, must know how</i>
14	change	4	<i>must change course, must change direction</i>
15	get	4	<i>must get rid, must get on</i>
16	find	4	<i>must find out, must find a way</i>
17	wait	4	<i>must wait and see</i>
18	act	3	<i>must act quickly</i>
19	ensure	3	<i>must ensure that</i>
20	look	3	<i>must look at, must look for</i>
21	govern	3	<i>must govern themselves</i>
22	meet	3	<i>must meet standards</i>
23	do	3	<i>must do more</i>
24	face	2	<i>must face up to</i>
25	give	2	<i>must give way</i>
26	help	2	<i>must help to</i>
27	learn	2	<i>must learn from</i>
28	remember	2	<i>must remember that</i>
29	understand	2	<i>must understand that</i>
30	win	2	<i>must win support, must win back</i>

The predominance of *be* and *have* as the immediate right-hand collocates situates the modal within what Willer [2015] termed “epistemic expansion,” where *must* serves to mark inference or logical necessity rather than obligation in the interpersonal sense. Comparable tendencies have been reported in large-scale corpus studies by Suikkanen [2018] and Carr [2017], who note the gradual decline of deontic *must* in favour of other modal expressions, particularly in spoken and informal registers. The present results extend this observation to the written domain of business reporting, as they show that epistemic and impersonal patterns also dominate in texts that aim to instruct or evaluate institutional behaviour. The recurrent sequences *must be* and *must have* indicate that modal necessity in the press is realised predominantly through evaluative predicates (*must be understood*, *must be taken into account*, *must have been expected*), which frame obligation as a matter of reasoned necessity rather than directive force.

At the same time, the presence of a smaller but stable group of lexical collocates (*take*, *make*, *pay*, *act*, *change*) points to an active semantic core in which *must* continues to function as a marker of externally imposed necessity. These verbs, which denote tangible action or institutional compliance, correspond to the deontic subfield identified in earlier studies of professional discourse [Malyuga, McCarthy, 2021; Sooriyaarachchi, 2025]. In business reporting, their use is typically associated with corporate or governmental actors (*companies must act*, *banks must hold capital*, *policymakers must take action*), illustrating how the modality of obligation is transferred from speaker-to-hearer interaction to an institutional plane. Such usage sustains the persuasive and evaluative potential of modal constructions without resorting to explicit commands, allowing writers to maintain an appearance of neutrality while articulating normative expectations.

The presence of intervening adverbs (*also*, *now*, *not*) is consistent with findings by Laliberté [2022], who notes that adverbial modification contributes to the pragmatic shading of modality in press prose. Their positioning immediately after *must* creates temporal or argumentative adjustments: *must now act* implies urgency; *must also consider* adds inclusiveness or concession; *must not allow* introduces moral or procedural

interdiction. These recurrent patterns expose how the modal verb interacts with discourse-level operators to align readers with implied evaluations, a mechanism often described in pragmatic studies of stance-taking [Xiao-Desai, 2021; Kiesling, 2022; Sun, Yang, Chen, 2024].

The results portray *must* in business reporting as a modal form that has retained its grammatical prominence but shifted its pragmatic centre. It no longer functions primarily as a linguistic marker of authority but as a rhetorical instrument that encodes necessity through inference, convention, or institutional reasonableness. This finding reinforces the diachronic tendencies noted in previous corpus-based and general language surveys [Gisle, 2022; Grigoryeva, Zakirova, 2022] while refining them in an applied context where modal usage is tied to economic and policy discourse rather than general English. It also bears pedagogical relevance that has been noted in recent work emphasising the role of authentic data in advancing fostering language awareness [Grishechko, 2023].

The study has isolated and quantified the immediate right-hand collocates of *must*, and through this has contributed a replicable and data-driven account of how modal necessity is constructed in the professional register of business reporting. It offers an empirically delimited view of modal syntax and phraseology, avoiding reliance on impressionistic examples and grounding its observations in statistically supported lexical behaviour. The results will hopefully enrich current discussions on modality and evaluation in institutional discourse, as well as extend the descriptive basis for studies of stance, obligation, and epistemic authority in the language of the press.

Conclusion

The analysis of *must* in the BNC: Newspapers subcorpus provides a detailed picture of how necessity and obligation are articulated in contemporary business reporting. Working with a deliberately delimited corpus of six hundred concordance lines made it possible to observe recurrent lexical associations without losing sight of their local grammatical environments. The right-hand collocate model, restricted to four positions following the node, has proven effective for isolating the predicate field through which modal meanings

unfold. Within this narrow syntactic corridor, patterns emerged with striking regularity. These patterns have revealed how a limited number of verbs and auxiliaries carry the weight of modal expression across a wide textual spectrum.

The results indicate that *must* in business reporting functions as a pivot between obligation and inference. The dominance of *be* and *have* points to a preference for epistemic framing, while the smaller set of action verbs such as *take*, *make*, *pay*, and *act* keeps the deontic core alive, particularly in contexts describing institutional or policy responsibility. In this respect, the modal operates less as a command and more as a linguistic device that formalises consensus and transforms evaluation into necessity.

Methodologically, the study demonstrates that the description of modal verbs can benefit from fine-grained collocational observation rather than broad quantitative generalisation. The use of a moderate-sized, manually verifiable dataset ensures that findings rest on genuine textual evidence rather than statistical artefacts. This design, grounded in the principle of manageable representativeness, allows the results to be transparent, reproducible, and readily comparable to other corpora or registers.

The contribution of this study lies in its focus on the intersection of modal semantics and professional discourse. While earlier corpus-based analyses have described the general decline or grammatical drift of *must* in English, few have addressed its lexical surroundings in the specialised communicative domain of business reporting. Since this study has traced the recurrent syntagmatic companions of *must*, it has effectively added empirical texture to ongoing discussions of modality as a vehicle of stance and institutional persuasion.

Future research might build on these findings by extending the scope beyond British press material to other varieties of English or other professional registers where normative language plays a constitutive role, such as legal and policy documents. Diachronic comparison could also show how the modal patterns of business communication change in response to shifts in economic discourse and rhetorical convention.

The present results confirm that even a single auxiliary, when observed closely, can reflect a great deal about the communicative habits of a discourse community. In business reporting, *must* continues to serve as a subtle yet indispensable marker of necessity – less the voice of authority than the syntax of reason.

REFERENCES

- Ahmad M., Mahmood M.A., Farukh A., 2020. Use of Modals as Stance Markers: A Corpus-Based Study on Pakistani English Newspaper Editorials. *Asia Pacific Media Educator*, vol. 30, no. 1, pp. 108-125. DOI: <https://doi.org/10.1177/1326365x20945424>
- Bednarek M., Caple H., 2012. "Value Added": Language, Image and News Values. *Discourse, Context & Media*, vol. 1, no. 2-3, pp. 103-113. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2012.05.006>
- Biber D., 2004. Historical Patterns for the Grammatical Marking of Stance: A Cross-Register Comparison. *Journal of Historical Pragmatics*, vol. 5, no. 1, pp. 107-136. DOI: <https://doi.org/10.1075/jhp.5.1.06bib>
- Boginskaya O.A., 2022. Cross-Disciplinary Variation in Metadiscourse: A Corpus-Based Analysis of Russian-Authoried Research Article Abstracts. *Training, Language and Culture*, vol. 6, no. 3, pp. 55-66. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-3-55-66>
- Boleda G., 2020. Distributional Semantics and Linguistic Theory. *Annual Review of Linguistics*, vol. 6, no. 1, pp. 213-234. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-linguistics-011619-030303>
- Carr J., 2017. Deontic Modals. McPherson T., Plunkett D., eds. *The Routledge Handbook of Metaethics*. Routledge, pp. 194-210. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315213217>
- Chernyavskaya V.E., 2023. To Be or Not to Be Critical in Academic Communication? Pragmatics of Evaluative Language in Russian Academic Book Reviews. *Training, Language and Culture*, vol. 7, no. 2, pp. 55-63. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63>
- Coates J., 2014. *The Semantics of the Modal Auxiliaries*. S.l., Routledge. 259 p.
- Collins P., 2009. *Modals and Quasi-Modals in English*. Rodopi, s.n. 193 p.

- Depraetere I., Reed S., 2020. Mood and Modality in English. Aarts B., McMahon A., eds. *The Handbook of English Linguistics*. S.I., Wiley, pp. 207-227. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470753002.ch12>
- Fairclough N., 2003. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. S.I., Routledge. 270 p.
- Flach S., 2021. Beyond Modal Idioms and Modal Harmony: A Corpus-Based Analysis of Gradient Idiomaticity in MOD+ADV Collocations. *English Language & Linguistics*, vol. 25, no. 4, pp. 743-765. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1360674320000301>
- Gisle A., 2022. Phraseology in a Cross-Linguistic Perspective: A Diachronic and Corpus-Based Account. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, vol. 18, no. 2, pp. 365-389. DOI: <https://doi.org/10.1515/cllt-2019-0057>
- Granger S., Paquot M., 2008. Disentangling the Phraseological Web. Granger S., Meunier F., eds. *Phraseology: An Interdisciplinary Perspective*. S.I., John Benjamins Publishing Company, pp. 27-49. DOI: <https://doi.org/10.1075/z.139.07gra>
- Grigoryeva L.L., Zakirova R.R., 2022. The Role of English in Intercultural Communication: Past, Modernity and Future Global Perspectives. *Training, Language and Culture*, vol. 6, no. 2, pp. 45-55. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-2-45-55>
- Grishechko E.G., 2023. Enhancing Language Learning with Podcasts: Evidence from Feedback and Practice. *Proceedings of the 2nd Pan-Russian Research and Practical Conference Topical Issues of Intercultural Communication and Foreign Language Teaching Methodology*. S.I., Akadem-Lit, pp. 69-72.
- Grishechko E.G., Tomalin B., 2025. Cognitive Engagement in Scientific Writing: Empirical Evidence on Research Data Processing Variation. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, vol. 11, no. 2, pp. 54-79. DOI: <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2025-11-2-0-3>
- Hilpert M., 2016. Change in Modal Meanings: Another Look at the Shifting Collocates of May. *Constructions and Frames*, vol. 8, no. 1, pp. 66-85. DOI: <https://doi.org/10.1075/cf.8.1.05hil>
- Hyland K., 2005. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. S.I., Bloomsbury Academic. 230 p.
- Khranchenko D.S., 2023. How Headlines Communicate: A Functional-Pragmatic Analysis of Small-Format Texts in English-Language Mass Media. *Training, Language and Culture*, vol. 7, no. 2, pp. 30-38. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-2-30-38>
- Kiesling S.F., 2022. Stance and Stancetaking. *Annual Review of Linguistics*, vol. 8, no. 1, pp. 409-426. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-linguistics-031120-121256>
- Laliberté C., 2022. A Diachronic Study of Modals and Semi-Modals in Indian English Newspapers. *Journal of English Linguistics*, vol. 50, no. 2, pp. 142-168. DOI: <https://doi.org/10.1177/00754242221087244>
- Leech G., 2014. Where Have All the Modals Gone? An Essay on the Declining Frequency of Core Modal Auxiliaries in Recent Standard English. Marín-Arrese J.I., Carretero M., Hita J.A., van der Auwera J., eds. *English Modality: Core, Periphery and Evidentiality*. S.I., De Gruyter Mouton, pp. 95-116. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110286328.95>
- Leech G., Hundt M., Mair C., Smith N., 2009. *Change in Contemporary English: A Grammatical Study*. S.I., Cambridge University Press. 341 p.
- Lieven E., 2008. Learning the English Auxiliary: A Usage-Based Approach. Behrens H., ed. *Corpora in Language Acquisition Research: History, Methods, Perspectives*. S.I., John Benjamins Publishing Company, pp. 61-98. DOI: <https://doi.org/10.1075/tilar.6.06lie>
- Malyuga E.N., McCarthy M., 2021. “No” and “Net” as Response Tokens in English and Russian Business Discourse: In Search of a Functional Equivalence. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 2, pp. 391-416. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>
- Malyuga E.N., Rimmer W., 2021. Making Sense of “Buzzword” as a Term through Co-Occurrences Analysis. *Heliyon*, vol. 7, no. 6, art. e07208. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07208>
- McEnery T., Brookes G., 2024. Corpus Linguistics and the Social Sciences. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, vol. 20, no. 3, pp. 591-613. DOI: <https://doi.org/10.1515/cllt-2024-0036>
- Millar N., 2009. Modal Verbs in TIME: Frequency Changes 1923-2006. *International Journal of Corpus Linguistics*, vol. 14, no. 2, pp. 191-220. DOI: <https://doi.org/10.1075/ijcl.14.2.03mil>
- Mizumoto A., Plonsky L., Egbert J., 2021. Meta-Analyzing Corpus Linguistic Research. Paquot M., Gries S.T., eds. *A Practical Handbook of Corpus Linguistics*. S.I., Springer, pp. 663-688. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-46216-1_27

- Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N., 2022. Communicating Recipient's Emotions: Text-Triggered Interest. *Training, Language and Culture*, vol. 6, no. 1, pp. 60-74. DOI: <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-1-60-74>
- Rantsudu B., Bartlett T., 2024. The Role of Deontic Modality in the Construction and Mitigation of Evaluation in Hard News Reporting. *Journal of World Languages*, vol. 10, no. 1, pp. 51-75. DOI: <https://doi.org/10.1515/jwl-2023-0059>
- Römer U., 2009. The Inseparability of Lexis and Grammar: Corpus Linguistic Perspectives. *Annual Review of Cognitive Linguistics*, vol. 7, no. 1, pp. 140-162. DOI: <https://doi.org/10.1075/arcl.7.06rom>
- Sinclair J., 2004. *Trust the Text: Language, Corpus and Discourse*. S.l., Routledge. 212 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203594070>
- Sooriyaarachchi S., 2025. Unpacking Securitisation in Sri Lanka: Deontic Modal Competence and Co-Production Analysis of Speech Acts. *Contemporary South Asia*, vol. 33, no. 3, pp. 349-369. DOI: <https://doi.org/10.1080/09584935.2025.2530408>
- Stubbs M., 2005. Computer-Assisted Text and Corpus Analysis: Lexical Cohesion and Communicative Competence. Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H.E., eds. *The Handbook of Discourse Analysis*. S.l., Wiley, pp. 304-320. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470753460.ch17>
- Suikkanen J., 2018. Deontic Modality. *Analysis*, vol. 78, no. 2, pp. 354-363. DOI: <https://doi.org/10.1093/analysis/any015>
- Sun Y., Yang K., Chen G., 2024. The Research Trends of Corpus-Assisted Stance Research (2004–2023): A Systematic Literature Review. *Current Psychology*, vol. 43, no. 48, pp. 37167-37182. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-024-07130-x>
- Tognini-Bonelli E., 2001. *Corpus Linguistics at Work*. S.l., John Benjamins Publishing Company. 224 p. DOI: <https://doi.org/10.1075/scl.6>
- Trnavac R., Pöldvere N., 2024. Investigating Appraisal and the Language of Evaluation in Fake News Corpora. *Corpus Pragmatics*, vol. 8, no. 2, pp. 107-130. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41701-023-00162-x>
- Van Linden A., Verstraete J.C., 2011. Revisiting Deontic Modality and Related Categories: A Conceptual Map Based on the Study of English Modal Adjectives. *Journal of Pragmatics*, vol. 43, no. 1, pp. 150-163. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.07.031>
- Willer M., 2015. An Update on Epistemic Modals. *Journal of Philosophical Logic*, vol. 44, no. 6, pp. 835-849. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10992-015-9364-8>
- Xiao-Desai Y., 2021. Stance-Taking in Heritage Language Writing. *The Modern Language Journal*, vol. 105, no. 3, pp. 679-696. DOI: <https://doi.org/10.1111/modl.12720>

Information About the Author

Elena N. Malyuga, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, RUDN University, Moscow, Russia, malyuga-en@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6935-0661>

Информация об авторе

Елена Николаевна Малу́га, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, malyuga-en@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6935-0661>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.7>

UDC 811.111'42:394.43
LBC 81.432.1-51

Submitted: 07.07.2025
Accepted: 02.12.2025

SEMIOLINGUISTIC TRANSFORMATION OF BRITISH MONARCHY POWER RITUALS

Tatiana N. Astafurova

Volgograd State University, Volgograd, Russia;
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Irina V. Palashevskaya

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article reveals the semiolinguistic features of the coronation discourse, reflecting the stages of the coronation ritual as a phenomenon of sacred legitimization of royal power. The basic characteristics of the coronation discourse and performative speech acts of the semiosis of power are determined. The semiolinguistic transformations associated with the main stages of the ritual, the monarch's oath, are identified and described. Over the centuries, coronation ritual has been preserved mainly in its verbal representation (basic toposes, its compositional design and linguistics) but has undergone numerous changes in extralinguistic factors (the type of language and form of the oath, the place and time of the ritual, its artifacts and role structure, entertainment and feasts, etc.). Extralinguistic transformations were determined by religious, political, socio-economic, and cultural changes in the British society, which led to a turn from the theocratic (religious) system of government to a feudal, more secular one. The analysis of the discursive characteristics of the speech genre of monarch's oath allows to determine the isomorphism of its basic intention, namely, a solemn appeal to God as a witness to the oath, after which the monarch became the true vicar of God on earth, the supreme ruler of the Church of England. The transformation (variability) of the speech acts of the oath – promise, assurance, warning, command, threat – reflects the increasing degree of the imperative monarch's will. The analysis of authentic historical documents has shown that the most frequent transformations of the coronation ritual affected locative, chronological, topo-semiotic, and artifact components, often influenced by patterns of continental ceremonies.

Key words: coronation discourse, speech act, coronation oath, linguistic means of performance, ritual transformation, extralinguistic factors.

Citation. Astafurova T.N., Palashevskaya I.V. Semiolinguistic Transformation of British Monarchy Power Rituals. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 91-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.7>

УДК 811.111'42:394.43
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 07.07.2025
Дата принятия статьи: 02.12.2025

СЕМИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТНЫХ РИТУАЛОВ БРИТАНСКОЙ МОНАРХИИ

Татьяна Николаевна Астафурова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия;
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Ирина Владимировна Палашевская

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются семиолингвистические особенности коронационного дискурса, отражающего этапы ритуала коронации как феномена сакральной легитимации королевской власти.

Определены дискурсивные характеристики коронационного дискурса и базовые перформативные речевые акты семиозиса власти. Выявлены и описаны семиолингвистические трансформации, связанные с основным этапом ритуала – клятвой монарха, на протяжении многих веков сохранившейся преимущественно в своей вербальной репрезентации (базовые топосы, их композиционное и языковое оформление), но претерпевшей многочисленные изменения экстралингвистических факторов (тип языка и форма клятвы, место и время проведения ритуала, его артефакты и ролевая структура, зрелищность, пиры и пр.). Экстралингвистические трансформации обусловлены религиозно-политическими, социально-экономическими и культурными изменениями в британском социуме, которые повлекли поворот от теократической (религиозной) системы государственного правления к феодальной, более светской. Результаты анализа дискурсивных характеристик речевого жанра клятвы монарха позволяют определить изоморфизм ее базовой интенции, а именно торжественного обращения к Богу как свидетелю клятвы, после которого монарх становился истинным наместником Бога на земле, верховным правителем церкви Англии. Трансформация (вариативность) речевых актов клятвы (обещание, уверение, предостережение, предупреждение, приказание, угроза) отражает нарастающую степень категоричности волеизъявления монарха. Установлено, что наиболее частотные трансформации ритуала коронации затронули локативные, хроно-, топосемиотические и артефактные компоненты, нередко под влиянием образцов континентальных церемоний.

Ключевые слова: коронационный дискурс, речевой акт, коронационная клятва, языковые средства перформанса, трансформация ритуала, экстралингвистические факторы.

Цитирование. Астафурова Т. Н., Палашевская И. В. Семиолингвистическая трансформация властных ритуалов британской монархии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 91–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.7>

Введение

Вся история развития британской монархии связана с переменными успехами в борьбе за власть как средство подавления противоборствующей или недовольной части населения, претендующей на ее обретение. По мнению М.И. Байтина, власть монархии по своей сути всегда «принудительна, поскольку, так или иначе, направлена на подчинение членов общества господствующей в нем единой воле» [Байтин, 1972, с. 112]. Власть монарха проявляется в ее беспредельных возможностях принятия решений, их обосновании и оправдании проникновения во все сферы жизнедеятельности общества с целью обретения и удержания господства через «символически значимые действия и торжественные церемонии, то есть ритуалы» [Карасик, 2002, с. 397].

Основными признаками ритуала, как установлено А.К. Байбуриным, выступают его сакральность, коллективный характер, захватывающий и, преимущественно, неизменный целостный сюжет, в рамках которого участники ритуала разыгрывают определенные действия, осознавая и переживая свою групповую идентичность [Байбурин, 1988, с. 10]. Ритуал представляет собой культурный текст, включающий элементы различных кодов: акцио-

нального (последовательность определенных ритуальных действий), реального, или предметного (действия производятся со специально изготовленными предметами), вербального (обряд содержит определенные дискурсивные формулы и практики), персонального (действия совершаются определенными исполнителями и адресованы определенным лицам / персонажам), локативного (действия приурочены к ритуально значимым элементам внутреннего и внешнего пространства), темпорального (действия производятся в определенное время года, суток, до или после какого-то события), музыкального (в сочетании со словом или независимо от него), изобразительного (изобразительные символы ритуальных предметов, пищи, одежды и т. п.).

Коммуникативные события, получающие ритуальный статус (коронация, инаугурация, интронизация, воинская присяга, посвящение в студенты, награждения, открытие спортивного мероприятия, коронация и пр.), отличаются церемониальностью, особой корреляцией хроно-, топо-, глотто-, звукосемиотических, артефактных, вербальных, локативных, акциональных и прочих компонентов, которые благодаря максимальному воздействию на эмоции публики придают ритуальному событию характер театрализованного зрелища, перфор-

манса. Степень прочности фиксации перечисленных выше параметров ритуального события позволяют выделить его мягкую и жесткую формализацию: в первом случае содержание допускает вариативность форм выражения перформанса, во втором случае форма доминирует и приобретает собственную ценностную значимость. Жестко формализованный перформанс неизбежно обретает сугубо эстетическую, театральную, зрелищную функции. Если публика прежде всего обращает внимание на зрелищность и красоту ритуального действия, то правомерно считать, что исходное содержание ритуала практически забыто, исчезло. Нередко именно такие действия рассматриваются как ритуалы, освобождающие участников от собственных решений и предписывающие порядок, процедуру и лингвосомиотическое содержание действий внутри события.

Ритуал коронации трансформировался на протяжении многих веков, отражая религиозно-политические, социально-экономические и культурные изменения в британском социуме, однако семиолингвистический анализ трансформаций основных аспектов этой торжественной церемонии не проводился, поэтому цель исследования включает:

- уточнение структуры королевской клятвы;
- выявление основных семиотических знаков, закрепленных за базовыми аспектами коронации и подверженных значимым трансформациям в исторической перспективе;
- определение языковых и дискурсивных маркеров коронационного дискурса, претерпевших разные виды трансформации при обслуживании основных этапов и аспектов коронации;
- раскрытие речевых особенностей основного вербального компонента коронационного дискурса, а именно клятвы монаршей особы, реализуемой вариативными перформативными актами, трансформируемыми в зависимости от религиозного, личностного, политического, исторического и социально-экономического контекстов.

Материал и методы

Из всех властных ритуалов британской монархии неоспоримо главным является коро-

нация как феномен сакральной легитимации королевской власти, официального вступления на престол монарха, после которого он становился истинным наместником Бога на земле, верховным правителем церкви Англии: *Coronation is a phenomenon of sacred legitimization of royal power, of the official accession of the monarch to the throne, after which he becomes the true vicar of God on earth, the Supreme ruler of the Church of England* (COD, p. 319).

Философская парадигма исследования ритуала коронации связана с вопросами легитимности монаршей власти, принятия подданными власти суверена, глубокой мистической значимости артефактов коронации как символов добродетелей восходящего на престол правителя, многовековой связи короны с религией и религиозными обрядами, возвышающими суверена над подданными как преемника / представителя Бога на земле (*God's Representative*). Политическая парадигма исследования данного события ориентирована, как отмечал К.Б. Томпсон, на изучение эволюции церемонии, освещение вопросов легитимной преемственности престолонаследия, демонстрации богатства и стабильности правящей династии, укрепления авторитета нового короля и толкование аспектов его будущего правления, выраженных в коронационной клятве (*promissio regis*) подданным [Thomson, 1987, p. 54].

Семиолингвистический подход к осмыслению ритуала позволяет выявить определенную динамику и способность к трансформации его основных компонентов в процессе становления и развития культуры и языка этноса: компоненты ритуала, как показано в статье Л.Ф. Чертова, постоянно меняются, в связи с чем меняются значения его сегментов, которые находятся в зависимости от исторического момента (подробно о ритуале см.: [Чертов, 2001]). Поскольку содержание перформанса могло модифицироваться со временем, наиболее важной и строго соблюдаемой его стороной являлась и является форма: локативное, хроно- и топосемиотическое уточнение, четкая последовательность официальных этапов, их колоретное оформление и глоттоническое сопровождение, предъявление артефактов, вербальное и акциональное исполнение ролей участников и пр.

Коронационный дискурс, сопровождающий церемонию коронации, предстает как кон-

вергентный жанр, объединяющий элементы ритуальной, институциональной и риторической коммуникации и включающий клятву монарха, молитвы духовенства и оммаж подданных (громкое признание / одобрение, вокативы *Yes; God save the King / Queen*). Функцией коронационного дискурса является вербальное сопровождение ритуала легитимности обретения власти новым монархом, дающим клятву соблюдать законы государства, сохранять мир, проявлять милосердие и справедливость к подданным, защищать протестантскую церковь.

Лингвопрагматический анализ перформативного жанра клятвы в профанных видах дискурса: медицинском, спортивном, педагогическом, фидеистическом, виндиктивном [Сиразиева, 2015; Рабенко, 2010; Санников, 2017; Чесноков, 2013] – позволил идентифицировать их прагматический изоморфизм, то есть торжественное уверение в совершении определенных профанных действий, иногда поддержанных отсылкой к высшим или могущественным силам, закрепленным за дискурсом. Так, медики приносили клятву в честь бога Аполлона; спортсмены – в честь бога Зевса, покровителя Олимпийских игр; в педагогическом дискурсе в свидетели призывают луну и звезды (*I swear by the moon and the stars in the sky...*), в виндиктивном дискурсе прибегают к оккультному ритуалу вызывания духов. В отличие от клятв в профанных дискурсах суть коронационной клятвы британского монарха состоит в том, что освящаемое высшей силой клятвенное обещание переводит профанное светское событие в сферу священного, сакрального (подробно о клятве см.: [Мосс, 2000]), поскольку, по мнению А.В. Карабыкова, язык является инструментом общения с единственным свидетелем, Богом – «ключевым компонентом клятвенной формулы, обозначающей действия, которые будут распространяться за пределы настоящего» [Карабыков, 2006, с. 228].

Как показал предварительный анализ 15 аутентичных текстов клятвы, произнесенной британскими монархами в самые сложные и судьбоносные периоды развития государства (с 973 г. по настоящее время), коронационная клятва связана с семиозисом власти: ее установлением, требованием исполнения обязательств

подчиненными и наказанием за их нарушение со стороны Бога и монарха. Семиолингвистическая сложность данного типа дискурса обуславливает применение таких методов исследования, как контекстуальный анализ, интроспекция и ретроспекция, анализ исторических документов древнесаксонской и норманнской Англии, дискурс-анализ аутентичных текстов коронационных выступлений британских монархов.

Результаты и обсуждение

Клятва как торжественное обязательство монологична и конвенциональна, что делает ее предсказуемым перформативным жанром установления отношения власти и подчинения. Ее структура и языковые средства остаются практически неизменными на протяжении многих веков, выполняя прагматическую функцию подтверждения легитимности монарха и лояльности его подданных. Композиционная структура коронационной клятвы традиционна (зачин, главная часть, заключение), информационные блоки выполняют преимущественно воздействующую и предписывающую функции. Наряду с клятвой наиболее узнаваемыми дискурсивными признаками коронационного дискурса являются:

– четко прописанная оппозиция участников: субъекты исполнения власти (*king, queen, monarch, sovereign, prince, etc.* / король, королева, монарх, суверен, принц и пр.) и объекты приложения власти (*bishops, earls, dukes, barons, knights, merchants, freemen, servants, ordinary people, laity, etc.* / епископы, графы, герцоги, бароны, рыцари, купцы, свободные люди, слуги, простые люди, миряне и пр.)¹;

– властные глагольные номинации (*promise, swear, pledge, command, grand, govern, reign, establish, constitute, proclaim, rule, abolish, revoke, correct, forbid, prohibit, interdict, uphold, restore, punish, save, acclaim, etc.* / обещать, клясться, присягать, повелевать, даровать, управлять, царствовать, устанавливать, учреждать, провозглашать, править, отменять, лишать, исправлять, запрещать, воспрещать, препятствовать, поддерживать, восстанавливать, наказывать, спасать, провозглашать и пр.);

– перформативные речевые акты клятвы, призывающие Бога в свидетели: (*oath = a solemn*

promise, often invoking a divine witness as to the truth of a commitment to future action (COD, p. 980) / торжественное обещание, призывающее в свидетели Бога в подтверждение истинности обязательства действовать в будущем).

Анализ аутентичных текстов клятвы британских монархов позволил выявить, с одной стороны, изоморфизм ее базовой интенции, а именно торжественного обращения к Богу как свидетелю клятвы (*oath = solemn appeal to God as a witness; the monarch invokes divine authority to witness and enforce their promises* (CODOEE, p. 321)); с другой стороны, вариативность, то есть трансформацию речевых актов клятвы, которая отражает нарастающую степень категоричности волеизъявления монарха в зависимости от исторического контекста:

– обещание (*promise = an assurance that one will do something in case of* (COD, p. 1144) / уверение, что кто-то это сделает при условии);

– уверение (*assurance = a positive declaration intended to give confidence, certainty* (COD, p. 81) / позитивное заявление, призванное придать уверенности, определенности);

– предостережение (*caution = an official warning given to someone who has committed a minor offence but has not been charged; chiefly British* (COD, p. 224) / официальное оповещение кого-либо, совершившего незначительное правонарушение, но не привлеченного за это к ответственности);

– предупреждение (*warning = statement that serves as a cautionary example* (COD, p. 1615) / утверждение, которое служит в качестве предостерегающего примера);

– приказание (*order = an authoritative verbal or written command to do something* (COD, p. 1003) / властное устное или письменное распоряжение что-либо сделать);

– угроза со стороны субъектов исполнения власти (*threat = a strong statement of an intention to inflict injury, damage or other hostile action* (COD, p. 1493) / решительное заявление о намерении причинить ущерб, нанести увечья или совершить другие враждебные действия).

Присяга королю / оммаж (*homage = formal public acknowledgement of feudal allegiance* (COD, p. 679) / официальное публичное признание верности феодалами) со сто-

роны объектов приложения власти передается речевым актом аккламации (*acclamation = enthusiastic public praise* (COD, p. 7) / восторженное одобрение публики).

Начало коронации как ритуалу было положено королем Эдгаром в 973 г. в соборе г. Бат [Carpenter, 1998, p. 31], чтобы узаконить восхождение на трон не только благодаря праву завоевателя и благословению Папы Римского, но и поддержке местной элиты через освящение места триумфального зрелища принятия короны (*...to establish his throne not only on the right of conquest or papal benediction, but on the support of the sacred hallowing which coronation would give him* [Brooke, 1961, p. 54]). Церемония коронации Эдгара является прародительницей этого ритуала, основные элементы которого до сих пор используются в Англии: признание (*the recognition*), клятва (*the oath*), помазание елеем (*the anointing*), коронование, то есть увенчивание монарха короной святого Эдуарда (*the crowning with St Edward's Crown*), интронизация, то есть восхождение на трон (*the enthronement*), и присяга королю / оммаж (*the homage*) (подробно см.: [Brooke, 1961, p. 28]).

Клятва Эдгара носит предписывающий характер и начинается с лаконичного обращения к присутствующим на коронации (*to the Christian people subject to me*) с целью установления контакта с подданными, напоминания об их преданности и беспрекословном подчинении королю как исполнителю воли Божьей (*In the name of the Holy Trinity*). Центральная часть сводится к базовым топосам мира, справедливости, милосердия, выраженным анафорическими параллельными конструкциями с перформативными глаголами (*promise, forbid, grand, command*). Король в форме категорических обещаний утверждает свое всемогущество и принципы будущего правления: сохранение мира для церкви и мирян (*I promise that God's church and all the Christian people of my dominions will be held in true peace*), запрещение беззакония (*I forbid robbery and all unlawful deeds by all ranks of men*), дарование милости. Заканчивается клятва благодарностью Богу за прощение человеческих грехов и обращением к бесконечной божьей милости (The Coronation Oath...).

Смена коронационного локатива (места) коронации произошла через 70 лет во время коронации Эдуарда Исповедника (1043 г.), избравшего Уинчестерский собор (*Winchester Cathedral*) местом восхождения на трон в древней столице англосаксонского государства Винчестере. Однако первый норманнский король Англии Вильгельм Завоеватель в 1066 г. перенес место проведения коронации в Вестминстерское аббатство, которое стало постоянным местом проведения британской коронации, выстроенным в форме креста: *the earliest English church built in the shape of a cross* (подробно о Вестминстерском аббатстве как месте коронации см.: [Carpenter, 1998, p. 31]). Дискурсивный компонент клятвы Вильгельма Завоевателя композиционно и тематически соответствовал ордонансу Эдгара и включал те же обещания мирной, справедливой и милосердной власти для подданных как во времена лучших королей, правивших до него; дополнительно будущий король давал личное обещание сохранить существующие британские законы и традиции (*added a personal promise to uphold existing laws and customs of England*), но при условии преданности подданных (*provided they remained loyal*). Кроме предупреждения и разнообразных перформативных глаголов (*to swear, to promise, to pledge, to prohibit, to interdict, to rule, to maintain, to uphold, to enjoin equity*) он также включил в ритуал некоторые норманнские вербальные элементы коронации, в частности речевой акт аккламации (см. об этом: [Tanner, 1953, p. 50]) как принятия или изъяснения своего мнения путем громких восклицаний одобрения *Yes!* (лат. *acclamatio* «крик, восклицание»; см.: (БСИС)).

Поскольку важнейшим этапом коронации Вильгельма Завоевателя было признание его королем саксонской и норманнской аристократией, церемония проводилась на английском и французском языках. Приняв аккламацию прихожан повиноваться королю с почтением и готовностью (*asked if they would obey their king with great reverence and willingness people responded with the cry 'Yea, Yea'*) за покушение на его жизнь (*They had mistaken the congregation cheers for a shout of alarm and assassination attempt t*), солдаты подошли близлежащие дома, что серьезно омра-

чило церемонию (*had responded by setting nearby buildings on fire*). Когда беспорядки утихли, Вильгельм, нарушая порядок ритуала, произнес клятву после помазания в опустевшем аббатстве (см. об этом: [Douglas, 1964, p. 256]).

Вербальные знаки ритуальной коммуникации как центральный компонент коронации являются относительно усеченными, что предусмотрено ритуалом. По мнению Г.Г. Почепцова, «...ритуал реализует обратное соотношение: удлинение невербального компонента за счет сокращения вербального» [Почепцов, 2001, с. 15]. Изначально в вербальной части коронации не допускались отклонения при чтении канонических библейских текстов, сопровождающих коронацию властных персон. Однако со временем вербальная составляющая освобождалась от компонентов, которые становились малосущественными в плане воздействия на участников церемонии, и в первую очередь это было связано с постепенной заменой языка ритуала. Если коронация Вильгельма Завоевателя проводилась на английском и французском языках, то позже церковным языком ритуала стала латынь, и только Елизавета I, для которой было важно вытеснить католическую веру протестантской, провела коронацию на двух языках – латыни и английском: «*She was crowned in Latin by a Catholic bishop but parts of the service that followed were read twice – in Latin and English*» (цит. по: [Whitelock, Hunt, 2010, p. 189]). Впоследствии латынь была полностью заменена государственным языком Великобритании – английским.

Однако дискурсивные каноны клятвы властной персоны, согласно наблюдениям П.Э. Шрамма, могли нарушаться в свете особых социально-исторических обстоятельств и трансформироваться в письменное обращение суверена к подданным, как это сделал Генрих I в Коронационной хартии вольностей в 1100 г. [Schramm, 1937, p. 39]. Хартия Генриха I представляет собой прецедентный текст, который определил границы свобод для разных групп населения королевства (*barons, earls, knights, archbishops, bishops, churchministers, laity, allhismen*), устраняя королевские злоупотребления (*addressing royal abuses*) и восстанавливая прежние пра-

ва аристократии и церкви (*restoring older aristocratic and church rights and liberties*). Король обещал покончить с несправедливым чрезмерным налогообложением, коррупцией и деспотическими практиками своего предшественника в отношении опеки, льгот и браков (*promised to end the unjust over-taxation, corruption and oppressive practices of his predecessor in wardships, reliefs and marriages*) (подробнее об уточнении границ и свобод для разных групп населения королевства см.: [Whitelock, 1961, p. 176]). Письменная форма Коронационной хартии вольностей (клятвы) Генриха I, ограничивающая королевскую власть и закрепляющая свободы разных социальных слоев Англии, создала прецедент для будущих монархов, которые будут письменно закреплять свои обещания при вступлении на престол.

С установлением абсолютной власти и введением протестантской веры Генрих VIII (Акт супрематии 1534 г.) отчетливо трансформирует речевые акты своей коронационной клятвы, данной по воле Всмогущего Бога [Brooke, 1961]. Король заменяет обещания и уверения предостережением и предупреждением католическому духовенству и аристократии, настроенным против монарха в связи с его разрывом с Римско-католической церковью: «...*kings of this realm, shall have full power and authority... to repress, redress, record, order, correct, restrain, and amend all such errors, heresies, abuses, offenses, contempt and enormities... to the pleasure of Almighty God, the increase of virtue in Christ's religion*» [English History..., 1967, pp. 182–183] / ...короли этого королевства будут обладать всей полнотой власти, чтобы пресекать, исправлять, фиксировать, упорядочивать, сдерживать и поправлять все подобные ошибки, ереси, злоупотребления, оскорбления, презрение и чудовищные преступления... по воле Всмогущего Бога, для умножения добродетели в религии Христа. Король недвусмысленно предупреждает, что в его руках власть повелевать, и не советует испытывать его терпение: «*Let you never tempt too far a Prince's patience*»; «*Those who touch the sceptre... deserve no pity*» (Act of Supremacy...) / Никогда не искушайте мое терпение. Те, кто прикоснется к скипетру принца, не заслуживает жалости.

Именно его дочь, Мария I (*Bloody Mary*), через 20 лет, пытаясь вернуть католическую веру (подробно см.: [Gibbs, 2006]), использовала речевой акт прямой угрозы не отказавшимся от протестантской ереси подданным, пообещав наказывать за нее смертной казнью: «*In her coronation speech, she recognized the supremacy of the Roman Catholic church and pledged to inflict a penalty on those who brought back Protestant heresy equated with treason*» (цит. по: [Hunt, 2008, p. 138]).

Сложная религиозно-политическая обстановка после восхождения на престол Елизаветы I (через 6 лет после смерти Марии I) и ее твердое намерение вернуть протестантскую церковь, несмотря на жестокую оппозицию нового духовенства и аристократии, заставили будущую королеву искать поддержку у простых граждан Англии (см. об этом: [Montrose, 2006, p. 23]). Для этого она изменила акциональную форму ритуала и использовала новые формы разъяснения своих замыслов и обещаний, доступные простым мирянам. Она трансформировала топоры клятвы в праздничные спектакли, которые показывались накануне коронации в разных частях Лондона, а сама в окружении знати встречалась с простыми людьми на украшенных улицах Лондона под громкое музыкальное сопровождение: «*London streets were crowded with cheering crowds and decorated with scaffolding, banners, and flags... the organs, fifes, trumpets and drums playing, the bells also ringing, it seemed as if the world were come to an end*» (цит. по: [Hunt, 2008, p. 153]).

Вследствие этого коронация Елизаветы I вошла в историю как наиболее зрелищный театрализованный перформанс (*pageant, spectacle*), в котором каждый спектакль был тщательно продуман и напоминал жителям о происхождении Елизаветы (*laid out Elizabeth's genealogy, stressing her Englishness*); представлял ее будущее правление с истинной верой, мудростью, справедливостью, правдой и любовью к подданным (*characterized future government by True religion, love of subjects, wisdom, truth and justice*); предсказывал благоденствие и долгое правление Елизаветы (*predicted prosperity and long Elizabeth's reign, no less than 40 years*) [Астафурова, Олянич, 2015, с. 45–46].

Перформансы высвечивали величие статуса и достоинство королевы, которые в сочетании с простотой общения позволили обывателям проникнуться к ней теплыми чувствами: «*Elizabeth... managed gracefully to combine the dignity and grandeur of her position with a common touch that allowed the public to warm to her. The procession was... a resounding public relations success for the new queen*» (цит. по: [Montrose, 2006, p. 24]). Таким образом, именно благодаря перформансу, театрализации ритуала и публичным проявлениям лояльности народ признал своего монарха еще за день до коронации. После церемонии она приветствовала обожающих ее поклонников с широкой улыбкой, в короне, с державой и скипетром королевы: «*She emerged from the ceremony to greet her adoring fans wearing a big smile, her crown and carrying the orb and sceptre of her new office*» (цит. по: [Strong, 2005, p. 208]).

Однако акциональный элемент ритуала, связанный с выходом монарха в народ, блестяще превращенный Елизаветой I в зрелищный интерактивный перформанс, стал трагической акцией во время коронации Георга I (1714 г.): она была омрачена трагедией, поскольку во время шествия несколько человек погибли и получили ранения в результате падения строительных лесов, на которых стояли зрители, наблюдая за происходящим. Как отмечал Н. Кокс, газеты того времени, в частности Stamford Mercury, упивались макабрическим описанием погибших, почти так же, как и описанием самой церемонии коронации, поскольку это был редкий отчет современников о коронации, позволивший преодолеть разрыв между средневековыми традициями и современной эпохой (подробно о коронации см.: [Cox, 2025, p. 82]).

Трансформация отмечается и в хроносемиотическом компоненте коронации, приуроченной либо к священному празднику летнего или зимнего солнцестояния (*Midsummer's Day* or *Midwinter Day*), либо к Рождеству (*Christmas Day*), либо к Пасхе (*Easter*), либо к воскресенью, особо почитаемому и религиозно значимому дню для англосаксонской паствы. Со временем монархия все реже привязывала коронацию к религиозным праздникам, в особенности после разрыва с католической церковью и введением англиканской веры Ген-

рихом VIII, который во многом опирался на прецеденты его норманнских предшественников.

Начало церемонии строго фиксировалось (*at the appointed hour*), и ее продолжительность постепенно снижалась с пяти часов (*Queen Victoria's coronation*) до трех (*Elizabeth II coronation*) и одного часа (*Charles III coronation*) [Cox, 2025, p. 294]. Коронация Вильгельма IV в сентябре 1831 г. вошла в историю как «Полуко коронация» (*the 'Half-Coronation'* – властный неологизм, образованный в результате контаминации лексем *crown+coronation*), поскольку церемония была не только значительно сокращена, но и не включала традиционный банкет, так как король посчитал его слишком дорогим удовольствием (*Coronation of George IV*).

В ритуале коронации нередко происходила трансформация артефактного компонента.

Так, в соответствии с ордонансом Эдгара монарх должен был воссесть в кресле короля Эдуарда с помещенным под ним Скунским камнем (Камнем Судьбы – *the Sconestone*). Однако по просьбе королевы-католички Марии I Папа Римский прислал ей новый коронационный трон, чтобы не использовать прежний, на котором короновался ее брат-протестант Эдуард VI: «*Uneasy at the idea of being crowned in the Coronation Chair used by her Protestant brother Edward VI at his coronation, it's thought a new one was sent to her by the Pope*» (цит. по: [Whitelock, Hunt, 2012, p. 128]). Более того, опасаясь, что святое масло для помазания утратило силу из-за Реформации, она упростила Папу Римского прислать ей новый флакон масла: «*When Catholic Queen Mary I was about to be crowned, she feared that the holy oil used for anointing in the coronation ceremony had lost its power due to the Reformation and asked the Pope to send her a new bottle of oil*» (цит. по: [Hunt, 2008, p. 132]). Артефактные трансформации были внесены в ритуал и голландским принцем Вильгельмом Оранским (1688 г.), согласившимся участвовать в коронации при условии изготовления для него второго трона для коронации вместе с супругой (дочерью Джеймса II) в качестве равноправных монархов.

В соответствии с современными экологическими традициями для помазания

Карла III использовали веганское святое масло, в котором нет амбры, получаемой из китовых кишок: «*The holy oil used to anoint Charles will be vegan-friendly, no longer containing ambergris, which was made from whale intestines*». Клятва Елизаветы II преисполнена миролюбия и надежды на будущее: «*I am sure that this, my Coronation, is not the symbol of a power and a splendour that are gone but a declaration of our hopes for the future*» (цит. по: (Queen Elizabeth II's...)) / Я уверена, что моя коронация – не символ ушедшей власти и великолепия, а декларация наших надежд на будущее.

Клятва Чарльза, как и его матери, ориентирована на будущее, на преодоление границ между традициями и прогрессом, на комплексное решение проблем, с которыми сталкивается современный мир, создание своего собственного королевского наследия: «*As king, Charles... wants to balance tradition and progress... He has deep thought on... "holistic solutions to the challenges facing the world today," as he forges his own legacy as King*» (цит. по: (Democracy in Darkness...)).

Трансформация коснулась и ролевой структуры коронации, строго регламентированной и недоступной простым подданным, которая позволяла только придворным, аристократии и приглашенным гостям увидеть этот пышный перформанс со священными и тайными традициями. Однако роль базовых участников – аристократии как неотъемлемой части церемонии – значительно уменьшилась уже в XIX в. за счет приглашения выдающихся представителей социума – спортсменов, актеров, певцов, художников, представителей правительств стран Содружества и других государств, независимо от религиозной конфессии. Более того, с середины XX в. коронацию стали транслировать для миллионов зрителей по всему миру, и тысячи людей получили возможность наблюдать на улицах Лондона за движением королевской кареты от Букингемского дворца к аббатству для проведения официальной части коронации.

На заключительном, триумфальном этапе коронации со строго фиксированными локативами для всех присутствующих в зависимости от их статуса во властной иерархии² глоттонимы пиршества выступают в качестве

знаков и символов величия монарха (подробно об англосаксонской глоттонии см.: [Захаров, 2008, с. 18]). На пирах подавались такие экстравагантные блюда, как жареные лебеди и кабаньи головы (*roasted swan and boar's heads*), оленина с густой сладкой кашей (*venison with frumenty*), холодная баранина и телятина (*stewed mutton and veal*), разнообразные сорта рыбы: палтус, форель, лосось (*turbot, trout, salmon*). На протяжении многих веков Вестминстер-холл был традиционным местом проведения банкетов по случаю коронации, и только на коронации Георга IV (1821 г.) торжество прошло в палате лордов, где гостей ожидала самая обильная трапеза³, зарегистрированная в истории Великобритании (см. об этом: (George IV...)). В популярной газете *The Beason* было подробно описано роскошное меню коронационного застолья (*Royal Collection...*), но из-за его высокой стоимости организаторам королевского пиршества пришлось настолько серьезно убеждать парламент в правомерности и оправданности расходов, что Вильгельм IV через 10 лет вообще отказался от коронационного банкета.

В последующих посткоронационных застольях изысканные яства грандиозных банкетов заменяются более скромными блюдами праздничных обедов. В частности, на коронации короля Карла III в 2023 г. коронационный киш (пирог с заварным кремом) был выбран в качестве фирменного блюда для национального Большого обеда: «...*the Coronation Quiche was chosen as the signature dish for a national "Big Lunch"*» (цит. по: (King Charles...)).

«Закрытость» королевской семьи сменилась стремлением соответствовать времени и быть ближе к подданным, вследствие чего был создан официальный сайт, где сообщается о знаменательных событиях в жизни британской монаршей семьи. Многие СМИ оценили последнюю коронацию в 2023 г. как типичное театральное «шекспировское» действо, смесь пышного шествия, музыки и тайны, еще раз подтверждая вывод, сделанный британскими журналистами: «*We seem to be incomparably better at making public appearances than at governing the country*» (Churchill, 2008, p. 464) / Мы, кажется, несравненно лучше умеем устраивать публичные представления, чем управлять страной.

Заключение

Несмотря на то что большинство современных монархий отказались от коронации, предпочитая упрощенные церемонии, знаменующие восшествие монарха на престол, Великобритания остается единственной страной в Европе, сохранившей эту традицию на протяжении тысячелетий, трансформируя основные аспекты ритуала в соответствии с вызовами существующего в разные времена миропорядка.

Со времен короля Эдгара ритуал коронации становился все более сложным и влиятельным, претерпевая изменения по религиозным, социально-политическим, экономическим и культурным причинам. Основные этапы и семиолингвистические компоненты ритуала коронации, разработанные королем Эдгаром и представителями духовенства, позволили впервые в Англии появиться высокоорганизованному перформансу, включающему клятву короля, миропомазание, инвеституру, возведение на престол и пр. и в течение многих лет являющемуся прецедентом для королевских коронаций в Англии.

Во времена Средневековья коронация монарха отражала не только личностные качества, но и институциональные особенности его правления в английском обществе, которое опиралось на монарха, духовенство, аристократию и мирян. При Вильгельме Завоевателе в ритуал были внесены изменения как локативного, так и дискурсивного характера, так как ритуал проводился на двух языках и был введен речевой акт аккламации (громкого принятия / одобрения короля); он указывал на более активное участие мирян в коронации и поворот от теократической системы правления к феодальной, более светской.

С воцарением Генриха I коронация достигла пика своего развития, поскольку включала, наряду с традиционными топосами сохранения законов, справедливости и милосердия, новые, имеющие исключительное значение для конституционного развития государства. Топосы расширяли свободы разных слоев населения Англии и ограничивали права монарха. Коронационная хартия была представлена не в устном, а письменном формате и явилась прародительницей Великой хартии вольностей (1215 г.).

Установление абсолютной власти и борьба англиканской церкви с католической повлекли изменения топосов и вариативность перформативных речевых актов клятвы монархов (Генрих VIII, Мария I), трансформацию (визуализацию) клятвы в зрелищный перформанс, актуализирующийся на улицах Лондона (Елизавета I). Топосы клятвы современных монархов (Елизавета II и Карл III) наряду с традиционными темами ориентированы на будущее, преодоление границ между традициями и прогрессом, создание своего собственного королевского наследия; значительно изменен и расширен список участвующих в коронации независимо от их религиозной конфессии. Кроме этого, в публичном цифровом пространстве создан официальный сайт королевской семьи, в котором сообщается о знаменательных событиях в жизни британской монархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод с английского наш.

² Хозяин – *the Royal Family*; гость – представители знати (*aristocracy*), послы других государств (*ambassadors*), выдающиеся граждане, приглашенные на ритуальное событие (*burgesses*).

³ **Hot dishes:** 160 tureens of soup (80 of turtle, 40 of rice, 40 of vermicelli). 160 dishes of fish (80 of turbot, 40 of trout, 40 of salmon). 160 hot joints (80 of venison, 40 of roast beef, 40 of mutton and veal). 480 sauce boats (240 of lobster, 120 butter, 120 mint). **Cold dishes:** 160 dishes of cold roast fowls, 80 dishes of cold house-lamb, 80 dishes of braised ham, 80 savory pies, 80 dishes of daubed geese, two in each, 80 dishes of savory cakes, 80 pieces of beef braized, 80 dishes of capons braized, two in each. 1190 side dishes of various sorts (320 dishes of mounted pastry, 320 of small pastry, 400 dishes of jellies and creams).

Горячие блюда: 160 супниц (80 черепашьих, 40 рисовых и 40 вермишелевых). 160 блюд из рыбы (80 из палтуса, 40 из форели и 40 из лосося). 160 горячих блюд (80 из оленины, 40 из ростбифа, 40 из баранины и телятины). 480 соусников (240 из омаров, 120 из сливочного масла, 120 из мяты). **Холодные блюда:** 160 блюд из холодной жареной птицы, 80 блюд из холодной домашней баранины, 80 блюд из тушеной ветчины, 80 пирогов, 80 блюд из гусей, по два в каждом, 80 блюд из пирогов, 80 кусков тушеной говядины, 80 тушеных каплунов, по два в каждом. 1190 гарниров разных сортов, (320 блюд из кондитерских изделий, 320 блюд из мелкого теста, 400 блюд из желе и кремов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астафурова Т. Н., Олянич А. В., 2015. Лингвосомиотика властного ритуала // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 26, № 2. С. 41–49. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.2.5
- Байбурин А. К., 1988. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Национальные стереотипы поведения. Москва : Наука. С. 7–21.
- Байтин М. И., 1972. Государство и политическая власть. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. 239 с.
- Захаров С. В., 2008. Лингвосомиотика англосаксонской институциональной глоттонии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 20 с.
- Карабыков А. В., 2006. Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике : материалы Междунар. науч. конф. (29–30 авг. 2006 г.). Ч. 3. Кемерово : ЮНИТИ. С. 226–231.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Мосс М., 2000. Социальные функции священного. Санкт-Петербург : Евразия. 444 с.
- Почепцов Г. Г., 2001. Теория коммуникации. М. : Рефл-бук : Ваклер. 651 с.
- Рабенко Т. Г., 2010. Клятва как фидеистический речевой жанр // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 43, № 13 (194). С. 122–126.
- Санников С. В., 2017. Клятва и присяга как перформативные акты «микрофизики» власти // *Universum: филология и искусствоведение*. № 10 (44). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171>
- Сиразиева З. Н., 2015. Специфика и средства реализации прагматических функций речевого жанра «клятва» в русско- и англоязычном общении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 4 (28). С. 41–46. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.5>
- Чертов Л. Ф., 2001. Ритуал как форма семиотизации пространства // Ритуальное пространство культуры : материалы Междунар. форума (26 февр. – 7 марта 2001 г.) / отв. ред.: Е. Э. Сурова. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. филос. о-ва. С. 129–132.
- Чесноков И. И., 2013. Речевой акт «клятва»: истоки и первичные формы объективации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. № 9 (84). С. 4–7.
- Brooke C., 1961. *From Alfred to Henry III: 871–1272*. Edinburgh : Thomas Nelson and Sons. 308 p.
- Carpenter D., 1998. *The Westminster Abbey*. London : Harper. 48 p.
- Cox N., 2025. *The Coronation and the Constitution in the British Tradition*. Cham : Palgrave Macmillan. 361 p.
- Douglas D. C., 1964. *William the Conqueror: The Norman Impact Upon England*. London : Eyre and Spottiswoode. 476 p.
- English History in the Making*. Vol. 1, 1967. New York : John Wiley & Sons. 328 p.
- Gibbs G., 2006. *Marking the Days: Henry Machyn's Manuscript and the Mid-Tudor Era* // *The Church of Mary Tudor*. [S. l.] : Ashgate. P. 1–32.
- Hunt A., 2008. *The Drama of Coronation: Medieval Ceremony in Early Modern England*. Cambridge : Cambridge University Press. 242 p.
- Montrose L., 2006. *Elizabeth Through the Looking Glass* // *The Body of the Queen: Gender and Rule in the Courtly World, 1500–2000*. [S. l.] : Berghahn books. 336 p.
- Schramm P. E., 1937. *The History of the English Coronation*. Oxford : Clarendon Press. 409 p.
- Strong R., 2005. *Coronation: A History of Kingship and the British Monarchy*. London : Harper Collins. 448 p.
- Tanner L. E., 1953. *The History of the Coronation*. London : Pitkin. 96 p.
- Thomson K. B., 1987. *The Development of the Medieval English Coronation: From Edgar to Edward II*. Champaign : University of Illinois Urbana. 80 p.
- Whitelock D., 1961. *The Anglo-Saxon Chronicle*. New Brunswick, New Jersey : Rutgers Univ. Press. 240 p.
- Whitelock A., Hunt A., 2010. *Tudor Queenship. The Reigns of Mary and Elizabeth*. London : Palgrave Macmillan. 282 p.

ИСТОЧНИКИ

- Act of Supremacy. England (1534). URL: <http://www.britannica.com/topic/Act-of-Supremacy-England-1534>
- Churchill W., 2008. Churchill by Himself: The Life, Times and Opinions of Winston Churchill in His Own Words. New York : PublicAffairs. 626 p.
- Coronation of George IV. URL: <https://al-gor3.livejournal.com/1292293.html>
- Democracy in Darkness. What Kind of Monarch will King Charles III be? // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/09/09/how-will-king-charles-rule/>
- George IV King of United Kingdom. URL: <https://www.britannica.com/biography/George-IV>
- King Charles and Camilla Choose Coronation Quiche as Signature Dish. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2023/apr/17/king-charles-camilla-coronation-quiche-signature-dish>
- Queen Elizabeth II's Accession and Coronation. URL: <https://www.royal.uk/queen-elizabeth-iis-accession-and-coronation>
- Royal Collection Trust. URL: https://ra.rct.uk/Record.aspx?src=CalmView.Catalog&id=GEO_MENU%2F8
- The Coronation Oath of King Edgar, 975. URL: <https://thehistoryofengland.co.uk/resource/the-coronation-oath-of-king-edgar-975/>

СЛОВАРИ

- БСИС – Большой словарь иностранных слов. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words
- COD – Concise Oxford Dictionary. 10th ed. Oxford : Oxford University Press, 1999. 1666 p.
- CODOEE – Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford : Oxford University Press, 1996. 552 p.

REFERENCES

- Astafurova T.N., Olyanich A.V., 2015. Lingvosemiotika vlastnogo rituala [Lingua-Semiotics of Power Ritual]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 26, no. 2, pp. 41-49. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.2.5
- Bayburin A.K., 1988. Nekotorye voprosy etnograficheskogo izucheniya povedeniya [Some Issues of Ethnographic Study of Behavior]. *Natsionalnye stereotypy povedeniya* [National Stereotypes of Behavior]. Moscow, Nauka Publ., pp. 7-21.
- Baitin M.I., 1980. *Gosudarstvo i politicheskaya vlast* [The State and Political Power]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 239 p.
- Zakharov S.V., 2008. *Lingvosemiotika anglosaksonskoy institutsionalnoy glyuttonii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguosemiotics of Anglo-Saxon Institutional Gluttonism. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 20 p.
- Karabykov A.V., 2006. Rechevoy zhanr klyatvy v istorii kultury [The Speech Genre of Swearing in the History of Culture]. *Izmenyayushchayasya Rossiya: novye paradigmy i novye resheniya v lingvistike: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (29–30 avg. 2006 g.). Ch. 3* [Changing Russia: New Paradigms and New Paradigms and Solutions in Linguistics: Proceedings of the International Scientific Conference (Aug. 29–30, 2006). Pt. 3]. Kemerovo, YuNITI, pp. 226-231.
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, and Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Moss M., 2000. *Sotsialnye funktsii svyashchennogo* [Social Functions of the Sacred]. Saint Petersburg, Evraziya Publ. 444 p.
- Pocheptsov G.G., 2001. *Teoriya kommunikatsii* [Communication Theory]. Moscow, Refl-buk Publ., Vakler Publ. 651 p.
- Rabenko T.G., 2010. Klyatva kak fideisticheskii rechevoy zhanr [The Oath as a Fideistic Speech Genre]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye* [Bulletin of Chelyabinsk State University], iss. 43, no. 13 (194), pp. 122-126.
- Sannikov S.V., 2017. Klyatva i prisyaga kak performativnye akty «mikrofiziki» vlasti [Private and Public Oaths as Performative Acts of the “Microphysics” of Power]. *Universum: filologiya i iskusstvovedeniye* [Universum: Philology and Art Criticism], no. 10 (44). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171>

- Sirazieva Z.N., 2015. Spetsifika i sredstva realizatsii pragmaticeskikh funktsiy rechevogo zhanra «klyatva» v russko-angloyazychnom obshchenii [Peculiarities and Means of Pragmatic Functions Realization in Speech Genre “Oath” in Russian and English Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 4 (28), pp. 41-46. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.4.5>
- Chertov L.F., 2001. Ritual kak forma semiotizatsii prostranstva [Ritual as a Form of Space Semiotization]. Surova Ye.E., ed. *Ritualnoye prostranstvo kultury: materialy Mezhdunar. foruma (26 fevr. – 7 marta 2001 g.)* [Ritual Space of Culture. Proceedings of the International Forum (Febr. 26 – Mar. 7, 2001)]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. filos. o-va, pp. 129-132.
- Chesnokov I.I., 2013. Rechevoy akt «klyatva»: istoki i pervichnye formy obyektivatsii [The Speech Act “Oath”: The Origins and Primary Forms of Objectification]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskkiye nauki* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University: Philological Sciences], no. 9 (84), pp. 4-7.
- Brooke C., 1961. *From Alfred to Henry III: 871–1272*. Edinburgh, Thomas Nelson and Sons. 308 p.
- Carpenter D., 1998. *The Westminster Abbey*. London, Harper. 48 p.
- Cox N., 2025. *The Coronation and the Constitution in the British Tradition*. Cham, Palgrave Macmillan. 361 p.
- Douglas D.C., 1964. *William the Conqueror: The Norman Impact Upon England*. London, Eyre and Spottiswoode. 476 p.
- English History in the Making*, 1967. New York, John Wiley and Sons. Vol. I. 328 p.
- Gibbs G., 2006. Marking the Days: Henry Machyn’s Manuscript and the Mid-Tudor Era. *The Church of Mary Tudor*. S.I., Ashgate, pp. 1-32.
- Hunt A., 2008. *The Drama of Coronation: Medieval Ceremony in Early Modern England*. Cambridge, Cambridge University Press. 242 p.
- Montrose L., 2006. Elizabeth Through the Looking Glass. *The Body of the Queen: Gender and Rule in the Courtly World, 1500–2000*. S.I., Berghahn books. 336 p.
- Schramm P.E., 1937. *The History of the English Coronation*. Oxford, Clarendon Press. 409 p.
- Strong R., 2005. *Coronation: A History of Kingship and the British Monarchy*. London, Harper Collins. 448 p.
- Tanner L.E., 1953. *The History of the Coronation*. London, Pitkin. 96 p.
- Thomson K.B., 1987. *The Development of the Medieval English Coronation: from Edgar to Edward II*. Champaign, University of Illinois Urbana. 80 p.
- Whitelock D., 1961. *The Anglo-Saxon Chronicle. New Brunswick*. New Jersey, Rutgers Univ. Press. 240 p.
- Whitelock A., Hunt A., 2010. *Tudor Queenship. The Reigns of Mary and Elizabeth*. London, Palgrave Macmillan. 282 p.

SOURCES

- Act of Supremacy. England (1534)*. URL: <http://www.britannica.com/topic/Act-of-Supremacy-England-1534>
- Churchill W., 2008. *Churchill by Himself: The Life, Times and Opinions of Winston Churchill in His Own Words*. New York, Public Affairs. 626 p.
- Coronation of George IV*. URL: <https://al-gor3.livejournal.com/1292293.html>
- Democracy in Darkness. What Kind of Monarch Will King Charles III Be? *The Washington Post*. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/09/09/how-will-king-charles-rule/>
- George IV King of United Kingdom*. URL: <https://www.britannica.com/biography/George-IV>
- King Charles and Camilla Choose Coronation Quiche as Signature Dish*. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2023/apr/17/king-charles-camilla-coronation-quiche-signature-dish>
- Queen Elizabeth II’s Accession and Coronation*. URL: <https://www.royal.uk/queen-elizabeth-iis-accession-and-coronation>
- Royal Collection Trust*. URL: https://ra.rct.uk/Record.aspx?src=CalmView.Catalog&id=GEO_MENU%2F8
- The Coronation Oath of King Edgar, 975*. URL: <https://thehistoryofengland.co.uk/resource/the-coronation-oath-of-king-edgar-975/>

DICTIONARIES

Bolshoj slovar inostrannykh slov [Large Dictionary of Foreign Words]. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words

Concise Oxford Dictionary. Oxford, Oxford University Press, 1999. 1666 p.

Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford, Oxford University Press, 1996. 552 p.

Information About the Authors

Tatiana N. Astafurova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Volgograd, Russia; Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia, english@volsu.ru, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

Irina V. Palashevskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, english@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2719-8147>

Информация об авторах

Татьяна Николаевна Астафурова, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия; профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия, english@volsu.ru, mkk_2012@vgasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

Ирина Владимировна Палашевская, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, english@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2719-8147>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.8>

UDC 811.111:811.131.1'271
LBC 81.40-006

Submitted: 17.04.2025
Accepted: 02.12.2025

SEMIOTICS OF FLIRTATION IN PLAYFUL BEHAVIOURAL RELATIONS (BASED ON ENGLISH AND ITALIAN LINGUISTIC CULTURES)

Irina A. Savvateeva

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article addresses the problem of the semiotic verbalization of flirtation as a type of playful behaviour in different linguistic cultures – English and Italian. The material comprises dictionary definitions and contexts with the use of central verbalizers of flirtation: *to flirt*, *to dally*, *to coquette* in the English language and *flirtare*, *civettare*, *amoreggiare* in the Italian language. The research methodology involves identifying semantic components and their pragmatic interpretation within the framework of the “Agent-observer (behaviour initiator) – Preceptor-observer (interpreter)” model. As a result, a common semantic core of the words denoting flirtation in English and Italian was identified: the integral seme ‘playful behaviour’ and the differential semes ‘frivolous intentions,’ ‘demonstration of interest,’ and ‘affectation.’ The study introduces the systematized linguo-semiotic markers representing flirtation in various situations (play and frivolousness; performative, non-verbal actions; indirectness and ambiguity; direct or normative evaluation). The following types of flirtation are identified: self-deception, ritual, coquetry, pretence, social flirtation. They objectify the distinctive features of semiotic goal-setting in behaviour: the situation of self-deception (semiotic instability), ritual (adherence to linguocultural norms); the situation of coquetry (performative demonstration), pretence (conscious construction of behaviour), social flirtation (achievement of practical goals). The peculiarities of their interpretation in the compared linguistic cultures are examined.

Key words: semiotics of flirtation, axiology, playful behaviour, playful relations, componential analysis, observer, linguoculturology.

Citation. Savvateeva I.A. Semiotics of Flirtation in Playful Behavioural Relations (Based on English and Italian Linguistic Cultures). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 105-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.8>

УДК 811.111:811.131.1'271
ББК 81.40-006

Дата поступления статьи: 17.04.2025
Дата принятия статьи: 02.12.2025

СЕМИОТИКА ФЛИРТА В ИГРОВЫХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР)

Ирина Анатольевна Савватеева

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме семиотической вербализации флирта как вида игрового поведения в различных лингвокультурах – английской и итальянской. Материалом послужили словарные дефиниции и контексты употребления центральных вербализаторов флирта (*to flirt*, *to dally*, *to coquette* в английском языке; *flirtare*, *civettare*, *amoreggiare* в итальянском языке). Методика исследования включает выделение семантических компонентов и их прагматическую интерпретацию в рамках модели «наблюдатель-агента (инициатор поведения) и наблюдатель-перцептор (интерпретатор)». В результате выявлено общее семантическое ядро слов, обозначающих флирт в английском и итальянском языках: интегральная сема ‘игровое поведение’ и дифференциальные семы ‘несерьезные намерения’, ‘демонстрация интереса’, ‘манерность поведения’. Систематизированы основные лингвосомиотические маркеры, репрезентирующие флирт в различных поведенческих ситуациях (игры и несерьезности; перформативных, невербальных поведенческих действий; косвенности и двусмысленности; прямой или нормативной оценки). Определены виды флирта (самообман,

ритуал, кокетство, притворство, социальный флирт), объективирующие специфику их семиотического целеполагания в поведении: ситуации самообмана (семиотическая неустойчивость), ритуала (следование лингвокультурным нормам), кокетства (перформативная демонстрация), притворства (осознанное конструирование поведения), социального флирта (достижение практических целей). Рассмотрены особенности их интерпретации в сопоставляемых лингвокультурах.

Ключевые слова: семиотика флирта, аксиология, игровое поведение, игровые отношения, компонентный анализ, наблюдатель, лингвокультурология.

Цитирование. Савватеева И. А. Семиотика флирта в игровых поведенческих отношениях (на материале английской и итальянской лингвокультур) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 105–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.8>

Введение

Актуальность исследования семиотики флирта обусловлена как универсальностью, так и культурной специфичностью этого феномена, отражающего социальные, поведенческие и языковые нормы, принятые в том или ином обществе, и наличие связей между различными сферами человеческой деятельности, такими как игра, поведение, отношения.

В разнообразных концепциях флирта постулируется его игровая природа, проявляющаяся в инстинктивной реакции одного человека на сигналы другого человека, которая выражается через неявные действия. Кроме того, флирт не преследует материальных целей и часто включает деятельность, которая воспринимается как «несерьезная», что определяет игровую природу флирта как отношений, в которых важна их семиотическая интерпретация [Грин, 2012; Каста-Позас, 2010; Терешкович, 2014; O'Farrell, Rosenthal, O'Neal, 2003; Pease, 1988; Pease A., Pease B., 2004].

Флирт в контексте коммуникативного поведения неоднократно рассматривался представителями разных наук, в том числе и лингвистами. Так, в научных трудах, посвященных межличностному общению [Лурия, 1979], речевому воздействию [Леонтьев, 1970; Стернин, 2001], доказано, что флирт включает вербальные и невербальные знаки, служащие для передачи эмоциональных и социальных намерений. В науке исследована невербальная семиотика флирта и установлено, что невербальные знаки функционируют как часть семиотической системы в игровых отношениях, субъекты которых интерпретируют их в целях определения уровня заинтересованности и своих дальнейших действий [Горелов, 2003; Крейдлин, 2002; Мечковская, 2008]. Флирт описан как ре-

чевой жанр, предполагающий использование говорящим специфических знаковых средств (жестов, мимики, интонаций), которые интерпретируются собеседником как сигналы заинтересованности или симпатии [Вежицкая, 1999; Дементьев, 2010].

Лингвокультурологическое изучение флирта показало, что его правила определяются социальными, культурными, общественными нормами, их соблюдение важно для успешного установления межличностных связей через игру с сигналами интереса [Бутовская, 2004].

Флирт изучается как стиль коммуникации, стратегия порождения смысла в контексте ухаживания (традиционный, физический, искренний, игривый, вежливый): «Стили флирта можно понимать как обобщенные модели коммуникации интереса в контексте потенциально романтического взаимодействия, которые зависят от контекста и критически важны для установления реляционного смысла сообщений, инициирующих ухаживание»¹ [Hall et al., 2010, p. 368].

В современных исследованиях по компьютерной лингвистике флирт рассматривается в аспекте вербальной семиотики как система слов-сигналов, которые можно вычленивать, классифицировать и алгоритмизировать в попытке создания формального кода для декодирования этого семиотически сложного явления объективации субъективного, то есть точности распознавания флирта человеком с помощью машинного обучения, способного уловить ускользающие от людей контекстуальные нюансы и семантические тонкости, подчиняющиеся культурным скриптам [Alugolu, Pamulapati, Gaduthuri, 2024].

Итак, флирт как форма игры в отношениях основан на использовании и интерпретации вербальных и невербальных знаков для

выражения чувств и установления отношений в поведении. Игровой процесс флирта отличается динамическим взаимодействием знаковых систем, в котором субъект отношений выступает как интерпретатор семиотических знаков другого субъекта отношений, создавая особую игровую поведенческую ситуацию с уникальными правилами и значениями. Флирт можно рассматривать как разновидность социально-культурной игры с собственными семиотическими кодами поведения, способствующими формированию отношений посредством интерпретации семиотики и ролей субъектов отношений в рамках игровых отношений в поведенческих ситуациях флирта.

В лингвистике отсутствуют работы, в которых в сопоставительном аспекте были бы описаны языковые маркеры флирта как единая семиотическая система, определены механизмы их восприятия наблюдателями – субъектами отношений, хотя такие исследования позволили бы расширить научные представления о лингвокультурных сходствах и различиях, объективирующих выражение и интерпретацию отношений и поведения в разных социумах.

Объектом нашего исследования являются вербализаторы понятия «флирт», приобретающие семиотический и аксиологический смыслы игровых поведенческих отношений в ситуациях флирта в итальянском и английском языках. Предметом исследования послужили семиотические и аксиологические характеристики данных вербализаторов в словарных дефинициях и прагматических контекстах.

Цель работы состоит в определении семиотических маркеров флирта и способов их аксиологической интерпретации в английской и итальянской лингвокультурах.

Материал и методы

Материалом исследования послужили данные, полученные методом сплошной выборки из авторитетных толковых словарей и тезаурусов английского (AHD; CDO; Collins; Farlex; MWD; OLD; Vocabulary) и итальянского (DGL; DI; Treccani) языков, а также примеры контекстуального употребления из электронных онлайн-словарей (Glosbe; RV). Всего проанализировано 6 лексем (по 3 в англий-

ском и итальянском языках) и 150 контекстов их употребления (по 75 в английском и итальянском языках).

Исследование проведено с применением следующих методов:

– дефиниционный и компонентный анализ для выявления семантической структуры лексем и выделения инвариантных и дифференциальных сем. Дефиниционный анализ лексем, выражающих семиотику игровых поведенческих отношений в ситуациях флирта, мы осуществляем с опорой на представления об отношении как категории, где понятия «игра» и «флирт» соотносятся с понятием «поведение» в сфере межличностных и социальных отношений;

– контекстуальный и прагматический анализ для идентификации семиотических маркеров в сопоставляемых языках;

– сопоставительный анализ для систематизации их сходств и различий в английском и итальянском языках;

– моделирование в системе «наблюдатель-агента (субъект, иницирующий и осознающий свое игровое поведение) и наблюдатель-перцептор (субъект, интерпретирующий и оценивающий поведение другого субъекта отношений)», которая служит лингвистическим инструментом для анализа языковых маркеров кодификации флирта наблюдателем-агентом, которые интерпретируются наблюдателем-перцептором.

Результаты научного исследования феноменов человеческого бытия (игра, поведение, отношения) указывают на возможность лингвосемиотического моделирования ситуации «флирт» как одной из типовых разновидностей игровых поведенческих отношений. В связи с этим возникает вопрос о мере соотношения между внешним лингвокультурным семиотическим поведенческим проявлением категории отношения в ситуациях флирта и внутренними когнитивными личностными факторами.

Поведенческие игровые ситуации флирта предстают как совокупность знаковых действий и стоящих за ними ментальных или эмоциональных состояний и отношений, которые выражаются этими действиями или на которые эти действия указывают при обязательном присутствии наблюдателя [Верхотурова,

Савватеева, 2015]. Мы полагаем, что поведенческие отношения флирта осмысливаются в английской и итальянской лингвокультурах как игровые, если существуют два наблюдателя (субъект и адресат): игровое поведение наблюдателя-агенса ориентируется на наблюдателя-перцептора (наблюдатель_П). Наблюдатель-субъект восприятия (перцептор) является интерпретатором таких действий. Игровые поведенческие отношения флирта предполагают совокупность некоторых действий с определенной знаковой симптоматикой, рассчитанной на внешнего наблюдателя (адресата). Этот внешний наблюдатель (наблюдатель_П) должен находиться в перцептивном поле субъекта поведения (агенса), который в таком случае сам превращается в наблюдателя_А. В игровых поведенческих отношениях ситуации флирта синхронно актуализируются внутренние и внешние знаки [Савватеева, 2024].

Мы предполагаем возможность проведения лингвистического анализа когнитивных и лингвокультурных компонентов флирта в семиотическом и аксиологическом аспектах. При этом объектом аксиологической интерпретации этих отношений (наблюдатель_П) служит семиотическая составляющая внутреннего мира субъекта игрового поведения в ситуациях флирта (наблюдатель_А), его мотивы в виде ментально-аффективных состояний и отношений. Основанием для сопоставительного анализа выступает следующий вывод: игровая деятельность человека преобразуется в механизм регулирования социальных и межличностных отношений и выражается в его поведении в семиотическом аспекте. Возможность рассмотрения семиотического выражения поведения позволяет понять, как внутренние, ненаблюдаемые состояния человека отражаются в межличностных и социальных отношениях в игровых ситуациях флирта.

Поскольку язык является способом кодирования и передачи культурных смыслов (семиотика), а категория ценности (аксиология) определяет смыслообразование, то, как доказано в работах Н.Л. Шамне, эффективная межкультурная и транскультурная коммуникация невозможна без знания различий в декодировании слов, поведения и символов, а также без адекватной их интерпретации

(см., например: [Шамне, 2003]). Принимая это важное методологическое положение при изучении коммуникативного поведения участников флирта, мы учитываем его лингвокультурные составляющие.

Результаты и обсуждение

Глагол *to flirt* включает такие компоненты значения, как 'поведение' (behave / conduct) и 'игра' (play), в них характеризуется манера поведения (not serious way, without serious intent, in a playful or not very serious way, play with another's affections, to deal playfully, play at love). Словарные дефиниции глагола *flirt* максимально эксплицитно указывают на связь понятия флирта с особой формой игрового поведения: *flirt – playful behavior* intended to arouse sexual interest (Farlex); *to behave riotously* (AHD); *to behave* as if you are interested in someone, in a not serious way (CDO); *to behave* amorously without serious intent (MWD); if you flirt with someone, you **behave** as if you are sexually attracted to them, in a **playful or not very serious way**; or **behave** or act amorously without emotional commitment; **toy** or **play** with another's affections; to deal **playfully** or carelessly (with something dangerous or serious); to pay amorous attention to someone without serious intentions or emotional commitment; **play** at love (Collins); if you're interested in someone romantically, you might flirt with them, which means to chat them up or tease them **in a playful way** (Vocabulary); **to behave** toward someone as if you find them attractive, **without seriously** wanting to have a relationship with them (OLD). Эти же связи можно проследить в дефиниционных структурах синонимов глагола *flirt*, также характеризующих данную форму игрового поведения в английском языке: *dally* – to act **playfully** especially **to play** amorously (MWD); if someone dallies with you, they have a romantic, but **not serious relationship** with you (Collins); *coquette* – **to play** the coquette; to deal with something **playfully** rather than seriously (MWD); talk or **behave** amorously, **without serious intentions** (Vocabulary).

В итальянском языке понятие флирта вербализуют синонимичные глаголы *flirtare*, *civettare*, *amoreggiare*. В их словарные дефи-

ниции включены компоненты, выражающие связь с игрой: *Flirtare* – amareggiare per piacevole **gioco** o passatempo, con **rapporti** che stanno fra l'amicizia e l'amore (con riferimento a **rapporti** di simpatia o a interessi di natura non sentimentale) (Treccani); intrecciare un **rapporto** sentimentale **superficiale** e poco impegnativo (DI); avere **rapporti** di simpatia e collaborazione con qualcuno (DGL). *Amareggiare* – detto di due persone, avere una **relazione** amorosa; intrattenere **una relazione** amorosa non impegnativa (DI).

Таким образом, общее семантическое ядро слов, обозначающих флирт в английском и итальянском языках, включает интегральную сему 'игровое поведение' и дифференциальные семы 'несерьезные намерения', 'демонстрация интереса', 'манерность поведения'.

В толкованиях итальянских единиц уже на уровне словаря фиксируется, что поведенческое действие флирта (*civettare*) может происходить как в межличностных, так и в социально-символических отношениях: 1. Личные и эмоциональные отношения: дружба ('amicizia'), любовь ('amore'), симпатия ('simpatia'), романтическая или любовная связь ('una relazione amorosa, un rapporto sentimentale'). 2. Социально-символические или игровые отношения: отношения соперничества, провокации ('flirtare con l'avversario'), взаимодействие с опасностью ('col pericolo'), с чем-то пугающим ('con qualcuno o qualcosa di temibile'). Ср.: *l'amicizia e l'amore, di simpatia, malizioso e provocante, una relazione amorosa, un rapporto sentimentale, in modo disinvolto o scanzonato, quasi provocatorio, flirtare con l'avversario, col pericolo*. Ср.: *Civettare* – **agire** in modo disinvolto o scanzonato, quasi provocatorio (con qualcuno o qualcosa di temibile); flirtare con l'avversario, col pericolo (DGL). Таким образом, в итальянском языке отражено то, что флирт (*civettare*) выходит за рамки сугубо романтического контекста, становясь широкой коммуникативной стратегией, направленной на привлечение внимания (*attirare l'attenzione*) и завоевание симпатий (*cattivarsi le simpatie*).

Эта стратегия проявляется и в социальной игре (легкое, беззаботное, почти провокационное поведение / in modo disinvolto o scanzonato, quasi provocatorio); в гендерном

поведении (оно свойственно женщинам: *riferito a donna* – и мужчинам: *degli uomini*); демонстративном поведении (метафорическое *gli sguardi* / взгляды). Игровая природа флирта позволяет обозначать взаимный интерес словом *gli sguardi* (взгляд). Действие (*обмен взглядами*) переосмысливается как знак зарождающегося интереса, а глагол *flirtare* (флиртовать) способен обозначать как отношения между людьми, так и отношение к отвлеченным понятиям (например, *флиртовать с опасностью*).

Итак, феномен, обозначенный итальянским словом *civettare*, в первую очередь интерпретируется как публичный, наблюдаемый поведенческий акт привлечения и удержания внимания в самых разных отношениях.

Сопоставительный анализ показывает, что в дефинициях итальянских слов более точно по сравнению с дефинициями английских единиц детализированы семы, связанные с характером социального взаимодействия ('*rapporti di simpatia*', '*disinvolto*') и внешней наблюдаемостью / эффектностью ('*attirare gli sguardi*'). В английском языке детализируется сам факт несерьезности отношений и игрового поведения.

В некоторых исследованиях флирта уже была отмечена его связь с игрой как некоторое возможное несоответствие между выражением такого вида отношений с их истинными намерениями: «*Кокетничать* сближается с одной из разновидностей игр – а именно театральная игрой за счет указания на несоответствие внешней формы поведения его подлинному содержанию (в частности, истинным чувствам и намерениям субъекта)... *Заигрывать, флиртовать* сближаются с игрой по своим целям: в обоих случаях действия субъекта ориентированы на удовольствие и развлечение, а не на достижение осмысленной цели» [Крылова, 2006, с. 177].

Аргументируя понимание флирта как игровых поведенческих отношений, на основе словарных дефиниций можно сделать вывод о несерьезности внешних, социальных намерений. Однако это не означает отсутствия цели как таковой. Поведенческий компонент дефиниций указывает на наличие двух субъектов отношений, что предполагает направленность действий. Цель флирта заключается не во внеш-

нем, практическом результате, а находится внутри самого процесса: вести себя игриво ради развлечения и получения удовольствия от общения. Она связана с выбором манеры поведения и желанием произвести впечатление на окружающих, привлечь внимание. Так, флирт является особой многогранной формой игры, исследование ее вербальной семиотики позволяет понимать эти грани в контекстах высказываний (см. об этом: [Брагина, 2006]).

В результате анализа дефиниций слов, обозначающих флирт в английской и итальянской лингвокультурах, выявлены следующие его признаки: направленность на другого (субъект или публику), демонстративность (стремление быть увиденным) и игровой характер. В дефинициях зафиксирована двойственная природа флирта – несерьезность поведения при явном стремлении произвести впечатление (*playful behavior / comportamento giocoso; without serious intent / senza intento serio; to behave amorously / agire in modo disinvolto; to pay amorous attention / relazione amorosa; to play with affections / flirtare con l'avversario; to deal playfully with danger / flirtare col pericolo*).

Данная особенность отражает сложную семиотическую организацию флирта как игры в поведенческих ситуациях, наличие этой специфики переводит исследование флирта из области психологии в область знаковых систем коммуникации и прагмалингвистики. Для дальнейшего анализа необходимо классифицировать виды флирта на основе коммуникативного прагматического поведенческого контекста и типов наблюдателя, что обусловлено компонентами дефиниций (с кем-то: *'con qualcuno' / 'with someone'*; привлечь внимание: *'attirare l'attenzione' / 'to attract attention'*).

Семиотика позволяет нам анализировать флирт как код, состоящий из вербальных и невербальных знаков, изменяющийся в зависимости от вида отношений. Оценка поведенческих ситуаций флирта (легкомысленное, остроумное, манипулятивное, провокационное поведение) зависит от расшифровки такого кода наблюдателями, а также социального и лингвокультурного контекстов: одно и то же поведенческое действие может оцениваться как милое в межличностных отношениях и лицемерное в публичных отношениях. Опираясь

на системный семиотико-аксиологический подход, представим классификацию основных видов проявления игровых поведенческих отношений в ситуациях флирта.

На основе анализа контекстов употребления выделены лингвесемиотические маркеры, репрезентирующие семы, выявленные на предыдущем этапе исследования.

1. Маркеры игры и несерьезности, задающие игровую ситуацию отношений взаимодействия, семиотизируя для наблюдателя_П отсутствие очевидной буквальности намерений наблюдателя_А.

2. Маркеры перформативных, невербальных поведенческих действий, объективирующие поведение наблюдателя_А, делаю его интерпретируемым знаковым комплексом для наблюдателя_П.

3. Маркеры косвенности и двусмысленности, репрезентирующие поведенческие ситуации интерпретационной неопределенности, в которых наблюдатель_А демонстрирует несерьезность в поведении.

4. Маркеры прямой или нормативной оценки в высказываниях наблюдателя_П, демонстрирующие результат процесса интерпретации поведения наблюдателя_А, объективируя лингвокультурные нормы оценки.

Разработанная типология основана на доминировании определенных комбинаций маркеров и специфике позиций наблюдателя_А и наблюдателя_П в отношениях. Выделенные маркеры учитываются в прагматическом анализе ситуаций флирта.

Далее предлагаем классификацию семиотических поведенческих ситуаций флирта, которые объединяет создание семиотического кода как общего игрового механизма между декларируемой несерьезностью и реальной целью воздействия на наблюдателя (субъекта отношений). Классификация видов флирта выполнена на основе анализа их репрезентации в языковых контекстах сопоставляемых языков и с учетом словарных дефиниций лексических единиц, обозначающих флирт.

В статье рассматриваются следующие виды игровых поведенческих ситуаций флирта: самообман, ритуал, кокетство, притворство, флирт как игра для достижения значимых целей, флирт как сознательный обман, социальный флирт.

Самообман

Эта ситуация флирта выделена на основании противоречия между маркерами, исходящими от наблюдателя_А и наблюдателя_П. Наблюдатель_П распознает игру (маркер игровой несерьезности), а наблюдатель_А отрицает игровой характер взаимодействия, интерпретируя поведение как искреннее. Анализ значений лексем позволил обнаружить связь между языковым значением, коммуникативной практикой (флирт как игра) и психологическим механизмом самообмана. Такая связь активируется в стремлении участников избежать вербализации субъективных чувств, что делает возможным их выявление как лингво-семиотических маркеров в речевом поведении. Приведем примеры.

(1) Tom thought I was flirting with him (RV) / Том думал, что я с ним флиртую².

Наблюдатель_А оценивает восприятие своего поведения другим участником отношений как самообман: признаков флирта не было, Том интерпретировал отношение к нему ошибочно.

(2) Just need you to admit you don't just flirt with me for kicks (RV) / Мне просто нужно, чтобы ты признала, что флиртуешь со мной не просто ради забавы.

Субъект отношений стремится интерпретировать поведенческие действия флирта второго участника как искренние и серьезные, однако игровые признаки такого поведения не позволяют сделать это с абсолютной точностью. Контекст ситуации репрезентирует неуверенность в оценке отношений как самообман.

(3) Given the circumstances, I could see how that might have seemed like flirty teasing or something, but I was legit being critical (RV) / Учитывая обстоятельства, я понимаю, почему это могло показаться флиртом или чем-то таким, но я на самом деле просто критиковал.

Контекст интересен аксиологической интерпретацией: наблюдатель_А расценивает свое поведение как флирт и понимает, что остальные участники ситуации воспримут его также, при этом контекст оценки предполага-

ет самооправдание своего поведения как правильного, без признаков флирта. Такая интерпретация может трактоваться как самообман.

(4) Coquettish women pride themselves on being jealous of their lovers to hide that they are envious of other women (RV) / Кокетливые женщины гордятся тем, что ревнуют своих возлюбленных, чтобы скрыть, что они завидуют другим женщинам.

В ситуации флирта демонстрируются тонкости восприятия наблюдателями_А своего поведения как самообмана, сокрытие от самих себя истинного отношения к другим (ревность маскирует зависть).

(5) Sì, ne era sicura, flirtava e lei trovò la cosa allo stesso tempo gratificante e assurda (RV) / Она была уверена, что он флиртует с ней, и эта мысль одновременно обрадовала ее и рассмешила.

Примечательна легкость восприятия наблюдателем_А своего понимания отношения к ней второго участника отношений как уверенности в его флирте (опорного контекста семиотики флирта при этом не представлено). Наблюдателю_А приятно расценивать отношения как радостные и смешные, поэтому можно интерпретировать их как самообман с положительной коннотацией.

(6) Quando flirtava non sempre ammetteva a se stessa che stava flirtando (RV) / Когда она флиртвала, она не всегда признавалась себе в том, что флиртует.

Флирт может расцениваться наблюдателем_П как притворное поведение субъекта, который не признается себе в собственном флирте (самообман).

Исследовательская оценка поведения в ситуации флирта-самообмана максимально затруднена по сравнению с другими выделенными ситуациями, поскольку семиотические контекстуальные данные противоречивы, неоднозначны и основаны на догадках и субъективной оценке участников.

Поведенческая ситуация флирта-самообмана строится на конфликте между игровым и искренним аспектами поведения. Флирт по определению является коммуникативной игрой с двусмысленностью, в которой действия (взгляд, комплимент, прикосновение) могут быть отнесены либо к необязывающей,

социально разрешенной игре, либо к серьезному намерению.

Суть ситуаций флирта-самообмана в том, что один из субъектов отношений (наблюдатель_A или наблюдатель_П) отказывается признавать игровую природу знаков флирта, интерпретируя их как искренние, или неигровые.

В семантике лексем, репрезентирующих флирт, почти всегда отражена диалектика игры / серьезности как внутреннего противоречия, которое создает семиотическую неустойчивость, объективирующую ситуации флирта-самообмана.

Лингвокогнитивная универсальность флирта как игры с возможностью самообмана репрезентируется совпадением его лингвокогнитивных признаков в сопоставляемых лингвокультурах.

Общим признаком ситуаций флирта-самообмана является семиотическая неустойчивость. В примерах самообман манифестируется в одной из семиотических интерпретаций (игровое или серьезное поведение), когда участник (наблюдатель_A, наблюдатель_П или оба участника) отрицает альтернативную интерпретацию, вопреки контексту или внутреннему ощущению. Различие заключается в степени допустимости и распознавания флирта.

Ритуал

Лингвосемиотические маркеры в этом виде ситуации используются стереотипно. Маркер прямой оценки определяется культурной нормой (уместно / неуместно) и становится нормативным маркером, а позиции наблюдателей предписаны социальными ролями в отношениях.

(7) And still not much flirt, follow **the rules of nobility**, or risk becoming **bankrupt** (RV) / И все же не сильно заигрывайтесь, соблюдайте правила благородства, иначе рискуете стать банкротом.

Маркер *bankrupt* как метафора финансового краха семиотизирует социальную неудачу. Излишний флирт нарушает «правила благородства» и может привести к потере репутации или краху отношений.

(8) Mai civettuola – sarebbe stato inappropriato ma sempre **cortese** e attenta nei modi (Glosbe) / Ни

когда не кокетлива – это было бы неуместно, но всегда любезна и внимательна в манерах;

(9) La ragazza avrebbe probabilmente flirtato un po' per rendere il suo rifiuto più **accettabile** (Glosbe) / Девушка, должно быть, покетничала бы немного, чтобы сделать свой отказ более приемлемым.

В итальянской лингвокультуре такие ситуации предполагают некий компромисс между игрой и поведением. Семиотика оценки флирта осуществляется через категории уместности и приемлемости (*accettabile* / *the rules of nobility*) и демонстрируется через культурные нормы поведения. Флирт допустим, если он не нарушает нормы вежливости и служит социально одобряемой цели (смягчение отказа).

Кокетство

Данная ситуация репрезентируется в контекстах, где игровое поведение сопровождается демонстративными действиями (улыбка, взгляд, танец), эксплицируя связь между поведением и игрой (маркеры игры и несерьезности и перформативных, невербальных поведенческих действий). В сопоставляемых лингвокультурах эта связь проявляется схожим образом: наблюдатель_A осознает свое поведение как инициатора флирта-игры, а наблюдатель_П распознает игру и интерпретирует ее позитивно или нейтрально. Связь флирта с развлечением и получением удовольствия фиксируется в контекстах.

(10) Guardavamo la folla, le altre ragazze che **ballavano** e **civettavano** con i loro ammiratori (Glosbe) / Наблюдали за гостями, смотрели, как девушки танцуют и кокетничают со своими поклонниками.

Здесь флирт репрезентируется как форма досуга: маркеры *ballavano* (танцевали) и *civettavano* (кокетничали) доступны для наблюдения и позитивной интерпретации.

(11) And there were damsels and young girls there who **dallied** with them to their hearts' content so that they had what young men desire (RV) / И были там девицы и молодые девушки, которые заигрывали с ними в свое удовольствие.

В этом контексте флирт представлен как развлечение, не имеющее иной цели, кроме самого процесса и получаемого удовольствия: маркер *dallied* (заигрывали) в сочетании с обстоятельством *to their hearts' content* (в свое удовольствие).

(12) It was also the summer one first saw the girls play with the signs of a foreign coquettishness (RV) / В то лето они впервые увидели, как девушки кокетничают на иностранный манер.

Флирт интерпретируется как осознанная игра с семиотическими кодами поведения, доступными для распознавания наблюдателями: маркеры *play with the signs* (играть со знаками) и *coquettishness* (кокетство).

(13) Lei ama civettare e dalla finestra fa l'occhiolino a chiunque passi per la strada (Glosbe) / Она кокетничает и строит глазки из окна глазки всем, кто ни пройдет по улице.

Как игра флирт может распознаваться по поведенческим признакам (строить глазки). Маркер *fa l'occhiolino* (строит глазки) представляет собой демонстративное действие-знак, однозначно интерпретируемое как кокетство.

Притворство

Понимание флирта как многогранной поведенческой и в какой-то мере интеллектуальной игры позволяет выделить ситуацию флирта-притворства, что открывает перспективы для исследования семиотики такого поведения. Рассмотрим несколько примеров.

(14) At first, we were such hints, and then began to talk very openly, sincerely, without any coquetry (RV) / Сначала мы обменивались намеками, а затем начали говорить совершенно открыто, искренне, без всякого кокетства.

Отсутствие в поведении признаков флирта воспринимается как открытое, искреннее, серьезное поведение.

(15) Sfodero quello che spero passi per un sorriso civettuolo, poi prendo Evan a braccetto e lo tiro via (Glosbe) / Я выдаю улыбку, которая, надеюсь, сойдет за кокетливую, беру Эвана под руку и тащу его в сторону дома.

Здесь наблюдатель_A намеренно использует знаки флирта, осознавая их искусственность.

(16) I suoi occhi grigi lucenti e civettuoli avevano uno sguardo accattivante e insieme ostile (Glosbe) / Ее сверкающие серые кокетливые глаза смотрели завлекательно и в то же время враждебно.

В этом контексте семиотика взгляда во флирте (завлекающие сверкающие кокетливые глаза) интерпретируется наблюдателем_П как фальшивое отношение.

Ситуация флирта-притворства в игровых поведенческих отношениях обширна в своих контекстуальных выражениях, что позволяет выделить в рамках данной группы две подгруппы: «Флирт как игра для достижения значимых целей», «Флирт как сознательный обман».

Флирт как игра

для достижения значимых целей

Данная подгруппа выделена нами на основе результатов проведенного дефиниционного анализа, представленного выше. В толкованиях слов, обозначающих флирт, отражены представления о несерьезности намерений и поведения, которое предполагает наличие двух или более субъектов поведенческих отношений (наблюдателей), а значит, и определенную цель таких действий. Например:

(17) Go down there, flirt, find out why she changed her mind on the motion (RV) / Спустись туда, пофлиртуй, выясни, почему она изменила свое мнение по этому вопросу;

(18) She was deliberately taunting me, playing the same coquettish games we used to play in restaurants (RV) / Она намеренно дразнила меня, играя в те же кокетливые игры, в которые мы играли в ресторанах;

(19) Ho dovuto flirtare con lei, in modo che Neal potesse avvicinarsi all'obiettivo (RV) / Мне пришлось с ней флиртовать, чтобы Нил смог подобраться ближе к цели;

(20) Non aveva cominciato a sbattere le ciglia, cercando subito di sfruttare la situazione a suo vantaggio (RV) / Она не стала кокетливо хлопать ресницами, не попыталась повернуть ситуацию в свою пользу.

Флирт репрезентируется как осознанное поведение, подчиненное прагматическим целям, не связанными непосредственно с романтическим взаимодействием: извлечь выгоду из ситуации, вызвать определенную реакцию у другого субъекта отношений.

Флирт как сознательный обман

Сознательный обман объективируется в ситуациях флирта, когда один из субъектов

отношений скрывает свое намерение за игровым поведением, используя семиотику флирта (улыбки, комплименты, взгляды) для достижения внешней цели (деньги, карьера, услуга), подменяя цель и ценность самой игры (удовольствие от коммуникации, взаимный интерес). Приведем несколько примеров.

(21) She's a flirt trying to get ahead by using you (RV) / Она просто кокетка, которая пытается пробиться, используя тебя.

Здесь игровой аспект флирта в понимании обмана определяется оценкой наблюдателя_П: использовать второго субъекта отношений в определенных целях.

(22) The waitress flirted with Tom thinking that he'd leave her a larger tip (RV) / Официантка флиртовала с Томом, надеясь, что он оставит ей больше чаевых.

В этом примере представлена ситуация флирта официантки по отношению к субъекту поведения, такой флирт интерпретируется наблюдателем_П как неискренние отношения (флирт в целях получения выгоды): доминирующим является маркер косвенности при скрытой цели в подтексте манипуляции. Позиция наблюдателя_А замаскирована, а оценка наблюдателем_П негативна.

(23) Ok, quel primo giorno ho flirtato con te perché sembravi utile, e infatti lo eri (RV) / Хорошо, в тот первый день я с тобой флиртовала, потому что ты оказался полезным, и я не ошиблась.

Этот пример иллюстрирует ситуацию, когда флирт демонстрируется как инструмент использования второго субъекта отношений в своих целях.

Семиотика флирта с интенциями сознательного обмана представляет интерес с позиции ее аксиологической интерпретации, поскольку флирт изначально понимается как игра с двусмысленностью, правила которой по умолчанию предполагают, что все ее участники в какой-то степени понимают условность и необязательность происходящего.

Результаты сопоставительного анализа показывают моральную переоценку флирта в аксиологическом аспекте. Игра-флирт обладает положительной или нейтральной аксиологией как социальное искусство, способ связи

и проявление жизнерадостности. Флирт как сознательный обман приобретает резко отрицательную оценку, он воспринимается как обесценивание отношений, превращение их в средство манипуляции, особенно в случаях получения нечестного преимущества в отношениях (большие чаевые, помощь, продвижение) посредством манипуляций с чувствами (нарушение справедливости). Правила игры во флирте нарушаются одним из субъектов отношений в ущерб другому субъекту, объективируя аксиологическую интерпретацию коммуникативного поведения флирта через другие виды поведенческих ситуаций (например, мошенничество). В ситуации флирта-самообмана субъект отношений сам обманывает себя, отказываясь видеть игру там, где она есть (или наоборот). В ситуации флирта как сознательного обмана субъект отношений обманывает другого. Примеры демонстрируют аксиологическую условность данной игровой поведенческой ситуации через оценки наблюдателей. В ситуации нарушается игровая модель флирта одним из субъектов отношений: игра либо отрицается, либо используется в корыстных целях, подрывая саму возможность игры, основанной на взаимном доверии.

Социальный флирт

Эта ситуация интересна для научной интерпретации игровых отношений. В ситуациях флирта в социальных отношениях исчезает игра ради игры, поскольку преобладают четкие цели: а) манипуляция и получение выгоды (манипуляция людьми через ложный статус; привлечение донатов от зрителей); б) создание и поддержание имиджа (демонстрация временной принадлежности к идеологии для тактических целей).

(24) This isn't the first time that the government has flirted with censorship (RV) / Это не первый раз, когда правительство примеряется к цензуре.

Как показывает пример, флирт возможен в поведении административных органов. Здесь описана ситуация игры правительства с цензурными ограничениями.

(25) She is often mistaken as a celebrity, and she uses to **manipulate** people and **flirt** with boys (RV) / Ее

часто принимают за знаменитость, и она привыкла манипулировать людьми и флиртовать с парнями.

Представлена оценка притворного поведения как флирта-манипуляции по отношению к другим участникам ситуации. Наблюдателя_A принимают за известного человека, что не соответствует действительности.

(26) Sitting in a luxury apartment in the southwestern Chinese city of Chengdu, professional livestreamer Shen Man looks into a webcam, **smiles coquettishly**, and launches into a rendition of a Chinese pop song (RV) / Сидя в роскошной квартире в Чэнду, городе на юго-западе Китая, профессиональная стримерша Шэнь Мань кокетливо улыбается в веб-камеру и начинает исполнять китайскую поп-песню.

Здесь продемонстрирована ситуация флирта в виртуальном пространстве. Субъект поведения – наблюдатель_A транслирует флирт как игровое поведение по отношению к неизвестному количеству участников ситуации – наблюдателям_П. Семиотика ситуации как флирта распознается по поведенческим признакам субъекта поведения – наблюдателя_A (кокетливо улыбается).

(27) Anche Weinstein aveva **flirtato** coi comunisti (RV) / Вайнштейн тоже поиграл в коммуниста.

В ситуации представлена оценка личности и линии поведения как несерьезные, не соответствующие реальным качествам и целям поведения оцениваемого субъекта отношений, маркированные предикатом *flirtare*.

При переходе флирта из межличностных отношений, где присутствуют два субъекта-наблюдателя (участники отношений), в социальные, где участников отношений становится больше (публика), соответственно, расширяются семиотические оттенки выражения игрового поведения и интенций самого инициатора таких отношений (наблюдателя_A). Вместо наблюдателя_A и наблюдателя_П появляются коллективные или абстрактные субъекты отношений (правительство, экономика, публичная личность) и наблюдатели_П (аудитория, народ, избиратели, зрители, общество). Флирт из приватного поведенческого акта становится публичным перформансом или политико-социальной метафорой. Физические маркеры

флирта в поведении (взгляд, улыбка, прикосновение) преобразуются: в семиотические жесты (заигрывание с цензурой, поиграл в коммуниста); в публичные действия, рассчитанные на массовое восприятие (кокетливо улыбается в веб-камеру); в риторические стратегии публичной коммуникации (флирт с народом).

Флирт в социальных отношениях – это стратегическое использование кодов межличностной игры (демонстрация интереса без обязательств, кокетливая двусмысленность) в публичной сфере для достижения прагматических целей: тестирования границ, манипуляции общественным мнением, создания имиджа или монетизации внимания. Такой флирт получает негативную аксиологическую интерпретацию. В сфере экономики, идеологии, управления флирт (необязательность, кокетство) расценивается как непрофессиональное, безответственное, опасное лицемерие. Оценка становится положительной или нейтральной в сферах, где игра и перформанс узаконены (развлечения, стриминг).

Основным парадоксальным признаком ситуаций флирта в социальных отношениях на уровне больших групп является размывание границ между искренностью и расчетом: чем успешнее репрезентируется легкость и привлекательность игрового флирта, тем более серьезные (и часто негативные) последствия он может иметь в общественной жизни, превращая доверие в инструмент политической или экономической игры.

Заключение

В английской и итальянской лингвокультурах флирт представлен как легкое, игривое взаимодействие людей с использованием вербальных и невербальных сигналов.

Семантическое ядро номинаций флирта в английском и итальянском языках составляют семы ‘игра’, ‘несерьезные намерения’, ‘демонстрация интереса’. В зависимости от типа ситуации определенные различия проявляются при расшифровке наблюдателем семиотических кодов в высказываниях. Кроме того, различие заключается в большей детализации в итальянском языке сем, связанных с социальным взаимодействием и внешней

эффектностью поведения, объективируя более выраженную социально-перформативную природу итальянской лингвокультуры.

Маркеры игры и несерьезности, перформативных, невербальных поведенческих действий, косвенности и двусмысленности, прямой или нормативной оценки, формирующие различные поведенческие ситуации флирта, становятся лингвосемиотическими маркерами флирта в сопоставленных лингвокультурах.

Поведенческие ситуации флирта в сопоставляемых лингвокультурах могут быть представлены как самообман, ритуал, кокетство, притворство, социальный флирт. Каждая из ситуаций демонстрирует особенности семиотического целеполагания: самообман – семиотическую неустойчивость; ритуал – следование лингвокультурным нормам; кокетство – перформативную демонстрацию; притворство – осознанное конструирование поведения; социальный флирт – достижение практических целей.

В социальном флирте участниками становятся коллективные или абстрактные субъек-

ты (правительство, экономика, публичная личность) и массовый наблюдатель_П (аудитория, народ, избиратели, зрители, общество). Семиотические физические маркеры флирта (взгляд, улыбка, прикосновение) преобразуются в семиотические жесты, публичные действия, рассчитанные на массовое восприятие, и стратегии публичной коммуникации.

Перспективы исследования видятся в расширении языкового материала и в более детальном анализе поведенческих аспектов в семиотике флирта.

Сочетание когнитивного и лингвокультурного подходов и методов представляется действенным инструментом в попытке семиотического осмысления понятия «флирт» в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод наш.

² Здесь и далее перевод примеров наш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брагина Н. Г., 2006. Метафоры игры в описаниях мира человека (межличностные отношения // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / под ред. Н. Д. Арутюновой. Москва : Индрик. С. 120–143.
- Бутовская М. Л., 2004. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино : Век 2. 367 с.
- Верхотурова Т. Л., Савватеева И. А., 2015. Глагольные сочетания с наречным маркером семиотической значимости поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание и литературоведение. Вып. 10 (721). С. 40–51.
- Вежбицкая А., 1999. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. Москва : Яз. рус. культуры. XII, 776 с.
- Горелов И. Н., 2003. Избранные труды по психолингвистике. Москва : Лабиринт. 317 с.
- Грин Ф., 2012. Язык флирта. Слова и жесты / пер. с англ.: А. Зонова, И. Лебедева. Санкт-Петербург : Питер. 176 с.
- Дементьев В. В., 2010. Теория речевых жанров. Москва : Знак. 600 с.
- Каста-Розас Ф., 2010. История флирта: балансирование между невинностью и пороком / пер. с фр. И. Васюченко, Г. Зингера. Москва : Текст. 379 с.
- Крейдлин Г. Е., 2002. Язык тела и естественный язык. Москва : Новое лит. обозрение. 592 с.
- Крылова Т. В., 2006. Кокетничать, заигрывать, флиртовать: игровые аспекты в общении между мужчинами и женщинами // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / под ред. Н. Д. Арутюновой. Москва : Индрик. С. 168–177.
- Леонтьев А. А., 1970. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / под ред. Б. А. Серебренникова. Москва : Наука. С. 314–370.
- Лурия А. Р., 1979. Язык и сознание. Москва : МГУ. 325 с.
- Мечковская Н. Б., 2008. Семиотика : Язык. Природа. Культура. Москва : Академия. 432 с.
- Савватеева И. А., 2024. Виды игрового поведения при выражении категории отношения в английском и итальянском языках // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 30, № 3. С. 179–186. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-179-186.

- Стернин И. А., 2001. Введение в речевое воздействие. Воронеж : ВГТУ. 252 с.
- Терешкович Т. А., 2014. Язык флирта и мода. Минск : Энциклопедикс. 352 с.
- Шамне Н. Л., 2003. Межкультурная и транскультурная коммуникация: к определению понятий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Вып. 3. С. 73–80.
- Alugolu S. K., Pamulapati R., Gaduthuri B. R., 2024. Flirting Words Detection Using Machine Learning Techniques // International Journal of Advanced Computer Science and Applications (IJACSA). Vol. 15, № 3. P. 44–49.
- Hall J. A., Carter S., Cody M. J., Albright J. M., 2010. Individual Differences in the Communication of Romantic Interest: Development of the Flirting Styles Inventory // Communication Quarterly. Vol. 58, № 4. P. 365–393. DOI: 10.1080/01463373.2010.524874
- O’Farrell K. J., Rosenthal E. V., O’Neal E. C., 2003. Relationship Satisfaction and Responsiveness to Nonmates’ Flirtation: Testing an Evolutionary Explanation // Journal of Social and Personal Relationships. Vol. 20, iss. 5. P. 663–674. DOI: 10.1177/02654075030205005
- Pease A., 1988. Body Language: How to Read Others’ Thoughts by Their Gestures. Avalon Beach (NSW) : Camel. 229 p.
- Pease A., Pease B., 2004. Definitive Book of Body Language. Australia : McPherson’s Printing Group. 404 p.

ИСТОЧНИКИ

- Glosbe* – Glosbe. Online Dictionary. URL: <http://www.glosbe.com>
- RV* – Reverso Context. Online Dictionary. URL: <https://context.reverso.net>

СЛОВАРИ

- AHD* – The American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <http://www.bartleby.com/dictionary>
- CDO* – Cambridge Dictionary: Online Version. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org>
- Collins* – Collins Online Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com>
- DGL* – Dizionario Garzanti Linguistica. URL: <https://www.garzantilinguistica.it>
- DI* – Dizionario Italiano. URL: <http://www.dizionari.corriere.it>
- Farlex* – The Free Dictionary Online. URL: <http://www.thefreedictionary.com>
- MWD* – Merriam Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com>
- OLD* – Oxford Learners Dictionaries. URL: www.oxfordlearnersdictionaries.com
- Treccani* – Treccani Vocabolario. URL: <https://www.treccani.it>
- Vocabulary* – Vocabulary.com. URL: <http://www.vocabulary.com>

REFERENCES

- Bragina N.G., 2006. Metaforы igry v opisaniyakh mira cheloveka (mezhlchnostnye otnosheniya) [Metaphors of Game in Descriptions of the Human World (Interpersonal Relations)]. Arutyunova N.D., ed. *Logicheskij analiz yazyka. Kontseptualnye polya igry* [Logical Analysis of Language. Conceptual Fields of Game]. Moscow, Indrik Publ., pp. 120-143.
- Butovskaya M.L., 2004. *Tayny pola. Muzhchina i zhenshchina v zerkale evolyutsii* [Secrets of Sex. Man and Woman in the Mirror of Evolution]. Fryazino, Vek 2 Publ. 367 p.
- Verkhoturova T.L., Savvateeva I.A., 2015. Glagolnye sochetaniya s narechnym markerom semioticheskoy znachimosti povedeniya [Verb Phrases with Adverbial Markers of Behavioral Semiotics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Yazykoznanie i literaturovedeniye* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], iss. 10 (721), pp. 40-51.
- Vezhbitskaya A., 1999. *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov* [Semantic Universals and Describing Languages]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. XII, 776 p.

- Gorelov I.N., 2003. *Izbrannye trudy po psikholingvistike* [Selected Works on Psycholinguistics]. Moscow, Labirint Publ. 317 p.
- Grin F., 2012. *Yazyk flirta. Slova i zhesty* [The Language of Flirtation. Words and Gestures]. Saint Petersburg, Piter Publ. 176 p.
- Dementyev V.V., 2010. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak Publ. 600 p.
- Kasta-Rozas F., 2010. *Istoriya flirta: balansirovaniye mezhdru nevinnostyu i porokom* [The History of Flirting: Balancing Innocence and Vice]. Moscow, Tekst Publ. 379 p.
- Kreydlin G.E., 2002. *Yazyk tela i estestvennyy yazyk* [Body Language and Natural Language]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ. 592 p.
- Krylova T.V., 2006. Koketnichat, zaigryvat, flirtovat: igrovye aspekty v obshchenii mezhdru muzhchinami i zhenshchinami [To Coquet, To Dalliance, To Flirt: Game Aspects in Communication Between Men and Women]. Arutyunova N.D., ed. *Logicheskyy analiz yazyka. Kontseptualnye polya igry* [Logical Analysis of Language. Conceptual Fields of Game]. Moscow, Indrik Publ., pp. 168-177.
- Leontyev A.A., 1970. Psikhofiziologicheskiye mekhanizmy rechi [Psychophysiological Mechanisms of Speech]. Serebrennikov B.A., ed. *Obshcheye yazykoznanie: formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General Linguistics: Forms of Existence, Functions, History of Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 314-370.
- Luriya A.R., 1979. *Yazyk i soznaniye* [Language and Consciousness]. Moscow, MGU. 325 p.
- Mechkovskaya N.B., 2008. *Semiotika : Yazyk. Priroda. Kultura* [Semiotics: Language. Nature. Culture]. Moscow, Akademiya Publ. 432 p.
- Savvateeva I.A., 2024. Vidy igrovogo povedeniya pri vyrazhenii kategorii otnosheniya v angliyskom i italyanskom yazykakh [Types of Play Behavior in the Expression of the Category of Relations in the English and Italian Languages]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], vol. 30, no. 3, pp. 179-186. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-3-179-186
- Sternin I.A., 2001. *Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye* [Introduction to Speech Influence]. Voronezh, VGTU. 252 p.
- Tereskovich T.A., 2014. *Yazyk flirta i moda* [The Language of Flirtation and Fashion]. Minsk, Entsiklopediks Publ. 352 p.
- Shamne N.L., 2003. Mezhekulturnaya i transkulturnaya kommunikatsiya: k opredeleniyu ponyatiy [Cross-Cultural and Transcultural Communication: Towards Defining the Concepts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], iss. 3, pp. 73-80.
- Alugolu S.K., Pamulapati R., Gaduthuri B.R., 2024. Flirting Words Detection Using Machine Learning Techniques. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications (IJACSA)*, vol. 15, no. 3, pp. 44-49.
- Hall J.A., Carter S., Cody M.J., Albright J.M., 2010. Individual Differences in the Communication of Romantic Interest: Development of the Flirting Styles Inventory. *Communication Quarterly*, vol. 58, no. 4, pp. 365-393. DOI: 10.1080/01463373.2010.524874
- O'Farrell K.J., Rosenthal E.V., O'Neal E.C., 2003. Relationship Satisfaction and Responsiveness to Nonmates' Flirtation: Testing an Evolutionary Explanation. *Journal of Social and Personal Relationships*, vol. 20, iss. 5, pp. 663-674. DOI: 10.1177/02654075030205005
- Pease A., 1988. *Body Language: How to Read Others' Thoughts by Their Gestures*. Avalon Beach (NSW), Camel. 229 p.
- Pease A., Pease B., 2004. *The Definitive Book of Body Language*. Australia, McPherson's Printing Group. 404 p.

SOURCES

Glosbe. Online Dictionary. URL: <http://www.glosbe.com>
Reverso Context. Online Dictionary. URL: <https://context.reverso.net>

DICTIONARIES

The American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <http://www.bartleby.com/dictionary>

Cambridge Dictionary: Online Version. URL: <http://www.dictionary.cambridge.org>

Collins Online Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com>

Dizionari Garzanti Linguistica. URL: <https://www.garzantilinguistica.it>

Dizionario Italiano. URL: <http://www.dizionari.corriere.it>

The Free Dictionary Online. URL: <http://www.thefreedictionary.com>

Merriam Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com>

Oxford Learners Dictionaries. URL: www.oxfordlearnersdictionaries.com

Treccani Vocabulario. URL: <https://www.treccani.it>

Vocabulary.com. URL: <http://www.vocabulary.com>

Information About the Author

Irina A. Savvateeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages No. 1, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, savvrina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5995-9934>

Информация об авторе

Ирина Анатольевна Савватеева, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, savvrina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5995-9934>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.9>

UDC 811.111'286
LBC 81.432.1-006

Submitted: 12.05.2025
Accepted: 28.08.2025

REGIONAL VARIETY OF ENGLISH IN ALASKA: LINGUISTIC SPECIFICITIES ¹

Anastasia A. Vsevolozhskaya

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The understudied variety of English in Alaska (Alaskan English), which is spoken by Native Alaskans living in rural areas, is of great scientific interest, primarily due to its linguistic specificities as well as historical context and conditions of its emergence. The aim of the article is to reveal and analyse some of the linguistic traits of the Alaskan variety. The data used in the present study encompasses 73 transcribed semi-structured interviews that contain personal narratives of Native Alaskans of various ethnic origins and generations, whose language acquisition took place in different contexts. In particular, the narratives of Upper Kuskokwim Athabascans and the representatives of Kodiak Creole population have been analysed. The scrutiny reveals such characteristics of the regional variety of English in Alaska as the use of specific vocabulary, lack of differentiation between verb tenses, non-standard use of articles and number (singular and plural) indicators, double negation and the use of *never* as a marker of negation of a certain action in the past. The author advances a hypothesis on the influence of some sociolinguistic factors (in particular, language shift and the conditions of the English language acquisition) on the formation of the mentioned linguistic characteristics. The results contribute to a better understanding of the processes that enabled Alaskan English emergence and serve as a basis for future research into the language situation in the region.

Key words: Alaska, ethnocultural community, regional variety, English, language shift.

Citation. Vsevolozhskaya A.A. Regional Variety of English in Alaska: Linguistic Specificities. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 120-135. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.9>

УДК 811.111'286
ББК 81.432.1-006

Дата поступления статьи: 12.05.2025
Дата принятия статьи: 28.08.2025

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА АЛЯСКЕ ¹

Анастасия Александровна Всеволожская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация. Малоизученная разновидность английского языка на Аляске (Alaskan English), распространенная среди коренных жителей сельских районов территории, представляет значительный исследовательский интерес в силу специфических лингвистических характеристик, а также условий, способствовавших их формированию. Цель данной статьи состоит в установлении некоторых языковых особенностей аляскинского английского. Материалом для исследования послужили транскрипты полуструктурированных интервью, проведенных с представителями разных поколений и этнических групп аборигенных жителей, которые прошли различные пути усвоения английского языка: атабаски Верхнего Кускоквима и креольское население Кадьякского архипелага. В работе описаны основные черты английского языка коренного населения Аляски: специфическая лексика, неразличение временных форм глаголов, нестандартное употребление показателей числа и артиклей, случаи двойного отрицания и использование *never* в качестве маркера единичного отрицания в прошлом. Выдвинута гипотезы о влиянии различных социолингвистических факторов (в первую очередь языкового сдвига и условий усвоения английского языка) на формирование конкретных особенностей идиома. Полученные результаты вносят вклад в понимание процессов

формирования аляскинского английского и сопутствующих его появлению процессов, а также в дальнейшем изучение языковой ситуации в регионе.

Ключевые слова: Аляска, этноязыковое сообщество, региональная разновидность, английский язык, языковой сдвиг.

Цитирование. Всеволожская А. А. Особенности регионального варианта английского языка на Аляске // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 120–135. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.9>

Введение

Аляскинская разновидность английского языка (Alaskan English), до 1970-х гг. описываемая термином *Village English*, распространена в буше (сельской местности) среди представителей коренных народов, перешедших на английский в результате языкового сдвига, происшедшего после покупки Аляски США (подробно об этом см.: [Jones, Tarlow, 2013]). Явление, характеризующееся единым понятием «аляскинская разновидность», неомогенно, что обусловлено как взаимовлиянием различных языков, диалектов и социолектов, так и взаимодействием многих исторических, политических, лингвокультурных и других процессов в регионе [Barnhardt, 2001].

Аляскинский английский в процессе своего формирования и распространения занял место основного средства коммуникации на территориях региона, где исторически до продажи Аляски США преобладал аляскинский русский. После начала освоения Аляски российскими промышленниками в XVIII в., русская культура и язык имели большое влияние на аборигенных жителей (см.: [Jerabek, 2014]; [Голомидова, Сабуров, 2016; Znamenski, 1998; Петров, 2016; Шеина, Сидорина, 2020]). В частности, лексика их языков обогащалась словами, имеющими отношение к торговле, ресурсам и разнообразным материальным объектам [Oswalt, 1963; Burch, Correll, 1972; Handbook..., 1981; McClellan, 1964]. Отметим, что многие из промышленников происходили из Сибири и владели не стандартным русским языком, характерным для их времени, а диалектными и социолектными вариантами русского, распространенными в родной для них местности; это также повлияло на аляскинский русский. Несмотря на то, что мужчины первыми сталкивались с новым для территории языком, местные женщины через смешанные браки с русскими переселенцами способствовали закреп-

лению многоязычия в регионе через воспитание своих детей-креолов, впоследствии составляющих значительную часть населения. В результате языкового и культурного взаимовлияния аборигенных жителей и промышленников на островах Прибылова, Кенайском полуострове, Алеутских островах, Кадьякском архипелаге и юго-востоке Аляски, возникли местные варианты русского языка [Бергельсон, Кибрик, 2018]. Благодаря деятельности православных священников, не только закрепивших православие в качестве сохранившейся даже в период американского владения Аляской части идентичности коренного населения, но и создававших условия для качественного образования местных жителей, появились поколения билингов, способные быть межкультурными и межязыковыми посредниками [Голомидова, Сабуров, 2016; Black, 1996].

С момента продажи Аляски в 1867 г. ситуация в регионе заметно поменялась. Начало приобретать большее влияние англоязычное сообщество; частота и интенсивность контактов с ним значительно увеличились, в особенности в период золотой лихорадки, сподвигнувший многих белых американцев разных социальных статусов перебраться на территорию Аляски. Более того, с постепенным развитием рыбной промышленности в регион прибыло большое количество специалистов из скандинавских стран, для которых английский был неродным языком. Следовательно, данный фактор также оказал влияние на формирование аляскинской разновидности английского и наделил ее некоторыми особыми характеристиками [Ringsmuth, 2007]. Неоднородность групп переселенцев, владеющих различными социолектами и диалектами, также отразилась на специфичности аляскинского английского (Разумовский, 2015). Следует отметить, что с началом доминирования белых англоязычных сообществ получила развитие всеобщая «американизация» местного населения и борь-

ба с уже сложившейся самобытной культурой и коренными языками. Согласно курсу, выбранному пресвитерианским миссионером и первым уполномоченным Бюро по образованию на Аляске Шелдоном Джексонем, данный процесс был связан с уходом от местных традиционных верований и православия, а также переход на строгое одноязычие во всех сферах общественной жизни. Однако, как утверждают Майкл Олекса и Нора Дауенхауэр, благодаря священникам-выходцам из коренных народов Аляски православие продолжало функционировать в небольших населенных пунктах [Dauehauer, 1997; Oleksa, 1992]. Католическими и протестантскими миссиями создавались школы-интернаты, в которых детей, при условии смены конфессии, обучали разным предметам, в том числе английскому языку; местные жители могли добровольно отправлять своих детей в эти учебные заведения для того, чтобы обеспечить им лучшие условия и возможности для дальнейшей жизни, кроме того, в этих школах учились и дети-сироты. При этом креольское население, до продажи Аляски имевшее особый статус компетентных и образованных межкультурных посредников, после продажи территории США подвергалось стигматизации из-за своего смешанного расового происхождения, находясь за границами тех или иных выделенных категорий жителей, и пренебрежительно именовалось «полукровками» (см.: (Vinkovetsky, 2010); [Black, 1990; Oleksa, 1990]). В частности, очень сложные отношения между коренной, креольской и «белой» (русской и т. д.) идентичностями складывались на острове Кадьяк [Pullar, 2013]. Однако необходимо пояснить, что процессы сегрегации, «американизации» и ассимиляции местного населения протекали на территории неравномерно по времени и интенсивности, что во многом объяснимо труднодоступностью некоторых населенных пунктов и другими факторами.

В вопросах новой одноязычной политики наибольшим изменениям подверглась система образования. В отличие от усилий русских миссий по повышению уровня грамотности населения не только в русском, но и в коренных языках, в американизированной системе даже эпизодическое использование местных средств коммуникации сурово порицалось, в том числе физическими наказаниями детей. В образова-

тельных учреждениях, нередко изолированных от возможного культурно-языкового влияния родителей, школьникам прививали чувство стыда за их образ жизни и культуру, ускоряя переход от привычных способов общения на английский и пробуждая в уже выросших детях желание перестать разговаривать со своими потомками на коренных языках, чтобы обеспечить им более комфортное вхождение в новые реалии жизни [Alton, 1998; Bergelson, 2019]. При этом учащиеся не в полной мере были способны формулировать свои мысли на английском, допускали неточности и в то же время смешивали коды. Этот факт в значительной степени повлиял на возникающую местную разновидность английского, которая со всеми имеющимися из-за этого особенностями начала передаваться из поколения в поколение и, закрепившись, стала важной частью семейной коммуникации [Григорьева, Бергельсон, 2024а]. Перемены в языковой политике региона, начавшиеся в 70-е гг. XX в. и связанные с запуском двуязычных школьных программ как меры по восстановлению полноценной идентичности, не оказали значительного влияния на стремительные темпы утраты коренных языков. Не возросла и компетентность местных жителей в английском, хотя данный результат предполагался создателями новых программ (см.: [Alton, 1998]; (Carruthers, 1970)). При этом аляскинский вариант английского языка продолжил быть основным средством общения внутри сообществ, хотя нельзя дать однозначного ответа на вопрос о воздействии данной смены курса на передачу этой разновидности английского молодым поколениям [Григорьева, Бергельсон, 2024б].

В современной системе образования на Аляске, в особенности среди молодых прогрессивных учителей, достаточно продолжительное время живущих в сообществах коренных жителей и не разделяющих прошлые методы преподавания, преобладает нейтральное отношение к сформировавшейся разновидности английского языка; признается, что она до сих пор является основным средством внутрисемейной коммуникации, в окружении которой протекает повседневная жизнь школьников. Однако необходимо отметить то, что, согласно работе Энн Джонс и Мэри-Клэр Тарлоу, школьные программы плохо адаптированы под нужды местных

учеников, и учителя утверждают, что трудности в переключении кодов (с аляскинского английского на стандарт) ухудшают успеваемость более половины детей и являются преградой для развития навыков чтения и письма, а также их будущей профессиональной реализации [Jones, Tarlow, 2013].

Аляскинский английский, несмотря на свою продолжительную историю, специфические условия возникновения и распространенность среди коренных сообществ, проживающих на территории штата, мало изучен, многие его характеристики и нюансы функционирования продолжают оставаться неопределенными. Более того, эта разновидность почти не представлена в перечнях региональных вариантов английского языка и редко упоминается в научной литературе, что делает ее изучение необходимым с точки зрения лингвистики в целом и отдельных направлений, в частности, например, социолингвистики [Григорьева, Бергельсон, 2024б]. Исследование аляскинского английского языка особенно актуально в условиях глобализации, способствующей увеличению числа языковых контактов и возникновению вариантов английского на пересечении этнических групп, функциональных и профессиональных доменов. Английский на Аляске демонстрирует ключевые особенности многофакторных процессов, происходящих при появлении и развитии новых контактных разновидностей языка в различных условиях.

Цель данной работы состоит в установлении характерных черт местного варианта английского языка. Для этого были поставлены следующие задачи:

- изучить языковую ситуацию в регионе в исторической перспективе для понимания механизмов формирования рассматриваемого идиома и его особенностей;
- определить и выделить особенности аляскинской разновидности английского языка, отличающимися феномен от стандартного американского английского;
- рассмотреть влияние социолингвистических факторов на формирование той или иной черты;
- выявить специфику аляскинской разновидности английского языка в сравнении с другими региональными разновидностями.

Помимо этого, в дискуссионной части статьи высказываются идеи о возможных причинах сходства некоторых характеристик английского на Аляске с чертами других разновидностей английского языка.

Источником языкового материала послужил корпус, который состоит из аудиозаписей и транскриптов 73 интервью на аляскинском английском, взятых несколькими группами ученых у разных поколений представителей этнических общностей региона (подробно об этом см. в разделе «Материал и методология»). Информантами выступили индейцы-атабаски из поселения Николай, где основным языком изначально был верхнекускокувимский, и креольское население Кадьякского архипелага, где преобладающим языком был аляскинский русский. Отметим, что выбранные интервью с верхнекускокувимскими атабасками первоначально были проведены с целью изучения нарративных стратегий и описания социолингвистической ситуации и языкового сдвига в регионе, в то время как работа на архипелаге была посвящена сохранению культурного наследия и изучению истории русского языка на Аляске, в том числе внутрисемейной.

Материал и методология

Материалом для исследования послужил корпус аудиофайлов и транскриптов полуструктурированных интервью на английском языке, записанных в ходе проведенных в 2001, 2009 и 2019 гг. экспедиций на Аляску. Экспедиции были организованы и осуществлены Е.В. Головки (2009 г.), А.А. Кибриком, М.Б. Бергельсон и М.К. Раскладкиной. Расшифровки аудиозаписей интервью были созданы в едином формате студентами НИУ ВШЭ и Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ на основании инструкций и методологических указаний, разработанных участниками экспедиций (см.: (Кибрик, Бергельсон, Раскладкина, 2024)). Описанный корпус данных хранится на серверах Института языкознания РАН и Центра социокультурных и этноязыковых исследований НИУ ВШЭ.

Рассмотренные интервью содержат нарративы находящихся в фокусе исследования трех групп жителей, прошедших различные

пути освоения английского языка (см. о них: [Bergelson, 2019]).

Первая и вторая группы (18 респондентов) представляют собой два поколения индейцев-атабасков, живущих в находящемся в области верхнего течения реки Кукоквим поселении Николай. Представители старшего поколения (старейшины или elders), родившиеся в 20–30-х гг. прошлого столетия, являются единственным поколением билингвов в силу стремительности происходившего на их глазах и при их непосредственном участии языкового перехода в регионе, начавшегося в 1948 г. после открытия миссией школы. В раннем детстве они почти не сталкивались с английским языком, общаясь в семьях на верхнекукоквимском атабаском и придерживаясь местных занятий и уклада жизни. Эти информанты начали обучаться английскому языку в возрасте старших школьников или будучи уже взрослыми, однако в силу пережитого ими опыта приняли решение перейти на этот язык в общении со своими детьми.

Языковая ситуация в районе Верхнего Кукоквима изменилась позже по сравнению с другими районами Аляски прежде всего из-за изолированности территории, кочевого образа жизни атабасков и связанного с торговлей весьма ограниченного взаимодействия с белым англоязычным населением, значительной частью проживающем с 1920-х гг. в шахтерском поселке Макрат. В 1930-х гг. контакты с английским языком стали более регулярными благодаря развитию воздушного транспорта и возникновению в сельских районах англоязычных неаборигенных групп в поисках ресурсов и проводников из местного населения, однако и в этом случае общение не затрагивало жизни коренных народов на глубинном уровне, ограничиваясь лишь обменом материальными благами и информацией о территории [Григорьева, Бергельсон, 2024б; Collins, 2004]. Поэтому можно утверждать, что появление школы в конце 1940-х гг. действительно стало поворотным моментом, решившим судьбу местного языка и запустившим процессы формирования и закрепления специфической разновидности английского (см.: [Rodli, 1963]; [Иванова, 2017; Hickey, 2010]). Для следующего рассматриваемого поколения атабасков, рожденных в 1960-е гг.,

в подавляющем большинстве случаев аляскинский английский с детства был основным средством коммуникации, а часто даже первым и единственным, так как не все информанты сталкивались с коренным языком в раннем возрасте.

Третья группа (21 респондент) – креолы Кадьякского архипелага, рожденные в смешанных браках между представительницами аляскинского населения и русскими переселенцами; среди родственников информантов также есть представители скандинавских народов. Родным языком и основным средством коммуникации креолов до начала языкового сдвига был аляскинский русский. В ряде случаев в семьях сохранялось и знание аляскинского языка, несмотря на то, что он считался менее престижным. Уже в начальной школе информанты сталкивались с английским; некоторые из них слышали в разговорах взрослых смесь английского и русского. В отличие от респондентов первой группы (верхнекукоквимских атабасков), респонденты, входящие в данную группу, на регулярной основе познакомилась с английским в более ранний период своей жизни в силу историко-культурных различий и более раннего начала централизованного обучения на английском в школах, что в свою очередь, связано с более высокой территориальной доступностью региона. Помимо этого, большую роль играл социально-экономический фактор, так как после приобретения территории США Кадьяк на долгое время стал одним из главных центров рыбной промышленности региона, особенно активно развивавшейся там в начале XX в. [Науcox, 2002; Ringsmuth, 2007].

В интервью язык представал в более спонтанном и естественном виде и служил не собственно объектом анализа, а языком взаимодействия ученых с информантами, что несет в себе ряд преимуществ для нашего исследования. Всего проанализировано 73 интервью, из которых 26 транскриптов содержат рассказы верхнекукоквимских атабасков, 47 – нарративы жителей Кадьякского архипелага.

Методология исследования включает сопоставительный анализ фрагментов текстов, взятых из интервью с информантами вышеупомянутых групп и представляющих собой лингвистические биографии и другие виды narra-

тивов о жизни. В отношении правил стандартного английского и расхождений с ними анализ осуществлялся по следующим параметрам:

- морфосинтаксические характеристики, а также последовательность и полнота их употребления (правильная временная соотношенность событий, использование референциальных и квантифицирующих показателей и др.);

- присутствие особой лексики, а также лексическое обеспечение специфических целевых денотатов;

- лексическое разнообразие или обедненность отдельных семантических полей.

Сравнение осуществлялось по тем же параметрам в отношении разных групп информантов, а именно:

- информантов с субстратным атабаским языком (пос. Николай) и с субстратным аляскинским русским (Кадьякский архипелаг);

- старшего поколения (elders) и более младших поколений, усваивавших английский с самого детства как родной.

Более того, в исследовании на основании имеющихся материалов затрагивается вопрос о том, что могло в большей степени повлиять на формирование специфических характеристик аляскинского английского представителей упомянутых групп: неполное усвоение английского языка или черты родных языков.

Термин *Alaskan English* в контексте этого исследования не включает в себя английский, на котором говорят белые переселенцы с основной территории США (Lower 48), но который, безусловно, повлиял на английский аборигенного населения. В рамках статьи английский коренных жителей Аляски сопоставляется со стандартным английским языком, однако в контексте этого сравнения встает вопрос о том, как толкуется термин *стандартный английский*.

В мире существует достаточно большое количество вариантов английского языка [Smith, 1976; Kachru, 1986; Proshina, Nelson, 2020]. В локальных сообществах функционируют региональные разновидности английского, как правило возникающие как результат интерференции в местах контактирования этнических групп-носителей разных языков. С этим явлением тесно связана креолизация – формирование и закрепление нового варианта путем вза-

имодействия и смешения особенностей языков различных контактирующих сообществ [Иванова, 2017; Hickey, 2010]. Изучением различных вариантов английского языка занимается контактная вариантология – направление лингвистики, в основе которого находится теория World Englishes (WE) [Kachru, 1961; Беляева, Потапова, 1961; Kachru, Smith, 1985; Kachru, 1986; Discourse Across Cultures..., 1987; World Englishes 2000, 1997; Proshina, Nelson, 2020]. Согласно Баджу Качру, все существующие современные варианты английского языка можно классифицировать следующим образом:

- варианты Внутреннего круга, обслуживающие основную часть функций в сообществе, являющиеся первыми или родными для значительной доли населения и предстающие в виде источника языковых норм для других разновидностей;

- варианты Внешнего круга, обычно выступающие в качестве вторых официальных языков и несущие потенциал для изменений и развития языковых норм;

- варианты Расширяющегося круга, используемые как универсальное средство общения в различных ситуациях межкультурной коммуникации и применяющие сочетания норм других языковых вариантов [Kachru, Smith 1985].

Хотя точное и единое определение стандартного английского дать не представляется возможным, чаще всего он характеризуется через призму общепринятых литературных норм в англоязычных странах [Thorne, 1997]. Идеи о том, что является стандартным английским и как он отличается от нестандартных вариантов, были изложены Питером Традгиллом и Джин Ханной. Согласно авторам, стандарт имеет ряд грамматических черт, выделяющих его среди других разновидностей.

1. В стандартном английском не существует границы между прошедшими формами глагола *to do* в значениях вспомогательного и основного глагола, в обоих случаях прошедшее время обозначается формой *did*. В отличие от стандарта, в других диалектах и социолектах языка эти формы часто различны (например, в случае основного глагола прошедшее время может передаваться формой *done*).

2. В стандартном английском отсутствует отрицательное согласование – явление, распространенное в многих других разновиднос-

тях и характеризующееся употреблением предикатного отрицания в предложениях с отрицательными местоимениями или наречиями. Его непосредственным выражением служат те случаи двойного отрицания, при которых в одном предложении для передачи отрицания (а не противоположного смысла, как в случае словосочетания *not impossible*) используется более одной его грамматической формы.

3. Возвратные местоимения в стандартном варианте английского в некоторых случаях имеют нерегулярные формы, базирующиеся на притяжательных местоимениях (например, *ourselves*); в остальных случаях они образуются от объектных местоимений (например, *themselves*). В нестандартных разновидностях от притяжательных местоимений могут образовываться все возвратные местоимения (например, *theirselves*).

4. Форма прошедшего времени неправильного глагола *to be* в стандарте различается в единственном и множественном числе, в то время как в других диалектах и социолектах одна форма (*was* или *were*) используется во всех случаях.

5. В отличие от стандартного английского, в других разновидностях нередко разделяются формы глаголов прошедшего времени и перфектные формы исключительно по наличию или отсутствию вспомогательного глагола *have*, при этом причастия прошедшего времени часто функционируют без него в значении Past Simple (например, *I seen*) [Trudgill, Hannah, 2008].

Следует отметить, что, поскольку Аляска является частью США, особенности местного английского целесообразно рассматривать относительно стандартного североамериканского английского, который, в свою очередь, обладает некоторыми характеристиками (помимо произношения и написания), не присущими, например, британскому стандарту. П. Традгилл выделяет некоторые различия североамериканского варианта от британского:

- часто встречающееся образование форм прошедшего времени некоторых неправильных глаголов по образцу правильных глаголов (например, *dreamed*) и наоборот (например, *gotten*);

- употребление предлогов с определенными глаголами;

- окончания некоторых производных слов (например, *candidature / candidacy*);

- исчисляемость и неисчисляемость определенных существительных, а также образование нулевого множественного числа там, где в британском английском употреблялось бы простое множественное;

- употреблении артиклей в некоторых случаях (например, *to be at a university*).

В исследовании применялись элементы контент-анализа, что позволило выявить совокупность наиболее значимых тем, представленных в интервью респондентов.

Нарративный анализ, позволяющий помимо тематической структуры определить специфику развития темы, вычленив ключевые события, их эмоциональную оценку, связность и отчасти беглость языка, использовался как инструмент для различения текстовой и стоящей за ней экспериенциальной реальности.

Данные методы были применены не только для оценивания результатов языкового сдвига, но и для описания особенностей формирования аляскинского английского у разных поколений жителей, а также сравнения условий усвоения английского языка, претерпевшего изменения в местных сообществах.

Результаты

В данном разделе характеризуются обнаруженные особенности аляскинского английского, а также приводятся примеры из речи информантов. В текстовых примерах полужирным шрифтом выделены фрагменты, являющиеся целевыми для анализа; паузы разной длины обозначены точками («.», «...»), а знаком «=>» обозначены обрывы слов или фраз. Каждый пример сопровождается указанием на принадлежность информанта к определенной группе и поколению («Н» – пос. Николай, «К» – пос. Кадьяк; «1» – старшее поколение, «2» – более молодое поколение). Отметим, что большинство примеров из интервью кадьякских креолов принадлежат именно старшему поколению в силу их большей репрезентативности, особенности в молодых группах выражены в меньшей степени.

Передача времени и аспектуальной характеристики действия

Одной из особенностей, замеченных в нарративах коренных жителей, является попере-

менное использование глаголов в формах прошедшего и настоящего времени (как правило в формах Past Simple / Continuous и Present Simple / Continuous) при повествовании об эпизодах из прошлого информантов, что иллюстрируют примеры (1) и (2). Часто глаголы в данных формах совмещаются в одном развернутом предложении. В случаях употребления глаголов в формах настоящего времени значение прошедшего времени в высказываниях можно установить лишь по окружающему контексту. Данное явление представляет собой именно неразличение форм глагола, а не целенаправленное употребление времени Present Historical в рассказах. В чередовании временных форм информантами как правило не прослеживается очевидной цели передать драматичность момента, и рассказ не похож на обобщенное краткое изложение событий. Более того, в использовании времен отсутствуют четкие закономерности. Также в нарративах могут чередоваться показатели времен Future Simple и Future in the past, например в (3).

(1) They **go** trapping and .. I **babysit** my little brother . baby brother ... Mom **have** a different line . and my dad **have** different line . just walk and smash it. (H1);

(2) It **was** a . black spruce .. it **jump** on that one . and **knock** out . then I **start** backing off . then it **jump** at me .. (H1);

(3) ...they **got** vans and we **will** go down to California... (H1).

Данная черта оказалась наиболее выражена у старшего поколения атабасков, что возможно объяснить несколькими факторами. Во-первых, в силу того, что языковой сдвиг в пос. Николае происходил быстрыми темпами, в речи местных жителей могут находить отражение следы неполного усвоения английского языка, обусловленные также и трудностью его освоения во взрослом возрасте. Во-вторых, нельзя отрицать потенциальное влияние коренного языка информантов – верхнекускоквимского – на выражение временных и аспектуальных характеристик. В атабаскских языках развита система видовых показателей. Будущее время выражается определенными комбинациями морфем (префиксов и т. д.), но формы прошедшего и настоящего времени глаголов заменяются видовыми показателями перфектива и импер-

фектива, окруженных сопутствующими контекстуальными маркерами (см. об этом: [Thompson, 1984]).

Приведенные примеры (1) и (2) показывают, что одна и та же форма глагола употребляется как в значении единственного, так и в значении множественного числа, что подробнее будет рассмотрено ниже.

В речи молодого поколения атабасков также встречается совмещение времен, причем вне зависимости от того, слышали ли информанты верхнекускоквимский язык в детстве или нет:

(4) It **was** kind of hard . but (um) I **get** through . so. (H2);

(5) We **spoke** it and **understand** it (H2);

(6) It **starts** at 6 o'clock in the mornings. cause I **was going** to school during that time. (H2).

Следовательно, можно сделать вывод, что те черты английского языка, которые возникли при языковом сдвиге у их родителей в силу неполного усвоения и/или интерференции с местным языком, закрепились и передаются из поколения в поколение.

Среди поделившихся рассказами креолов архипелага Кадьяк, несмотря на их более давнее, продолжительное и близкое знакомство с английским, тоже встретились случаи попеременного использования обозначенных времен в повествовании:

(7) Then they **go** back to Seattle after s= the cannery **was** that's only when they **did** fish then you know. Then they **started** to get into crab and all that stuff then they all **start** coming working in the canneries. (K1);

(8) Later on it **became** English when the (uh) new= newer priest **come** (K1).

В данной ситуации и местная разновидность аляскинского русского, и язык алютиков имеют грамматикализованное маркирование настоящего и прошедшего времен, поэтому можно сделать вывод, что неполное усвоение английского языка сыграло более значительную роль в появлении и закреплении паттерна [Bergelson, Kibrik, 2010; Reed et al., 1978].

Употребление never как маркера отрицания в прошедшем времени

В нарративах атабаскского населения пос. Николая, в особенности в рассказах стар-

шого поколения, представлены случаи специфического выражения отрицания в простом прошедшем времени:

(9) I **never think** anything about river might be danger . and eh .. (H1);

(10) I **never like** to go to church cause it was all in Russian. (K1).

Для построения отрицания многие информанты заменяют более распространенную конструкцию, включающую вспомогательный глагол *do* в форме прошедшего времени и отрицательную частицу (то есть, *did not*), наречием *never*, после которого также идет смысловой глагол в начальной форме. Данная черта не имеет очевидных корней в грамматике верхнекусоквимского языка и не является обязательной и типичной характеристикой креолизационных процессов в региональных вариантах английского языка, поэтому представляет определенный интерес. Тот же способ выражения отрицания в прошедшем времени был обнаружен и в речи представителей кадьякских креолов, однако в силу отличающихся условий усвоения английского эта особенность встречалась гораздо реже.

Показатели единственного и множественного числа

В транскриптах интервью информантов из всех этнических групп и поколений отмечены случаи специфического употребления показателей числа. В нарративах информантов из пос. Николай наблюдается употребление одной формы смысловых и вспомогательных глаголов вместе с существительными единственного и множественного числа, а также опускание окончания *-s* в исчисляемых существительных во множественном числе, что может нередко встречаться в креолизованных разновидностях благодаря процессам упрощения, подробнее описанным в части «Дискуссия» данной статьи.

(11) I would say change **spoil** people (H1);

(12) ...so . us **older kids has** to go . take turns in making fire at school (H1);

(13) There **was books** from Ray Collins and Betty. (H2).

В некоторых случаях наблюдается нетипичное явление гиперкоррекции: информанта-

ми к неправильным формам множественного числа существительных во избежание потенциальной ошибки добавляется дополнительный показатель, свойственный правильным формам – окончание *-s*:

(14) we were eighteen kids . eighteen **childrens**. (H1).

Такое «удваивание» показателей не свойственно упрощению, имеющему место при креолизации. Можно предположить, что гиперкоррекция связана с неполным усвоением английского языка.

Эта особенность проявляется и в рассказах жителей Кадьяка. Наиболее яркими и часто повторяющимися примерами могут послужить несоответствия между числом существительного или наречия и формой вспомогательного глагола (*is – are*).

(15) **We are member** of a= a native corporation (K1);

(16) **There's really many**== **there's** not really **many** (uh) fluent **native** (K1);

(17) There **was four priests** (K1).

Употребление определенных и неопределенных артиклей

В рассказах респондентов всех рассмотренных групп наблюдается тенденция к нестандартному употреблению артиклей. Например, неопределенный артикль *a* может использоваться вместе с неисчисляемым существительным. Помимо этого, в большом количестве случаев артикли перед существительными опускались:

(18) It **was framed** building with uh insulation. (H2);

(19) I didn't understand what they were reading in Russian and I was **altar boy** (K1);

(20) ...we just make **a dough**... (H1).

Данный факт может быть объяснен как неполным усвоением английского, так и особенностями коренных языков и аляскинского русского, в которых отсутствуют артикли или похожие на них языковые элементы, что могло вызывать затруднения у аборигенных жителей.

Употребление двойных отрицаний

В транскриптах интервью представителей старших поколений были зафиксированы случаи использования двойного отрицания в предложениях. Наиболее часто в рассказах встречались отрицательные формы вспомогательного глагола *do* в настоящем или простом прошедшем времени вместе с местоимением *nothing*, а также комбинации упомянутого *nothing* с местоимением *nobody*.

(21) I **don't want nothing**; You know they== they **don't know nothing** about Alaska (K1);

(22) they **didn't say nothing**. no they **didn't say nothing** (K1);

(23) **nobody** does **nothing no more** (K1).

Большое количество таких примеров найдено в рассказах жителей архипелага Кадьяк. Наряду с усвоением английского языка также возможно в качестве объяснения упомянуть то, что бывший *lingua franca* территории, аляскинский русский, допускает использование двойного отрицания в предложениях, следовательно, невозможно полностью исключить влияние распространенных в регионе до прихода англоязычного населения языков.

В примере (23) можно заметить, что имеет место даже не двойное, а тройное отрицание, выраженное наречием «no more».

Лексические особенности

Отличительной чертой аляскинского английского, отображенной в исследованных материалах, предстает специфическая для местности (непосредственно местах проживания коренных жителей Аляски и смежных территорий) лексика. Расселл Табберт использовал термин «аляскианизмы» («alaskianisms»), описывая данные лексические единицы, включающие в себя обозначения природных явлений, занятий, профессий, зданий, продуктов питания, транспортных средств и др., прежде всего заимствованных из русского и аборигенных языков. В транскриптах интервью из пос. Николая и в рассказах кадьякских креолов (Tabbert, 1991) представлены «аляскианизмы», в подавляющем большинстве случаев представлены именами существительными:

(24) **salmonberry pie** (K1);

(25) We have . a little **cache** uh ... It's like a little cabin up high ... off the ground... (H1);

(26) ...that's why everybody started into **dog mushing** (H2).

В нарративах жителей Кадьякского архипелага также присутствует значительное количество слов из аляскинского русского, что подчеркивает важность русского наследия на территории:

(27) I used to be a **starosta** and they used to come to the church and look at St. Herman's Relic. (K1);

(28) And then we go to **banya** with the women. (K1);

(29) The good food they have after it all. they got all kinda **p'iryg** (K1).

Дискуссия

В предыдущей части статьи были приведены основные черты для аляскинского английского. Однако актуальным остается вопрос об уникальности аляскинского идиома или реализации в нем универсальных паттернов в сравнении с другими региональными разновидностями английского, закрепившимися в поколениях и часто не связанными с рассматриваемым регионом исторически, культурно или территориально. Например, в афроамериканском английском, как и в английском жителей Карибского бассейна, представлены черты, схожие с характеристиками аляскинской разновидностью английского, появившиеся либо в силу неполного усвоения, либо при интерференции с языками-субстратами [Sand, 1999; Wolfram, Thomas, 2002; Green, 2002; Mallinson, Wolfram, 2002; Deuber, 2014]:

– отсутствие окончания *-ed* в прошедшем времени у правильных глаголов;

– опускание окончания *-s* в третьем лице;

– употребление *was* с подлежащим во множественном числе;

– двойное или тройное отрицание;

– употребление неисчисляемых существительных по образцу исчисляемых.

Рассмотренные социолингвистические данные (см.: раздел «Результаты») соотносятся с фундаментальной работой Питера Традгилла, содержащей основные положения об изменении языков и формировании регио-

нальных разновидностей в условиях языковых контактов (см.: [Trudgill, 2011]). В частности, в труде упоминается модель, с помощью которой возможно обосновать схожесть аляскинского английского с некоторыми другими региональными вариантами. В процессах, происходивших с региональными разновидностями английского языка, существенную роль играло упрощение (*simplification*), механизм которого описан Традгиллом, а также Мюльхауслером и Фергюсоном на основе изучения становления пиджинов и креолов. Согласно исследованию данных авторов, упрощение включает в себя следующие обязательные этапы:

– регуляризация нестандартных форм в языках (то есть неправильных глаголов, множественных форм и т. д.);

– устранение алломорфов, а также повышение уровня лексической и морфологической «прозрачности», с помощью которой становится легче установить связь между семантическими и грамматическими категориями и их выражением;

– устранение синтагматической и парадигматической избыточности (степень которой зависит от типов и интенсивности происходящих языковых процессов: языковых контактов, сдвигов и т. д.). В случае синтагматики исчезает повторение определенной информации многочисленными сигналами (например, выражение рода или множественного числа несколькими показателями). Устранение парадигматической избыточности влечет за собой постепенную утрату некоторых морфологически выражаемых грамматических категорий (например, рода) [Mühlhäusler, 1977; Ferguson, 1971; Trudgill, 2011].

Как правило, процессы упрощения происходят при стремительных языковых изменениях и в большей степени проявляются именно у индивидов, приступивших к изучению нового языка в менее «восприимчивом», взрослом возрасте, что приводит к неполному усвоению нового языка. Однако при более длительном контакте носителей разных языков, приводящем к становлению билингвизма, и начале процесса усвоения нового языка в детском возрасте со временем может возникать и процесс усложнения языка, находящий отражение в основном в лексическом аспекте [Trudgill, 2011].

Несмотря на общие черты и механизмы формирования аляскинского английского и других упомянутых разновидностей языка, обнаруженные особенности имеют нюансы, присущие только тому или иному идиому. Отметим, что английский коренных жителей Аляски характеризуется большей связью с наследием языков-субстратов, чем карибский и афроамериканский варианты, для которых не удалось доказать значимого влияния автохтонных языков. Благодаря более выраженному влиянию коренных языков и аляскинского русского на речь жителей, частично продемонстрированному в работе, черты аляскинского английского можно считать уникальными.

Заключение

Аляскинский английский – сложный феномен, сформировавшийся в результате соединения характеристик типологически различных языков-субстратов, социолектов и диалектов белых переселенцев разного происхождения, владеющих английским, русским и другими языками, а также характеристик, присущих сообществам с неполным усвоением английского языка. Результаты проведенного анализа речевого материала позволили выявить особенности аляскинской разновидности английского языка, однако однозначно установить причину возникновения многих черт данного идиома не представляется возможным. В некоторых случаях в качестве доминирующего фактора выступают нюансы усвоения английского языка, несмотря на то, что информанты проходили обучение при различных исторически обусловленных обстоятельствах. Помимо этого, наличие схожих с разнообразными идиомами черт подчеркивает важность сопоставления аляскинского английского с другими разновидностями английского языка как потенциального направления будущих исследований.

Дополнительно необходимо отметить, что работа охватывает значительный объем материала, однако в силу малоизученности явления также открывает широкие перспективы не только для поиска ответов на обозначенные вопросы, но и для дальнейшего сбора данных и их анализа по целому ряду направлений. В частности, представляется

целесообразным дальнейшее сопоставление различных процессов, происходивших в регионах проживания аборигенных народов Аляски, предположительно оказавших влияние на неоднородность их речи на аляскинском английском, а также сопоставления речи разных поколений местных жителей. В качестве дополнительного направления можно выделить анализ нарративов согласно теории вежливости, например, с точки зрения стра-

тегий дистанцирования и сближения, побудительных речевых актов, выражения мнения и оценки.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at HSE University.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева Т. М., Потапова И. А., 1961. Английский язык за пределами Англии. Ленинград : Учпедгиз. 152 с.
- Бергельсон М. Б., Кибрик А. А., 2018. Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 54. С. 29–41.
- Голомидова П. С., Сабуров А. А., 2016. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы // Арктика и Север. № 25. С. 61–77.
- Григорьева А. А., Бергельсон М. Б., 2024а. Аляскинский английский: этнические, культурные и поколенческие особенности // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. № 17 (5). С. 993–1004.
- Григорьева А. А., Бергельсон М. Б., 2024б. Аляскинский английский: контексты и условия формирования // Russian Journal of Linguistics. Т. 28, № 3. С. 680–705. DOI: 10.22363/2687-0088-37951
- Иванова А. М., 2017. Контактная вариантология как новая лингвистическая парадигма: некоторые актуальные вопросы преподавания английского языка в высшей школе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 4 (28). С. 72–78.
- Петров А. Ю., 2016. История и наследие Русской Америки: проблемы, направления, перспективы исследований // Новая и новейшая история. № 5. С. 177–182.
- Шейна И. М., Сидорина Е. И., 2020. Русские заимствования в языках коренных народов Аляски как отражение историко-культурного наследия Русской Америки // Вестник Томского государственного университета. № 457. С. 53–60. DOI: 10.17223/15617793/457/6
- Alton T. L., 1998. Federal Policy and Alaska Native Languages Since 1867. Fairbanks : University of Alaska. 391 p.
- Barnhardt C., 2001. A History of Schooling for Alaska Native People // Journal of American Indian Education. Vol. 40, № 1. P. 1–30.
- Bergelson M., 2019. Maintaining Tradition: Thematic and Structural Coherence in Personal Stories by Northern Athabaskans // Anthropological Linguistics. Vol. 61, № 2. P. 183–219.
- Bergelson M., Kibrik A., 2010. The Ninilchik Variety of Russian: Linguistic Heritage of Alaska // Slavica Helsingiensia. № 40. P. 320–335.
- Black L., 1990. Creoles in Russian America // Pacifica. Vol. 2, № 2. P. 142–155.
- Black L., 1996. Ivan Pan'kov architect of Aleut literacy // An Alaska Anthology: Interpreting the Past. Washington : University of Washington Press. P. 43–65.
- Burch E. S., Correll T.C., 1972. Alliance and Conflict: Inter-Regional Relations in North Alaska // Alliance in Eskimo Society. Proceedings of The American Ethnological Society. Supplement. Seattle : University of Washington Press. P. 17–39.
- Collins R. L., 2004. Dichinaneq' Hwt'ana: A History of the People of the Upper Kuskokwim Who Live in Nikolai and Telida, Alaska. McGrath : [s. n.]. 157 p.
- Dauenhauer R., 1997. Conflicting Visions in Alaskan Education. Fairbanks : University of Alaska. 48 p.
- Deuber D., 2014. English in the Caribbean: Variation, Style and Standards in Jamaica and Trinidad. Studies in English Language. New York : Cambridge University Press. 283 p.
- Discourse Across Cultures: Strategies in World Englishes, 1987 / ed. by L. E. Smith. London : Prentice Hall. 185 p.

- Ferguson Ch. A., 1971. Absence of Copula and the Notion of Simplicity: A Study of Normal Speech, Baby Talk, Foreigner Talk, and Pidgins // *Pidginisation and Creolisation of Languages*. Cambridge : Cambridge University Press. P. 141–150.
- Green L. J., 2002. *African American English: A Linguistic Introduction*. Cambridge : Cambridge University Press. 285 p.
- Handbook of North American Indians: Subarctic, 1981* / ed. by J. Helm. Washington : Smithsonian Institution. Vol. 6. 837 p.
- Haycox S. W., 2002. *Alaska: An American Colony*. Seattle : University of Washington Press. 440 p.
- Hickey R., 2010. *The Handbook of Language Contact*. Malden, Massachusetts : Wiley-Blackwell. 863 p.
- Jones A., Tarlow M. C., 2013. *Alaskan Language and Literacy Instruction: Dialect Attitudes* // Conference: American Educational Research Association. San Francisco : [s. n.]. P. 1–20.
- Kachru B. B., 1961. *An Analysis of Some Features of Indian English: A Study of Linguistic Method*. Unpublished Doctoral Dissertation. Edinburgh : University of Edinburgh. 145 p.
- Kachru B. B., 1986. *The Alchemy of English: The Spread, Functions, and Models of Non-Native Englishes*. Oxford : Pergamon Press. 200 p.
- Kachru B. B., Smith L. E., 1985. Editorial // *World Englishes*. Vol. 4, iss. 2. P. 209–212.
- Mallinson C., Wolfram W., 2002. *Dialect Accommodation in a Bi-Ethnic Mountain Enclave Community: More Evidence on the Development of African American Vernacular English* // *Language in Society*. № 31. P. 743–775.
- McClellan C., 1964. *Culture Contacts in the Early Historic Period in Northwestern North America* // *Arctic & Anthropology*. Vol. 2, № 2. P. 3–15.
- Mühlhäusler P., 1977. *Pidginisation and Simplification of Language*. Canberra : Pacific Linguistics. 168 p.
- Oleksa M. J., 1990. *The Creoles and Their Contributions to the Development of Alaska* // *Russian America: The Forgotten Frontier*. Tacoma : Washington State Historical Society. P. 185–195.
- Oleksa M. J., 1992. *Orthodox Alaska: A Theology of Mission*. Crestwood : St. Vladimir's Seminary Press. 252 p.
- Oswalt W. H., 1963. *Mission of Change in Alaska: Eskimos and Moravians on the Kuskokwim*. San Marino : Henry Huntington Library. 170 p.
- Proshina Z. G., Nelson C. L., 2020. *Varieties of English and Kachru's Expanding Circle* // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 24, iss. 3. P. 523–550.
- Pullar G., 2013. *The Legacy of the Russian-American Company and the Implication of the Alaska Native Claims Settlement Act in the Kodiak Island Area of Alaska* // *Ethnohistory*. Vol. 60, № 3. P. 403–417. DOI: 10.1215/00141801-2140695
- Reed I., Miyaoka O., Jacobson S. A., Paschal A., Krauss M. E., 1978. *Yupik Eskimo Grammar*. Fairbanks : University of Alaska. 351 p.
- Ringsmuth K. J., 2007. *Beyond the Moon Crater Myth: A New History of the Aniakchak Landscape: A Historic Resource Study for Aniakchak National Monument and Preserve*. [S. l. : s. n.]. 316 p.
- Sand A., 1999. *Linguistic Variation in Jamaica: A Corpus-Based Study of Radio and Newspaper Usage*. Tübingen : G. Narr. 197 p.
- Smith L. E., 1976. *English as an International Auxiliary Language* // *RELC Journal*. Vol. 7, № 2. P. 38–43.
- Thompson Ch., 1984. *Athabaskan Languages and the Schools: A Handbook for Teachers*. Juneau : Alaska Department of Education. 85 p.
- Thorne S., 1997. *Mastering Advanced English Language*. Basingstoke : Macmillan. 488 p.
- Trudgill P., 2011. *Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity*. Oxford : Oxford University Press. 236 p.
- Trudgill P., Hannah, J., 2008. *International English: A Guide to Varieties of English Around the World*. New York : Routledge. 163 p.
- Wolfram W., Thomas E.R., 2002. *The Development of African American English*. Oxford : Blackwell. 237 p.
- World Englishes 2000, 1997* / ed. by L. E. Smith, M. L. Forman. Honolulu : University of Hawaii Press. 255 p.
- Znamenski A., 1998. *Native Culture Through Orthodox Eyes: Russian Missionary Ioann Bortnovsky on the Dena'ina and Ahtna, 1896–1907* // *Alaska History*. № 13. P. 1–26.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Кибрик А. А., Бергельсон М. Б., Раскладкина М. К. Транскрибирование и социолингвистический анализ полевых и архивных данных (на материале аляскинского русского языка) : учеб.-метод. пособие для студентов-практикантов. Москва : Ин-т языкознания РАН, 2024. 65 с.
- Разумовский И. В. Уступка Россией Аляски США и закат Русской Америки // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2015. № 2. С. 15–26.
- Carruthers J. B. Language Survey of Entering Primary Students (Rural Schools). Juneau : Alaska Department of Education Office of Planning & Research, 1970. 13 p.
- Jerabek C. L. Russian Impact on Cultural Identity and Heritage in the Middle Kuskokwim Region of Alaska : PhD Diss. Fairbanks, 2014. 303 p.
- Rodli A.. North of Heaven. A Teaching Ministry Among the Alaskan Indians. Chicago : Moody Press, 1963. 189 p.
- Tabbert R. Dictionary of Alaskan English. Juneau : Denali Press, 1991. 294 p.
- Vinkovetsky I. The Voyages Between Sitka and St. Petersburg and the Ethnic Policies of the Russian-American Company : Paper Presented at the Meeting of the 2010 International Conference on Russian America. Sitka, Alaska, 2010. P. 89–97.

REFERENCES

- Beliayeva T.M., Potapova, I.A., 1961. *Angliyskiy yazyk za predelami Anglii* [English Beyond England]. Leningrad, Uchpedgiz Publ. 152 p.
- Bergelson M.B., Kibrik A.A., 2018. Russkiy yazyk na beregah zaliva Kuka: samoidentifikatsiya kultury v usloviyah izolyatsii [The Russian Language in the Cook Inlet Area: Self-Identification in the Situation of Cultural Isolation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 54, pp. 29-41.
- Golomidova P.S., Saburov A.A., 2016. Gosudarstvennaya politika v otnoshenii korennykh narodov Alyaski: istoricheskiy obzor i sovremennyye problemy [State Policy Towards Indigenous Peoples of Alaska: Historical Review and Contemporary Issues]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], no. 25, pp. 61-77.
- Grigoryeva A.A., Bergelson M.B., 2024a. Alyaskinskiy angliyskiy: etnicheskiye, kulturnyye i pokolencheskiye osobennosti [Alaskan English: Regional, Generational, Ethnic and Cultural Peculiarities]. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], no. 17 (5), pp. 993-1004.
- Grigoryeva A.A., Bergelson M.B., 2024b. Alyaskinskiy angliyskiy: konteksty i usloviya formirovaniya [Alaskan English: Contexts and Conditions of Emergence]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 28, no. 3, pp. 680-705. DOI: 10.22363/2687-0088-37951
- Ivanova A.M., 2017. Kontaktnaya variantologiya kak novaya lingvisticheskaya paradigma: nekotorye aktualnyye voprosy prepodavaniya angliyskogo yazyka v vysshey shkole [Contact Variation as a New Linguistic Paradigm: Some Current Issues in Teaching English in Higher Education]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie* [Moscow City University Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], no. 4 (28), pp. 72-78.
- Petrov A.Yu., 2016. Istoriya i nasledie Russkoy Ameriki: problemy, napravleniya, perspektivy issledovaniy [Historical and Cultural Heritage of Russian America: Issues, Trajectories, Research Perspectives]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], no. 5, pp. 177-182.
- Sheina I.M., Sidorina E.I., 2020. Russkiye zaimstvovaniya v yazykakh korennykh narodov Alyaski kak otrazheniye istoriko-kulturnogo naslediya Russkoy Ameriki [Russian Borrowings in the Languages of Alaska Indigenous Peoples as a Manifestation of the Historical and Cultural Heritage of Russian America]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 457, pp. 53-60. DOI: 10.17223/15617793/457/6
- Alton T.L., 1998. *Federal Policy and Alaska Native Languages Since 1867*. Fairbanks, University of Alaska. 391 p.
- Barnhardt C., 2001. A History of Schooling for Alaska Native People. *Journal of American Indian Education*, vol. 40, no. 1, pp. 1-30.
- Bergelson M., 2019. Maintaining Tradition: Thematic and Structural Coherence in Personal Stories by Northern Athabaskans. *Anthropological Linguistics*, vol. 61, no. 2, pp. 183-219.

- Bergelson M., Kibrik A., 2010. The Ninilchik Variety of Russian: Linguistic Heritage of Alaska. *Slavica Helsingiensia*, no. 40, pp. 320-335.
- Black L., 1990. Creoles in Russian America. *Pacifica*, vol. 2, no. 2, pp. 142-155.
- Black L., 1996. Ivan Pan'kov Architect of Aleut Literacy. *An Alaska Anthology: Interpreting the Past*. Washington, University of Washington Press, pp. 43-65.
- Burch E.S., Correll T.C., 1972. Alliance and Conflict: Inter-Regional Relations in North Alaska. *Alliance in Eskimo Society. Proceedings of The American Ethnological Society. Supplement*. Seattle, University of Washington Press, pp. 17-39.
- Collins R.L., 2004. *Dichinane' Hwt'ana: A History of the People of the Upper Kuskokwim Who Live in Nikolai and Telida, Alaska*. McGrath, s.n. 157 p.
- Dauenhauer R., 1997. *Conflicting Visions in Alaskan Education*. Fairbanks, University of Alaska. 48 p.
- Deuber D., 2014. *English in the Caribbean: Variation, Style and Standards in Jamaica and Trinidad. Studies in English Language*. New York, Cambridge University Press. 283 p.
- Smith L.E., ed., 1987. *Discourse Across Cultures: Strategies in World Englishes*. London, Prentice Hall. 185 p.
- Ferguson Ch.A., 1971. Absence of Copula and the Notion of Simplicity: A Study of Normal Speech, Baby Talk, Foreigner Talk, and Pidgins. *Pidginisation and Creolisation of Languages*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 141-150.
- Green L.J., 2002. *African American English: A Linguistic Introduction*. Cambridge, Cambridge University Press. 285 p.
- Helm J., ed., 1981. *Handbook of North American Indians: Subarctic*. Washington, Smithsonian Institution. Vol. 6. 837 p.
- Haycox S.W., 2002. *Alaska: An American Colony*. Seattle, University of Washington Press. 440 p.
- Hickey R., 2010. *The Handbook of Language Contact*. Malden, Massachusetts, Wiley-Blackwell. 863 p.
- Jones A., Tarlow M. C., 2013. Alaskan Language and Literacy Instruction: Dialect Attitudes. *Conference: American Educational Research Association*. San Francisco, s.n., pp. 1-20.
- Kachru B.B., 1961. *An Analysis of Some Features of Indian English: A Study of Linguistic Method. Unpublished Doctoral Dissertation*. Edinburgh, University of Edinburgh. 145 p.
- Kachru B.B., 1986. *The Alchemy of English: The Spread, Functions, and Models of Non-Native Englishes*. Oxford, Pergamon Press. 200 p.
- Kachru B.B., Smith, L.E., 1985. Editorial. *World Englishes*, vol. 4, iss. 2, pp. 209-212.
- Mallinson C., Wolfram W., 2002. Dialect Accommodation in a Bi-Ethnic Mountain Enclave Community: More Evidence on the Development of African American Vernacular English. *Language in Society*, no. 31, pp. 743-775.
- McClellan C., 1964. Culture Contacts in the Early Historic Period in Northwestern North America. *Arctic & Anthropology*, vol. 2, no. 2, pp. 3-15.
- Mühlhäusler P., 1977. *Pidginisation and Simplification of Language*. Canberra, Pacific Linguistics. 168 p.
- Oleksa M.J., 1990. The Creoles and Their Contributions to the Development of Alaska. *Russian America: The Forgotten Frontier*. Tacoma, Washington State Historical Society, pp. 185-195.
- Oleksa M.J., 1992. *Orthodox Alaska: A Theology of Mission*. Crestwood, St. Vladimir's Seminary Press. 252 p.
- Oswalt W.H., 1963. *Mission of Change in Alaska: Eskimos and Moravians on the Kuskokwim*. San Marino, Henry Huntington Library. 170 p.
- Proshina Z.G., Nelson C.L., 2020. Varieties of English and Kachru's Expanding Circle. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, iss. 3, pp. 523-550.
- Pullar G., 2013. The Legacy of the Russian-American Company and the Implication of the Alaska Native Claims Settlement Act in the Kodiak Island Area of Alaska. *Ethnohistory*, vol. 60, no. 3, pp. 403-417. DOI:10.1215/00141801-2140695
- Reed I., Miyaoka O., Jacobson S.A., Paschal A., Krauss M.E., 1978. *Yupik Eskimo Grammar*. Fairbanks, University of Alaska. 351 p.
- Ringsmuth K.J., 2007. *Beyond the Moon Crater Myth: A New History of the Aniakchak Landscape: A Historic Resource Study for Aniakchak National Monument and Preserve*. S.I., s.n. 316 p.

- Sand A., 1999. *Linguistic Variation in Jamaica: A Corpus-Based Study of Radio and Newspaper Usage*. Tübingen, G. Narr. 197 p.
- Smith L.E., 1976. English as an International Auxiliary Language. *RELC Journal*, vol. 7, no. 2, pp. 38-43.
- Thompson Ch., 1984. *Athabaskan Languages and the Schools. A Handbook for Teachers*. Juneau, Alaska Department of Education. 85p.
- Thorne S., 1997. *Mastering Advanced English Language*. Basingstoke, Macmillan. 488 p.
- Trudgill P., 2011. *Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity*. Oxford, Oxford University Press. 236 p.
- Trudgill P., Hannah J., 2008. *International English: A Guide to Varieties of English Around the World*. New York, Routledge. 163 p.
- Wolfram W., Thomas E.R., 2002. *The Development of African American English*. Oxford, Blackwell. 237 p.
- Smith L.E., Forman M.L., eds., 1997. *World Englishes 2000*. Honolulu, University of Hawaii Press. 255 p.
- Znamenski A., 1998. Native Culture Through Orthodox Eyes: Russian Missionary Ioann Bortnovsky on the Dena'ina and Ahtna, 1896–1907. *Alaska History*, no. 13, pp. 1-26.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Kibrik A.A., Bergelson M.B., Raskladkina M.K. *Transkribovaniye i sotsiolingvisticheskiy analiz polevyh i arkhivnyh dannyh (na materiale alyaskinskogo russkogo yazyka): ucheb.-metod. posobie dlya studentov-praktikantov* [Transcription and Sociolinguistic Analysis of Field and Archival Data (The Case of Alaskan Russian). Teaching Manual for Student Interns]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN, 2024. 65 p.
- Razumovskiy I.V. Ustupka Rossiiy Alyaski SShA i zakat Russkoy Ameriki [Russia's Concession of Alaska to the United States and the Decline of Russian America]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kulturny, smysly* [Lokus: People, Society, Cultures, Meanings], 2015, no. 2, pp. 15-26.
- Carruthers J.B. *Language Survey of Entering Primary Students (Rural Schools)*. Juneau, Alaska Department of Education Office of Planning & Research, 1970. 13 p.
- Jerabek C.L. *Russian Impact on Cultural Identity and Heritage in the Middle Kuskokwim Region of Alaska: PhD Diss.* Fairbanks, 2014. 303 p.
- Rodli A. *North of Heaven. A Teaching Ministry Among the Alaskan Indians*. Chicago, Moody Press, 1963. 189 p.
- Tabbert R. *Dictionary of Alaskan English*. Juneau, Denali Press, 1991. 294 p.
- Vinkovetsky I. *The Voyages Between Sitka and St. Petersburg and the Ethnic Policies of the Russian-American Company. Paper Presented at the Meeting of the 2010 International Conference on Russian America*. Sitka, Alaska, 2010, pp. 89-97.

Information About the Author

Anastasia A. Vsevolzhskaya, Postgraduate Student, HSE Doctoral School of Philology, Researcher, Centre of Sociocultural and Ethnolinguistic Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, aagrigoreva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3083-4079>

Информация об авторе

Анастасия Александровна Всеволожская, аспирант Аспирантской школы по филологическим наукам, сотрудник Центра социокультурных и этнолингвистических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, aagrigoreva@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3083-4079>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.10>

UDC 81'42:61

LBC 81.055.1

Submitted: 27.08.2025

Accepted: 02.12.2025

SPEECH FEATURES OF CLINICAL GUIDELINES FOR PARAMEDICS, MEDICAL ASSISTANTS, AMBULANCE SERVICE, AIR AND DISASTER MEDICINE STAFF

Sanya I. Madzhaeva

Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Astrakhan, Russia

Larisa A. Dzhelalova

Volga Cossack Institute of Management and Food Technology (branch) of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University), Dimitrovgrad, Russia

Nataliya A. Romanova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines speech characteristics of clinical guidelines, or recommendations, for medical assistants, ambulance service, air and disaster medicine staff. The study focuses on clinical guidelines in Russian and English used in the Russian Federation, former Soviet republics (Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan), Europe, the USA, and Australia. The application of a functional-and-stylistic approach prior to linguistic stylistic analysis has enabled the authors to classify clinical guidelines into informational, which contain advice on emergency medical care methods (their primary function is informative, aimed at specialists); and impactful, designed to guide first aid providers through a specific algorithm and help them navigate emergency situations (their primary function is regulatory, aimed at non-specialists). The study reveals a correlation between substantive, functional-and-communicative, stylistic, and linguistic features with the sphere of functioning (rapid response situations, providing medical care in extreme conditions) and the nature of the information presented in clinical guidelines (operative). The means of implementing such genre constituents as communicative purpose, functions, semantic notional dominant of the genre, linguistic explication of the genre bear close scrutiny. The texts of guidelines are analyzed with the focus on lexical, morphological, and syntactic features, as well as compositional organization. The imagery used in the guidelines is also described. The polycode and polytextual nature of clinical recommendations is demonstrated.

Key words: clinical recommendations, clinical guidelines, guideline, speech features of the text, lexis, morphology, syntax, text composition.

Citation. Madzhaeva S.I., Dzhelalova L.A., Romanova N.A. Speech Features of Clinical Guidelines for Paramedics, Medical Assistants, Ambulance Service, Air and Disaster Medicine Staff. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 136-156. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.10>

РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЛИНИЧЕСКИХ РУКОВОДСТВ ДЛЯ ПАРАМЕДИКОВ, ФЕЛЬДШЕРОВ, СОТРУДНИКОВ СЛУЖБЫ СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ, САНАВИАЦИИ И МЕДИЦИНЫ КАТАСТРОФ

Санья Ибрагимовна Маджаева

Астраханский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Астрахань, Россия

Лариса Анатольевна Джелалова

Поволжский казачий институт управления и пищевых технологий (филиал)
Московского государственного университета технологии и управления им. К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет), г. Димитровград, Россия

Наталья Анатольевна Романова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В данной статье выявлены речевые особенности клинических руководств (рекомендаций, гайдлайнов) для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой медицинской помощи, санавиации и медицины катастроф. Материалом для изучения послужили клинические руководства на русском и английском языках, применяемые в РФ, странах – республиках бывшего СССР (Беларуси, Казахстане, Узбекистане), Европе, США, Австралии. Функционально-стилевой подход на этапе, предваряющем лингвостилистический анализ, позволил классифицировать клинические руководства на: 1) содержащие информацию о способах оказания экстренной медпомощи – информационные (ведущая функция – информативная, для специалистов); 2) созданные с целью направить оказывающего первую помощь по определенному алгоритму, помочь ему сориентироваться во внештатной ситуации – воздействующие (ведущая функция – регулятивная, для неспециалистов). Установлена взаимосвязь содержательных, функционально-коммуникативных, стилистических и языковых особенностей со сферой функционирования (ситуации быстрого реагирования, оказания медицинской помощи в экстремальных условиях) с представленным в клинических руководствах характером информации (оперативная). Выделены средства реализации таких жанровых элементов, как коммуникативная цель, функции, семантико-смысловая доминанта жанра и языковое воплощение жанра. Проанализированы лексические, морфологические и синтаксические средства организации текстов руководств, их композиция, описаны используемые в гайдлайнах изобразительно-выразительные средства. Показаны поликодовость и политекстуальность поликлинических рекомендаций. *Вклад авторов.* Методологические основы исследования разработаны Л.А. Джелаловой и С.И. Маджаевой. Отбор эмпирического материала, его каталогизация и анализ осуществлены Н.А. Романовой и С.И. Маджаевой. Интерпретация результатов исследования, теоретическая и эмпирическая генерализация проведены авторами совместно.

Ключевые слова: клинические рекомендации, клиническое руководство, гайдлайн, речевые особенности текста, лексика, морфология, синтаксис, композиционная организация текста.

Цитирование. Маджаева С. И., Джелалова Л. А., Романова Н. А. Речевые особенности клинических руководств для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой медицинской помощи, санавиации и медицины катастроф // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 136–156. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.10>

Введение

Начало XXI в. отмечено поиском новых подходов к изучению языковых единиц, способам их инвентаризации. В работах современных лингвистов речевые и/или

композиционные особенности выявляются преимущественно в однородных по форме и содержанию текстах разных функциональных стилей: научном [Ремхе, 2023; Краснова, 2010], официально-деловом [Быстрова, 2022; Шарипова, 2014], публицистическом [Гага-

рина, 2013; Грачева, 2015; Болдырев, 2022], художественном [Арзямова, 2017], разговорном [Лобачёв, 2024; Пономаренко, 2013], рекламном [Шумакова, 2017; Серова, 2012], религиозно-проповедническом [Корзова, 2025; Кузьмина, 2006].

Актуальность данного исследования обусловлена растущим интересом современной лингвистики к анализу единиц, функционирующих в структурно и содержательно неоднородных текстах (поликодовых, политекстуальных), для которых характерна междискурсивная, межстилевая и межжанровая контаминация [Рябцева, Лоза, 2021, с. 139]. Она обнаруживается в большинстве такой таргет-группы текстов, как клинические руководства, или клинические рекомендации (гайдлайны – в зарубежной практике применения) для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой медицинской помощи, санавиации и медицины катастроф (специалистов с медицинским образованием, работающих в службе скорой медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях и обладающих навыками оказания экстренной медицинской помощи на догоспитальном этапе). Неоднородность таких текстов обусловлена экстралингвистическими факторами (сложность эпистемической и эмпирической ситуаций – экстренное применение медицинских знаний), она проявляется, например, в стилевой организации и адресованности, поскольку тексты предназначены как для специалистов, так и неспециалистов.

Указанная таргет-группа текстов выделяется наряду с руководствами, адресованными: 1) медицинскому персоналу высшего звена (врачам и другим специалистам, получившим высшее и послевузовское медицинское и фармацевтическое образование); 2) среднему медицинскому персоналу (так называемые сестринские гайдлайны); 3) пациентам и лицам, осуществляющим уход за ними.

В настоящее время вопрос о типологии клинических руководств (рекомендаций, гайдлайнов) остается малоизученным. Являясь документами сферы управления лечебно-диагностическим процессом, они в большинстве стран относятся либо к директивным и информационно-инструктивным (научно-методиче-

ским) типам текстов, либо входят в ядро консультативно-инструктивных текстов. С точки зрения содержательно-интенционального наполнения и языкового воплощения жанра клинические руководства можно считать когнитивно-волеитивным, коммендативным или прескриптивным типами текста с дескриптивными (описательными), нарративными (повествовательными), аргументативными (убеждающими), экспланаторными (поясняющими) элементами.

Наиболее развернутые, на наш взгляд, классификации клинических рекомендаций представлены в источниках, отражающих современную европейскую медицинскую практику (обзор см.: [Романова, 2023а, с. 184]). Например, Совет по оказанию неотложной догоспитальной помощи (далее – РНЕСС) Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии предлагает классифицировать гайдлайны, основываясь на градации навыков оказания медпомощи: от базовых действий (непрофессионалы, Citizen Care) до профессиональной реанимации (уровни Basic Life Support-Practice (BLS-P) и выше – Intermediate Life Support, Advanced Life Support, Advanced Paramedics, Critical Care Support), которая требует использования специализированных средств. В классификации, которая представлена службой скорой помощи штата Виктория (Австралия), учитываются несколько принципов: роли парамедиков и фельдшеров систематизируются с точки зрения профессиональных компетенций, условий работы (воздушные, водные парамедики, парамедики службы реагирования в дикой природе и т. д.), социально-организационных функций.

В рамках данного исследования классификация РНЕСС представляет интерес в аспекте реализации категории адресованности в выделенных группах текстов – все они характеризуются точной направленностью речевого сообщения на получателя, адресат при этом однороден в функциональном плане (является медработником или выполняет его функции в случае Citizen Care). Различия, включающие профессиональные компетенции, степень конгруэнтности (соразмерности, равенства) адресата в отношении этих компетенций, конситуативность, общность апперцепционной базы коммуникантов, об-

условливают трансформацию текстов руководств в стилевом плане.

Особняком стоят руководства для сотрудников санавиации и медицины катастроф (не во всех странах выделяются в отдельную службу), поскольку они предназначены для широкого круга адресатов (включает пилотов вертолетов или сотрудников организаций по чрезвычайным ситуациям).

Усиление роли документной составляющей в процессе оказания любой медицинской помощи (в том числе неотложной), а также недостаточная изученность текстов, находящихся на периферии жанра руководства, неизбежное размывание его границ делают актуальным поиск подходов к анализу речевых особенностей таких текстов.

Данная статья продолжает серию исследований, посвященных анализу речевых особенностей различных таргет-групп клинических руководств [Романова, 2024; Ромашова, Романова, 2026], ее целью является комплексное описание всех применяемых в медицинской практике жанрово-форматных разновидностей клинических руководств с точки зрения композиционно-речевой организации текста.

Материал и методы

Аналізу подверглись руководства для парамедиков, применяемые в РФ (101 единица), странах бывшего СССР (Беларусь – 39 единиц, Узбекистан – 12 единиц, Казахстан – 16 единиц), Европе (74 единицы), США (32 единицы), Австралии (28 единиц).

Языковой материал взят из следующих источников: «Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics» (Австралия, 2012); «Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria» (Австралия, 2010); «Clinical Practice Guidelines. ALS and MICA Paramedics» (Австралия, 2019); «Clinical Practice Protocols. First Responders» (Австралия, 2019); «Clinical Procedures and Guidelines» (Новая Зеландия, 2019); «For Pre-Hospital Emergency Care Practitioners. Field guide» (Ирландия, 2017); «For Pre-Hospital Emergency Care Practitioners. Field guide» (Ирландия, 2017); «Paramedic Clinical Practice Guidelines» (Австралия, 2013); «Pre-Hospital Emergency Care. PHECC Clinical Practice Guidelines»

(Ирландия, 2011); «Pre-hospital spinal injury management. PHECC position paper» (Ирландия, 2017); «St. John Ambulance Australia. Clinical Practice Guideline» (Австралия, 2013); «Анафилактический шок: протокол медицинских вмешательств» (Узбекистан, 2024); «Клинические протоколы оказания скорой медицинской помощи взрослому населению» (Беларусь, 2006); «Клинические протоколы оказания скорой медицинской помощи взрослому населению. Глава 2. Внезапная смерть» (Беларусь, 2006); «Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при острой дыхательной недостаточности» (РФ, 2014); «Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при кровотечении из верхних дыхательных путей (легочное кровотечение)» (РФ, 2014); «Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при синдроме внезапной смерти младенцев» (РФ, 2015); «Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при менингитах» (РФ, б. г.); «Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения» (РФ, 2014); «Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при термических ожогах глаз» (РФ, 2013); «Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при острых отравлениях» (РФ, 2014); «Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при почечной колике» (РФ, б. г.); «Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при остром аппендиците» (РФ, б. г.); «Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при повреждении глазного яблока (механическое)» (РФ, б. г.); «Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при острой головной боли» (Узбекистан, 2023); «Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при внебольничной пневмонии» (Узбекистан, 2018); «Клинический протокол “Закрытые и открытые повреждения груди. Раны сердца, пневмоторакс, ге-

моторакс”» (Казахстан, 2016); «Клинический протокол “Интенсивная терапия критических для жизни состояний (взрослое население)”» (Беларусь, 2023); «Клинический протокол “Интенсивная терапия критических для жизни состояний (взрослое население)”» (Беларусь, 2023); «Клинический протокол “Оказание экстренной и неотложной медицинской помощи пациентам детского возраста”» (Беларусь, 2023); «Клинический протокол медицинского вмешательства “Сердечно-легочная реанимация у беременных”» (Казахстан, 2025).

Тексты написаны на русском и английском языках. Источники на других языках (французский, немецкий, испанский и др.) исключены из анализируемого массива на том основании, что большая их часть представляет собой переводные и адаптированные аналоги клинических руководств, разработанных ВОЗ на английском языке. Тексты национальных руководств стран – республик бывшего Советского Союза, написанные на государственных языках, представленные небольшим количеством текстов, также исключены из материала исследования. Предварительный анализ показал, что различия между русскоязычными и англоязычными руководствами незначительны, они не влияют на жанровые параметры текстов клинических рекомендаций и ими можно пренебречь в процессе анализа лексических, грамматических и композиционных особенностей руководств.

Изучение клинических рекомендаций для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой медицинской помощи, санавиации и медицины катастроф было проведено по следующим аспектам: лексический, морфологический, синтаксический и композиционный. При выделении разноуровневых единиц – маркеров жанра (слов, словоформ, словосочетаний, предложений и др.) – применялся метод сплошной выборки; для определения факторов, в совокупности влияющих на формирование инструктивного текста: коммуникативная цель и функция гайдлайна, сфера применения (ситуации инструктирования), социальный статус, социальные роли адресанта и адресата, характер отношений между ними [Романова, 2023б]), использовались элементы коммуникативно-прагматического, функционально-прагматического и дискурсивного анализа.

Результаты и обсуждение

Целью исследования является определение особенностей композиционно-речевой организации клинических руководств для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой медицинской помощи, санавиации и медицины катастроф. Поставленная цель обусловила решение следующих задач: 1) определить коммуникативную цель и функции руководства для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой медицинской помощи, санавиации и медицины катастроф; 2) установить семантико-смысловую доминанту и «языковое воплощение» жанра руководства; 3) охарактеризовать его речевые и композиционные особенности.

Коммуникативная цель

Клинические руководства характеризуются комбинаторикой целей: с одной стороны, как инструктивный документ они направлены на информирование адресата о порядке и способах выполнения определенных действий по оказанию экстренной медицинской помощи населению (содержат рекомендованные алгоритмы либо прямые руководства к действию), с другой стороны – на убеждение адресата в необходимости их выполнения.

Функции

Структура и основные характеристики гайдлайна детерминированы его функциями. Разные формы представления клинических рекомендаций для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой помощи, санавиации и медицины катастроф выполняют следующие функции: *информативную* (дать необходимые сведения о заболевании / состоянии, методах и способах оказания первой помощи), *регулятивную* (создать алгоритм действий, обязательных или желательных в той или иной экстренной или внештатной клинической ситуации) [Романова, 2024б, с. 41], *кумулятивную* (собрать и зафиксировать данные в одном источнике), *демаркационную* (отграничить, маркировать наиболее важную и актуальную; выделить информацию, адресованную разным группам лиц, которые оказывают неотложную меди-

цинскую помощь), *акцентирующую* (заострить внимание на особо важных моментах оказания первой помощи, например, с помощью цвета, выступающего в качестве когнитивного активатора), *экспланаторную* (пояснить, разъяснить, конкретизировать исходные сведения).

Клинические руководства для непрофессионалов, в отличие от рекомендаций, имеющих других адресатов, выполняют еще и *интегративную* функцию – консолидируют общество через создание единого информационного пространства, создающего оптимальные условия для оказания медпомощи непрофессионалами.

В зависимости от того, какая из функций выступает в качестве ведущей, клинические рекомендации можно разделить на несколько видов: 1) содержащие информацию о способах оказания экстренной медпомощи – информационные (ведущая функция – информативная, для специалистов); 2) созданные с целью направить оказывающего первую помощь по определенному алгоритму, помочь ему сориентироваться во внештатной ситуации – воздействующие (ведущая функция – регулятивная, для неспециалистов) (подробно см.: [Романова, 2024а, с. 1300]).

Семантико-смысловая доминанта и «языковое воплощение» жанра

Сфера функционирования текстов клинических руководств для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой медицинской помощи, санавиации и медицины катастроф, их особый характер (рекомендательность, следовательно, отсутствие иностилевых элементов или облигаторность, следовательно, наличие элементов официально-делового стиля) определяют реализацию элемента жанра «языковое воплощение». Результаты анализа языковых средств, организующих тексты, позволяют говорить об их разностилевой принадлежности. Тексты большинства клинических руководств для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой медицинской помощи, санавиации и медицины катастроф относятся к собственно научному или научно-методическому (инструктивному) подстилям научного стиля, клинические рекомендации для граждан, оказывающих непрофессиональную первую помощь (Citizen Care) – к научно-популярному

или научно-методическому (инструктивному) подстилю [Романова, 2024б, с. 40].

Выявленные семантические особенности лексики и ее комбинаторики позволили определить семантико-смысловую доминанту текста гайдлайна как ‘доказательное изложение эмпирически проверенных медицинских данных’, она детерминирует отбор, сочетаемость и употребление языковых единиц.

Лексическая организация текста

Термины. Базовой чертой любого текста научного стиля является его терминованность. Медицинская терминология составляет основу гайдлайнов для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой медицинской помощи, санавиации и медицины катастроф. Приведем несколько примеров:

(1) Проникновения микроорганизмов из **конъюнктивального мешка** в **полость глаза** с большой долей вероятности развития **гнойного иридоциклита**, **эндофтальмита** и даже **паноптальмита** («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при повреждении глазного яблока (механическое)». РФ, б. г.);

(2) Signal 1 transport with hospital prenotification if Critical, i.e., **refractory hypoxia**, **hypotension**, **altered conscious state** or otherwise unstable / deteriorating («Clinical Practice Guidelines. ALS and MICA Paramedics». Австралия, 2019).

В некоторых случаях используется прием денотатной экспликации, применение которого обусловлено во многом особенностями адресата руководств (в зависимости от навыков оказания медпомощи), необходимостью действовать оперативно в каждой конкретной клинической ситуации:

(3) Аутоагрессия – нанесение повреждений себе. Суицидальное поведение – разновидность аутоагрессии, включающая любую активность, направленную на лишение себя жизни (мысли, высказывания, угрозы, попытки, покушения и пр.) («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения». РФ, 2014);

(4) The term ‘peri-arrest’ is reserved for the patient whose vital signs predict a strong likelihood of

rapid deterioration into cardiac arrest («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria». Австралия, 2010).

Необходимость эксплицирования значенных терминологических единиц в условиях быстрого реагирования влияет и на формат представления данных, в текстах появляются блок-схемы, таблицы, графики, рисунки и т. д. (рис. 1).

Номенклатурные обозначения. Большую группу номенов составляют названия лекарственных препаратов (их международные непатентованные наименования), однако в нарушение норм действующего в сфере медицины законодательства иногда используются и торговые названия.

(5) Антиаритмические препараты: **лидокаин** в указанной выше дозе или амиодарон в дозе 300 мг (6 мл 5 % раствора) в/в рекомендуется вводить после 9–12 разрядов дефибрилятора на фоне введения **эпинефрина** («Клинические протоколы оказания скорой медицинской помощи взрослому населению». Беларусь, 2006);

(6) Administer **ketamine**. Administer neuromuscular blockade: a) **Rocuronium IV**, or b) **Suxamethonium IV** («Clinical Procedures and Guidelines». Новая Зеландия, 2019);

(7) Some patients may experience chest pain 1 – 10 days following mRNA vaccine (**Pfizer** or **Moderna**) («Clinical Practice Guidelines. ALS and MICA Paramedics». Австралия, 2019).

Иногда тексты клинических руководств содержат таблицы, включающие списки препаратов с комментариями по их использованию (внутри – IN, внутримышечно – IM, через небулайзер – nebulized, местно – topical, перорально – PO и т. д.) (рис. 2).

В рекомендациях встречаются названия приемов и манипуляций, применяемых в процессе оказания неотложной помощи:

(8) Обеспечить проходимость дыхательных путей: **прием Сафара** (разгибание головы, выведение нижней челюсти); очистить полость рта и ротоглотки от инородных тел, при необходимости – **прием Хеймлиха** («Клинические протоколы оказания скорой медицинской помощи взрослому населению». Беларусь, 2006);

(9) The **abdominal thrust maneuver**, also known as the **Heimlich maneuver**, is used to treat upper airway obstructions caused by foreign bodies («For Pre-Hospital Emergency Care Practitioners. Field guide». Ирландия, 2017).

Definitions	
Adult	a patient of 14 years or greater, unless specified on the CPG.
Child	a patient between 1 and less than or equal to (≤) 13 years old, unless specified on the CPG.
Infant	a patient between 4 weeks and less than 1 year old, unless specified on the CPG.
Neonate	a patient less than 4 weeks old, unless specified on the CPG.
Paediatric patient	any child, infant or neonate.

Рис. 1. Табличное представление терминов («Pre-Hospital Emergency Care. PHECC Clinical Practice Guidelines». Ирландия, 2011)

Fig. 1. Table of terms (*Pre-Hospital Emergency Care. PHECC Clinical Practice Guidelines*. Ireland, 2011)

Skill	EMT	Paramedic	ICP
Adrenaline	✓	✓	✓
IN, IM, nebulised and topical	✓	✓	✓
Aspirin PO	✓	✓	✓
Glucagon IM	✓	✓	✓
GTN SL and patch	✓	✓	✓
Ibuprofen PO	✓	✓	✓

Рис. 2. Табличное представление информации о препаратах («Clinical Procedures and Guidelines». Новая Зеландия, 2019)

Fig. 2. Table of information on drugs (*Clinical Procedures and Guidelines*. New Zealand, 2019)

Регулярно воспроизводятся в исследуемых текстах номены – названия химических элементов и химических соединений:

(10) При острой вентиляционной дыхательной недостаточности гиперкапния приводит к увеличению мозгового кровотока, высокие уровни CO_2 обладают наркотическим действием и приводят к нарушению сознания («Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при острой дыхательной недостаточности». РФ, 2014);

(11) Do not confuse or use interchangeably with **calcium chloride**. **Calcium chloride** is associated with a high risk if extravasation occurs and contains three times as much **calcium** per mL as **calcium gluconate** («Clinical Practice Guidelines. ALS and MICA Paramedics». Австралия, 2019).

Слова – выделители важной информации. Экстралингвистические факторы (применение клинических руководств в ситуациях, требующих немедленного реагирования и максимальной концентрации медработника) обуславливают включение маркеров типа: *Важно! Attention! Внимание! Cito!* (Срочно!), *NB!* (Nota bene), *Caution!* (Осторожно!), например:

(12) **Важно!** В случае правильного оказания скорой медицинской помощи и своевременной доставке больного в стационар прогноз определяется тяжестью поражения («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при термических ожогах глаз». РФ, 2013);

(13) **N.B!** При указании на употребление различных технических жидкостей пациент должен быть госпитализирован в стационар с центром лечения острых отравлений (при наличии) («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при острых отравлениях». РФ, 2014);

(14) ***NB.** Unlikely scenario in context of emergency indications («Clinical Practice Guidelines. ALS and MICA Paramedics». Австралия, 2019);

(15) **Caution:** Paraquat – Oxygen therapy only if $\text{SpO}_2 < 92\%$ («For Pre-Hospital Emergency Care Practitioners. Field guide». Ирландия, 2017).

Темпоральные маркеры. Отдельно стоит выделить тематические группы слов, указывающие на временные характеристики, что особенно актуально для служб скорой помощи, медицины катастроф.

(16) После приема лекарственных средств, влияющих на гемостаз и снижающих свертывание крови (НПВС, антиагреганты, антикоагулянты, фибринолитические лекарственные средства, оральные контрацептивы и другие лекарственные средства) необходимо **срочно** доставить пациента в стационар («Клинические рекомендации (протоколы) оказания скорой медицинской помощи при кровотечениях из челюстно-лицевой области». РФ, 2013);

(17) iCa should be measured **as early as practicable** in patients with hemorrhagic hypovolemia («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria». Австралия, 2010).

Знаки, формулы, символы, сокращенные обозначения мер, иные графические элементы. Тексты руководств изобилуют различного рода графическими обозначениями (знаки $<>$, $+$, $\%$, $^{\circ}\text{C}$; обозначения единиц измерения, в том числе в составе формул), что также связано с необходимостью представить информацию в максимально сжатом виде:

(18) Феназепам – при в/в или в/м введении – начальная доза для взрослых – 0,5–1 мг (0,5–1 мл 0,1% раствора) («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения». РФ, 2014);

(19) Прокаин 1% и 0,25% раствор (В) не более 500 мл 0,25% раствора и 150 мл 0,5% раствора («Клинический протокол “Закрытые и открытые повреждения груди. Раны сердца, пневмоторакс, гемоторакс”». Казахстан, 2016);

(20) Age < 16 or > 60 («Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics». Австралия, 2012);

(21) If pulse oximetry is not available or unreliable, consider an initial oxygen dose of 2–6 L/min via nasal cannula or 5–10 L/min via face mask until a reliable SpO_2 reading can be obtained or symptoms resolve («Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics». Австралия, 2012);

(22) Adjustment for temperature: $> 32^{\circ}\text{C}$ («Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics». Австралия, 2012).

Морфологические особенности текста

Как и любой научный текст, клиническое руководство имеет именную характер. Большую часть существительных составляют термины, прилагательные употребляют в терминологических словосочетаниях.

Имена существительные и имена прилагательные. Распространены двух-основные имена существительные и имена прилагательные:

(23) **Трахеобронхиальная** обструкция – стридорозное (шумный вдох) или **монофоническое** свистящее дыхание («писк» на выдохе); свистящее дыхание не купируется бронходилататорами («Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при острой дыхательной недостаточности». РФ, 2014);

(24) **Cardiogenic shock** is defined as sustained hypotension (systolic BP < 90 mmHg for > 30 minutes) with evidence of tissue hypoperfusion despite adequate LV filling pressure («St. John Ambulance Australia. Clinical Practice Guideline». Австралия, 2013).

Общепотребительные прилагательные могут становиться частью терминосочетаний, обозначая при этом признак заболевания или состояния:

(25) Острая сердечная недостаточность (отек легких) – заболевания сердца в анамнезе, характерные изменения ЭКГ, двусторонние **влажные** хрипы; **пенистая** мокрота.

Тампонада сердца – **парадоксальный** пульс (снижение САД при вдохе более чем на 20 мм рт. ст.) («Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при острой дыхательной недостаточности». РФ, 2014);

(26) **Mild SOB** on exertion, **mild** chest discomfort when coughing or breathing deeply, rigors, **wet** cough, **severe** myalgia, **severe** fatigue, fever > 48 hrs («Clinical Practice Guidelines. ALS and MICA Paramedics». Австралия, 2019).

Имена прилагательные в сравнительной и превосходной степенях указывают на качественный признак, представленный в большей или наивысшей степени:

(27) Любая грибковая инфекция легкого может вызвать кровохарканье. **Наиболее частая** причина – мицетома («Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при кровотечении из верхних дыхательных путей (легочное кровотечение)». РФ, 2014);

(28) The aim of prehospital emergency care is to provide a comprehensive and coordinated approach to patient care management, thus providing each patient with the most appropriate care in the **most efficient** time frame («Pre-Hospital Emergency Care. PHECC Clinical Practice Guidelines». Ирландия, 2011).

Для объективной или субъективной интерпретации состояний и процессов используются прилагательные с положительной и отрицательной оценочной коннотацией (в полной и в краткой форме):

(29) Для пациентов с признаками гиповолемии **предпочтительны** инфузия сбалансированных кристаллоидов или натуральных коллоидов («Клинический протокол “Интенсивная терапия критических для жизни состояний (взрослое население)”». Беларусь, 2023);

(30) Внутрикостный доступ является **быстрым, безопасным и эффективным** способом введения любого препарата, включая эпинефрин, аденозин, препараты крови и т. д. («Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при синдроме внезапной смерти младенцев». РФ, 2015);

(31) **Clear** evidence of prolonged cardiac arrest (e.g. rigor mortis, decomposition, postmortem lividity) («Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics». Австралия, 2012).

Модальные глаголы и предикативы. Использование слов с модальными значениями долженствования, необходимости, возможности (предикативов) и модальных глаголов продиктовано самой природой клинического руководства – в облигаторной или рекомендательной форме воздействовать: 1) на медперсонал для выполнения ими инструкций по диагностике и лечению пациента; 2) на специалистов для следования сформулированным алгоритмам; 3) на получателя медицинской помощи – пациента – для содействия медработникам в процессах диагностики и лечения заболеваний. Также модальные глаголы и предикативы могут быть использованы для квалификационной оценки текущего или последующего состояния пациента:

(32) Пациент **должен** быть проинструктирован о том, что при ухудшении состояния, повышении температуры тела или возобновлении болей он должен повторно обратиться в стационар для продолжения обследования («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при почечной колике». РФ, б. г.);

(33) A second RSI should be undertaken as per CPG A0302/AAV 01.

Sedation **must** be adequate to avoid asynchrony. If hypocalcemia is present following the initial dose for either indication, a repeat dose may be admin-

istered («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria»). Австралия, 2010);

(34) Patients with known or strongly suspected COVID-19 infection **should** also be managed as per CPG COVID0002. This pathway **should NOT** be applied to COVID positive patients. Some patients **may** experience chest pain 1 – 10 days following mRNA vaccine (Pfizer or Moderna) («Clinical Practice Guidelines. ALS and MICA Paramedics»). Австралия, 2019).

Наречия. Для обозначения непроцессуального признака действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства – используются наречия. Наиболее распространены наречия образа действия, степени, обстоятельственные (времени, места, причины, цели, совместности):

(35) Отравления синтетическими препаратами (метадон) с длительным периодом полувыведения **зачастую** осложняются синдромом позиционного сдавления и аспирацией желудочного содержимого («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при острых отравлениях». РФ, 2014);

(36) It **usually** self resolves within 24-48 hours and is not typically associated with more serious adverse outcomes («Clinical Practice Guidelines. ALS and MICA Paramedics»). Австралия, 2019);

(37) Better outcomes may be seen in those patients where reversible causes are identified and treated **immediately** («Paramedic Clinical Practice Guidelines»). Австралия, 2013).

Аббревиатуры. Большой лексико-словообразовательный класс слов представлен аббревиатурными наименованиями, выполняющими сразу несколько функций: экономии речевых средств, тезаурусную (выступают «резервуарами» для хранения и передачи заключенной в них информации), мнемоническую (способствуют лучшему запоминанию информации), идентификационную (помогают быстро идентифицировать скрываемые за ними термины), адаптивную (позволяют адаптировать текст для конкретной аудитории, например, упростить его для быстрого чтения). Первое использование аббревиатуры в тексте сопровождается включением полного названия, общепринятые сокращения дополнительно не толкуются.

(38) Сердечно-легочная реанимация (далее – СЛР). Закрытый массаж сердца (далее – ЗМС)

(«Клинические протоколы оказания скорой медицинской помощи взрослому населению»). Беларусь, 2006);

(39) In the setting of an unwell child, cold hands / feet and mottled skin are an early sign that correlates with subsequent ICU admission («Clinical Practice Protocols. First Responders»). Австралия, 2019).

Многие гайдлайны содержат списки сокращений (Guide to Abbreviation) (см. рис. 3).

Синтаксические особенности текста

Типы предложений по целеустановке

В текстах клинических руководств подавляющее большинство предложений составляют повествовательные предложения, но также встречаются вопросительные предложения: специальными языковыми средствами выражается стремление говорящего узнать что-либо или удостовериться в чем-либо (подробно о них см.: [Каневская, 2016]).

Вопросительные предложения. Зафиксированы собственно вопросительные предложения, отражающие полную неосведомленность спрашивающего:

(40) Acute or chronic? («Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics»). Австралия, 2012);

(41) Нормальное дыхание не восстановилось? – 5 поддерживающих вдохов. Отсутствуют признаки жизни? – Компрессии грудной клетки (в количестве согласно возрасту) («Клинический протокол медицинского вмешательства “Сердечно-легочная реанимация у беременных”»). Казахстан, 2025);

неопределенно-вопросительные предложения, совмещающие вопрос с догадкой, предположением, неуверенностью, сомнением:

(42) If spinal motion restriction criteria are met should a cervical collar be applied and if so when? («Pre-hospital spinal injury management. PHECC position paper»). Ирландия, 2017);

(43) Каковы интенсивность и характер головной боли (пульсирующая, ноющая, распирающая, дергающая, тупая, сдавливающая и т. п.)? («Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при острой головной боли». Узбекистан, 2023).

Guide to Abbreviations

@	'At' relating to time intervals between dose/action/intervention	CPAP	Continuous Positive Airway Pressure	IN	Intranasal
AAA	Abdominal Aortic Aneurysm	CPG	Clinical Practice Guideline	I/O	Intraosseous
ACS	Acute Coronary Syndrome	D5W	5% Dextrose	IPPV	Intermittent Positive Pressure Ventilation
ADLs	Activities of Daily Living	DCCS	Direct Current Counter Shock	IU	International Unit
AF	Atrial Fibrillation	DCR	Direct Current Reversion	IV	Intravenous
AIVR	Accelerated Idioventricular Rhythm	DKA	Diabetic Ketoacidosis	J	Joules
AMI	Acute Myocardial Infarction	dpm	Drops per minute	kg	kilograms
AP	Ambulance Paramedic	ECC	External Cardiac Compression	LMA	Laryngeal Mask Airway
APH	Antepartum haemorrhage	ECG	Electrocardiogram	Lpm	litres per minute
APO	Acute Pulmonary Oedema	EtCO ₂	End-tidal carbon dioxide	LVF	Left Ventricular Failure
A-V	Atrioventricular	ETT	Endotracheal tube	max.	maximum
AVRT	Atrioventricular re-entry tachycardia	FG	French Gauge	MVA	Motor Vehicle Accident
AVNRT	A-V nodal re-entry tachycardia	FHR	Foetal Heart Rate	mcg	microgram/s
BGL	Blood Glucose Level	g	gram/s	mg	milligram/s
BLS	Basic Life Support	GCS	Glasgow Coma Score	min	minutes
BP	Blood Pressure	GIT	Gastrointestinal Tract	ml	millilitres
bpm	beats per minute	GR	Grade	ml/hr	millilitres per hour
BVM	Bag-Valve-Mask	GTN	Glyceryl trinitrate	mmHg	millimetres of Mercury (Hg)
C/I	Contraindication	hr	hour	mmol/l	millimoles per litre
CBR	Chemical / Biological / Radiation	HR	Heart Rate	MOI	Mechanism of Injury
CCF	Congestive Cardiac Failure	Hx	History	MTS	Major Trauma Service
C.O.	Cardiac Output (L/min.)	ICP	Intensive Care Paramedic	MV	Minute Ventilation
COPD	Chronic Obstructive Pulmonary Disease	IFS	Intubation Facilitated by Sedation	Mx	Management
		IM	Intramuscular	NB	Note well

Рис. 3. Список сокращений («Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics». Австралия, 2012)

Fig. 3 List of abbreviations (*Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics*. Australia, 2012)

Вопрос может быть выражен синтаксически самостоятельным предложением; предложением, входящим в состав сложного:

(44) Вопросы позвонившему:

1. Наблюдались ли приступы в прошлом?
2. Возникли ли приступы спонтанно, неожиданно, внезапно?
3. Возникали ли приступы во время ожидания неприятной ситуации? («страх страха») («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения». РФ, 2014).

Побудительные предложения. В составе предложения значение формы повелительного наклонения может конкретизироваться как требование, просьба, совет [Харчевников, 2013, с. 51]. Все эти оттенки побуждения создаются интонационными конструкциями, лексическим значением глагола, контекстом (ситуацией) и специальных грамматических средств для своего выражения не имеют (см., например: [Панова, 2020, с. 19]). Проиллюстрируем разнообразие значений побудительных предложений:

(45) Если больной перестает дышать, начните сердечно-легочную реанимацию (Клинические рекомендации («Протокол по оказанию скорой медицинской помощи при обмороке (синкопе) и коллапсе». Узбекистан, 2018);

(46) Avoid nebulizing medications in the ambulance or any other confined space if possible («Clinical Practice Guidelines. ALS and MICA Paramedics». Австралия, 2019);

(47) Take due care with patients who show evidence of anxiety / panic disorders (e.g. hyperventilation syndrome) («Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics». Австралия, 2012).

Типы предложений по структуре

Простые осложненные предложения.

Простые предложения в текстах клинических рекомендаций часто осложнены обособленными определениями, выраженными причастными оборотами (как препозитивными, так и постпозитивными), и обособленными обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами (как в препозиции, так и в постпозиции):

(48) Боли при остром аппендиците обычно постоянные, **усиливающиеся при движении больного**, кашле, физическом напряжении («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при остром аппендиците». РФ, б. г.);

(49) The aim is to secure the airway rapidly while **avoiding hemodynamic compromise and extended scene / procedure times in unconscious patients** who require immediate airway management to prevent pending cardiac arrest («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria». Австралия, 2010);

(50) Неотложные мероприятия лучше проводить, **уложив пациента на бок и обеспечив аккуратную фиксацию в этом положении**, данная укладка создает условия для свободного истечения, отделяемого ротоглотки («Клинический протокол “Оказание экстренной и неотложной медицинской помощи пациентам детского возраста”». Беларусь, 2023).

Кроме того, простые предложения осложняются рядами однородных членов:

(51) В зависимости от характера клинических проявлений острый аппендицит необходимо дифференцировать с заболеваниями **желудка и двенадцатиперстной кишки, внепеченочных желчных путей, острым панкреатитом, острым энтероколитом, острой кишечной непроходимостью, заболеваниями женской половой сферы, почечной коликой** справа («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при остром аппендиците». РФ, б. г.);

(52) Even in the absence of compromised **perfusion or sensation, a dislocation or severe deformity of the wrist, elbow, ankle or knee** should be relocated / realigned as soon as possible because of the high risk of damage to **nerves and blood vessels** («Clinical Procedures and Guidelines». Новая Зеландия, 2019).

Широко представлены предложения, осложненные вводными словами и конструкциями. В первую очередь, отметим языковые средства композиционно-структурной связи фрагментов текста, или текстоформирующие, элементы научного (научно-популярного) текста, которые участвуют в построении рассуждения, группируют все средства по характеру интенций (для приведения логического вывода при аргументации, сопоставления разных данных или аргументов, акцентирования внимания на отдельных аспектах, при попытке толкования той же информации иным спосо-

бом, для указания на источник информации, на отношение к способу передачи мысли и т. д.):

(53) **Кроме того**, этот доступ может использоваться в целях забора крови для лабораторных исследований (включая группу крови, совместимость, газовый состав крови) («Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при синдроме внезапной смерти младенцев». РФ, 2015);

(54) При этом могут наблюдаться контузионный миоз или, наоборот, мидриаз, иногда с надрывами зрачкового пояса, отрыв корня радужной оболочки от цилиарного тела, кровоизлияние в переднюю камеру – гифема («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при повреждении глазного яблока (механическое)». РФ, б. г.);

(55) **It is expected** that concurrent IV access should be attempted if not already obtained («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria». Австралия, 2010);

(56) Steroid therapy is **not routinely** administered in severe sepsis. There is a likely risk to Paramedic health and safety («Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics». Австралия, 2012);

(57) **For example**, an EMT who is also a registered nurse is replacing a urinary catheter («Clinical Procedures and Guidelines». Новая Зеландия, 2019).

Односоставные предложения. Среди односоставных предложений преобладают неопределенно-личные, безличные и инфинитивные. Предложения со значением субъектной неопределенности могут означать волеизъявление: побуждение, желание, субъективно осознаваемую целесообразность или своевременность, например:

(58) Осуществляется подробный клинический осмотр, выполняется консультация врача-невролога («Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при менингитах». РФ, б. г.);

(59) С целью предупреждения развития или прогрессирования ПЭ и отека мозга необходимо избегать ажитации, поддерживать волеический баланс и адекватную системную перфузию («Клинический протокол “Интенсивная терапия критических для жизни состояний (взрослое население)”». Беларусь, 2023);

(60) Carry out a scene survey. Confirm the 4-point checklist with ambulance control («For Pre-Hospital Emergency Care Practitioners. Field guide». Ирландия, 2017);

Синтаксические конструкции неполного состава. Предложение может представлять собой неполную реализацию минимального грамматического образца (тот или иной компонент элементарного строения предложения отсутствует). Неполные реализации не всегда констатиивно обусловлены (пропущенные главные и второстепенные члены предложения не всегда восстанавливаются из соседних предложений):

(61) Аспирационно-обтурационные – вследствие западения языка, гиперсоливации и бронхореи, аспирации рвотных масс («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при острых отравлениях». РФ, 2014);

(62) У больных молодого возраста причиной кровохарканья чаще выступают инфекции. У больных пожилого возраста – бронхит, опухоли, туберкулез, застойная сердечная недостаточность («Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при кровотечении из верхних дыхательных путей (легочное кровотечение)». РФ, 2014);

(63) Penetrating trunk trauma – accept a palpable carotid pulse and transport immediately («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria». Австралия, 2010).

Сложные предложения. Чаще других в текстах гайдлайнов встречаются сложно-подчиненные предложения с придаточными обстоятельственными (временные, условные, причинные, целевые, следственные, сравнительные, сопоставительные):

(64) Антидотную терапию на догоспитальном этапе проводить не целесообразно, поскольку диагноз только предположительный, доказательным является химико-токсикологическое исследование на спирты, КОС («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при острых отравлениях». РФ, 2014);

(65) If Chronic Hypoxemia suspected, treat it as Chronic Hypoxemia treatment box («Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics». Австралия, 2012);

(66) Due to the rapid metabolism / offset of propofol in critically unwell patients, an immediate post intubation bolus of propofol and subsequent infusion will be required to maintain anaesthesia / sedation («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria». Австралия, 2010);

(67) Unless contraindicated Paracetamol IV should be administered to all trauma patients complaining of pain («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria». Австралия, 2010).

Другие синтаксические особенности

Параллельные синтаксические конструкции. Синтаксический параллелизм придает речи ритм, делает ее более убедительной, позволяет донести наиболее важную информацию до реципиента. Анафорический тип повтора способствует привлечению внимания к началу предложения (иногда сопровождается выделением полужирным шрифтом, цветом, использованием CapsLock при написании) (рис. 4).

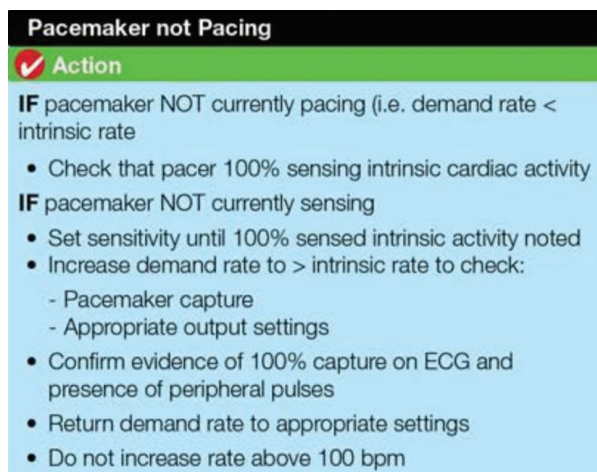

Рис. 4. Параллельные синтаксические конструкции («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria». Австралия, 2010)

Fig. 4. Parallel syntactic constructions (Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria. Australia, 2010)

Парцелляция и присоединительные конструкции. Для логического или эмоционального выделения отдельных фрагментов текста используются парцелляция (намеренное расчленение связного текста на пунктуационно самостоятельные отрезки (парцеллаты) и присоединительные конструкции (в функции добавочного суждения, часто оформляемые союзами или союзными словами):

(68) Возможны жалобы на неприятное «жжение» или боли в грудной полости, ощущения дыхательного дискомфорта, «нехватки воздуха». Чувство тревоги и страха. Слабость, головокружение. Бледность кожных покровов («Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при кровотечении из верхних дыхательных путей (легочное кровотечение)». РФ, 2014);

(69) Ask the patient. Have him lie face down on a stretcher or bed, with his legs hanging over the end, and relax («Clinical Procedures and Guidelines». Новая Зеландия, 2019).

Отметим наличие в руководствах семантико-смысловых фрагментов, которые представляют рассогласованные, несвязанные между собой предложения (алгоритмы или блок-схемы, оформленные без использования графических элементов и приемов рубрикации – нумерованных и маркированных списков):

(70) Обеспечить проходимость дыхательных путей:

прием Сафара (разгибание головы, выведение нижней челюсти);

очистить полость рта и ротоглотки от инородных тел, при необходимости – прием Хеймлиха; интубация трахеи;

крикотириотомия при неустранимой блокаде верхних дыхательных путей («Клинические протоколы оказания скорой медицинской помощи взрослому населению. Глава 2. Внезапная смерть». Беларусь, 2006);

(71) Transport for medical review is not required if:

The patella has dislocated before, and

The patella relocates, and

There is relief of pain, and

The patient can actively bend their knee («Clinical Procedures and Guidelines». Новая Зеландия, 2019).

Уточняющие слова и конструкции, в том числе и с пунктуационными активаторами внимания. Для привлечения внимания в клинических руководствах для парамедиков,

фельдшеров, сотрудников службы скорой медицинской помощи, санавиации и медицины катастроф могут использоваться параграфемные средства (в частности, синграфемика – элементы стилистического пунктуационного варьирования [Кудрина, 2019, с. 181] – знаки препинания в аттрактивной и воздействующей функциях). Приведем примеры:

(72) Открытая травма глаза, независимо от размера и локализации раны (роговица, лимб, склера), является тяжелой, поскольку при каждом таком ранении практически всегда имеется опасность развития симпатической офтальмии (взлотекущего увеоневрита) на парном (здоровом!) глазу («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при повреждении глазного яблока (механическое)». РФ, б. г.);

(73) (!) Patients at risk of deterioration or adverse outcome if not transported must be taken to hospital by ambulance («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria». Австралия, 2010).

Фигуры и тропы. Включение образительно-выразительных средств в текст клинического руководства обусловлено необходимостью замены громоздкого описания при характеристике специального медицинского объекта / явления / состояния с целью повышения его 1) доступности и запоминаемости (метафорические наименования, в том числе терминологические) и 2) структурированности, оптимизации способа изложения (градация).

Метафоризированные термины. Метафорический перенос осуществляется на основе сопоставления специального понятия и понятия общеизвестного по одному или нескольким признакам:

(74) В первую очередь почечную колику необходимо дифференцировать с **«острым животом»**: острым аппендицитом, печеночной коликой и острым холециститом, острым панкреатитом, прободной язвой желудка или двенадцатиперстной кишки, кишечной непроходимостью («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при почечной колике». РФ, б. г.);

(75) **«Правило девяток»** – метод, основан на том, что площадь покровов отдельных частей тела взрослого равна или кратна 9. Правило применяют при обширных ожогах.

«Правило ладони» – измерение ладонью (площадь ладони взрослого человека составляет приблизительно 1% общей поверхности кожного

покрова) применяют при ожогах, расположенных в различных частях тела и ограниченных по площади («Клинические рекомендации (протоколы) по оказанию скорой медицинской помощи при ожоговом шоке и ингаляционной травме». РФ, б. г.);

(76) By reinforcing the role of the Practitioner, in the continuum of patient care, **the chain of survival and the golden hour** are supported in medical and trauma emergencies respectively («Pre-Hospital Emergency Care. PHECC Clinical Practice Guidelines». Ирландия, 2011).

Градации. В исследуемых текстах используется не как изобразительно-выразительное средство, а в качестве приема прагматического фокусирования, указывающего на степень интенсификации признака.

(77) **Mild** disease / **low** risk: Self-care with telehealth check-ins from a GP or another healthcare professional.

Moderate illness / **moderate** risk: Hospital in the home (or other intensive community-based management).

Severe illness / **high** risk: Hospital admission to a selected site as per the COVID-19 streaming model («Clinical Practice Guidelines. ALS and MICA Paramedics». Австралия, 2019);

(78) 0 баллов – **низкий** риск летального исхода 1–2 балла – **умеренный** риск летального исхода 3–4 балла – **высокий** риск летального исхода («Клинические рекомендации (протокол) по оказанию скорой медицинской помощи при внебольничной пневмонии». Узбекистан, 2018).

Композиционные особенности

Оперативный характер использования представленной в гайдлайнах информации

влияет на форму ее репрезентации. Потребность адресата в получении структурированных данных обуславливает активную креолизацию текста. Наглядно-вербальные элементы руководства включают блок-схемы (Flowcharts), инфографику, таблицы (см. рис. 5–8).

Гайдлайн может содержать информацию о графических и цветовых обозначениях, оформленную как отдельный раздел (подраздел) (см. рис. 7).

Активно используются нумерованные и маркированные списки:

(79) With regard to iLMA:

– LMA success is measured by oxygenation

– iLMA-ETT success is measured by electronic ETCO2 («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria». Австралия, 2010).

Экстралингвистические факторы (сложность эпистемической и эмпирической ситуаций – применение медицинских знаний в экстренной ситуации) оказывают влияние на политекстовый характер клинических руководств, определяют включение текстов других жанров медицинского дискурса (например, аннотаций к лекарственным препаратам) (см. рис. 9).

Содержание креолизованного текста клинических рекомендаций кодируется вербальными и невербальными символами, при этом создается особый «лингво-визуальный феномен», единое структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее компрессию информации и воздействие на адресата.

Как использовать наборы для крикотириотомии:

Рис. 5. Инфографика («Анафилактический шок: протокол медицинских вмешательств». Узбекистан, 2024)

Fig. 5. Infographics («Anaphylactic shock: protocol of medical interventions». Uzbekistan, 2024)

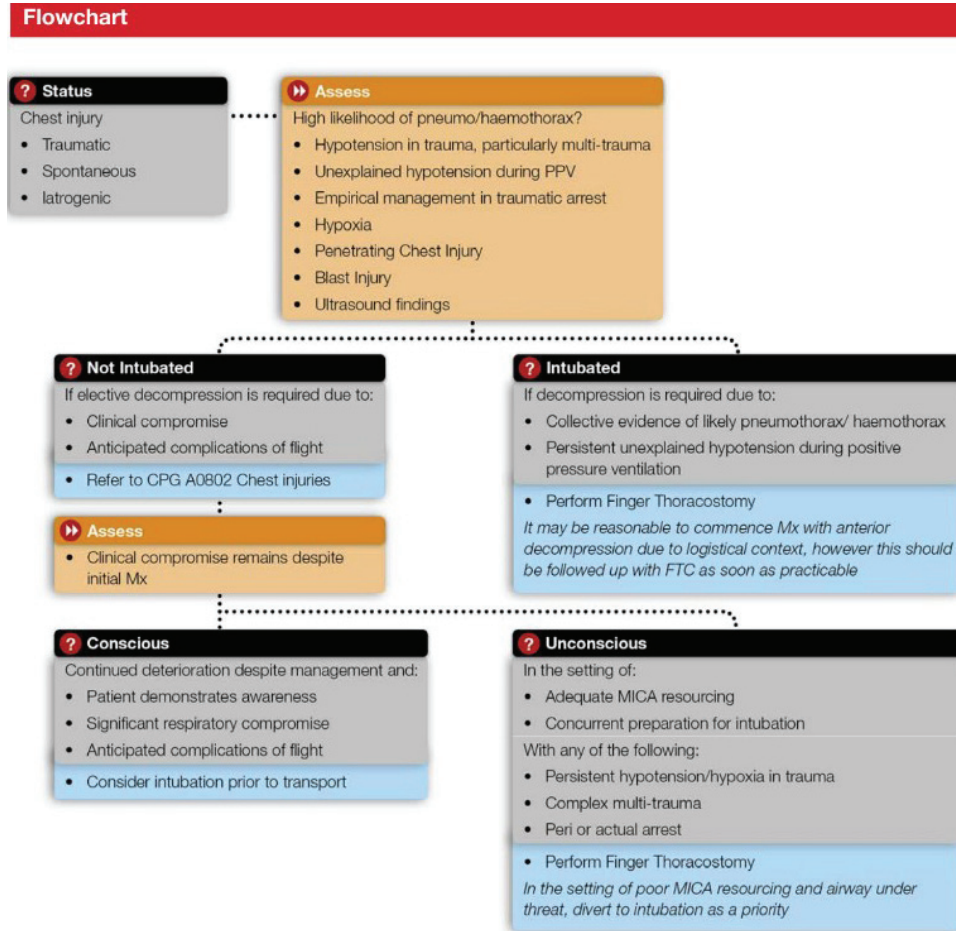

Рис. 6. Блок-схема («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria». Австралия, 2010)
 Fig. 6. A block diagram (Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria. Australia, 2010)

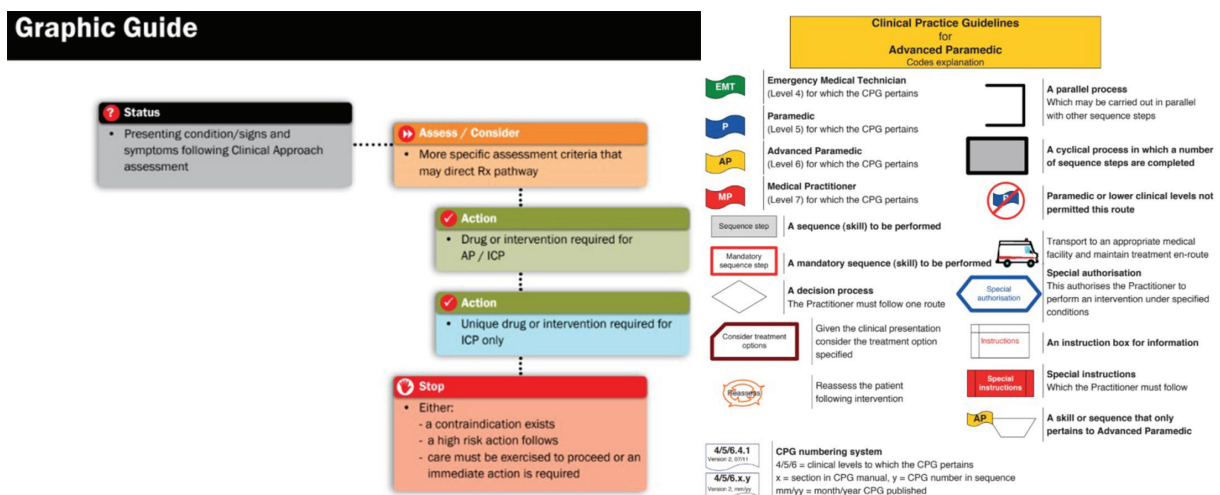

Рис. 7. Графические и цветовые обозначения («Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics». Австралия, 2012; «Pre-Hospital Emergency Care. PHECC Clinical Practice Guidelines». Ирландия, 2011)

Fig. 7. Graphic and colour symbols (Clinical Practice Guidelines for Paramedics and Intensive Care Paramedics. Australia, 2012; Pre-Hospital Emergency Care. PHECC Clinical Practice Guidelines. Ireland, 2011)

Infusions

PAEDIATRIC

- Dilute **Magnesium Sulfate 10 mmol (2.5 g)** to 25 mL with **Normal Saline** (this equals 100 mg / 1 mL) for IV administration.
- Administer **50 mg / kg** via infusion pump over **20 minutes**

Age (years)	Weight (kg)	Dose (mg)	Dose (g)	Total volume (mL)	Rate (mL/hr)
1-3 months	6	300	0.3	3	9
6 months	8	400	0.4	4	12
1 year	10	500	0.5	5	15
2	12	600	0.6	6	18
3	14	700	0.7	7	21
4	16	800	0.8	8	24
5	18	900	0.9	9	27
6	20	1000	1	10	30
7	22	1100	1.1	11	33
8	24	1200	1.2	12	36
9	26	1300	1.3	13	39
10	33	1650	1.65	16.5	49.5
11	36	1800	1.8	18	54

Рис. 8. Таблица («Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria». Австралия, 2010)
 Fig. 8. Table (Clinical Practice Guidelines. Air Ambulance Victoria. Australia, 2010)

Adenosine

Indications:
 Paroxysmal supraventricular tachycardia (>150) with signs of poor perfusion.

Adult dose:
 6 mg IV. Initial Adenosine unsuccessful: Repeat at 12 mg x 2 prn Max.

Paediatric dose:
 Not indicated.

Contraindications:
 Asthma / COPD / Decompensated heart failure / Long QT syndrome / Second or third degree AV block / Severe hypotension / Sick sinus syndrome (unless pacemaker fitted)/ KSAR.

Side effects:
 Angina (discontinue)
 Apprehension - arrhythmia (discontinue if asystole or severe bradycardia occur)
 AV block / Dizziness / Dyspnoea / Flushing / Headache / Nausea / Sinus pause.
 Uncommon:
 Blurred vision / Hyperventilation / Metallic taste / Palpitation / Sweating / Weakness.

Additional information:
 Initially 6 mg, administered into large peripheral vein and given over 2 seconds, followed by rapid 10 mL NaCl 0.9% flush.
 Repeat doses of 12 mg administered rapidly also.
 Cardiac monitoring required.
 Cautions:
 Atrial fibrillation with accessory pathway / Atrial flutter with accessory pathway
 Autonomic dysfunction / Bundle branch block / First-degree AV block / Heart transplant / Recent MI / Severe heart failure / Stenotic valvular heart disease / Uncorrected hypovolaemia.

Pregnancy:
 May administer

Рис. 9. Аннотация к лекарственному средству («For Pre-Hospital Emergency Care Practitioners. Field guide». Ирландия, 2017)

Fig. 9. Abstract of the remedy (For Pre-Hospital Emergency Care Practitioners. Field guide. Ireland, 2017)

Заключение

Клинические руководства, принадлежащие к целевой группе «для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой помощи, санавиации и медицины катастроф» характеризуются комбинаторикой коммуникативных целей (информирование и убеждение адресата); их структура и базовые признаки детерминированы выполняемыми функциями (информативной, регулятивной, кумулятивной, демаркационной, акцентирующей, экспланаторной, интегративной). Сфера функционирования текстов клинических руководств для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой помощи, санавиации и медицины катастроф, их свойства (рекомендательность или облигатор-

ность) определяют реализацию элемента жанра «языковое воплощение»; семантико-смысловая доминанта текста гайдлайна может быть сформулирована как «доказательное изложение эмпирически проверенных медицинских данных». Коммуникативная цель, функции и семантико-смысловая доминанта в свою очередь обуславливают отбор, сочетаемость и употребление речевых единиц в текстах клинических руководств. Оперативность применения гайдлайнов для парамедиков, фельдшеров, сотрудников службы скорой помощи, санавиации и медицины катастроф детерминирует их формально-композиционные характеристики: поликодовость (включение блок-схем, инфографики, таблиц) и политекстуальность (включение текстов других жанров).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арязмова О. В., 2017. Композиционно-речевые структуры русского новейшего художественного дискурса: способы организации и взаимодействие (на материале русской прозы XXI века) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. № 1 (274). С. 161–166.
- Болдырев С. М., 2022. Языковые особенности советского телевизионного новостного дискурса в период становления телевидения (50–60 гг. XX века) // Успехи гуманитарных наук. № 11. С. 19–23.
- Быстрова А. С., 2022. Особенности речевой организации документного текста в пространстве социальной коммуникации // Филологический аспект. № 5 (85). С. 6–11. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-rechevoj-organizatsii-dokumentnogo-teksta-v-prostranstve-sotsialnoj-kommunikatsii.html>
- Гагарина К. Р., 2013. Стилистико-речевые особенности современного журналистского текста на примере материалов журнала «Русский репортер» // Воспитание будущего учителя-исследователя : сб. материалов по итогам науч. сессии студ. Глазов : ГГПИ. С. 49–53.
- Грачева Н. В., 2015. Лексико-грамматические особенности речевого воздействия в политическом дискурсе (на примере текста оригинальных выступлений В. Путина) // Апробация. № 7 (34). С. 21–23.
- Каневская Я. Е., 2016. Прагматический потенциал вопросительных конструкций в заголовке публицистического текста (на материале интернет-СМИ) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 4 (13). С. 148–153.
- Корзова Е. Н., 2025. Особенности композиционно-речевой организации библейского текста (на материале англоязычной книги «деяния святых апостолов») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 18, № 4. С. 1654–1659.
- Краснова О. Н., 2010. Композиционно-речевая организация научного документа (на материале авторефератов диссертаций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 24 с.
- Кудрина Л. В., 2019. Речевые особенности комментария в новостных текстах интернет-изданий // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. № 6. С. 176–194.
- Кузьмина К. А., 2006. Структурные и языковые особенности проповеди как речевого жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург. 22 с.
- Лобачёв С. Е., 2024. Речевые особенности текстов разнопоколенческих пользователей в интернет-коммуникации // Язык текущего момента : материалы VII межвуз. студ. науч.-практ. конф. Москва : [б. и.]. С. 131–134.
- Панова Г. И., 2020. О стратификации морфологических единиц и явлений в грамматическом строе // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. № 1 (1). С. 16–21.

- Пономаренко И. В., 2013. Синтаксические особенности текста студентов (из описания фрагментов коллективного речевого портрета современного студента) // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. № 2. С. 33–41.
- Ремхе И. Н., 2023. Особенности композиционно-речевых форм в структуре искусствоведческого текста // Когнитивные исследования языка. № 1 (52). С. 525–531.
- Романова Н. А., 2023а. Внутрижанровая диверсификация текстов клинических рекомендаций (руководств) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. С. 182–190.
- Романова Н. А., 2023б. Клинические рекомендации (руководства) как инструктивный текст // Russian Linguistic Bulletin. № 11 (47). DOI: 10.18454/RULB.2023.47.18
- Романова Н. А., 2024а. Клинические рекомендации (руководства) как вторичный текст // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Т. 34, № 6. С. 1297–1307.
- Романова Н. А., 2024б. Речевые особенности клинических рекомендаций для пациентов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. № 1. С. 39–50.
- Ромашова О. В., Романова Н. А., 2026. Речевые особенности клинических рекомендаций для медперсонала среднего звена // Международный научно-исследовательский журнал. 2026. № 2 (164). DOI: 10.60797/IJ.2026.164.47
- Рябцева Э. Г., Лоза В. И., 2021. Инструкция как тип контаминированного текста // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития : сб. науч. тр. Краснодар : [б. и.]. С. 138–144.
- Серова З. Н., 2012. Речевые особенности рекламных текстов в современной языковой культуре // Новые смыслы, новые формы в рекламной индустрии и рекламном образовании : сб. материалов XVI Всерос. конф. Москва : [б. и.]. С. 128–135.
- Харчевникова Р. П., 2013. Сопоставительная характеристика типов побуждения в повелительном наклонении калмыцкого и русского языков // Вестник КИГИ РАН. № 1. С. 48–54.
- Шарипова Р. Р., 2014. Композиционно-речевая организация текста регламента как регулирующего документа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (21). С. 82–89.
- Шумакова П. С., 2017. Речевые особенности рекламного текста в бортовом журнале // Молодой ученый. № 49 (183). С. 98–101.

REFERENCES

- Arzyamova O.V., 2017. Kompozitsionno-rechevyye struktury russkogo noveyshego khudozhestvennogo diskursa: sposoby organizatsii i vzaimodeystviye (na materiale russkoy prozy XXI veka) [Compositional and Speech Structures of Modern Russian Artistic Discourse: Methods of Organization and Interaction (Based on Russian Prose of the 21st Century)]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya Voronezh State Pedagogical University], no. 1 (274), pp. 161-166.
- Boldyrev S.M., 2022. Yazykovyye osobennosti sovetskogo televizionnogo novostnogo diskursa v period stanovleniya televechaniya (50–60 gg. XX veka) [Linguistic Features of Soviet Television News Discourse During the Development of Television Broadcasting (1950s – 1960s)]. *Uspekhi gumanitarnykh nauk* [Modern Humanities Success], no. 11, pp. 19-23.
- Bystrova A.S., 2022. Osobennosti rechevoy organizatsii dokumentnogo teksta v prostranstve sotsialnoy kommunikatsii [Features of the Speech Organization of a Document Text in the Space of Social Communication]. *Filologicheskii aspekt* [Philological Aspect], no. 5 (85), pp. 6-11. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-rechevoj-organizatsii-dokumentnogo-teksta-v-prostranstve-sotsialnoj-kommunikatsii.html>
- Gagarina K.R., 2013. Stilistiko-rechevye osobennosti sovremennogo zhurnalistskogo teksta na primere materialov zhurnala «Russkiy reporter» [Stylistic and Speech Features of Modern Journalistic Text Based on Materials from the Magazine “Russian Reporter”]. *Vospitaniye budushchego uchitelya-issledovatelya: sb. materialov po itogam nauch. sessii stud.* [Education of the Future Teacher-Researcher. Proceedings Based on the Results of a Scientific Session of Students]. Glazov, GGPI, pp. 49-53.
- Gracheva N.V., 2015. Leksiko-grammaticheskiye osobennosti rechevogo vozdeystviya v politicheskom diskurse (na primere teksta originalnykh vystupleniy V. Putina) [Lexical and Grammatical Features of Speech Influence (on the example of the original texts of V. Putin's speeches)].

- in Political Discourse (Based on the Text of V. Putin's Original Speeches)]. *Aprobatsiya* [Approbation], no. 7 (34), pp. 21-23.
- Kanevskaya Ya.E., 2016. Pragmatischeskiy potentsial voprositelnykh konstruksiy v zagolovke publitsisticheskogo teksta (na materiale internet-SMI) [The Pragmatic Potential of Interrogative Constructions in the Headlines of a Publicistic Text (Based on Online Media)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kulturologiya* [RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies], no. 4 (13), pp. 148-153.
- Korzova Ye.N., 2025. Osobennosti kompozitsionno-rechevoy organizatsii bibleyskogo teksta (na materiale angloyazychnoy knigi «deyaniya svyatykh apostolov») [Features of the Compositional and Speech Organization of the Biblical Text (Based on the English-Language Book "Acts of the Holy Apostles")]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 18, no. 4, pp. 1654-1659.
- Krasnova O.N., 2010. *Kompozitsionno-rechevaya organizatsiya nauchnogo dokumenta (na materiale avtoreferatov dissertatsiy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Compositional and Speech Organization of a Scientific Document (Based on Dissertation Abstracts). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 24 p.
- Kudrina L.V., 2019. Rechevye osobennosti kommentariya v novostnykh tekstakh internet-izdaniy [Speech Features of Commentary in News Texts of Online Publications]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika], no. 6, pp. 176-194.
- Kuzmina K.A., 2006. *Strukturnye i yazykovye osobennosti propovedi kak rechevogo zhanra: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural and linguistic Features of Sermon as a Speech Genre. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 22 p.
- Lobachev S.E., 2024. Rechevyye osobennosti tekstov raznopokolencheskikh polzovateley v internet-kommunikatsii [Speech Features of Texts of Different Generations of Users in Internet Communication]. *Yazyk tekushchego momenta: materialy VII mezhvuz. stud. nauch.-prakt. konf.* [The Language of the Current Moment. Proceedings of the 7th Interuniversity Student Scientific and Practical Conference]. Moscow, s.n., pp. 131-134.
- Panova G.I., 2020. O stratifikatsii morfologicheskikh yedinit i yavleniy v grammaticheskom stroye [On the Stratification of Morphological Units and Phenomena in Grammatical Structure]. *Professorskiy zhurnal. Seriya: Russkiy yazyk i literature* [Professor's Journal. Series: Russian and Literature], no. 1 (1), pp. 16-21.
- Ponomarenko I.V., 2013. Sintaksicheskiye osobennosti teksta studentov (iz opisaniya fragmentov kollektivnogo rechevogo portreta sovremennogo studenta) [Syntactic Features of Students' Texts (From the Description of Fragments of the Collective Speech Portrait of a Modern Student)]. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute], no. 2, pp. 33-41.
- Remkhe I.N., 2023. Osobennosti kompozitsionno-rechevykh form v strukture iskusstvovedcheskogo teksta [Features of Compositional Speech Forms in the Structure of an Art History Text]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 1 (52), pp. 525-531.
- Romanova N.A., 2023a. Vnutrizhanrovaya diversifikatsiya tekstov klinicheskikh rekomendatsiy (rukovodstv) [Intra-Genre Diversification of Recommendation Texts (Guidelines)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 6. pp. 182-190.
- Romanova N.A., 2023b. Klinicheskiye rekomendatsii (rukovodstva) kak instruktivnyy tekst [Clinical Guidelines (Manuals) as an Instructional Text]. *Russian Linguistic Bulletin*, no. 11 (47). DOI: 10.18454/RULB.2023.47.18
- Romanova N.A., 2024a. Klinicheskiye rekomendatsii (rukovodstva) kak vtorichnyy tekst [Clinical Guidelines (Manuals) as a Secondary Text]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series], vol. 34, no. 6, pp. 1297-1307.
- Romanova N.A., 2024b. Rechevye osobennosti klinicheskikh rekomendatsiy dlya patsiyentov [Speech Features of Clinical Recommendations for Patients]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology], no. 1, pp. 39-50.
- Romashova O.V., Romanova N.A., 2026. Rechevye osobennosti klinicheskikh rekomendatsiy dlya medpersonal srednego zvena [Speech Traits of Clinical Recommendations for Mid-Level Healthcare Workers]. *Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], no. 2 (164). DOI: 10.60797/IRJ.2026.164.47
- Ryabtseva E.G., Loza V.I., 2021. Instruksiya kak tip kontaminirovannogo teksta [Instruction as a Type of Contaminated Text]. *Filologicheskiye nauki v XXI veke: aktualnost, mnogopolyarnost, perspektivy razvitiya: sb. nauch. tr.* [Philological Sciences in the 21st Century: Relevance, Multipolarity, and Development Prospects. Collection of Scientific Papers. Kuban State University]. Krasnodar, s.n., pp. 138-144.

- Serova Z.N., 2012. Rechevye osobennosti reklamnykh tekstov v sovremennoy yazykovoy kulture [Speech Features of Advertising Texts in Modern Linguistic Culture]. Yusupova R.R., Valeyeva R.M., eds. *Novyye smysly, novye formy v reklamnoy industrii i reklamnom obrazovanii: sb. materialov XVI Vseros. konf.* [New Meanings, New Forms in the Advertising Industry and Advertising Education. Proceedings from the 16th All-Russian Conference]. Moscow, s.n., pp. 128-135.
- Kharchevnikova R.P., 2013. Sopostavitelnaya kharakteristika tipov pobuzhdeniya v povelitelnom naklonenii kalmytskogo i russkogo yazykov [Comparative Characteristics of the Types of Motivation in the Imperative Mood of the Kalmyk and Russian Languages]. *Vestnik KIGIRAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], no. 1, pp. 48-54.
- Sharipova R.R., 2014. Kompozitsionno-rechevaya organizatsiya teksta reglamenta kak reguliruyushchego dokumenta [The Compositional and Speech Organization of Regulation Text as a Regulatory Document]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (21), pp. 82-89.
- Shumakova P.S., 2017. Rechevye osobennosti reklamnogo teksta v bortovom zhurnale [Speech Features of Advertising Text in a Flight Log]. *Molodoy uchenyy*, no. 49 (183), pp. 98-101.

Information About the Authors

Sanya I. Madzhaeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Latin and Foreign Languages, Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Astrakhan, Russia, sanya-madzhaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8478-9616>

Larisa A. Dzhelalova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Volga Cossack Institute of Management and Food Technologies (branch) of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University), Dimitrovgrad, Russia, dshelar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6184-9639>

Nataliya A. Romanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, romanova_na@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0783-3238>

Информация об авторах

Санья Ибрагимовна Маджаева, доктор филологических наук, профессор кафедры латинского и иностранных языков, Астраханский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Астрахань, Россия, sanya-madzhaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8478-9616>

Лариса Анатольевна Джелалова, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Поволжский казачий институт управления и пищевых технологий (филиал) Московского государственного университета технологии и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), г. Димитровград, Россия, dshelar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6184-9639>

Наталья Анатольевна Романова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, romanova_na@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0783-3238>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.11>

UDC 81'1:81'332.5
LBC 81.002

Submitted: 02.09.2024
Accepted: 11.11.2025

CATEGORICAL STATEMENTS AS A MANIFESTATION OF AUTHORITY (BASED ON THE SPEECH OF A PSYCHOTHERAPIST)

Olga V. Nikolenko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Galina G. Matveeva

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article focuses on the strategies and tactics used in psychotherapeutic discourse to demonstrate psychotherapist's authority in various communicative situations; the related speech signals that actualize the feature under study are identified. The authors employ the methods of covert pragmalinguistics: throughout the psychotherapy sessions, in television interviews and online channel utterances, as well as in social media correspondence the addresser's manifestation of authority is diagnosed by identifying quantitative indicators of unconscious use of familiar grammatical forms and the deliberate choice of lexical markers. An experiment carried out to assess psychotherapist's authority using the "Confident/Unconfident Speech Behavior of the Author" strategy and its plans (a plan for a categorical statement and a plan for a non-categorical statement) demonstrated that authority is represented gradually. It depends on the specifics of the speech genre, the situation and goals of communication, the degree of the target audience's thematic awareness, etc. According to the data obtained, a higher level of authority in interviews, online speeches, and blog posts is associated with the requirements of a speech situation: first and foremost, the speaker must engage the target audience with the information presented, demonstrate their professionalism, and attract attention to themselves as a specialist. A psychotherapist displays authority more gently in a psychotherapy session, where, through non-judgmental statements, they enable the client to choose their own path to problem resolution.

Key words: covert pragmalinguistics, strategy of speech influence, authority, categoricity, non-categoricity.

Citation. Nikolenko O.V., Matveeva G.G. Categorical Statements as a Manifestation of Authority (Based on the Speech of a Psychotherapist). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 157-169. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.11>

УДК 81'1:81'332.5
ББК 81.002

Дата поступления статьи: 02.09.2024
Дата принятия статьи: 11.11.2025

КАТЕГОРИЧНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АВТОРИТЕТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ПСИХОТЕРАПЕВТА)

Ольга Викторовна Николенько

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Галина Григорьевна Матвеева

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье на материале психотерапевтического дискурса описываются стратегии и тактики, с помощью которых реализуется авторитетность психотерапевта в различных ситуациях общения; определяются речевые сигналы, актуализирующие исследуемое качество. Авторы используют методы скрытой праг-

малингвистики: в психотерапевтическом сеансе, интервью на телевидении, выступлении на интернет-канале и переписке в соцсетях диагностируют проявления авторитетности у отправителя сообщения через фиксацию количественных показателей неосознаваемого выбора привычных для него грамматических форм и осознаваемого привлечения лексических единиц. Эксперимент по установлению авторитетности у психотерапевта посредством стратегии «Уверенное / неуверенное речевое поведение автора сообщения» и ее планов (плана категоричного высказывания и плана некатегоричного утверждения) показал, что авторитетность представлена градуально: в зависимости от особенностей речевого жанра, ситуации и целей общения, уровня тематической подготовленности целевой аудитории и т. п. Согласно полученным данным, больший показатель авторитетности в интервью, на интернет-канале и в блогговой переписке связан с требованием речевой ситуации: в первую очередь говорящий должен заинтересовать целевую аудиторию подаваемой им информацией, раскрыть перед ней свой профессионализм и привлечь к себе внимание как к специалисту. Более мягко психотерапевт выражает авторитетность в психотерапевтическом сеансе, где некатегоричными высказываниями он дает возможность клиенту самому выбрать путь решения проблемы.

Ключевые слова: скрытая прагмалингвистика, стратегия речевого воздействия, авторитетность, категоричность, некатегоричность.

Цитирование. Николенко О. В., Матвеева Г. Г. Категоричность высказывания как проявление авторитетности (на материале речи психотерапевта) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 157–169. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.11>

Введение

В речевом взаимодействии каждый из нас стремится осознанно или интуитивно координировать поведение своего собеседника: его мысли и взгляды, отношения с окружающими и к окружающим; побуждать его совершить те или иные поступки. Чтобы успешно реализовать речевое воздействие на слушающего, говорящему необходимо обладать рядом личностных качеств. В различных речевых ситуациях в пределах «здесь и сейчас» человек раскрывает свои черты с неодинаковой интенсивностью. Так, в профессиональном общении, исходя из психограммы профессии Ю.В. Укке, для успешного осуществления своей деятельности экономисту (и мужчине, и женщине) требуются 14 качеств, среди которых скорость и точность счета, терпеливость, упорство, энтузиазм, коммуникабельность, способность к самовыражению, аккуратность, самостоятельность суждений, способность к планированию и др. [Укке, 1990, с. 155–156]. Представитель этой же профессии в бытовом общении с детьми как родитель должен проявлять заботу, доброту, любовь, тепло, ласку (для матери), кроме того, силу, ум, поддержку (для отца) [Сафонова, Ковалева, 2021, с. 104]. Следовательно, в семье человек ставит в периферийную позицию свои профессиональные качества и делает приоритетными надежность, доброжелательность, мягкость, чуткость, отзывчивость и т. п. Однако даже в рамках одного речевого жанра говорящий по-раз-

ному обнаруживает свои качества. Например, в общении с коллегами равного социального статуса возможно проявление доброжелательности и зависти, амбициозности и жертвенности, уверенности в себе и замкнутости, чуткости и нетерпимости к чужому мнению, категоричности и мягкости и др. С человеком, стоящим рангом выше, возможны заискивание, скрытность, самоконтроль, лесть, некатегоричность суждений и др. Подобная локальная актуализация личностных черт объясняются как условиями, в которых совершается речевое взаимодействие, так и спецификой взаимодействующих сторон. К таким условиям, по мнению В.И. Карасика, относятся социальные и ролевые статусы [Карасик, 2002], уровень образования и культуры, степень знакомства и эмоциональной близости коммуникантов друг с другом, гендерные и возрастные отличия и т. п.

В психологической литературе выделен ряд личностных качеств психотерапевта, способного регулировать эмоциональное состояние клиента и мотивировать его к действию [Гринева, 2017, с. 94]. Так, среди характеризующих черт успешного психотерапевта экзистенциального направления, как считает А.И. Аверьянов, выделяются зрелость, аутентичность, открытость, гибкость, реалистичность и др. [Аверьянов, 2018, с.151].

Основополагающим качеством психотерапевта, применяющего в своей практике прокативные методы, является авторитетность как показатель «лингвоэкономического и вла-

стного статуса» [Болдырева, Кашкин, 2001, с. 58], стремления преобладать, то есть доминантности, часто выражающейся в вербальных и невербальных средствах провоцирования [Зюбина, 2021].

Термин «авторитетность» имеет глубокие корни. В философских трудах Аристотеля, Платона и Сенеки авторитетность рассматривалась в правовом аспекте и характеризовала власть правящей элиты (Платон, Плутарх, Сенека). В более поздний временной период к нему обратились и другие философы (Г. Гегель, Т. Гоббс, И. Кант и др.). Они полагали, что признание народом авторитета государства способствует укреплению в нем мироустанавливающей власти. Авторитет отдельной личности, ее взаимодействие с другими людьми и способы влияния на них изучали Бергсон, Ницше, Шопенгауэр и др.

В настоящее время в связи с поворотом к антропоцентрическому принципу исследования явлений действительности авторитетность стала привлекать к себе внимание ученых практически всех научных отраслей: социологов, психологов, языковедов и т. д. Так, в современной психологической научной литературе авторитетность определяется как характеристика индивида иметь значимый вес в социуме, быть для его членов источником вдохновения, пользоваться их уважением [Степкин, 2019], а также осуществлять на них воздействие, базирующееся на доверии к его знаниям и мнению [Сарафанникова, 2016, с. 32].

Кроме понятийных характеристик указанного феномена, ученые занимаются установлением причин наделения индивида авторитетностью (а следовательно, и социальной значимостью), определением уровня ее зависимости от смежных с ней качеств личности (А.Р. Вазиева, Е.В. Малышева, Л.П. Тархова).

В лингвистике авторитетности как понятие дискурса посвящены работы И.И. Дубининой, Я.Н. Еремеева, В.И. Карасика, В.Б. Кашкина, О.А. Леонтовича, О.В. Спиридовского и др. В них рассматривается авторитетность в научной, политической, медийной и административной коммуникации, затрагиваются также проблемы выбора стратегий и тактик для выявления авторитетности в речевом взаимодействии (Т.В. Абрамова, К.М. Шилихина).

Определению лексических маркеров авторитетности в других дискурсах посвящен ряд диссертационных исследований и статей, среди которых можно выделить работы С.С. Бурковой, Е.В. Сарафанниковой, Ю.П. Степкина и др. Они изучали явление авторитетности высказывания на различном стилевом и жанровом материале, устанавливали связь с интенциями говорящего и исследовали условия выбора того или иного маркера.

Труды вышеперечисленных ученых дают достаточно объемное, однако не исчерпывающее описание авторитетности. Так, с точки зрения скрытой прагмалингвистики обозначенный феномен рассматривается лишь в общей парадигме отправителя текста или в рамках определения его роли в формировании фальшь-имиджа и реал-имиджа (И.А. Зюбина, Г.Г. Матвеева, Г.И. Мясищев и др.). Однако процесс неосознаваемого выбора авторитетной личностью грамматических форм и текстуальных средств в категоричных высказываниях с целью скрытого воздействия на получателя текста в их работах описан точно. Считаем, что исследование именно этой стороны авторитетности открывают перспективные возможности для гуманитарных наук, которые занимаются вопросами совершенствования личности.

Провокативные методы, внедряемые в психотерапевтическую практику психотерапевтом, должны вызывать у клиента определенные эмоциональные реакции, на фоне которых легко осуществляется коррекция деструктивных убеждений и поведенческих установок. Воздействующая сила провокации, по мнению психологов-практиков, реализуется в высокой степени только у корректоров, имеющих лидерские задатки, способность к самоконтролю, уверенность в себе, твердость, жизненный и профессиональный опыт, который может стать объектом для подражания. В совокупности эти качества и составляют авторитетность – «особое свойство личности влиять на других людей» [Степкин, 2022, с. 13], «быть для них источником идей, пользоваться их уважением и признанием» (Головин, 1998, с. 2). Именно авторитетность психотерапевта усиливает свойство текста оказывать речевое воздействие на целевую аудиторию, дает наивысший корректирующий эффект, по-

скольку «связана с побуждением, психоэмоциональным заражением и проявляется в непреднамеренном или непроизвольном внушении, которое часто осуществляется незаметно для получателя» [Николенко, Матвеева, 2025, с. 146]. Чем больше неявность речевого воздействия, тем выше авторитетность корректора. Однако, несмотря на скрытость воздействия, осуществляемого отправителем текста, получатель накапливает в своей нервной системе речевые сигналы говорящего, диагностирует его личностные качества и в итоге принимает решение доверять или не доверять свое психоэмоциональное здоровье данному доктору. Исходя из этого, мы рассматриваем авторитетность как эффективный способ воздействия на реципиента посредством бессознательной актуализации определенных речевых сигналов.

Материал и методы

В качестве материала для исследования были выбраны речевые акты психотерапевтического дискурса: психотерапевтический сеанс по эмоциональной психорегуляции личности, интервью психотерапевта на телевидении, переписка с клиентами в соцсетях и монологическое выступление на интернет-канале. Эти речевые акты были созданы одним автором – Николаем Никифоровым, провокативным психологом, психотерапевтом, психиатром, консультирующим по вопросам коррекции веса и нервных расстройств.

Для анализа его спонтанные высказывания были взяты из интервью телепередаче «Крымская правда» (<https://c-pravda.ru/news/2021-11-11/budte-zdorovy-75?ysclid=lm9qe55kn913983996>), открытого психотерапевтического сеанса «Как не давать советы. Работа с неопределенным запросом» (<https://www.youtube.com/watch?v=WidBngL4kes>), из выступлений на интернет-канале (Парадоксальная психотерапия. Часть 2. <https://www.youtube.com/watch?v=YrNN-Yff25Q>) и переписки в соцсети (<https://www.b17.ru/>). Весь материал был записан и поделен на малые синтаксические группы (далее – МСГ) – минимальные актуализированные предикативно-модальные единицы речи [Матвеева, Зюбина, 2017, с. 105]. Всего было проанализировано 2 000 МСГ.

Поднятые в работе вопросы и особенности эмпирического материала обусловили необходимость использования в ней метода объективного прагмалингвистического эксперимента, который применяется в скрытой прагмалингвистике. Этим методом в спонтанной речи Н. Никифорова были определены прагмалингвистические элементы его речевого портрета и обоснован уровень проявления его авторитетности в различных речевых ситуациях. Данные, полученные в результате использования метода объективного прагмалингвистического эксперимента, обрабатывались посредством модифицированного контент-анализа и позволили уточнить, при каких условиях Н. Никифоров актуализирует авторитетность, каким образом она связана с интенсивностью его воздействия на клиентов, подписчиков и телезрителей.

Кроме того, в исследовании применялись методы сопоставительного и интерпретационного анализа при описании отношения полученных данных к доверительному интервалу: меньше его нижней границы, больше его верхней границы и в его пределах.

Результаты и обсуждение

Речевое воздействие психотерапевт осуществляет в первую очередь посредством авторитетности – валидного метода удерживания внимания адресата и положительно качественного изменения его мировоспринимающих установок деструктивного характера. Как показала Е.Э. Уланова, основным критерием авторитетности в психотерапии выступают добро и нравственный смысл [Уланова, 2018, с. 177]. Они перестраивают личностное сознание клиента и снимают блокирующие успех установки.

Авторитетность как прагмалингвистическое понятие имеет множество смысловых вариантов, реализующихся в конкретной ситуации, в которой протекает речевой акт. Лингвистические словари приводят к слову *авторитетность* до 23 синонимов, среди которых выделяются *весомость*, *властность*, *влиятельность*, *представительность*, *доминантность*, *компетентность*, *надежность*, *уверенность*, *категоричность* и др. (Тришин). Каждый из них раскрывает дополни-

тельный смысловой оттенок лексемы *авторитетность* (в зависимости от конкретных пространственно-временных этапов речевого взаимодействия и особенностей того или иного речевого жанра, под которым М.М. Бахтин понимает ситуативный стандарт оформления речепредъявления, правил общения в тех или иных ситуациях [Бахтин, 1996, с. 273]).

С целью диагностирования проявления авторитетности в речевом поведении Н. Никифорова в различных речевых ситуациях был проведен объективный прагмалингвистический эксперимент посредством эмоционально-ориентированной (связанной со слушающим) речевой стратегии скрытого воздействия отправителя текста на получателя «Уверенное / неуверенное речевое поведение автора в речевом событии» (далее – стратегия уверенности), представленной планами категоричного и некатегоричного утверждения.

В многочисленных лингвистических исследованиях, посвященных описываемому явлению, под категоричностью понимается «догматичность, безапелляционность, уверенность»; под некатегоричностью – «предусмотрительность, забота об интересах собеседника, стремление к согласию» (см., например: [Гущина, 2011, с. 154]). Категоричность / некатегоричность могут быть отнесены как к характеристике текста (директивность, императивность, однозначность, конкретность), так и к описанию личностных качеств человека (авторитетность, решительность, твердость, уверенность). В категоричности как свойстве текста некоторые лингвисты видят семантико-прагматическую категорию, отражающую уровень уверенности адресанта в подаваемой им адресату информации, ее безапелляционность и однозначность [Мальшкин, Никитина, 2014, с. 108], в некатегоричности – «косвенное выражение смысла» [Блох, Зиборова, 2013, с. 40]. В основе категоричности / некатегоричности лежат оценочность [Блох, Зиборова, 2013, с. 41] и эмоциональность, которые связаны с интерпретирующей функцией человеческого сознания. Категоричность наделяет речь отправителя неоспоримостью, яркостью, демонстративностью и броскостью, что, безусловно, может реализоваться только авторитетной личностью [Авторитетность и коммуникация, 2008, с. 107].

В скрытой прагмалингвистике категоричность / некатегоричность – речевые средства, выступающие показателем авторитетности говорящего, его инструментом воздействия на слушающего. В зависимости от возмущающей тактики отправитель текста неосознанно актуализирует привычные для себя речевые сигналы, по которым получатель текста формирует психологический портрет своего собеседника как авторитетной или неавторитетной личности.

Сигналами категоричности утверждения являются:

1. Глагольные формы в изъявительном наклонении: *Большинство антидепрессантов достигает максимума эффективности через две недели после начала приема* (интервью).

2. Глаголы в повелительном наклонении: *Вот я тебе сейчас все расскажу, только ты этого не делай!* (сеанс).

3. Высказывания с нулевым глагольным знаком: *В плане психотерапии важная точка – идея самообвинения и самоуничтожения* (интервью).

4. Модальные слова со значением уверенности говорящего в истинности содержания речевого материала: *Конечно, сейчас многие люди говорят, что мы не суеверные. Это все ерунда* (интернет-канал).

5. Глаголы речи с ультимативной семантикой в главной части сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным: *Подчеркну еще раз, что цель выполнения предписания состоит в доведении навязчивой мысли до пресыщения* (интервью).

6. Сказуемое в первой части бессоюзного предложения с пояснением во второй: *Уверен: всегда есть о чем поговорить* (сеанс).

7. Наречия образа действия категорической семантики: *Этот человек решительно отказывается от какого-либо контроля над своими действиями* (интервью).

8. Наречия меры и степени: *Я совершенно искренен сейчас* (сеанс).

9. Слова со значением необходимости: *Важно помочь человеку принять себя* (интернет-канал).

10. Слова с пропозициональным значением да/нет: *Нет, изменить ты ему не можешь. Да, кстати, насчет того, что он ругается или не обращает внимание* (сеанс).

11. Оценочные лексические средства: *Хорошо, если человек примет себя, не требуя от себя невозможного* (интервью).

12. Повторы: *Это породило внутренний конфликт, это породило внутреннее противоречие* (интернет-канал).

13. Перформативы – высказывания, эквивалентные действию, поступку: *Видишь ли: почему женщины так любят себя?* (сеанс).

Среди составляющих предмет изучения функциональной прагмалингвистики лексических маркеров категоричности как проявления коммуникативной категории авторитетности текста и его отправителя выделяются также:

14. Терминологическая лексика: *Эндогенные депрессии имеют определенную периодичность в виде рецидивов (когда возникает новый депрессивный эпизод) и ремиссию (когда состояние человека нормализуется)* (интервью).

15. Эмоционально окрашенные слова и выражения: *Женщинам всегда есть о чем поговорить! И все связано с козлом. Если это коза, то...* (сеанс).

16. Элементы иронии: *И что? Тебя все слушают? Что ты говоришь?!* (сеанс).

17. Окказионализмы (индивидуально-авторские неологизмы): *Говорите все, что взбредает вам в голову. После этого предложения, как правило, пациенты начинают говорить, что в голову к ним ничего не взбредает* (интернет-канал).

Сигналами некатегоричности утверждения являются:

1. Глаголы в условном наклонении: *Знали бы твои подруги, насколько они тебе обязаны* (сеанс).

2. Модальные слова с семантикой неуверенности: *Наверное, поэтому ты и даешь им советы* (сеанс).

3. Смягчение резкости высказывания: *Ты и даешь им советы: ведь они плохих выбрали* (сеанс).

Для диагностирования авторитетности и других связанных с ней личностных качеств психотерапевта Н. Никифорова по стратегии уверенности обратимся к таблице.

Данные таблицы подтверждают, что абсолютно во всех речевых ситуациях в речи Н. Никифорова преобладает категорическое утверждение. Минимальный показатель (67,0 %) зафиксирован в психотерапевтическом сеансе, максимальный – в интервью телепередаче «Крымская правда» (79,8 %) и на интернет-канале (с отрывом в 0,6 % от интервью), в переписке в социальной сети «ВКонтакте» – 77,0 % при среднежанровой величине в 75,7 % и доверительном интервале – 74,0–76,6 %.

Как показывают данные, качественная лингвистическая характеристика планов стратегии неоднородна. Это связано с жанровым своеобразием речи, условиями и целью общения, количественными показателями воспринимающей аудитории. Согласно Е.Э. Улановой, речевое поведение любого человека на телевидении или в соцсети определяется его интенцией не просто создать авторитетный образ, но и находить точки соприкосновения со зрителями или подписчиками [Уланова, 2018, с. 178]. Если учесть это наблюдение, то становится очевидным сформулированное В.А. Мережиковым требование к оратору обладать эрудированностью, высоким профессионализмом, опытом и знаниями специфики тематики повествования (Межериков, 1998, с. 445).

Фрагмент речевого портрета Н. Никифорова по скрытой речевой стратегии «Уверенное / неуверенное речевое поведение автора в речевом событии»

Excerpt from N. Nikiforov’s speech portrait based on the hidden speech strategy “Confident/unconfident speech behaviour of the author in a speech event”

Жанр	Всего МСГ, ед.	План категоричного утверждения, %	План некатегоричного утверждения, %
Психотерапевтический сеанс	500	67,0	33,0
Интервью	500	79,8	20,2
Переписка в соцсети	500	77,0	23,0
Выступление на интернет-канале	500	78,2	21,8
Среднежанровая величина	–	75,7	24,3
Доверительный интервал	–	74,0–76,6	21,1–27,5

Применительно к речи Н. Никифорова это объясняет его частый выбор в интервью на телевидении и интернет-каналах научных понятий, описывающих избегающих общения и депрессивных личностей, симптомы их заболеваний и способы избавления от них:

(1) При тяжелых депрессиях и суицидальных идеях лечение необходимо осуществлять в стационаре, поскольку при выходе из такой депрессии может усиливаться суицидальная активность.

С одной стороны, употребленные Н. Никифоровым медицинские термины, направленные на характеристику диагноза заболевания, сигнализируют не только о его профессионализме, но и о достаточно широком опыте (*может усиливаться суицидальная активность*), позволяющем ему с высокой степенью категоричности говорить о последствиях психоэмоционального сбоя больного, тем самым повышать свой авторитет в глазах целевой аудитории.

С другой стороны, тактика психотерапевта апелляции к собственному опыту заставляет телезрителей подсознательно отождествлять себя с нездоровым человеком:

(2) **В своей практике** я часто сталкиваюсь с проявлениями скрытой депрессии, которая выражается в хронических болях, сохраняющихся при отсутствии патологии, нарушениях ритма сердца или работы желудочно-кишечной системы (синдром раздраженного кишечника). Частым спутником депрессии является нарушение сна в виде трудностей засыпания, ночных пробуждений или ранних пробуждений, поверхностного сна, не несущего чувства отдыха, или полного отсутствия сна.

По замечанию психологов, в эмоционально не сбалансированном состоянии человек легче поддается воздействию [Колесникова, Козлова, 2023], поэтому услышанные симптомы и зрители Н. Никифорова интуитивно начинают искать в себе, чем усиливают внимание к передаче для подтверждения болезни у себя или своих близких.

Дальнейший просмотр становится целенаправленным поиском эффективного средства для избавления от скрытой депрессии. И он предлагается:

(3) Хорошие результаты лечения депрессии дает сочетание медикаментов и психотерапии.

С целью увеличения воздействующей силы своих слов Н. Никифоров прибегает к аргументам к авторитету – апелляции к внешнему для себя и воспринимающей аудитории авторитетному источнику:

(4) Нужно отметить творчество Виктора Франкла, основателя логотерапии, безусловно, незаурядного человека и психотерапевта. В его работах доминировало предположение о некоем более глубоком понимании процессов, происходящих с пациентами в период их страдания какими-то неврозами, навязчивостями.

Для подкрепления авторитетности изложения психотерапевт ссылается на Виктора Франкла, признанного специалиста в области психотерапии, что вовсе не снижает авторитетности самого Н. Никифорова. Наоборот, это служит показателем его высокого профессионализма, свойственного человеку, умеющему отвечать за свои решения при выборе психокорректирующего метода.

В психотерапевтическом сеансе усложненной терминологией речью и апелляцией к внешнему источнику Н. Никифоров решает ряд сопутствующих задач:

(5) Клиент: Ничего не понимаю: женщины жалуются, потому что хвастаются, и хвастаются, потому что жалуются?

Психотерапевт: Это когда как. В психологии есть такая ситуационная парадигма, что в менталитете женщин экзистенциальная суть взаимоотношений имеет глубокий смысл, и этот смысл проецируется на их бессознательную сущность взаимодействий. Поняла?

Клиент: Нет!

Психотерапевт: Я тоже!

В вопросе клиента чувствуется определенное недоверие к психотерапевту и его методам лечения. Безусловно, Н. Никифоров отдает себе отчет в том, что перед ним женщина со средними интеллектуальными способностями, не связанная с психотерапевтической деятельностью. Произнося ответную реплику, насыщенную терминологической лексикой, на первый взгляд, он увеличивает доверительную дистанцию между собой и клиентом. Однако этим он усиливает в речевом взаимодействии свою доминантность как мужчины, а во-вторых, укрепляет свой авторитет как доктора: в глазах клиента делает себя

врачом, в профессионализме которого клиент начинает сомневаться из-за непонимания некоторых позиций психокоррекции.

Фразой *Я тоже!* Н. Никифоров вносит в диалог оттенок иронии, чем снимает определенное напряжение с клиента и реализует один из паттернов провокативной психотерапии – говори с юмором.

По мнению В.И. Карасика, здоровый юмор и ирония как показатель авторитетности ситуативно наделяют отправителя текста статусом вышестоящего [Карасик, 2002, с. 77]. Доктору Н. Никифорову это помогает мягко высмеивать недостатки клиента, создавать видимость общения «на равных», общения в одном психоэмоциональном ключе:

(6) После слова «извини» можно говорить что угодно. Даже анорексичке можно сказать: «Извини, пожалуйста, но ты худая!»

Эмоционально окрашенные слова сглаживают противоречия между партнерами по общению, связанные с неодинаковым отношением к явлению [Гринева, 2017]. В данном примере эмоционально окрашенное разговорное слово *анорексичка* вносит непринужденный тон в беседу.

Как было сказано выше, ирония и юмор – лексические показатели авторитетности, выбираемые говорящим осознанно, – являются предметом анализа функциональной прагмалингвистики. Они формируют фальшь-имидж адресанта и не всегда могут точно отражать его настоящие личностные черты [Попов, Попова, 2022]. Выбор же грамматических форм осуществляется отправителем текста по привычке, интуитивно, поэтому более достоверно характеризуют его.

Широкими диагностирующими возможностями наделен предикат, поскольку по своей природе он обозначает действие, в том числе и речевое. Во всех речевых ситуациях Н. Никифоров использует глагольные формы в изъявительном или повелительном (чаще в сеансе) наклонениях:

(7) Деятельность и бездействие, слова или молчание – все имеет ценность сообщения: они оказывают влияние на других, и эти другие, в свою очередь, не могут не ответить на эти коммуникации («ВКонтакте»);

(8) Если человек говорит надо не слушаться, значит, надо слушаться! (сеанс).

Глаголы в изъявительном наклонении в настоящем времени (*имеет, оказывают*) акцентируют внимание подписчиков на продолжительности, неконечности совершения действия, что делает информацию актуальной как в прошлом, так и будущем. Вневременность изложения позволяет Н. Никифорову расположить к себе слушателя, заинтриговать его содержанием излагаемого вопроса.

Директивным высказыванием *надо слушаться* психотерапевт дает субъективную оценку категоричным советам предшествующего оппонента и побуждает клиента выполнять свои указания, отказавшись от предыдущих: *надо не слушаться*. Конфронтация с другим, незримым авторитетом сигнализирует об уверенности Н. Никифорова в своем опыте и знаниях, позволяющих предложить клиенту конкретную программу действий, направленных на изменение деструктивных установок.

Именно эти профессиональные составляющие помогают психотерапевту воздействовать на адресата, не встречая особого сопротивления:

(9) Психотерапевт: Но теперь условия будут еще более жесткими: вам придется будить сына каждые полчаса между половиной первого и половиной четвертого ночи!

Клиент: Но тогда нам придется бодрствовать все три часа, потому что мы не сможем заснуть!

Психотерапевт: Да, но вам придется сделать это ради той цели, которую мы перед собой поставили.

Зачатки возмущения клиента Н. Никифоров мягко и незаметно нейтрализует пропозициональным *да*, глаголом с ультимативной семантикой *придется* и формой глагола 1-го лица множественного числа *мы перед собой поставили*, которым причисляет себя к кругу ответственных за выздоровление сына клиента. Такое речевое поведение свидетельствует о наличии у Н. Никифорова адекватной самооценки авторитета.

Опишем проявление авторитетности Н. Никифорова в его некатегоричных высказываниях, поскольку некатегоричность осуществляет воздействие на слушателя умеренностью и выдержкой – теми личностными ха-

раактеристиками, которые составляют общий речевой портрет авторитетной личности.

Самый высокий процент некатегоричности диагностирован в речи психотерапевта во время проведения психотерапевтического сеанса – 33,0 % при среднежанровой величине в 24,3 % и доверительном интервале – 21,1–27,5 %. Превышение верхней границы доверительного интервала на 5,5 % именно в сеансе объясняется желанием Н. Никифорова установить контакт с клиентом: показать свое доброе отношение к нему, сгладить его самобичевание за «неправильное» поведение, натолкнуть на путь решения проблемы. Например:

(10) Просто, если бы не твое вмешательство, если бы они не поступали тебе назло, они бы так и не встретили свою любовь.

В данном высказывании психотерапевт резюмирует результат действий клиента, оставаясь при этом в рамках некатегоричного речевого поведения, сигналом чего является глагол прошедшего времени в условном наклонении с частицей *бы*. Некатегоричностью утверждения психотерапевт смягчает ситуацию, преуменьшает ее сложность.

Анализ частотности актуализации плана некатегоричности стратегии уверенности показывает, что некатегоричность в высказывании Н. Никифоров проявляет в те моменты речевого акта, когда дает клиенту совет – некатегоричное выражение мнения о возможных действиях человека, нуждающегося в помощи:

(11) Клиент: Ну, я периодически, очень активно сую нос в чужую жизнь. Меня мучит совесть.

Психотерапевт: Ну, ты могла бы извиниться.

Психотерапевт побуждает пациента к выбору определенного действия (снятие с себя вины), оставляя его волю свободной.

Причем в большинстве некатегоричных высказываний совет Н. Никифоров преподносит в шуточной форме:

(12) Если ты скажешь вон те все фразы, которые мы обсудили, то можно делать, что хочешь.

Давая совет в шуточном тоне, психотерапевт подчеркивает ироничность ситуаций, в которые он попадает или которые создает сам:

(13) Это упущение! Если бы они знали, насколько они тебе обязаны. <...> Я совершенно искренен сейчас. Просто на самом деле я считаю, что мы, мужчины, насколько беспомощны, что нам даже советовать не надо.

В данном высказывании скрытая за формальной некатегоричностью категоричность служит ироничному тону повествования, расслабляет клиента, поднимает ему настроение, и он начинает осознавать абсурдность своих поступков.

Выводы

Отличительным признаком речи психотерапевта является ее категоричность. Она обусловлена необходимостью любого специалиста в области медицины и психокоррекции актуализировать коммуникативную доминантность, эрудированность, профессионализм, уверенность в себе и своих знаниях, умение находить подход к клиенту. Именно эти качества и формируют в глазах окружающих авторитетность профессионала, которая реализуется в категоричности высказываний как ситуативно обусловленной речевой характеристике. Результаты прагмалингвистического эксперимента показали, что больше категоричности психотерапевт проявляет в интервью на интернет-канале и в блогговой переписке, чем в психотерапевтическом сеансе. Это объясняется требованиями речевого жанра и ситуацией, в которой протекает речевой акт. Более мягко отправление сообщения обнаруживает авторитетность в психотерапевтическом сеансе, где некатегоричными высказываниями дает возможность клиенту самому выбрать путь решения проблемы, с которой он обратился к специалисту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авторитетность и коммуникация, 2008 / под ред. В. Б. Кашкина. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т : Изд. дом Алейниковых. 216 с. (Серия «Аспекты языка и коммуникации» ; вып. 4).

- Аверьянов А. И., 2018. Личностные качества экзистенциального терапевта: зарубежный опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. Т. 8, вып. 2. С. 139–151. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.203
- Бахтин М. М., 1996. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Москва : Рус. слов. С. 159–206.
- Блох М. Я., Зибилова А. А., 2013. Проблема некатегорического высказывания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11 (29), ч. 2. С. 39–44.
- Болдырева А. А., Кашкин В. Б., 2001. Категория авторитетности в научном дискурсе // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж : ВГТУ. С. 58–70.
- Гринева М. С., 2017. Вариабельность речевых тактик психотерапевта как фактор эффективного речевого воздействия // Филологические науки КубГАУ. № 129 (05). С. 93–105. DOI: 10.21515/1990-4665-129-008
- Гущина Г. И., 2011. Актуализация категории категоричности / некатегоричности высказывания в языковой картине мира // Современная филология. Уфа : Лето. С. 154–157.
- Зюбина И. А., 2021. Национальная специфика доминирования в речевом поведении политиков // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4. С. 51–61. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-51-61
- Карасик В. И., 2002. Язык социального статуса. Москва : Гнозис. 333 с.
- Колесникова О. И., Козлова Е. А., 2023. Дискурсивная личность лидера и ее ценности в эмоциогенной репрезентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 1. С. 162–172. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.13>
- Малышкин К. Ю., Никитина Л. Б., 2014. Лексико-грамматические маркеры категоричности высказывания // Омский научный вестник. № 5. С. 108–110.
- Матвеева Г. Г., Зюбина И. А., 2017. Речевое поведение авторов исходного и переводного текстов: прагмалингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.10>
- Николенко О. В., Матвеева Г. Г., 2025. Речевой портрет отправителя провокативных текстов // Вестник Череповецкого государственного университета. № 5 (128). С. 136–150. DOI: 10.23859/1994-0637-2025-5-128-11
- Попов Д. Д., Попова В. А., 2022. Лингвистическая идентификация автора и фальсификация идентичности в сети // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 3. С. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.3>
- Сарафанникова Е. В., 2016. Авторитетность в телевизионном новостном сообщении // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. С. 31–34.
- Сафонова М. В., Ковалева О. М., 2021. Анализ социальных представлений современных россиян о «хорошей маме» и «хорошем папе» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. С. 100–109. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-57-3-294
- Степкин Ю. П., 2019. Социальная психология феномена авторитета личности // Психология человека в образовании. Т. 1, № 3. С. 249–257. DOI: 10.33910/2686-9527-2019-1-3-249-257
- Степкин Ю. П., 2022. Природа и сущность «Феномена авторитета личности» // East European Scientific Journal. № 9 (85). С. 13–25. DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.85.311
- Укке Ю. В., 1990. Диагностика сознательности выбора профессии японских школьников // Вопросы психологии. № 5. С. 150–157.
- Уланова Е. Э., 2018. Прагматическая стратегия коммуникативной категории авторитетности (на материале российского ток-шоу «Жить Здорово») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (87), ч. 1. С. 177–183. DOI: 10.30853/filnauki.2018-9-1.40

ИСТОЧНИКИ

- Демонстрация сеанса провокативной психотерапии «Как не давать советы». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WidBngL4kes>
- Крымская правда. URL: <https://c-pravda.ru/news/2021-11-11/budte-zdorovy-75?ysclid=lrn9qe55kn913983996>
- Сайт психологов № 1. URL: <https://www.b17.ru/>

СЛОВАРИ

- Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск : Харвест, 1998. 798 с.
- Межериков В. А. Психолого-педагогический словарь для учителей и руководителей общеобразовательных учреждений. Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. 544 с.
- Тришин В. Н. Словарь синонимов. URL: www.trishin.ru

REFERENCES

- Kashkin V.B., ed., 2008. *Avtoritetnost i kommunikatsiya* [Authority and Communication]. Voronezh, Voronezh. gos. un-t, Izd. dom Aleynikovykh. 216 p. (Seriya «Aspekty yazyka i kommunikatsii» [Series “Aspects of Language and Communication”], iss. 4).
- Averyanov A.I., 2018. Lichnostnyye kachestva ekzistentsialnogo terapevta: zarubezhnyy opyt [Personal Qualities of an Existential Therapist: Foreign Experience]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology], vol. 8, iss. 2, pp. 139-151. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.203
- Bakhtin M.M., 1996. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Sobraniye sochineniy. V 7 t. T. 5* [Collected Works. In 7 Vols. Vol. 5]. Moscow, Rus. slov. Publ., pp. 159-206.
- Blokh M.Ya., Zibirova A.A., 2013. Problema nekategoricheskogo vyskazyvaniya [The Problem of Non-Categorical Statement]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 11 (29), pt. 2, pp. 39-44.
- Boldyreva A.A., Kashkin V.B., 2001. Kategoriya avtoritetnosti v nauchnom diskurse [The Category of Authority in Scientific Discourse]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda* [Language, Communication and Social Environment]. Voronezh, VGTU, pp. 58-70.
- Grineva M.S., 2017. Variabelnost rechevykh taktik psikhoterapevta kak faktor effektivnogo rechevogo vozdeystviya [Variability of Speech Tactics of a Psychotherapist as a Factor of Effective Speech Influence]. *Filologicheskiye nauki KubGAU* [Scientific Journal of KubSAU], no. 129 (05). DOI: 10.21515/1990-4665-129-008
- Gushhina G.I., 2011. Aktualizatsiya kategorii kategorichnosti / nekategorichnosti vyskazyvaniya v yazykovoy kartine mira [Actualization of the Category of Categorical/Non-Categorical Statement in the Linguistic Picture of the World]. *Sovremennaya filologiya* [Modern Philology]. Ufa, Leto Publ., pp. 154-157.
- Zyubina I.A., 2021. Natsionalnaya spetsifika dominirovaniya v rechevom povedenii politikov [National Specificity of Dominance in Politicians Speech Behavior]. *Aktualnyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics], no. 4, pp. 51-61. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-51-61
- Karasik V.I., 2002. *Yazyk sotsialnogo statusa* [Language of Social Status]. Moscow, Gnozis Publ. 333 p.
- Kolesnikova O.I., Kozlova E.A., 2023. Diskursivnaya lichnost lidera i yeye tsennosti v emotsiogennoy reprezentatsii [The Discursive Personality of the Leader and Its Values in the Emotiogenic Representation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 1, pp. 162-172. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.13>
- Malysheva K.Yu., Nikitina L.B., 2014. Leksiko-grammaticheskiye markery kategorichnosti vyskazyvaniya [Lexical and Grammatical Markers of Categoricality of the Statement]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], vol. 5, pp. 108-110.
- Matveeva G.G., Zyubina I.A. 2017. Rechevoye povedeniye avtorov iskhodnogo i perevodnogo tekstov: pragmalingvisticheskiy aspekt [Speech Behavior of Original and Translated Texts' Authors: Pragmalinguistic Aspect]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 103-111. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.10>
- Nikolenko O.V., Matveeva G.G., 2025. Rechevoy portret otravatelya provokativnykh tekstov [Speech Portrait of the Sender of Provocative Texts]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], no. 5 (128), pp. 136-150. DOI: 10.23859/1994-0637-2025-5-128-11
- Popov D.D., Popova V.A., 2022. Lingvisticheskaya identifikatsiya avtora i falsifikatsiya identichnosti v seti [Linguistic Identification of the Author and Identity Falsification on the Web]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 3, pp. 29-38. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.3>

- Sarafannikova E.V., 2016. Avtoritetnost v televizionnom novostnom soobshchenii [Authority in Television News Reporting]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya* [VSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 4, pp. 31-34.
- Safonova M.V., Kovaleva O.M., 2021. Analiz sotsialnykh predstavleniy sovremennykh rossiyan o «khoroshey mame» i «khoroshem pape» [Analysis of Social Perceptions of Modern Russians About a “Good Mother” and a “Good Father”]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafyeva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev], pp. 100-109. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-57-3-294
- Stepkin Yu.P., 2019. Sotsialnaya psikhologiya fenomena avtoriteta lichnosti [Social Psychology of the Phenomenon of Personal Authority]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii* [Psychology in the Schools], vol. 1, no. 3, pp. 249-257. DOI: 10.33910/2686-9527-2019-1-3-249-257
- Stepkin Yu.P., 2022. Priroda i sushhnost «Fenomena avtoriteta lichnosti» [The Nature and Essence of the “Phenomenon of Personal Authority”]. *East European Scientific Journal*, no. 9 (85), pp. 13-25. DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.85.311
- Ukke Yu.V., 1990. Diagnostika soznatelnosti vybora professii yaponskikh shkolnikov [Diagnostics of Consciousness of Choice of Profession of Japanese Schoolchildren]. *Voprosy psikhologii* [The Issues Relevant to Psychology], no. 5, pp. 150-157.
- Ulanova E.E., 2018. Pragmaticheskaya strategiya kommunikativnoy kategorii avtoritetnosti (na materiale rossiyskogo tok-shou «Zhit ZdOrovo») [Pragmatic Strategy of the Communicative Category of Authority (By the Material of the Russian Talk Show “Zhit ZdOrovo” (“Healthy Life”))]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 9 (87), pt. 1, pp. 177-183. DOI: 10.30853/filnauki.2018-9-1.40

SOURCES

- Demonstratsiya seansa provokativnoy psikhoterapii «Kak ne davat sovety»* [Demonstration of a Provocative Psychotherapy Session: “How Not to Give Advice”]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WidBngL4kes>
- Krymskaya pravda* [Crimean Truth]. URL: <https://c-pravda.ru/news/2021-11-11/budte-zdorovy-75?ysclid=lrn9qe55kn913983996>
- Sayt psikhologov № 1* [The No. 1 Website for Psychologists]. URL: <https://www.b17.ru/>

DICTIONARIES

- Golovin S.Yu. *Slovar prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of a Practical Psychologist]. Minsk, Harvest Publ., 1998. 798 p.
- Mezherikov V.A. *Psikhologo-pedagogicheskiy slovar dlya uchiteley i rukovoditeley obshcheobrazovatelnykh uchrezhdeniy* [Psychological and Pedagogical Dictionary for Teachers and Heads of General Education Institutions]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998. 544 p.
- Trishin V.N. *Slovar sinonimov* [Dictionary of Synonyms]. URL: www.trishin.ru

Information About the Authors

Olga V. Nikolenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language in Professional Activities, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, olganikolenko15011977@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7163-6872>

Galina G. Matveeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, gegemat2337633@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6407-4274>

Информация об авторах

Ольга Викторовна Николенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного в профессиональной деятельности, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, olganikolenko15011977@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7163-6872>

Галина Григорьевна Матвеева, доктор филологических наук, профессор кафедры интегративной и цифровой лингвистики, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, gegemat2337633@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6407-4274>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.12>

UDC 81'42:004.738.5

LBC 81.006.3

Submitted: 02.09.2024

Accepted: 11.11.2025

TYOLOGY OF INTERNET MEMES AS ICONIC LINGUACULTURAL SYMBOLS

Larisa S. Abrosimova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article discusses Internet memes as a novel folklore genre of the digital environment, which is becoming more relevant due to the emergence of new types of visual communication. The units of digital folklore – memes – represent a valuable source of cultural information due to their tendency to reflect, keep, store and convey the essential concepts and elements of a specific ethnoculture. The given typology is based on the analysis of Russian and American Internet memes issued between January 2020 and April 2022. The typology includes various aspects of memes: form and genre, variety, type, distribution, topics, novelty of information, images, comic techniques. This information helps to identify the linguacultural specificity of memes. The language used in memes is usually original and also reflects some cultural information which is presented by word order, diminutive units, elliptical forms, precedent names, various forms of direct address, etc. Comic devices differ from culture to culture, demonstrating certain attitudes and specificities. The visual images used in memes also carry cultural information. The topics covered by memes are often relevant to some specific nation and may not be perceived or interpreted correctly by other nations. Thus, the suggested typology, the analysis and comparing ethnically-oriented memes can contribute to revealing up-to-date similarities and differences of the compared cultures, which can be used for further development of cultural linguistics.

Key words: culture, cultural linguistics, internetlore, internet meme, memes' typology.

Citation. Abrosimova L.S. Typology of Internet Memes as Iconic Linguacultural Symbols. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 170-177. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.12>

УДК 81'42:004.738.5

ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 02.09.2024

Дата принятия статьи: 11.11.2025

ТИПОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ КАК ИКОНИЧЕСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ

Лариса Сергеевна Абросимова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье интернет-мемы описаны как новый фольклорный жанр цифровой среды, актуализируемый в связи с изменением и появлением новых видов визуальной коммуникации. Рассматривается потенциал изучения интернет-мемов, представляющих собой многогранным источником культурной информации благодаря способности отражать, сохранять и передавать значимые понятия и элементы конкретной этнокультуры. Разработанная типология основана на анализе российских и американских интернет-мемов, созданных в период с января 2020 г. по апрель 2022 г., и включает различные аспекты мемов: форму и жанр, структуру, происхождение, распространение, темы, новизну информации, используемые образы, комические приемы. Данная информация помогает устанавливать лингвокультурную специфику исследуемых единиц сетевого жанра. Язык мемов обычно оригинален и передает некоторые культурные особенности (обращения, порядок слов, уменьшительно-ласкательные формы, эллиптические конструкции, прецедентные имена и т. д.). Используемые в мемах образы также несут культурную информацию. Темы, затрагиваемые мемами, часто актуальны для определенной нации и могут неправильно интерпретироваться или вообще не восприниматься другими нациями. Комические приемы различаются в разных культурах, демонстрируя те или

иные специфические установки. Предложенная типология мемов способствует выделению сходств и различий сравниваемых культур, что составляет перспективу для дальнейшего развития лингвокультурологии.

Ключевые слова: культура, лингвокультурология, интернетлор, интернет-мем, типология мемов.

Цитирование. Абросимова Л. С. Типология интернет-мемов как иконических лингвокультурных символов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 170–177. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.12>

Introduction

Linguacultural studies enable us to see into different aspects of culture hidden within linguistic units, therefore, we can acquire a deeper understanding of varied cultures. Thorough research of the texts from both previous centuries and the current one enables discovery that some cultural elements have long been forgotten, whereas others are still relevant. However, with the development of digital technologies, it has become clear that the subject of the current research can be represented by unconventional units of language or culture. Due to high usage and relevance of such units within online and offline communication, they convey a more detailed picture of the current culture and their analysis can offer an in-depth insight into preferences, values, and even the daily routine of a member of a particular culture. This knowledge has many applications in the fields of varied human sciences (linguistics, cultural studies, cross-cultural communication, language pedagogy, etc.) and is continually developing.

Both linguistic and cultural researchers often define folklore as a valuable source for understanding cultures, due to its tendency to reflect, keep and convey significant concepts and elements of a separate ethnoculture. Verbal culture is understood as a part of general ethnic culture, including language and forms of literature based on it, and, on the other hand, as a reproducible component of social and linguistic practice. Thus, verbal culture has a depth and includes at least three layers: language, folklore, and literature [Dampilova et al., 2020, p. 10]. The main limitation of folklore is that it falls into waning phenomena and is mostly present in rural habitats with a patriarchal model of living [Neklyudov, 1995, p. 2]. According to the Federal State Statistics Service records, the population of the Russian Federation is mainly urban (74.7%). Still the ability to create and to replicate folklore pieces and elements has not disappeared, but has transformed

into new types of folklore: *post-folklore* and *digital lore*. The generally accepted use of the term *post-folklore* refers to a folk culture of city residents, while *digital lore* stands for amateur creative activities within internet communication [Neklyudov, 2010]. The etymology of “folklore” reflects “folk” (people) and “lore” (traditional knowledge). Memes can be considered as units of folklore as they are created by people and reflect their knowledge, however, not always traditional. Prototypes of both memes and folklore units can be represented by inanimate objects, animals, man, their words, their images and others. Obviously, memes have a narrower range of implications than folklore, and their popularity has a shorter period of existence. Nevertheless, they always address people’s emotions, experience and sociocultural peculiarities. Memes, as well as folklore units, transfer information and imply some acting force on the recipient.

The technological progress has given internet users the ability to be more creative during their online communication, and that led to the emergence of new information units – “memes”. The term *meme* was introduced by a British ethologist Richard Dawkins in “The Selfish Gene” (1976), in which the term (a neologism combining the word *gene* with the Greek *mimema* – something which is imitated) is used as a cultural counterpart of a gene. According to R. Dawkins, memes encode cultural information which can be replicated and evolve in the same way genes do [Dawkins, 2013, p. 109]. However, the term acquired its worldwide-recognized definition after Mike Godwin’s article for “Wired” in 1994 [Mayer, 2018]. “Memes in modern studies have been analyzed from the positions of ethology and evolutionary epistemology, cybernetics, medialogy, memetics, political PR, principled computing, evolutionary, cognitive and visual sociology, cultural hermeneutics, multimodality and precedent concept in mass culture, translatology, cultural linguistics and linguistic

creativity” [Rebrina, Shamne, 2022, p. 40]. One of the most detailed research findings on memes has been presented in Limor Shifman’s book “Memes in Digital Culture” where he defined Internet memes as: “(a) a group of digital items sharing common characteristics of content, form, and/or stance, which (b) were created with awareness of each other, and (c) were circulated, imitated, and/or transformed via the Internet by many users” [Shifman, 2014, p. 41]. It is obvious that the development of this new phenomenon will evolve rapidly, as visual communication is gaining momentum. Today, universities offer courses on the study of visual communication in general and Internet memes in particular. For example, a course “Memes and the Language of the Internet” is now available at Brown University in the USA.

Materials and methods

The methodological basis of this paper is formed by scientific views of foreign and domestic researchers. In this study, we adopted the definition formulated by S.A. Shomova, which defines a meme (or medimeme) as a distinct type of media message. It is characterized by a short excerpt of media text, which is notable for the real and/or prescribed-by-the-audience symbolic meaning that combines informational content with a vivid “package.” Due to these characteristics memes tend to be copied by the audience. Such memes can serve as the expression of the values belonging to a particular group, memes create the “inner” language of the group, record and keep significant symbols, rituals, moments of history etc.” [Shomova, 2018, p. 13]. Within Shomova’s definition the term is understood to be a complex structure, which should be studied. Therefore, we suggest researching and formulating a typology of memes for a more efficient comprehension of this phenomenon.

The main downside with a significant portion of literature on memes is that this unit is a recent invention and the majority of papers are still devoted to the definition of memes, their characteristics or analysis of a specific meme. The first investigations into meme typology were carried out by Douglas Rushkoff. In his book, Rushkoff equates memes to media viruses and differentiates them according to their origin: 1) artificially created ones (initiated on purpose), 2) coopted ones (appeared organically but then were used by concerned parties); 3) autogenic

ones (created and spared without other parties being involved) [Rushkoff, 2003, p. 14].

Another example of early attempts to systematize memes into categories belongs to Michele Knobel and Colin Lankshear. They analyzed and made a typology of popular Internet memes based on the type of meme purpose [Knobel, Lankshear, 2007, p. 218], distinguishing *social commentary purposes; absurdist humor purposes; otaku or manga fan purposes; hoax purposes.*

A.G. Kvyat has investigated Internet memes from a PR angle and suggested a typology based on the way the memes are actualized in media objects: 1) speech clichés (quotations, proverbs); 2) visual and audiovisual objects (photos, drawings, videos); 3) images of real and fictional characters of media space; 4) company or product brands; 5) thematically dominant ideas within the media space (Olympic games, Eurovision) [Kvyat, 2013].

L. Shifman [2014] has developed the typology centered on genres of memes: 1) documentation on “real-life” (Reaction Photoshops; Photo Fads; Flash Mob); 2) explicit manipulations of visual or audiovisual mass-mediated content (Lipsync; Misheard Lyrics; Recut Trailers); 3) a new universe of digital and meme-oriented content (LOLCats; Stock Character Macros; Rage Comics).

Much work on the potential classification of memes has been carried out since 2015, however, there are still some crucial issues – all of those typologies focus on one-two features of memes. If M.I. Gromovaya based the typology on their sources [Gromovaya, 2015, p. 28], N.S. Kirdeeva and A. N. Romaniuk on the chronology [Kirdeeva, Romaniuk, 2015], V. Kozulya chose the content and spread [Kozulya, 2018], S.-Y. Her and M. Zharova focused on types of irony [Her, Zharova, 2015], V. Chagas et al. on the types of political memes [Chagas et al., 2019].

Having analyzed the scope of academic publications on memes we came to the conclusion that the most detailed research of meme typology has been carried out in Russia [Shchurina, 2014; Zinovyeva, 2015; Shomova, 2018]. They have paid attention to the complexity of memes and made their classifications keeping that in mind, thus, while creating our own typology, we will ground it on their works.

In the course of research various methods were used: the selection of relevant empirical material (memes presented in Russian and

American media), the classification of the memes according to different principles on the basis of meaning explication and interpretation; discursive analysis; content analysis; the method of linguistic and cultural analysis. We have cross-referenced various attempts of classifications conducted by different sources (even though not all of them were made by linguists due to the novelty of the memes as a unique phenomenon worth studying). The overall principle of material selection is based on the content of linguistic and cultural information reflected in the memes. The proposed typology of memes includes different aspects: their structure, origin, expansion, distribution, thematic reference, novelty, comic techniques, visual representation. It is worth mentioning that due to the specifics of the meme structural peculiarities, one Internet meme may simultaneously be reflected in several categories. As has been mentioned above, the works by Yu.V. Shchurina, N.A. Zinovyeva, S.A. Shomova are the main backbone for the classification presented in this paper.

Our method of Internet memes studying relies mainly on perceiving memes as linguacultural units, since they carry some information about cultures or subcultures within complex and unusual units. The selection under analysis includes 1071 units of Russian memes and 871 American memes issued between January 2020 and April 2022, they were selected from the Internet sources (social networks, forums, memes collections): Know Your Meme, Memepedia, Reddit, 2ch, VK. The majority of the units contain a linguistic aspect (whether it's a written or oral speech), the only exceptions are "ultimate" visual memes (represented only by a picture) or audio memes (represented by a tune). However, we still can find cultural information in the units without any words. For example, the music track "Voland" from the film "Master and Margarita" can be found in videos (with mice, hedgehogs or strange yard decorations in Russia). This clash of visuals and music creates a comic effect, and an ordinary object or activity starts referring to the Satan's ball of M.A. Bulgakov's work. This example shows that even audio can have precedent features and keep cultural information. Hence, our aim in this research is to offer a typology with cultural information in mind, so it would be effective in further studies in the fields of other humanities. In the course of this research we have collected, analyzed and classified Russian and American

memes according to the linguistic and cultural elements hidden in different elements of memes.

Results and discussion

Mememes represent complex phenomena whose main characteristics include place and date, types of addressing, origin and initiator, object and subject of ironic-critical interpretation, the level of inclusion in culture, replicated components, functioning specifics of the precedent phenomenon, interaction paths between visual and verbal, patterns of meaning generation, means of creating comic effect, resulting impact, field structure, genre varieties [Rebrina, Shamne, 2022, p. 38].

In order to find out how cultural information can be conveyed by memes, we have studied some of their aspects: 1) themes the joke is about; 2) visual images used for the illustration of the events or actions in the joke; 3) comical techniques used in memes.

Within the current research, the author proposes the multilateral classification (taking into account the complexity of the digital phenomenon) which can be used as the way to systematize memes according to different criteria. The linguistic and cultural peculiarities of the analyzed memes can be researched further in the studies devoted to different ethnicities, their culture and mentality.

The classification we propose includes memes grouped according to various criteria: by form and genre, by origin, by structure, by distribution area, by distribution method, by theme, by information novelty, by image type, and by comism forms. Thus, the following typology of memes is suggested:

1. According to the form and genre of meme actualization:

a) verbal/textual (written or oral constructions with variable quotations or proverbial phrases, interjections, onomatopoeia, borrowings, coinages, intentional violation of the language norms, occasionalisms);

b) audial (Songs, Tunes, Echoism);

c) visual (Photos, Photo edits, GIF);

d) creolized (Comparatives, Demotivators, Advice, Comics);

e) multimedia (Videos, Coubs, Challenges).

2. According to the structure:

a) monomeme (minimal, self-contained memes including recognizable information);

- b) complex meme (a meme that combines more than one piece of meme information);
- c) cluster (a meme, which is a combination of different variations of meme units in one example).

3. According to their origin:

- a) original (a meme that was created in the culture in which it is mostly spread);
- b) borrowed (a meme that was created in a certain culture but borrowed by another without much change);
- c) adapted (a meme that was created in a certain culture but borrowed by another one and adapted to it with some changes).

4. According to their expansion:

- a) local (memes, whose ideas are understandable and close to the representatives of social groups united by certain principles (place of work, place of study, place of residence));
- b) territorial (memes, whose ideas are understandable and close to the representatives of a certain territory);
- c) global (memes that are understandable and close to the residents of different countries/cultures).

5. According to their distribution:

- a) forced (memes, which are created and deliberately launched to motivate the public to take certain actions (often to purchase a certain product or service));
- b) co-opted (memes that were originally created “naturally” but then used by third parties for their own purposes (commercial or political));
- c) spontaneous (memes, which are created and distributed by Internet users spontaneously due to their qualities (humor, relevance, reaction, etc.)).

6. According to the topic:

- a) global (memes that reveal global problems of a socio-natural character (global disasters, social inequality, environmental problems, political problems, etc.));
- b) common (memes that reveal problems of everyday life (interpersonal relationships, study, work, entertainment, etc.));
- c) specialized (memes that can be relevant for the representatives of a certain group (professional, religious, etc.)).

7. According to the novelty of information:

- a) background (memes, the relevance of which is based on the background knowledge of the recipients);

- b) current (memes, the relevance of which is based on current news).

8. According to the images used (Real people, Meme characters, Animals, Literature, Films, Cartoons, Series and TV Shows, Video games, Historical or cultural figures).

9. According to the comical technique (Humor, Sarcasm, Irony, Post-irony, Meta-irony, Satire, Parody, Pun, Abstract humor, Dark humor).

The linguacultural information can be revealed at different levels and types of the proposed typology either explicitly or implicitly. First of all, belonging to a specific culture, creators of memes definitely have some background information and a specific world view which may be reflected in the memes. Secondly, the language used for text messages is normally original. At that, some language structures display the peculiarities of the original language (direct addresses, word order, punctuation, abbreviations, diminutives, elliptical constructions, precedent names, etc.). The used images (real people, animals, literature, cartoon and movie characters, political or cultural figures) can also render cultural information (US, Russian, Belorussian presidents; Bill Gates; Elon Musk; Harry Potter; Dolly Parton; Eminem; Sally from American comedy “Monsters University”; Leonardo DiCaprio; Mark Zuckerberg; Valentina Tereshkova; Russian singers; a Russian military male, et al.). The themes covered by memes can be transparent only to a specific nation and may be misinterpreted by the representatives of other cultures. For example, the meme “Card declined” illustrates a situation in which an American male is unable to pay for medical services as his card is declined, and he gets deprived of what has been achieved (a psychologist is trying to put the patient back into depression, a doctor is cutting off a recently attached limb, etc.). This creolized meme appeared on the website Reddit and was picked up by other social networks and countries. The meme raises a pressing issue more relevant for America than for Russia: the cost of medical services. In the Russian community, this format was used to mock one of the main problems of the country: roads, namely their poor quality.

The usage of comical techniques can also differ from culture to culture. For example, the English are fond of puns more than the Russians, and they use puns in memes quite often (the image of a disheveled dog, saying: “*Today is ruff (rough)*”;

the image of a buffalo-father and buffalo-son and the text, “*What did the buffalo say to his son when he left for college?*” – “*Bison*” (Bye, Son!)).

The effectiveness of the proposed typology will be shown through the analysis of the meme, which was popular in Russia in 2019–2020 (see Figure) and its numerous variations which have appeared in the Internet discourse since then.

This particular meme has a **creolized** form of actualization: the visual part is represented by a photo of cats (and the angle of it makes us think of the regular habit of these pets – waking the owner in the morning in order to ask for food); in the textual part we can see the following phrases:

Natash, are you sleeping? It's 6 a.m. already, Natash. Oil costs 32\$. \$ is 72P. € is 82P. Get up, we've dropped everything. We have dropped pretty much every single thing, Natash, honestly (Natasha, We Dropped...).

According to the structure, this meme is a *complex* one, due to the current form not being an original one and it's a combination of an older meme-comic with the new form revealing more than one piece of information (oil crisis and currency depreciation). This meme was made by Russian Internet users during COVID-19 pandemic and was used originally only within the country (and some of the CIS countries) which makes the meme *original and territorial*. We ascribe

the meme to the *co-opted* ones because it was created and spread by regular users, but then some big corporations used it for marketing (*yoghurt “Sloboda”, online shop “Ozon”, “Alfabank”*). According to the themes, this meme is more *global* since it was repeatedly transformed in reference to new events, for example, the economic oil crisis of 2020, the depreciation of the Russian currency, eventually acquiring an overall meaning “loss of control over a situation.” This makes the unit under analysis a *based-on-current-information* meme, since it initially would be clear only to people who are interested in the news and only within some limited time period (2019–2020). It is clear that the expansion of memes can cause new interpretations within the given classification and the question about the boundary type of memes remains open, since there are still no clear criteria for assigning memes to separate groups, classes, families. A meme is a recent phenomenon, and we cannot predict its “life expectancy” and the number of its transformations and expansions. The further it transforms, the harder it is to trace their etymology. For the time being we will consider all the variations of the original meme “*Natash, are you sleeping?*” as family members after Segev et al. [2015] since they are represented by “numerous visible versions” and “are bound by two forces: specific quiddities and general attributes that derive from the context of meme culture” [Segev et al., 2015, p. 419].

A complex meme type “Natasha, We Dropped Everything There”

The cats from the meme have already turned into *meme characters*, but it also should be pointed out that the choice of the animal might be culturally driven, because the studies show that Russians prefer to have cats as pets (54% in 2019 according to All-Russian Center for the Study of Public Opinion). That aspect gives us an insight into daily routine of the citizens. The name *Natasha* is also chosen by the creator on purpose: this Russian name is often used worldwide for denoting any Russian woman. According to the comical technique, this meme belongs to satire, because it mocks both the situation with the cats and the situation in the economy.

The meme analysis shows how the typology works and how effectively it can be used for finding specific features of the meme and culture. It is worth mentioning that the featured typology allows us to considerably review more different aspects of memes which other attempts of meme classifications lack. Moreover, by performing the detailed analysis with various memes and comparing them with the memes of some other countries we can find up-to-date similarities and differences of the compared cultures.

Conclusion

The prevalence of audiovisual communication and the use of recording devices, the Internet and other ways of distant communication have contributed to creation of new communication environment. We have witnessed the

formation of a new type of communication: network or Internet communication, whose texts are organized into “Internetlore” (with memes having become a part of it) which is characterized by some properties of folklore (reproducibility, changeability, anonymity or loss of authorship, use of clichés, etc.).

It is necessary to emphasize that the thorough study of Internet memes enables getting confirmation for both the existing knowledge of cultures and new, undocumented ones. The typology presented in this article points to various aspects of memes (form and genre, structure, origin, expansion, theme, novelty of the information, used images, comical techniques) which definitely reveals units of linguacultural information. Thus, creators of memes are representatives of a certain culture and their world view is being reflected in the memes. Besides, the language used in memes is usually original with its linguistic peculiarities conveying some cultural specificities (addresses, word order, diminutives, elliptical constructions, precedent names, etc.). The used images in memes also render cultural information. The themes touched upon by memes are often relevant to one national community and may not be perceived or may be misinterpreted by other nations. Comical techniques also differ from one culture to another. Consequently, the further development and usage of the aforementioned typology can help with the meme analysis and its applications in modern cultural linguistics.

REFERENCES

- Chagas V., Freire F., Rios D., Magalhães D., 2019. Political Memes and the Politics of Memes: A Methodological Proposal for Content Analysis of Online Political Memes. *First Monday*, vol. 24, no. 2 (Febr. 2019). DOI: <https://doi.org/10.5210/fm.v24i2.7264>
- Dampilova L.S., Silantiev I.V., Kim I.E., Kuzmina E.N., Shatin Yu.V., 2020. Universalii verbalnoy kultury: v poiskah obshchego ponyatiya [Universals of Verbal Culture: In Search of a Common Concept]. *Siberian Journal of Philology*, no. 4, pp. 9-28. DOI: 10.17223/18137083/73/1
- Dawkins R., 2013. *Egoistichnyy gen* [The Selfish Gene]. Moscow, AST Publ., CORPUS Publ. 512 p.
- Gromovaya M.I., 2015. Internet-mem kak lingvokulturema sovremennogo filologicheskogo analiza [Internet-Meme as a Linguocultureme of Philological Analysis]. *Mova*, no. 23, pp. 27-31.
- Her S.-Y., Zharova M., 2015. *Memes: A Microcosm of Art History*. Berlin. URL: <https://youtu.be/zXEPC5hHTRU>
- Kirdeeva N.S., Romaniuk A.N., 2015. Internet-memy v angliyskom yazyke [Internet-Memes in the English Language]. *Inostrannyye yazyki v ekonomicheskikh vuzakh Rossii. Vserossiyskiy nauchno-informatsionnyy almanah* [Foreign Languages in Russian Economic Universities. All-Russian Scientific and Informational Almanac]. Saint Petersburg, SPbGEU, pp. 9-13.

- Knobel M., Lankshear C., 2007. Online Memes, Affinities, and Cultural Production. Lankshear C., Knobel M., Bilgum C., Peters M., eds. *A New Literacies sampler*. New York, Peter Lang Publishing Inc. 252 p.
- Kozulya V., 2018. *Vvedenie v prikladnuyu memologiyu* [Introduction to Applicative Memology]. Moscow. URL: <https://vk.com/@futurepunk2077-vvedenie-v-prikladnuu-memologiu>
- Kvyat A., 2013. Mediamem kak instrument politicheskogo PR: kognitivnyy podhod [Mediameme as a Tool of Political PR: Cognitive Approach]. *Mediascop*. URL: <http://mediascope.ru/node/1254#24>
- Mayer J., 2018. *The Origin of the Word "Meme"*. New York. URL: <https://www.sciencefriday.com/articles/the-origin-of-the-word-meme/>
- Neklyudov S.Yu., 1995. Posle folklora [After Folklore]. *Zhivaya Starina*, pp. 2-4.
- Neklyudov S.Yu., 2010. *Postfolklor – sovremennyy russkiy gorodskoy folklor* [Postfolklore – Contemporary Russian Urban Folklore]. URL: <https://www.sciencefriday.com/articles/the-origin-of-the-word-meme/>
- Rebrina L.N., Shamne N.L., 2022. Internet Memes as a Relevant Format of Political Communication in Germany (The Case of the Thematic Group “Olaf Scholz”). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 4, pp. 38-58. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.3>
- Rushkoff D., 2003. *Mediavirus! Kak pop-kultura tayno vozdeystvuet na vashe soznanie* [Media Virus! How Pop Culture Secretly Influences Your Mind]. Moscow, Ultra-kultura Publ. 368 p.
- Segev E., Nissenbaum A., Stoloro N., Shifman L., 2015. Families and Networks of Internet Memes: The Relationship Between Cohesiveness, Uniqueness, and Quiddity Concreteness. *Journal of Computer-Mediated Communication*, no. 20, pp. 417-433. DOI: 10.1111/jcc4.12120
- Shchurina Yu.V. 2014. Internet-memy: problema tipologii [Internet-Memes: The Problem of Typology]. *Vestnik Cherepovetskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. Cherepovets, pp. 85-89.
- Shifman L., 2014. *Memes in Digital Culture*. Massachusetts, MIT Press. 168 p.
- Shomova S.A., 2018. *Memy kak oni est: ucheb. posobie* [Memes as They Are. Textbook]. Moscow, Aspektpress Publ. 136 p.
- Zinovyeva N.A., 2015. Vozdeystvie memov na Internet-polzovately: tipologiya Internet-memov [The Influence of Memes on the Internet Users: Typology of Internet-Memes]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], no. 1, pp. 195-201.

SOURCES

- “Natasha, We Dropped Everything There”: How One Meme Became a Symbol of All Problems. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/688165-natash-my-tam-vse-uronili-kak-odin-mem-stal-simvolom-vsekh-problem>
- Know Your Meme: Internet Meme Database. URL: <https://knowyourmeme.com/>
- Memepedia. URL: <https://memepedia.ru/>
- Reddit. URL: <https://www.reddit.com/>
- 2ch. URL: <https://2ch.org/>
- VK. URL: <https://vk.com/>

Information About the Author

Larisa S. Abrosimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the English Language Theory and Practice, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, labrosimova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2244-4329>

Информация об авторе

Лариса Сергеевна Абросимова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, labrosimova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2244-4329>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.13>

UDC 81'42:2-23
LBC 81.055.1

Submitted: 10.03.2025
Accepted: 02.12.2025

**THE PHILOSOPHICAL CONCEPTUALIZATION OF SACREDNESS:
ON SEMANTIC AND STRUCTURAL ORGANIZATION
OF RELIGIO-PHILOSOPHICAL TEXTS**

Sergey M. Pashkov

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with the relevant problems of categorial text modeling and text formation in the context of sacredness as a fundamental category of religious mind. With intertextuality theory approach the religio-philosophical text is analyzed, the latter being defined as an intertext, a form of positive philosophical conceptualization of sacredness. The algorithm of language analysis that embraces semantic and structural organization of the text under study is suggested. The research into its semantics is concerned with the analysis of: a) language means representing sacred knowledge; b) language means representing philosophical categories in the context of which sacredness is studied. The religio-philosophical text structure reflects ontology of rational cognitive activity carried out on the border of religion and philosophy. 'Compositional pragmatic segment' is analyzed as a structural unit of the text type under discussion ('problem history,' 'setting aim (objectives),' 'argumentation,' and 'conclusion'). The research results show that unlike scientific communication religio-philosophical text structure is deprived of such segments as 'scientific hypothesis,' 'experiment,' and 'scientific forecast.' It is proved that gnoseological heterogeneousness of religio-philosophical knowledge (sacred and philosophical) preconditions the absence of the segment 'proofs' and its actualization within 'argumentation' segment. The mentioned structural specificity is explained by the impossibility of verifying and falsifying sacred knowledge.

Key words: sacredness category, intertextuality, sacred intext, gnoseological contextualization of sacredness, analytic philosophy, religio-philosophical text.

Citation. Pashkov S.M. The Philosophical Conceptualization of Sacredness: On Semantic and Structural Organization of Religio-Philosophical Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 178-189. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.13>

УДК 81'42:2-23
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 10.03.2025
Дата принятия статьи: 02.12.2025

**ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ САКРАЛЬНОСТИ:
К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ**

Сергей Михайлович Пашков

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам категориального моделирования текста и механизмам его образования в аспекте сакральности как универсальной категории религиозного сознания. С позиций теории интертекстуальности исследован религиозно-философский текст, представляющий собой интертекст и форму позитивно-философской концептуализации сакральности. Предложена схема лингвистического анализа структурно-семантической организации данного текста. Изучение семантики текста потребовало обращения к языковым средствам: а) идентифицирующим тип сакрального знания; б) репрезентирующим философские категории, в контексте которых сакральность осмысливается. Показано, что структура религиозно-философского текста отражает онтологию рациональной когнитивной деятельности на стыке двух форм познания – религии и философии. Структурной единицей описываемого типа текста рассматривается «композиционно-прагматический сегмент» («история вопроса», «постановка цели (задача)», «аргументация», «заклучение»). Установлено, что в отличие от научного текста для структуры религиозно-философского текста не характерны сегменты «выдвижение гипотезы», «проведение эксперимента», «доказательство» и «научный прогноз». Выявлено, что в силу гносеологической гетерогенности религиозно-философского знания (сакральное, философское) сегмент «доказательство» в анализируемом тексте реализуется через сегмент «аргументация», поскольку сакральное знание не может быть ни верифицировано, ни фальсифицировано.

Ключевые слова: категория сакральности, интертекстуальность, сакральный интекст, гносеологическая контекстуализация сакральности, аналитическая философия, религиозно-философский текст.

Цитирование. Пашков С. М. Философская концептуализация сакральности: к вопросу о семантико-структурной организации религиозно-философских текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 178–189. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.13>

Введение

Интерпретативный характер реальности является одним из факторов, обуславливающих интерес человека к различным видам знания в процессе ее осмысления. В силу того, что в настоящее время отсутствует возможность теоретического обоснования всеобщей теории реальности [Nagel, 2010, p. 26], мысль о гносеологической разности, но равноценности философии, религии, искусства и науки не теряет своей актуальности. Особый интерес, в том числе и научный, наблюдается к категориям религиозного сознания, среди которых сакральность рассматривается в качестве фундаментальной.

В настоящей работе под сакральностью понимается смысловая категория сакрального текста (библейского), детерминирующая его семантику и структуру, реализуемая посредством разноуровневых языковых средств и функционально направленная на репрезентацию особого типа знания – сакрального. Данный тип знания представляет собой трехкомпонентную семантическую структуру, инкорпорирующую семантику сакральной ономотологии (знание о Боге, то есть Его Имена), сакральной императивности (знание об отношении Бога к человеку, то есть Его заповеди) и сакральной эсхатоло-

гии (знание о посмертной участи человека) (подробно см.: [Пашков, 2023]).

Упомянутый выше интерпретативный характер реальности предопределяет не только равноценность знаний, но и тенденцию к их интеграции, и выход за пределы единой предметности становится необходимой методологической основой описания сложных научных объектов [Постовалова, 2017, с. 9]. Все это, конечно, прогнозирует формирование сложных текстовых структур. Так, синкретизм поэтического и философского ведет к образованию поэтико-философских текстов [Азарова, 2010; Вольский, 2008], синкретизм науки и искусства способствует порождению научно-фантастических текстов [Щирова, Сергаева, 2022]. В связи с отмеченной тенденцией весьма актуально рассмотрение сакральности как фактора текстообразования за пределами сакрального текста.

Сакральность интенсивно осмысливается во всех видах человеческого познания (религия, философия, искусство, наука). Ее позитивная концептуализация ведет к появлению разнообразных религиозных текстов, которые классифицируются в зависимости от контекста актуализации языковых репрезентантов сакрального знания (гносеологическая контекстуализация сакральности): собственно религиозные, религиозно-философские, религиозно-

художественные и религиозно-научные тексты (см. о них: [Пашков, 2023]).

Цель настоящего исследования – рассмотреть языковые особенности философской концептуализации сакральности в контексте текстообразования на материале религиозно-философских текстов (далее – РФТ). Поскольку рамки статьи не позволяют проанализировать все виды сакрального знания, остановимся лишь на сакральной ономотологии.

Материал и методы

Религиозно-философский текст: уточнение понятия

Обоснование сакрального знания посредством философского инструментария ведет к образованию РФТ. Анализ семантико-структурных особенностей этих текстов необходимо предварить рассмотрением философского текста как такового.

В основе данного текста лежит система философских категорий [Цветкова, 2003, с. 81, 88], осмысление которых, как известно, опирается на логические критерии. Так, среди основополагающих философских понятий рассматривается категория «трансцендентное» (Бог, погустороннее) [Энциклопедия..., 2009, с. 1004].

Некоторые трудности наблюдаются при решении вопроса о структурной организации философских текстов, в частности текстов XX–XXI веков. Признается, что в структурном аспекте данный текст трудно редуцировать к определенному инварианту. Однако следует признать, что процедура редукции и структурирования инварианта многомерного художественного текста представляет не меньшие трудности. При этом, несмотря на обозначенную сложность, текстотипологические изыскания в области художественной коммуникации интенсивно развиваются, в частности, уже описаны структурные инварианты многих текстотипов. Так, рассмотрены типологические особенности сказочного текста [Клейменова, 2014], психологического текста [Щирова, 2003], текста баллады [Воронцова, 2003]. В логике сказанного при анализе структуры философского текста необходимо редуцировать масштаб поиска, например, философ-

ским направлением, школой, форматом философствования и пр., иными словами, более продуктивны текстотипологические исследования философского текста *in specie*, а не *in genere*. Соответственно, выводы о специфике репрезентации категории сакральности в текстах различных философских направлений могут варьироваться. То же самое, например, можно сказать и о художественном тексте. Так, репрезентация категории эмотивности в готическом романе, психологическом тексте, элегии и пр. различна, но все эти текстовые модификации подведены под один тип – художественный текст.

В религиозно-философском рассуждении отмечаются следующие особенности: а) обоснование религиозной догматики посредством системы понятий; б) отсутствие непосредственных ссылок на сакральный текст [Религиоведение, 2007, с. 407–408]. Религиозное определение религии как «опознание Бога и переживание связи с Богом» на языке философских понятий трансформируется в «переживание трансцендентного, становящегося постольку имманентным, однако при сохранении своей трансцендентности переживание трансцендентно-имманентного» [Булгаков, 2017, с. 21]. Необходимо подчеркнуть следующее: будучи религиозно обусловленными, основные выводы и положения РФТ, полученные посредством логических процедур, согласуются с содержанием сакральных текстов.

Обозначенные общие особенности философской концептуализации сакральности дополняются частными, которые обнаруживаются при обращении исследователя к определенной философской традиции. В рамках настоящей работы, проводимой на материале английского языка, целесообразно обращение к аналитической философии, поскольку разносторонняя концептуализация сакральности в данной философии (апология, критика) наиболее характерна для англо-американских представителей (см. об этом: [Шохин, 2015, с. 16, 20]).

Аналитическая философия – способ философствования, а не набор некоторых доктрин. В контексте аналитико-философских рассуждений могут быть представлены весьма разнообразные мировоззрения и методологи-

ческие позиции: антиметафизическая критика языка, аналитическая метафизика, теология и пр. [Шохин, 2015, с. 16]. Концептуализация сакральности в РФТ философов-аналитиков характеризуется следующими особенностями:

- философские позиции и заключения логически формализованы;
- предпочтение отдается точности, ясности и логической связности;
- избегание метафоризации и, шире, тропеизации;
- работа с понятиями-примитивами и теми, которые могут быть осмыслены в их терминах;
- рассмотрение концептуального анализа как свидетельства об анализируемых сущностях [Rea, 2009, p. 5–6].

РФТ не раз привлекал внимание лингвистов, однако его определение нуждается в уточнении. Например, Е.В. Сергеева анализирует религиозно-философский дискурс школы всеединства, при этом дискурс как таковой осмысливается следующим образом: совокупность текстов, принадлежащих к одной сфере жизни и характеризующихся особым тематическим репертуаром и общими языковыми особенностями [Сергеева, 2013, с. 18]. Однако автор не предлагает дефиниции термина «религиозно-философский дискурс», а также часто употребляемого им термина «религиозно-философский текст». В исследовании, посвященном религиозно-философским произведениям И.А. Ильина, постулируется их хронологическая отнесенность (первая половина XX в.) и контаминация политической, философской, религиозной и эстетической структур, репрезентируемых лексическими единицами [Стародубец, 2012, с. 104]. Данная концепция лингвокультурологически маркирована, само же понимание РФТ как семантико-структурной данности остается не совсем ясным. Хронологической отмеченностью, а не текстотипологической спецификой характеризуется определение РФТ, предложенное Н. В. Козловской: «Под определением “религиозно-философский текст” мы подразумеваем тексты русских мыслителей конца XIX – середины XX вв.» [Козловская, 2015, с. 88].

В настоящей работе РФТ интерпретируется как *форма позитивно-философской концептуализации сакральности*. Поскольку

текстуально организованное философское знание порождается на основе сакрального знания, можно утверждать, что сакральность является фактором текстообразования в религиозно-философской коммуникации. Перифразируя М. Томпсона («If there were no religion, there would be no philosophy of religion» [Thompson, 1997, p. 9]), можно сказать следующее: если бы не было сакрального знания, не было бы предпосылок появления религиозно-философского знания и, следовательно, РФТ.

Методология исследования

Сакральность как фактор порождения текстуально организованного философского знания коррелирует с интертекстуальностью, которая является не только текстовой категорией, но и общим механизмом текстообразования [Ионова, 2006; Петрова, 2004; Чернявская, 2024]. Включение сакральности в иное текстовое пространство осмысливается в понятиях интекста и интертекста соответственно. Под интекстом понимается текстовое включение на уровне слова, словосочетания и текста [Арнольд, 2010, с. 415]. В свете сказанного предложенное выше понимание РФТ может быть уточнено: РФТ – *интертекст*, форма позитивно-философской концептуализации сакральности. Тип сакрального знания предопределяет типологию интекстов: сакрально-ониматологические, сакрально-императивные, сакрально-эсхатологические [Пашков, 2023, с. 93].

Анализ содержательно-смысловой организации РФТ включает два этапа: 1) анализ языковых репрезентантов сакрального знания; 2) анализ языковых репрезентантов философского знания. На первом этапе идентифицируется: а) тип репрезентируемого сакрального знания; б) способы включения сакральных интекстов в РФТ (цитация, перифраза) и их структурные особенности (слово, словосочетание, текст). На втором этапе предполагается рассмотрение: а) философских категорий, в контексте которых сакральное знание осмысливается; б) аргументации сакрального и философского знания, объективирующей их валидность.

При анализе структурно-композиционной организации РФТ важнейшее значение приобретает принцип онтологизма. В функциональ-

ной грамматике данный принцип связывается с признанием детерминации семантических категорий восприятием объективной действительности [Бондарко, 1987, с. 31]. Думается, что эта корреляция не теряет своей релевантности и при анализе структурно-композиционной организации РФТ. Поскольку текст – вербализованное сознание, то онтология когнитивных процессов, в частности философского рассуждения, репрезентируется в поверхностной структуре анализируемого текста.

В качестве структурной единицы РФТ в работе рассматривается композиционно-прагматический сегмент (далее – КПС) – «инвариант композиционной структурированности текстового содержания» [Чернявская, 2006, с. 20]. На материале научного текста детально изучены КПС «характеристика предмета исследования», «история вопроса», «постановка целей и задач», «формулировка проблемы», «выдвижение гипотезы», «доказательство», «описание эксперимента», «выводы», «научный прогноз». Границы КПС определяются сменой когнитивных фаз познающего субъекта [Чернявская, 2006, с. 20].

Выбор КПС в качестве единицы анализа структурно-композиционной организации РФТ объясняется тем, что, как и научный текст, РФТ – форма рационального постижения реальности и формирования нового знания. Однако гносеологическая гетерогенность знания, репрезентируемая в данном тексте (сакральное знание / философское знание), обуславливает модификацию его композиционной модели, в частности, исключение КПС «гипотеза», «описание эксперимента» и «научный прогноз». Данные КПС в религиозно-философском исследовании отсутствуют, поскольку сакральное знание не может быть подвергнуто процедурам верификации и фальсификации и, следовательно, нет когнитивных оснований для формулирования прогноза. Слабость (*inferiority*) рационализма, отмечает У. Джеймс, проявляется в его неспособности как к апологии религии, так и к ее критике [James, 2002, p. 62]. В логике сказанного становится очевидной необходимость замены КПС «доказательство» на «аргументация». Аргументация не сводима к логической теории доказательства, опирающейся на понятие истины, поскольку для аргументирования доступна и ложь [Всемирная..., 2001, с. 67].

Таким образом, структурно-композиционная модель РФТ реализуется посредством актуализации КПС «история вопроса», «постановка цели (задача)», «аргументация», «заключение».

В аспекте содержательно-смысловой организации текста интертекстуальность проявляется как метатекстуальность, то есть через интерпретацию и оценку предшествующего текста. В ракурсе структурно-композиционной организации текста реализуется типологическая интертекстуальность, базирующаяся на стереотипности композиционных компонентов типологически соотнесенных текстов [Чернявская, 2024].

При анализе материала учитывается положение об отсутствии четкой границы между высказыванием и текстом. Оно позволяет рассматривать в качестве самостоятельных текстов структурные единицы речевых произведений, характеризующиеся цельностью и связностью [Москальская, 1981, с. 12]. Например, В.И. Шаховский, условно не разграничивая понятия «речь», «текст», «предложение» и «высказывание», ссылается на мнение Ю.С. Степанова, который пишет следующее: «... чаще всего высказывание – это предложение» (цит. по: [Шаховский, 2009, с. 143]).

В качестве материала исследования избрана работа П. Копана и У.Л. Крейга «Творение из ничего» (P. Copan, W.L. Craig «Creation out of Nothing»), изданная в 2004 году. Выбор материала для анализа продиктован двумя причинами. Во-первых, идея творения из ничего одна из центральных в библейском повествовании. Во-вторых, «ничто» является значимой философской категорией, осмысление которой восходит к античности [Энциклопедия..., 2009, с. 604]. Соответственно, философская концептуализация сакральности в данном тексте характеризуется высокой лингвистической репрезентативностью.

Результаты и обсуждение

Содержательно-смысловая организация религиозно-философского текста

В РФТ философов-аналитиков одним из основных вопросов изучения является проблема божественных атрибутов (вечность, всеблагость, всезнание, всемогущество и др.). Понятие атрибута соотносимо с понятием бо-

жественных энергий, которые по учению Дионисия Ареопагита, в интерпретации В.Н. Лосского, раскрываются бесчисленными Именами Бога (Святой, Всемогущий, Вездесущий, Вечный и др.) [Лосский, 2012, с. 114, 419].

Обратимся к главе № 6 «Philosophical Arguments for *Creatio ex Nihilo*» из книги «Creation out of Nothing», в которой анализируется сакральная ономотология.

В данном тексте философскому рассмотрению подвергается сакральное Имя «Творец», репрезентируемое словоформой *Creator*. Написание слова с прописной буквы сигнализирует о его принадлежности к классу имен собственных, а рассматриваемый лексико-семантический вариант имеет лексикографическую фиксацию (Merriam-Webster Dictionary). Имя «Творец» вторично по отношению к другим Именам Бога, в частности, к Именам Св. Троицы, поскольку Бог – предвечно Троица, но не предвечно Творец [Лосский, 2012, с. 425].

Словосочетание *ex nihilo*, вынесенное в сильную позицию заглавия, заимствовано из Вульгаты (в Библии короля Якова – *of things that were not*). О важности анализируемого Имени для религиозного сознания свидетельствует Его включение в Символ веры (*I believe in one God the Father Almighty, Maker of heaven and earth, And of all things visible and invisible*). В свою очередь неослабевающий философский интерес к данному Имени обусловлен тем, что ни в одной религии или метафизической системе нет идеи *creatio ex nihilo* [Лосский, 2012, с. 422, 423].

В анализируемом тексте библейское понятие творения осмысливается в контексте категории «материя», репрезентируемой лексемой *matter*. Философская концептуализация материи сопряжена с рефлексией над категориями «вечность» (*the eternity of matter, the eternity of the world, transfinite*), «причинность» (*a cause, uncaused, caused*), «изменение» (*event, begins, beginning, regress, beginningless, change*), «существование» (*the existence, to exist, extramental existence*), «конечное» и «бесконечное» (*finitude, infinite, infinitely, infinities*), «время» и «пространство» (*past, temporal, time, space, space-time universe*), «трансцендентное» (*transcendent*) (Copan, Craig, 2004, p. 197–200). Привлечение

столь обширного философского инструментария свидетельствует о стремлении философов-аналитиков следовать картезианскому принципу «ясности» и «отчетливости» при осмыслении сложных проблем сакральности. Так, размышление над темпоральной конечностью / бесконечностью материи реализуется с опорой на понятие «событие» (*event*). Авторы предлагают следующее определение:

By a 'physical event', we mean any change occurring within the space time universe. Since any change takes time, there are no instantaneous events. Neither could there be an infinitely slow event, since such an 'event' would in reality be a changeless state (Copan, Craig, 2004, p. 199).

Выше отмечалось, что при аргументации сакрального знания апелляция к авторитету сакрального текста в религиозно-философском рассуждении отсутствует, в противном случае РФТ трансформируется в богословский. В анализируемом тексте процедура аргументации реализуется посредством обращения к логическим средствам – дедуктивным и индуктивным рассуждениям (*sylogism, philosophical arguments, premise, logically, the Law of Excluded Middle, inductive and deductive arguments*). Например, аргументация тезиса о «начале» материи осуществляется посредством обращения к теории множеств (*actual infinite, potential infinite, an infinite set, axiomatic set theory, a proper subset, cardinal numbers, infinite set theory*). Ср.:

The first argument we shall consider is the argument based on the impossibility of the existence of an actual infinite. While potential infinities can exist, no actual infinite can exist, for the real existence of an actually infinite number of things would entail absurdities. Because an actually infinite number of things cannot exist, the series of past events must be finite in number and, hence, the temporal series of past, physical events is not beginningless (Copan, Craig, 2004, p. 200).

В приведенном фрагменте описывается невозможность существования актуальной бесконечности в физическом мире (бесконечная серия прошлых событий), поскольку противоположное положение ведет к абсурду. Из данной посылки опровергается тезис о веч-

ности материи и, следовательно, аргументируется ее тварность (*the temporal series of past, physical events is not beginningless*). Логическая корректность размышления обеспечивается включением в текст союзов, репрезентирующих причинно-следственные связи (*while, for, because, hence*). Обращает также на себя внимание отсутствие образности в приведенном рассуждении и ясность формулировок.

В качестве одной из характерных черт аналитической философии рассматривается полемика с пропозициями реальных и потенциальных оппонентов [Шохин, 2015, с. 20]. В связи с этим в РФТ философов-аналитиков важное место отводится процедуре аргументации философского знания, в основе которого лежит сакральность. Обращение к «профанному голосу другого» реализуется посредством цитации, косвенной речи и фоновой ссылки. В анализируемом тексте полемика ведется как с философами-теистами, так и атеистами (например, R. Swinburne, B. Russell), количество фоновых ссылок уменьшено, доминируют цитаты и косвенная речь. Превалирование последних объясняется, видимо, стремлением к детализации философского анализа и акцентуации ясности и логичности авторской позиции. Этот вывод подтверждается, в частности, довольно большим объемом текста цитат.

Структурно-композиционная организация религиозно-философского текста

Выше отмечалось, что КПС как единицы композиционной организации текста подробно изучены на материале научной коммуникации. Предлагаемый анализ данных единиц ставит своей целью акцентировать их специфику в области религиозно-философской коммуникации.

1. КПС «История вопроса»

Рациональное постижение сакрального Имени в анализируемом тексте начинается с «истории вопроса». Данный КПС маркирует начальную фазу когнитивного процесса, акцентирует диалогичность мышления, задает два направления концептуализации сакральности

(богословской и философской) и сигнализирует о гносеологической гетерогенности РФТ как его текстотипологической характеристики.

Учение *creatio ex nihilo* включается в контекст патристической и исламской богословской мысли, а учение о вечности материи возводится к античной философии:

The church fathers, as we have seen, despite their reliance on Greek philosophical thought for the enunciation of Christian doctrine, refused to compromise the Hebraic doctrine of *creatio ex nihilo* in deference to the Aristotelian doctrine of the eternity of matter. Because Aristotle had not merely asserted but argued for the eternity of the world, Christian theologians could not rest content with citing biblical proof texts for the Judaeo-Christian view (Copan, Craig, 2004, p. 197).

Несмотря на то, что античная мысль подготовила христианство [Лосский, 2012, с. 395], последнее отказывается девальвировать учение о творении. Оппозитивность философского и богословского учений акцентируется апелляцией «к авторитету»: авторы приводят мнения ведущих мыслителей в обеих областях познания (*Aristotle vs church fathers*). Антагонизм двух позиций (*eternity of matter vs creatio ex nihilo*) эксплицируется лексемами ментальной семантики (*asserted, argued vs refused to compromise, could not rest content*).

2. КПС «Постановка цели (задач)»

Цели и задачи в научных монографических изданиях намечаются в предисловии (аннотации) или в вводном разделе [Стилистический..., 2011, с. 60]. Данное положение находит свое подтверждение при обращении к анализируемому РФТ: КПС «постановка цели (задач)» приводится во введении (*Introduction*):

The claim of the past's finitude is philosophically superior to the claim of the infinity of the past, and chapter 6 defends, in conversation with contemporary philosophy and mathematics, two independent arguments for the conclusion that past, physical events are not infinite but had a beginning (Copan, Craig, 2004, p. 27).

В приведенном КПС обозначена цель исследования – философская аргументация

валидности учения *creatio ex nihilo* и опровержение учения о вечности материи. В «постановке цели» акцент делается на модусе философской концептуализации сакрального Имени, или идеи творения (*The claim of the past's finitude*) – позитивность (*superior, defends*). Данный модус осмысления сакральности также является сущностным признаком РФТ и дифференцирует его от остального массива философских текстов по религиозной тематике. Обращение к рациональным процедурам при осмыслении сакральности эксплицируется лексемами *arguments, philosophy* и *mathematics*, а прилагательное *contemporary* сигнализирует о передовых достижениях в области философского и логико-математического мышления.

3. КПС «Аргументация»

«Аргументация» в структуре РФТ, повторим, позволяет разводить его с научным текстом, для которого характерно «доказательство». Аргументация в РФТ философов-аналитиков реализуется посредством логических умозаключений с частым использованием логико-математических символов. Так, аргумент в пользу учения *creatio ex nihilo* логически представлен следующим умозаключением:

1. The temporal series of past, physical events either had a beginning or is beginningless.
2. If the temporal series of past, physical events had a beginning, the beginning was either caused or uncaused.
3. The temporal series of past, physical events is not beginningless.
4. The beginning was not uncaused (Copan, Craig, 2004, p. 198).

Первые две посылки полностью удовлетворяют закону формальной логики – закону исключенного третьего (*the Law of Excluded Middle*). Вывод (*The beginning was not uncaused*) также не противоречит логике, поскольку любое начало должно иметь определенную причину. Ключевая (*crucial*) посылка в данной аргументации – № 3. Именно она не позволяет рассматривать настоящее рассуждение в качестве *доказательства* учения о творении, поскольку ее приятие / неприятие обуславливается мировоззренческими регулятивами.

Аргументация посылки № 3 осуществляется посредством обращения к теории множеств:

1. An actual infinite cannot exist.
2. An infinite temporal regress of events is an actual infinite.
3. Therefore, an infinite temporal regress of events cannot exist (Copan, Craig, 2004, p. 200).

В тексте подчеркивается, что актуальная бесконечность событий (*an infinite temporal regress of events cannot exist*) не может существовать именно в физическом мире. Абсурдность экстраполяции положений теории множеств (актуальная бесконечность) на физический мир формализуется следующим образом:

Therefore, if an actual infinite were to exist, the various counterintuitive situations would result. (This argument has the valid inference form: $A \square \rightarrow B; A \& B \square \rightarrow C; \therefore A \square \rightarrow C$). But because these situations are absurd and so really impossible ($\neg \diamond C$), it follows that the existence of an actual infinite is impossible ($\therefore \neg \diamond A$) (Copan, Craig, 2004, p. 197–200).

Предлагаемая аргументация сопровождается множеством иллюстративного материала (*Hilbert's Hotel, Tristram Shandy paradox*), однако она не становится доказательством, а рассматривается в качестве правдоподобного рассуждения.

4. КПС «Заключение»

Заключение (*Conclusion*) в РФТ в основном не отличается от соответствующего КПС в научном тексте: подведение итогов проведенного исследования. Ср.:

We have argued that the impossibility of the existence of an actual infinite implies that the temporal series of past, physical events is not beginningless. Even if an actual infinite could exist, the impossibility of forming this infinite by successive addition implies that the temporal series of past, physical events is not beginningless (Copan, Craig, 2004, p. 197–200).

В качестве особенности данного сегмента возможно рассматривать бóльшую степень категоричности выводов по сравнению с научными текстами. В приведенном тексте уступительное предложение (*Even if an actual*

infinite could exist) и двойное отрицание (*not beginningless*) сообщают тексту некоторую степень безапелляционности.

Заключение

В проведенном исследовании были затронуты два актуальных вопроса современной лингвистики текста – проблема категориального моделирования текста и проблема текстообразования.

Сакральность как фундаментальная категория религиозного сознания проецировалась на материю библейского текста и квалифицировалась в качестве его текстообразующей категории. Размывание границ между различными сферами постижения реальности предопределило появление гносеологически гетерогенных текстов, то есть текстов, семантическое содержание которых организуется на стыке различных типов репрезентируемого знания.

В лингвистическом аспекте религиозно-философский текст представляет собой интертекст и форму позитивно-философской концептуализации сакральности. Семантико-структурные параметры данного текста де-

терминированы сакральными Именами как категориальным сегментом сакральности.

Апробирована схема лингвистического анализа содержательно-смысловой и структурно-композиционной организации РФТ. Сакральное Имя «*Creator*» и учение *creatio ex nihilo* осмысляются в контексте философской категории материи, а также категорий пространства, времени, изменения, бесконечного, конечного, причинности и трансцендентного.

Структурно-композиционная организация РФТ рассмотрена с учетом специфики философского рассуждения (рациональное осмысление реальности). Анализируемый текст репрезентирует логику смены когнитивных фаз (история вопроса, постановка цели (задач), аргументация, заключение), актуализируемых соответствующими композиционно-прагматическими сегментами. Данные сегменты характеризуются текстотипологической спецификой по отношению к научному тексту. Базовым отличием рассматривалось отсутствие доказательности религиозно-философских рассуждений, что обусловило отсутствие композиционно-прагматических сегментов «выдвижение гипотезы», «эксперимент» и «научный прогноз».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азарова Н. М., 2010. Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). Москва : Логос ; Гнозис. 496 с.
- Арнольд И. В., 2010. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Москва : ЛИБРОКОМ. 448 с.
- Бондарко А. В., 1987. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ленинград : Наука. С. 5–39.
- Булгаков С. Н., 2017. Свет невечерний : Созерцания и умозрения. Санкт-Петербург : Азбука ; Азбука-Аттикус. 672 с.
- Вольский А. Л., 2008. От поэтической философии к философской поэзии: опыт герменевтического исследования. Санкт-Петербург : Норма. 329 с.
- Воронцова Т. И., 2003. Текст баллады. Языковая картина мира (на материале английских и шотландских баллад). Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 228 с.
- Всемирная энциклопедия : Философия, 2001. Москва : АСТ ; Минск : Харвест : Совр. литератор. 1312 с.
- Ионова С. В., 2006. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 380 с.
- Клейменова В. Ю., 2014. В гостях у Гарри Поттера : Фикциональный мир английской литературной сказки. Псков : Псков. гос. ун-т. 176 с.
- Козловская Н. В., 2015. Русский религиозно-философский текст: новые жанры и новые термины // Вестник Череповецкого государственного университета. № 4 (65). С. 88–92.
- Лосский В. Н., 2012. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Сергиев Посад : Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 586 с.
- Москальская О. И., 1981. Грамматика текста. Москва : Высш. шк. 183 с.
- Пашков С. М., 2023. Сакральность как фактор текстообразования в религиозной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 1. С. 90–99. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-90-99

- Петрова Н. В., 2004. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа. Иркутск : Иркут. гос. линв. ун-т. 244 с.
- Постовалова В. И., 2017. Язык и миропонимание: Опыт лингвофилософской интерпретации. Москва : ЛЕНАНД. 312 с.
- Религиоведение: словарь, 2007. Москва : Акад. проект. 637 с.
- Сергеева Е. В., 2013. Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе. Москва : Директ-Медиа. 250 с.
- Стародубец С. Н., 2012. Политическая терминология в религиозно-философских произведениях И.А. Ильина // Ученые записки. № 3-2 (23). С. 104–110.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2011. Москва : Флинта : Наука. 690 с.
- Цветкова И. В., 2003. Проблема философской культуры в современном обществе // Философия и общество. № 4 (33). С. 73–89.
- Чернявская В. Е., 2006. Научный текст как социокультурный феномен // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. Орел : Орл. гос. ин-т культуры. С. 17–26.
- Чернявская В. Е., 2024. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. Москва : Ленанд. 200 с.
- Шаховский В. И., 2009. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Москва : ЛИБРОКОМ. 208 с.
- Шохин В. К., 2015. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // Философский журнал. Т. 8, № 2. С. 16–27.
- Щирова И. А., 2003. Психологический текст: деталь и образ. Санкт-Петербург : Филол. фак. СПбГУ. 120 с.
- Щирова И. А., Сергаева Ю. В., 2022. Синкретизм как «измерение» научно-фантастического текста: опыт системного описания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 2. С. 159–170. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.13>
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки, 2009. Москва : Канон + РООИ «Реабилитация». 1246 с.
- James W., 2002. Varieties of Religious Experience. A Study in Human Nature. London ; New York : Routledge. 415 p.
- Nagel Th., 2010. Secular Philosophy and the Religious Temperament. Essays 2002–2008. New York : Oxford University Press. 171 p.
- Rea M. C., 2009. Introduction // Analytical Theology. New Essays in the Philosophy of Theology / ed. by O. D. Crisp, M. C. Rea. New York : Oxford University Press. P. 1–30.
- Thompson M., 1997. Philosophy of Religion. London : Hodder Headline Plc. 246 p.

ИСТОЧНИК

- Copan P., Craig W. L. Creation out of Nothing. A Biblical, Philosophical, and Scientific Exploration. [S. l.] : Baker Academic, 2004. 280 p.

СЛОВАРЬ

- Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

REFERENCES

- Azarova N.M., 2010. *Yazyk filosofii i yazyk poezii – dvizheniye navstrechu (grammatika, leksika, tekst)* [The Language of Philosophy and the Language of Poetry – A Movement Towards Each Other (Grammar, Vocabulary, Text)]. Moscow, Logos Publ., Gnozis Publ. 496 p.
- Arnold I.V., 2010. *Semantika. Stilistika. Intertekstualnost* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Moscow, LIBROKOM Publ. 448 p.
- Bondarko A.V., 1987. Vvedeniye. Osnovaniya funktsionalnoy grammatiki [Introduction. Basics of Functional Grammar]. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Vvedeniye. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [Theory of Functional Grammar. Introduction. Aspect. Tense Localization. Taxis]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 5-39.
- Bulgakov S.N., 2017. *Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya* [The Unfading Light: Contemplations and Reflections]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ. 672 p.

- Volskiy A.L., 2008. *Ot poeticheskoy filosofii k filosofskoy poezii: opyt germenevticheskogo issledovaniya* [From Poetic Philosophy to Philosophical Poetry: Experience of Hermeneutic Research]. Saint Petersburg, Norma Publ. 329 p.
- Vorontsova T.I., 2003. *Tekst ballady. Yazykovaya kartina mira (na materiale angliyskikh i shotlandskikh ballad)* [Language World Picture (On the Material of English and Scottish Ballads)]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. 228 p.
- Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* [World Encyclopedia: Philosophy], 2001. Moscow, AST; Minsk, Kharvest Publ., Sovr. literator Publ. 1312 p.
- Ionova S.V., 2006. *Approksimatsiya sodержaniya vtorichnykh tekstov* [Approximation of Secondary Texts Contents]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 380 p.
- Kleyменова V.Yu., 2014. *V gostyakh u Garri Pottera: Fiktionalnyy mir angliyskoy literaturnoy skazki* [At Harry Potter's: The Fictional World of English Literary Fairy Tale]. Pskov, Pskov. gos. un-t. 176 p.
- Kozlovskaya N.V., 2015. Russkiy religiozno-filosofskiy tekst: novye zhanry i novye terminy [Russian Religio-Philosophical Text: New Genres and New Terms]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], no. 4 (65), pp. 88-92.
- Losskiy V.N., 2012. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoye bogosloviye* [Essay of Mystic Theology in Orthodox Church. Dogmatic Theology]. Sergiev Posad, Izd-vo Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry. 586 p.
- Moskalskaya O.I., 1981. *Grammatika teksta* [Text Grammar]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 183 p.
- Pashkov S.M., 2023. Sakralnost kak faktor tekstoobrazovaniya v religioznoy kommunikatsii [Sacredness as a Factor of Text Formation in Religious Communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 1, pp. 90-99. DOI: 1018384/2310-712X-2023-1-90-99
- Petrova N.V., 2004. *Intertekstualnost kak obshchiy mekhanizm tekstoobrazovaniya anglo-amerikanskogo korotkogo rasskaza* [Intertextuality as a General Mechanism of Text Formation in English-American Short Stories]. Irkutsk, Irkut. gos. l'inv. un-t. 244 p.
- Postovalova V.I., 2017. *Yazyk i miroponimaniye: Opyt lingvofilosofskoy interpretatsii* [Language and World Understanding: Experience Linguo-Philosophical Interpretation]. Moscow, LENAND Publ. 312 p.
- Religiovedeniye: slovar* [Religious Studies: Glossary]. Moscow, Akad. proyekt Publ., 2007. 637 p.
- Sergeeva E.V., 2013. *Bog i chelovek v russkom religiozno-filosofskom diskurse* [God and Man in Russian Religious-Philosophical Discourse], 2007. Moscow, Direkt-Media Publ. 250 p.
- Starodubets S.N., 2012. Politicheskaya terminologiya v religiozno-filosofskikh proizvedeniyakh I.A. Ilyina [Political Terminology in Religious-Philosophical Texts by I.A. Ilyin]. *Uchenye zapiski*, no. 3-2 (23), pp. 104-110.
- Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Glossary of Russian]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011. 690 p.
- Tsvetkova I.V., 2003. Problema filosofskoy kultury v sovremennom obshchestve [The Problem of Philosophical Culture in Modern Society]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], no. 4 (33), pp. 73-89.
- Chernyavskaya V.E., 2006. Nauchnyy tekst kak sotsiokulturnyy fenomen [Scientific Text as a Socio-Cultural Phenomenon]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Genres and Text Types in Scientific and Media Discourse]. Orel, Orl. gos. un-t kultury, pp. 17-26.
- Chernyavskaya V.E., 2024. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Linguistics of Text. Linguistics of Discourse]. Moscow, Lenand Publ. 200 p.
- Shakhovskiy V.I., 2009. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in Lexico-Semantic Language System]. Moscow, LIBROKOM Publ. 208 p.
- Shokhin V.K., 2015. Analiticheskaya filosofiya: nekotorye neprotorennyye puti [Analytic Philosophy: Some Unbeaten Tracks]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal], vol. 8, no. 2, pp. 16-27.
- Schirova I.A., 2003. *Psikhologicheskyy tekst: detal i obraz* [Psychological Text: Detail and Image]. Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU. 120 p.
- Schirova I.A., Sergaeva Yu.V., 2022. Sinkretizm kak «izmereniye» nauchno-fantasticheskogo teksta: opyt sistemnogo opisaniya [Syncretism as a Science Fiction Text's "Dimension": Experience of Systemic Description]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 2, pp. 159-170. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.13>
- Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science], 2009. Moscow, Kanon + ROOI «Reabilitatsiya». 1246 p.
- James W., 2002. *Varieties of Religious Experience. A Study in Human Nature*. London; New York, Routledge. 415 p.

Nagel Th., 2010. *Secular Philosophy and the Religious Temperament. Essays 2002–2008*. New York, Oxford University Press. 171 p.

Rea M.C., 2009. Introduction. Crisp O.D., Rea M.C., eds. *Analytical Theology. New Essays in the Philosophy of Theology*. New York, Oxford University Press, pp. 1-30.

Thompson M., 1997. *Philosophy of Religion*. London, Hodder Headline Plc. 246 p.

SOURCE

Copan P., Craig W.L. *Creation out of Nothing. A Biblical, Philosophical, and Scientific Exploration*. S.l., Baker Academic, 2004. 280 p.

DICTIONARY

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

Information About the Author

Sergey M. Pashkov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, s.p.n1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7552-7304>

Информация об авторе

Сергей Михайлович Пашков, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, s.p.n1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7552-7304>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.14>

UDC 81'367:81'373.43
LBC 81.053.6

Submitted: 06.05.2024
Accepted: 11.11.2025

PHRASEOLOGICAL NEOLOGISMS AS LINGUISTIC UNITS WITH A BORDERLINE STATUS: TOWARDS THE QUESTION OF LEXICOGRAPHY ¹

Anna V. Shchetinina

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The relevance of the study is determined by the intensive development of neography and the debates of recent decades regarding the lexicography of new words and phraseological units. The article defines an approach to the inclusion of new language units of the thematic group “Society,” that were created on the basis of the language own resources, in the lexicographic publication “Explanatory Dictionary of Russian Neologisms.” The paper aims to introduce a methodology for identifying new expressions, which consist of Russian words or loanwords borrowed long ago, and confirming their status as phraseological units that can be recorded in explanatory dictionaries. The author refers to neologisms, including idiomatic expressions, that are not registered in normative dictionaries as linguistic units with borderline status. It demonstrates how, through content analysis using the search engine “Yandex,” the “Yandex. Word Selection” service, Google Ngram Viewer, as well as newspaper texts from electronic publications and blog content, grounds for including phraseological neologisms into the dictionary of new Russian vocabulary have been identified. It is noted that one of the problematic areas in selecting idioms and their dictionary description is the recording of calques (loan translations). Using the expression “comfort zone” as an example, the methodology for determining the grounds for its inclusion in the dictionary is demonstrated. It has been established that this expression was borrowed from English twice: in the early 20th century in a climatic sense and in the 21st century in the psychological one. As a new expression in the domain of psychology, “comfort zone” aligns with the developed principles for including phrases in the dictionary of Russian neologisms: it possesses imagery, novelty, and frequency of use. New meanings are actualized in contexts, which enables compiling a definition that differs from the source dictionary entry.

Key words: social vocabulary, borrowing, calque, methods of identifying phraseological neologisms, borderline status.

Citation. Shchetinina A.V. Phraseological Neologisms as Linguistic Units with a Borderline Status: Towards the Question of Lexicography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 1, pp. 190-202. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.14>

УДК 81'367:81'373.43
ББК 81.053.6

Дата поступления статьи: 06.05.2024
Дата принятия статьи: 11.11.2025

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С ПОГРАНИЧНЫМ СТАТУСОМ: К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИИ ¹

Анна Викторовна Щетинина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена интенсивным развитием неографии и дискуссиями последних десятилетий о лексикографировании новых слов и фразеологизмов. В данной статье определен подход к включению новых языковых единиц тематической группы «Социум», созданных на основе собственных ресурсов языка, в лексикографическое издание «Толковый словарь русских неологизмов». Целью статьи является представление разработанной методики выделения новых выражений, состоящих из русских или давно заимствованных слов, и подтверждения их статуса как фразеологизмов, которые могут

быть зафиксированы в толковых словарях. Неологизмы, в том числе идиоматические, не зарегистрированные в нормативных словарях, названы автором языковыми единицами с пограничным статусом. Показано, как методом контент-анализа с привлечением поисковой системы «Яндекс», сервисов «Яндекс. Подбор слов» и Google Ngram Viewer, а также газетных текстов электронных изданий и контента блогов выявлены основания для включения фразеологических неологизмов в словарь новой русской лексики. Отмечено, что одна из проблемных зон отбора идиом и их словарного описания – регистрация калек. На примере выражения *зона комфорта* продемонстрирована методика установления оснований для его включения в словарь. Обнаружено, что словосочетание заимствовано из английского языка дважды: в начале XX в. в климатическом значении и в XXI в. в психологическом. Как новое выражение из области психологии *зона комфорта* соответствует разработанным принципам включения словосочетаний в словарь русских неологизмов: оно обладает образностью, новизной, частотностью употребления, при этом в контекстах актуализируются новые смыслы, которые позволяют составить толкование, отличающееся от словарного определения из словаря-источника.

Ключевые слова: социальная лексика, заимствование, калька, методика выявления фразеологических неологизмов, пограничный статус.

Цитирование. Щетинина А. В. Фразеологические неологизмы как языковые единицы с пограничным статусом: к вопросу о лексикографировании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 190–202. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.1.14>

Введение

Активное межкультурное взаимодействие, речевое творчество носителей языка, возможные благодаря интенсивному развитию интернет-коммуникации, в частности блогосферы, контент в которой отражает актуальную социальную реальность, во многом обусловили появление новых фразеологических выражений, получивших в последние десятилетия широкое распространение. Исследователями дискутируется вопрос об их лексикографировании, который прежде всего связан с проблемой определения фразеологизма в широком и узком смысле. Как отмечает Е.К. Полякова, «у русистов нет единого мнения о том, что такое фразеологическая единица, следовательно, нет и единства во взглядах на фразеологический состав русского языка, что подтверждается данными новейших фразеологических словарей...» [Полякова, 2016, с. 24].

Сегодня в лексикографической практике доминирует подход, согласно которому все новые идиоматические выражения, тиражируемые в информационном пространстве, представляют собой фразеологизмы и их нужно включать в словари: «Нет гарантии широкого распространения таких идиом, но поскольку есть вероятность их вхождения в систему литературного языка, возникает необходимость в фиксации такого рода фразеологизмов, что является задачей лингвиста» [Бори-

сова, Есяян, 2018, с. 206]. Исследователи отмечают, что современные «фразеологические словари часто не удовлетворяют потребностям пользователя: многие активно употребляющиеся в современной речи фразеологические единицы или вовсе не фиксируются словарями, или с недостаточной степенью полноты и точности отражают современное употребление единицы» [Хуснутдинов, 2018, с. 462]. В то же время новые фразеологические единицы регистрируются в словарях неологизмов наряду со словами (см.: [Григоренко, 2009]; [Леонтьева, Щетинина, 2021; Словарь языка интернета.ru, 2016; и др.]). Так, в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи», составленный Санкт-Петербургскими неолографами, включено значительное количество новых словосочетаний: *вакцинная война, диванный доктор, красная зона* и др. В «Словаре актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века» найдем наряду со словами и фразеологизмы, характеризующие «человека враждующего и объединяющегося» (Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 8): *культура отмены, кормить тролля, бархатный терроризм* и др. Фиксирует русские слова и выражения, актуальные для интернет-коммуникации, «Словарь языка интернета.ru» под редакцией М.А. Кронгауза, «поскольку именно интернет убедительно показал, что условия коммуникации влияют на язык и его лексику» [Предисловие, 2016, с. 4]:

британские ученые ‘научное сообщество, занимающееся абсурдными и бесполезными исследованиями’, *разрыв шаблона, автор жжот* и др.

Участники «фразеологического» семинара профессора В.М. Мокиенко с опорой на традицию интерпретации неологизмов Санкт-петербургскими исследователями называют новые идиоматические словосочетания «фразеологическими неологизмами»: «это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко, 2022, с. 136–137]. В настоящее время готовится к изданию «Идеографический словарь русской фразеологической неологии (1980-е – 2020-е гг.)», в котором планируется зарегистрировать порядка 8 тысяч неологизмов с семантикой, отражающей реалии социально-политической, экономической, культурной жизни [Мокиенко, 2022].

Необходимость лексикографической фиксации не только новых слов, но и фразеологических неологизмов, отражающих изменения, относящиеся к разным сферам жизни, отмечают многие исследователи [Громенко, Павлова, Приемышева, 2020; Дементьев, 2014; Козловская, 2023; Мокиенко, 2022; Туркулец, 2023; Шулежкова, 2019; Andersen, 2020; и др.]. При этом, как утверждают составители «Словаря языка интернета.ru», «задача состоит не в погоне за модой, а в описании тенденций и механизмов, формирующих лексикон» [Предисловие, 2016, с. 4].

Одной из неологических тенденций является заимствование, в том числе идиоматических выражений. Проникновение в русский язык иностранных языковых единиц вызывает разные реакции у носителей русского языка – позитивную и негативную. Так, озабоченность вестернизацией языка выразил В. Медведев, указав на проблемы «пополнения лексики за счет иностранных слов с бесцветным содержанием, для которых в русском языке уже имеются устойчивые аналоги» [Медведев, 2020, с. 202]. При этом иссле-

дователь отмечает, что «многие заимствования некорректно переведены и истолкованы» [Медведев, 2020, с. 202]. В то же время заимствование является объективным процессом. По словам В.В. Колесова, «не враждебно творческим силам родного языка никакое заимствование, оно помогает выявить возможность русского слова до самых крайних пределов, обогащает русский язык» [Колесов, 2006, с. 192].

Собирая материал для «Толкового словаря русских неологизмов» (Щетинина, Леонтьева, Касатова, 2024; 2025), задача которого – описать появившиеся в русском языке в XXI в. языковые единицы, состоящие из русских или давно известных и усвоенных языком иностранных морфем, мы столкнулись с необходимостью определения не только лексического статуса, но и происхождения словосочетания. Уже при составлении первого тома словаря было выявлено, что из общего списка русскоязычных по облику неологизмов, выбранных для описания, 23,5 % – это заимствования. На наш взгляд, все фразеологические неологизмы имеют «пограничный статус», под которым мы понимаем переходное состояние активно употребляющейся в речи носителей языка новой языковой единицы (слова или словосочетания), обладающей неустойчивыми лексическими или грамматическими характеристиками, к устойчивому состоянию, в котором она может быть зафиксирована в словаре в определенном значении (прямом или переносном), с набором грамматических и стилистических характеристик. Первоначально данное терминологическое сочетание было введено нами для анализа промежуточного положения неологизма между именем собственным и апеллятивом [Щетинина, 2021]. Однако, учитывая, что «процесс лексикографической обработки информации о неологической единице является сложным, многоступенчатым, часто дискуссионным» [Козловская, 2023, с. 70], а «фразеологизм – языковая единица, которая “в одиночку” может служить культурным знаком в случае, если высокоспецифична для какого-либо отрезка на векторе исторического времени» [Леонтьева, 2022, с. 78], следовательно, его статус может быть спорным, считаем возможным рассматри-

вать новые словосочетания, фразеологический характер которых не является установленным, языковыми единицами с пограничным статусом.

Материалы и методы

Материал нашего исследования ограничен новыми выражениями тематической группы «Социум», появившимися в последние 20–25 лет, образованными из русских слов или когда-то заимствованных, но глубоко укоренившихся в русском языке. На первом этапе исследования методом фронтального просмотра текстов электронных качественных СМИ, блог-платформы «Живой Журнал» (далее – ЖЖ), социальной сети «ВКонтакте» (далее – ВК) нами выявлено более 300 словосочетаний с социальной семантикой, которые предположительно можно было идентифицировать как новые устойчивые выражения или уже известные с новым значением, например: *белое пальто*, *брюссельский обком*, *вежливые люди*, *дуга сопротивления*, *асимметричный ответ*, *вакцинная дипломатия* и др.

На втором этапе мы сформулировали рабочие значения, определили время появления, актуальность и частоту употребления каждой идиомы. Для верификации данных использовались поисковая система «Яндекс», сервис «Яндекс Вордстат» и Google Ngram Viewer. На основе полученных данных выдвинуты и подтверждены или не подтверждены гипотезы о фразеологичности выражения и его неологическом характере. В случае положительного решения фразеологический неологизм отбирался для описания в словаре, фиксировались пометы, указывающие на сферу употребления языковой единицы (военная, политическая, деловые коммуникации и др.) и тип ресурсов, в которых она активно используется (в языке СМИ, социальных сетей, науки и технологий – в научных статьях проверялось использование выражения с целью более полного описания фразеологизма и установления его статуса, например, словосочетание *безвизовый режим* и его аналог *безвиз* активно употребляются не только в СМИ и социальных сетях, но и в научных текстах).

Кроме того, на этом этапе выявлялась социальная семантика отобранных для лек-

сикографирования словосочетаний на основе анализа контекстов, выбранных путем поисковых запросов в текстах СМИ, ЖЖ, ВК и др.; составлялись дефиниции для последующего включения в словарь. К группе «Социум» мы относим выражения, значения которых включают в себя «социальные» семы – компоненты семемы, отражающие принадлежность номинируемого объекта, его свойства или действия к сфере институционального общения (например, *вашиingtonский обком* ‘американские власти, оказывающие влияние на политику других стран’ – «социальные» семы ‘власть’, ‘политика’, ‘страна’; *деловые русичи* / *Деловые Русичи* ‘российские современные бизнесмены’ – «социальные» семы ‘русские’, ‘современные’, ‘бизнесмены’ и др.) или социального неинституционального взаимодействия (например, *выгуливать белое пальто* / *выгул белого пальто* / *надеть белое пальто* ‘давать советы и оценки окружающим, демонстрируя свое моральное превосходство’ – «социальные» семы ‘давать советы’, ‘давать оценки’, ‘окружающие’, ‘демонстрировать’, ‘моральное превосходство’; *быстрое свидание* ‘вид встречи людей, желающих познакомиться, на которой женщины сидят за столиками, а мужчины переходят от одной потенциальной партнерши к другой, общаясь с каждой в течение короткого времени (5–10 минут)’ – «социальные» семы ‘вид встречи’, ‘желающие познакомиться’, ‘потенциальная партнерша’, ‘общаясь’ и др.).

На третьем этапе определен источник появления словосочетания, в том числе язык заимствования, для заполнения факультативной структурной части словарной статьи «справочный материал». Таким образом, было выявлено, как указывалось выше, более 20 % калькированных выражений. Источники части калек зафиксированы в англоязычных словарях, к которым мы обращались (Cambridge Dictionary, Merriam-Webster), например: **Зеленые воротнички**. *Деловые коммуникации. В языке СМИ. В языке социальных сетей*. Ср.: англ. green-collar / green collar (adjective) used to describe a job that is related to the protection of the natural environment) (CD). Происхождение других идиом установлено на основе анализа разных источников. Так, один из соавторов словаря

русских неологизмов (Щетинина, Леонтьева, Касатова, 2024) Е.В. Леонтьева в журнальной публикации описала историю появления и проникновения в российский дискурс фразеологического неологизма *моя римская империя*, фрагмент из которой использовался в справочной части:

(1) **Моя Римская империя / моя римская империя / думать о Римской империи / думать о Священной Римской империи.** *В языке социальных сетей.*

Ср.: «В сентябре 2022 года блогер из Швеции Саския Корт (Saskia Cort) разместила на своей личной странице Instagram * предложение своим подписчикам узнать у знакомых мужчин, “что они едят и о чем думают” по вечерам после работы. Во время интерактива одна из подписчиц девушки написала, что ее молодой человек, по его словам, либо ни о чем не думает, либо думает о Римской империи. Неожиданный ответ вызвал недоумение и смех у девушки-блогера, после чего и она, и остальные подписчицы решили поинтересоваться у знакомых мужчин, как часто они думают о Римской империи. В результате Саския опубликовала пост (на шведском языке), поделившись собственным диалогом со своим парнем и историями других девушек» [Леонтьева, 2024, с. 37].

На четвертом этапе выявлена типовая сочетаемость неологизмов путем анализа контекстов (часть примеров включалась в словарную статью в хронологическом порядке в качестве иллюстраций из разных типов источников). Например, у приведенного выше неофразеологизма установлена следующая сочетаемость: *моя Римская империя в мире игрушек и детских мультиков; список моих римских империй; вся моя римская империя; время от времени / иногда / постоянно / раз в день / часто думать о Римской империи; определено моя Римская империя; статья моей римской империей.*

В результате анализа фразеологических неологизмов основными условиями включения их в словарь стали те, которые определяют устойчивость нового словосочетания: (1) образность и целостность значения, (2) воспроизводимость, частота употребления в одном

и том же значении, – и те, которые устанавливают их пограничный характер: (3) относительная новизна (появление в последние 20–25 лет), отсутствие в словарях, (4) вариантность конструкции и написания, (5) употребление в примерах в кавычках и без них.

Изложенная выше методика позволила выявить и описать ряд фразеологических неологизмов с институциональной семантикой в количестве 273, неинституциональной социальной семантикой – 174. Большая часть идиом, зарегистрированных в словаре, создана в русском языке путем семантической деривации или образования абсолютно нового устойчивого сочетания. Пятая часть зарегистрированных словосочетаний появилась в русском языке путем калькирования. Это, на наш взгляд, не исключает их из фонда русской социальной лексики, поскольку они созданы из русских морфем и, как правило, в процессе языковой практики не заимствуют значение полностью, а изменяют его в соответствии с отечественными реалиями, что далее проиллюстрировано в статье на примере неофразеологизма *зона комфорта*. Именно эта часть идиоматических выражений оказалась наиболее сложной с точки зрения их лексикографического описания.

Результаты и обсуждение

Внимание молодого поколения к психологической стороне жизни человека, современная традиция обсуждать личные проблемы в публичном пространстве социальных сетей, внимание журналистов к психологии человека в силу популярности темы обусловили активное проникновение в широкое употребление лексики данной сферы. Одним из часто воспроизводимых выражений стало словосочетание *зона комфорта*, его включение в словарь верифицировалось на основе количественных показателей, содержательного контент-анализа, изучения употребления и происхождения.

В настоящее время поисковый запрос «зона комфорта человека» на платформе «Ян-

* Социальная сеть Instagram принадлежит компании MetaPlatforms, Inc., включенной в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

декс» показывает 1 млн употреблений в русскоязычных текстах, которые связаны с психологией человека. Введение в запрос слова *человек* обусловлено необходимостью ограничить поиск сферой человеческой жизни и исключить из результатов сериал «Зона комфорта» (2020–2022).

Словосочетание *зона комфорта*, активно используемое в современной речи как номинация привычных, удобных, приятных для психологического состояния человека условий, является калькой с английского *comfort zone*. В Cambridge Dictionary идиома *comfort zone* представлена с двумя значениями: ‘a situation in which you feel comfortable and in which your ability and determination are not being tested’ и ‘a situation in which you feel comfortable and you do not have to do anything new or difficult’ (CD). Первое значение словосочетания *зона комфорта* «Яндекс.Переводчик» определяет как ‘ситуация, в которой вы чувствуете себя комфортно и в которой ваши способности и решимость не подвергаются испытанию’, второе значение – как ‘ситуация, в которой вы чувствуете себя комфортно и вам не нужно делать что-то новое или сложное’. В обоих значениях общими являются семантические компоненты ‘ситуация, в которой вы чувствуете себя комфортно’, а дифференцирующими семами характеризуются условия, при которых чувство комфорта может исчезнуть. То и другое значения связывают понятие «*comfort zone*» с психологическим состоянием человека.

В оцифрованных англоязычных источниках самое раннее употребление словосочетания *comfort zone* (рис. 1) в указанных значениях представлено в книге доктора Ч.К. Кантия (Dr. C.K. Kantiya) “A to Z of Happiness and Success” (1901), например:

(2) If you never step outside of your **comfort zone**, you would never grow as a complete person. Your **comfort zone** keeps you constrained to limits and always stops you from doing new things (Dr. C.K. Kantiya. A to Z of Happiness and Success, 1901 // Google Ngram Viewer) / Если вы никогда не выйдете за пределы своей **зоны комфорта**, вы никогда не вырастаете как полноценная личность. Ваша зона комфорта ограничивает вас и всегда мешает делать что-то новое².

В представленных значениях словосочетание *comfort zone* встречается в англоязычных книгах психологической тематики на протяжении всего XX и в XXI в. (на сайте Google Ngram Viewer размещено несколько десятков таких книг). Приведем несколько контекстов употребления рассматриваемой идиомы:

(3) We have discovered a Conflict Avoidance technique that allows each partner to win half a loaf in the relationship as long as either one can remain in his **comfort zone** and avoid (Roberta DeVille, Jard DeVille. Lovers for Life, 1980 // Google Ngram Viewer) / Мы открыли технику избегания конфликтов, которая позволяет каждому партнеру выигрывать в отношениях до тех пор, пока каждый из них может оставаться в своей **зоне комфорта**;

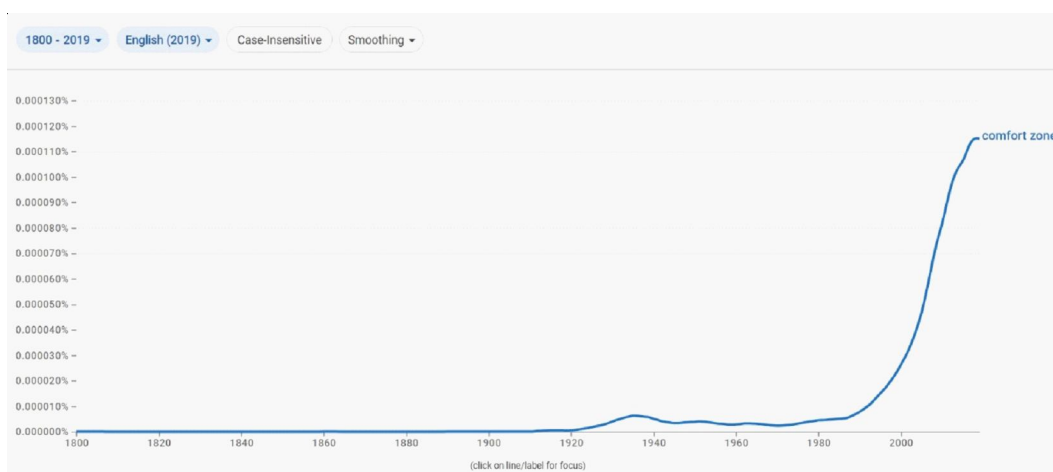

Рис. 1. График встречаемости выражения *comfort zone* в англоязычных книгах на платформе Google Ngram Viewer

Fig 1. A graph of the *comfort zone* expression occurrence in English books on the Google Ngram Viewer platform

(4) On the next page you'll discover some helpful tips for going outside your **comfort zone** in small yet meaningful ways (Rachael Kable. The Mindful Kind, 2019 // Google Ngram Viewer) / На следующей странице вы найдете несколько полезных советов о том, как выйти из **зоны комфорта**, пусть и постепенно.

В русскоязычном дискурсе выражение *зона комфорта* в текстах психологической тематики появляется, по данным платформы Google Ngram Viewer, только в XXI в. (рис. 2).

В конце XIX и на протяжении всего XX в. русское словосочетание *зона комфорта*, так же как и англоязычное *comfort zone*, используется в работах, посвященных климатической тематике (на Google Ngram Viewer более сотни текстов), в значении комфортных температурных условий, ср.:

(5) **Зона комфорта** по нормальной шкале эффективных температур, указываемая американскими авторами (17,2–21,7°эф.т.), является безусловно высокой (Известиях Азово-Черноморского научно-исследовательского института микробиологии и эпидемиологии, 1928 // Google Ngram Viewer);

(6) ...Summer indoor **comfort zone** in U.S., winter indoor **comfort zone** in U.S (Yearbook of Agriculture, 1889 // Google Ngram Viewer) / ...Летняя **зона комфорта** в помещении в США, зимняя **зона комфорта** в помещении в США.

В современных текстах по климатической тематике, размещенных на платформе Google Ngram Viewer и в других проанализированных ресурсах (СМИ, соцсети, Нацио-

нальный корпус русского языка и др.), данное словосочетание встречается крайне редко.

Таким образом, можно утверждать: словосочетание *зона комфорта* образовано путем калькирования и является неологизмом с семантикой психологического состояния человека, появившимся в русском языке в XXI веке. Предполагаем, что данный фразеологизм в новом для русского языка значении не является результатом вторичной номинации: хотя выражение *зона комфорта* уже использовалось в научных текстах, посвященных климатической тематике, но не было зафиксировано в толковых словарях (МАС; БАС; и др.). Вероятно, это новое заимствование, которое обусловлено интенсивностью развития популярной психологии, модой в обществе на открытый, публичный рассказ о личном, декларированием приоритета индивидуального над личным и т. п. – тенденциями, заимствованными из западной жизни вместе с соответствующей лексикой.

Задачи составления дефиниции фразеологического неологизма и определения его характеристик (сферы использования и ресурсы), а также подбора иллюстративного материала для словарной статьи и выявления типовой сочетаемости обуславливают необходимость изучения практики употребления языковой единицы. На основе анализа использования словосочетания *зона комфорта* на разных ресурсах установлено, что значение русского фразеологизма шире, чем значение ан-

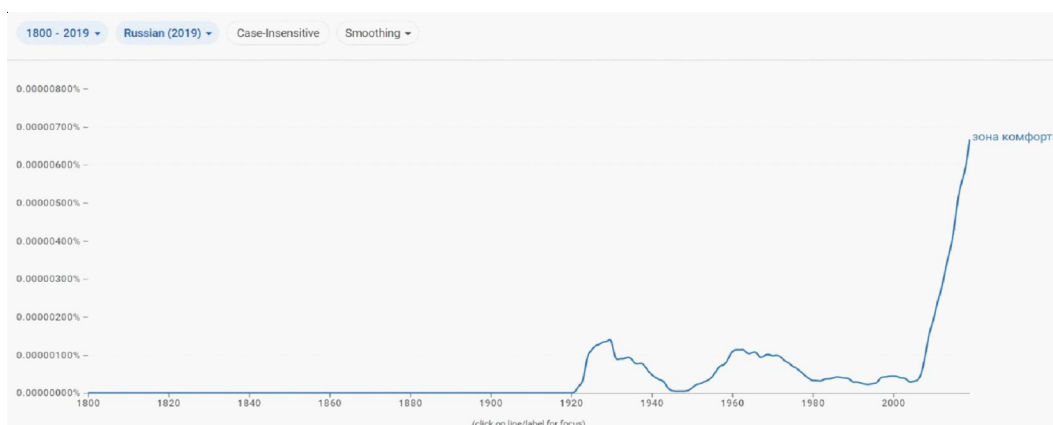

Рис. 2. График встречаемости выражения *зона комфорта* в русскоязычных книгах на платформе Google Ngram Viewer

Fig 2. A graph of the *comfort zone* expression occurrence in Russian books on the Google Ngram Viewer platform

глийского эквивалента: в русскую семантему входит только общая сема 'комфортность ситуации', а причины, которые дифференцируют ее: 'ваши способности и решимость не подвергаются испытанию', 'вам не нужно делать что-то новое или сложное', – не актуальны для понимания фразеологизма носителем русского языка. Более того, исследование контекстов показало выход идиомы за пределы психологической тематики и характеристики состояния человека. Проиллюстрируем это примерами из газеты «Коммерсантъ», поисковый запрос на сайте которой показывает более 300 фактов использования выражения. В контекстах актуализируются дополнительные семантические компоненты, которые позволяют портретировать выражение *зона комфорта*, выделяя новые семантические характеристики стабильной, удобной ситуации, имеющей значение не только для психологического состояния человека, но и для политики, экономики, благоустройства территории, моды, интернет-коммуникации, в частности социальных сетей, и т. д. Приведем несколько примеров:

(7) Российско-финские отношения покинули **зону комфорта** (Москва пригрозила Финляндии ответными мерами за оборонное соглашение с США // Коммерсантъ, 19.12.2023);

(8) – Нам сегодня важно выходить из **зоны комфорта** стран СНГ на рынки, которые сегодня недостаточно охвачены с точки зрения российско-го экспорта (Приложения: Последние новости России и мира // Коммерсантъ, 28.11.2017);

(9) По продажам мы видим абсолютно обратное: последние три года брюки очень уступили им место, юбки и платья – хиты продаж, цифры вещь упрямая. Женщины хотят быть женщинами. Платья носят дамы в **зоне комфорта** (Янис Чамалиди: «Платья носят дамы в зоне комфорта» // Коммерсантъ. Санкт-Петербург, 25.05.2017) и др.

Помимо текстов СМИ словосочетание *зона комфорта* активно используется в социальных сетях. Например, на платформе «Живой Журнал» представлено 85 086 текстов с данным фразеологизмом (Поиск по ЖЖ. URL: https://www.livejournal.com/rsearch/?q=зона%20комфорта&sort=_score&searchArea=post). Запрос на сайтах Киберленинки и РИНЦ выявил научные публикации (34 статьи), в которых данный фразеологизм включен в заголовки и

ключевые слова, при этом (как и в СМИ, и соц-сетях) научные тексты посвящены не только психологии человека, но и политике, экономике и другим сферам жизни общества (см. ниже заголовки в последнем примере словарной статьи). На основании анализа примеров мы установили, что фразеологический неологизм *зона комфорта* имеет широкую сферу употребления и используется в текстах, размещенных на разных ресурсах, что отражается в пометах.

В результате комплексного анализа словосочетания мы составили дефиницию, которая включена во второй том «Толкового словаря русских неологизмов»:

Зона комфорта. В языке социальных сетей. В языке СМИ. В языке науки и технологий.

Ср.: *comfort zone* – a situation in which you feel comfortable and in which your ability and determination are not being tested / ситуация, в которой вы чувствуете себя комфортно и в которой ваши способности и решимость не подвергаются испытанию; a situation in which you feel comfortable and you do not have to do anything new or difficult / ситуация, в которой вы чувствуете себя комфортно и вам не нужно делать ничего нового или сложного.

Условия жизни, стабильные, привычные для человека, группы людей, организации, общества или государства.

✓ «Мы вывели из **зоны комфорта** руководителей энергетических предприятий» Вице-губернатор Максим Шаскольский – о первых итогах работы на новом посту (Коммерсантъ Санкт-Петербург, 12.08.2019).

✓ Мне нравятся компьютерные игры и как-то целую неделю играл по 12–14 часов в день и практически не выходил из дома. Тогда моя **зона комфорта** сузилась до кресла и компьютера и даже выход на улицу не говоря об учебе или работе, был настоящим испытанием (Denis Turushev. Почему зона комфорта разрушает нашу жизнь, а трудности помогают расти и быть счастливее // Личный опыт на vc.ru, 2021).

✓ Мировая политика, в которой нет империй, а практически каждое государство преследует свою выгоду, оказалась весьма перспективной средой для развития. Хотя для этого России и пришлось самой «выйти из **зоны комфорта**». Не будем скрывать, что для многих у нас это стало сюрпризом (Т. Бордачев. Путин дал гарантии мировому большинству // ВЗГЛЯД, 17.06.2023).

✓ Здесь, на стыке двух эпох – уходящей и наступающей – случались разные истории. Нэпманов, «барыживших» парфюмерией, в том числе поддельной, клеймили в печати и отдавали под суд. «Бывшие» люди мечтали хоть на секунду оказаться в «*зоне комфорта*», откуда их грубо выгеснила советская эпоха: спасительной соломинкой выступал любимый аромат (К. Варатынцева. Выставка «Красная Москва»: как духи стали символом СССР // Культура, 2025).

✓ *Зона комфорта* для РФных – это их настоящее ВСЁ. Даже в том, что они называют «думаньем», быть хотят в зоне. «Думать» тоже хотят только о приятном. А если о чем-то неприятном, то так, чтоб это было приятно. О властях они думать не хотят – это «грязная палитига!» «Пустословить не надо, лучше делом заняться!» Дельные и деловые вы мои! (РФные очень сильно не хотят о неприятном слышать-читать. В зоне комфорта стараются больше держаться: verybigfish // Живой Журнал, 2025).

✓ Б.В. Кайгородов, И.А. Еремицкая. *Зона комфорта*, развитие и понимание себя // Мир науки, культуры, образования, 2018; О.А. Карлова, О.В. Мясоутов. Российская молодежь вне *зоны комфорта*: переживание неопределенности и политические фантомы // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки, 2023; С.Л. Агафонов. Выход из *зоны комфорта* // Россия в глобальной политике, 2022 (о кризисе в Японии); С.М. Санькова, А.Н. Брагин Цифровая «*зона комфорта*» для потребителя // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал, 2018.

ТИПОВАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ: *зона комфорта для меня / молодых / него / РФных; его / моя / своя / твоя зона комфорта; вход в зону комфорта; выход из зоны комфорта; выход за пределы зоны комфорта; выйти / выходить / выбираться из зоны комфорта; выводить из зоны комфорта; жить / находиться / оказаться в зоне комфорта; чувствовать себя в зоне комфорта; создать зону комфорта; стать зоной комфорта; вернуться / войти в зону комфорта; определить зону комфорта; увеличить / уменьшить зону комфорта.*

Выводы

Современное виртуальное пространство имеет в своем арсенале инструменты, которые лингвист может использовать для установления характеристик языковых единиц с пограничным статусом, в частности фразеологических неологизмов. Сбор материала с использованием

поисковой системы «Яндекс», сервисов «Яндекс Вордстат», Google Ngram Viewer и текстов электронных вариантов газет, блогов социальных сетей и других платформ, применение интерпретационных процедур для его анализа позволили обосновать включение словосочетания в печатный или электронный словарь как нового фразеологизма. Разработанная методика проверки новых устойчивых выражений, которые появились в русском языке в последние 20–25 лет, применена в процессе исследования неологизмов, возникших на основе русских слов или давно укоренившихся в русском языке заимствований, и составления «Толкового словаря русских неологизмов». Она представляет собой количественный анализ на первом этапе (сбор информации о встречаемости словосочетания в текстах разных интернет-ресурсов) и качественный на последующих этапах (на втором – установление времени и источника бытования выражений, выявление их значений в определенный период; на третьем – портретирование идиомы посредством анализа ее употребления в текстах СМИ, блогах, записях из социальных сетей и др., составление словарной статьи; на четвертом – анализ примеров употребления для включения в иллюстративную часть словарной статьи и описания типовой сочетаемости фразеологизма).

В процессе анализа семантики неологического фразеологизма *зона комфорта* выявлен сложный путь его появления в русском языке. Разработанная для словаря и описанная выше методика показала, что выражение *зона комфорта* с климатическим значением уже было заимствовано русским языком из английского в первой половине XX века. Однако как понятие из сферы психологии оно стало использоваться в русском языке в XXI в., что, предположительно, обусловлено развитием популярной психологии. При этом в новом для русского языка значении фразеологизм не является результатом вторичной номинации. Контекстный анализ выявил расширение семантики выражения, благодаря его использованию в различных по тематике текстах (политическая, экономическая и др.). Результатом изучения происхождения, речевого употребления неологизма стало составление словарной статьи, включающей в себя дефиницию, справочный материал, пометы, иллюстрации, примеры типового сочетания.

Предлагаемая методика лексикографирования может быть применена в отношении других новых слов и выражений, в том числе с пограничным статусом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01530 «Типоло-

гия новых слов социальной тематики, образованных от русскоязычных основ: семантико-мотивационный анализ неологизмов», <https://rscf.ru/project/24-28-01530/>.

The study is supported by Russian Science Foundation, project No. 24-28-01530 «Typology of new social-themed words stems from Russian-language foundations: semantic and motivational analysis of neologisms», <https://rscf.ru/project/24-28-01530/>.

² Здесь и далее перевод наш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисова Е. Г., Есаян А. Я., 2018. Новые тенденции фразеобразования в медиасфере // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы Междунар. науч. конф. Тула : ТППО, 2018. С. 203–209.
- Григоренко О. В., 2009. Новые наименования лиц в современном русском языке : словарные материалы. Воронеж : Науч. кн. 517 с.
- Громенко Е. С., Павлова А. С., Приемышева М. Н., 2020. О «ковидно-коронавирусных» процессах в русском языке 2020 года // *Studia Slavica Hung.* Т. 65, № 1. С. 1–22.
- Дементьев В. В., 2014. Категория персональности в семантике новейших английских заимствований в русской идиоматике // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика.* № 3. С. 43–53.
- Козловская Н. В., 2023. GPT и CHATGPT: как это по-русски? : (Об электронных словарных статьях в неологическом ресурсе neolex.iling.spb.ru) // *Terra Linguistica.* Т. 14, № 4. С. 67–78. DOI: 10.18721/JHSS.14405
- Колесов В. В., 2006. Гордый наш язык. Санкт-Петербург : Авалон : Азбука-классика. 352 с.
- Леонтьева Т. В., 2022. Языковые индексы единения и вражды // *Научный диалог.* Т. 11, № 10. С. 70–87. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87
- Леонтьева Е. В., 2024. Моя Римская империя: от флешмоба до фразеологизма // *Научный диалог.* Т. 13, № 3. С. 31–53. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-31-53
- Медведев В., 2020. Вызовы современному русскому литературному языку // *Studia Rossica Posnaniensia.* Т. 45, № 2. С. 195–204. DOI: 10.14746/strp.2020.45.2.15
- Мокиенко В. М., 2022. Старое новое и новое новейшее (к проекту «Большого словаря русских фразеологических неологизмов») // *Неология. Неография. 2021 : сб. науч. ст. Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 1–2 дек. 2021 г. Санкт-Петербург : Ин-т лингв. исслед. РАН.* С. 132–142.
- Предисловие, 2016 // *Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза.* Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА. С. 3–8.
- Полякова Е. К., 2016. Фразеологическая единица в отношении к пословицам и поговоркам // *Русская фразеология и фразеография : К 100-летию А. И. Молоткова : коллектив. моногр.* Иваново : Иван. гос. ун-т. С. 24–42.
- Туркулец И. А., 2023. Новая фразеология русского языка // *Современное педагогическое образование.* № 4. С. 342–346.
- Хуснутдинов А. А., 2018. О некоторых задачах отечественной фразеологии и фразеологии // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы Междунар. науч. конф. Тула : ТППО. С. 460–465.
- Шулежкова С. Г., 2019. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания // *Научный диалог.* № 9. С. 173–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189
- Щетинина А. В., 2021. Между именем собственным и апеллятивом: лексикографирование слов с пограничным статусом (на примере неологизма *Брексит*) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание.* Т. 20, № 5. С. 32–42. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.3>
- Andersen G., 2020. Three Cases of Phraseological Borrowing: A Comparative Study of as if, Oh Wait and the Ever Construction in the Scandinavian Languages // *Ampersand.* № 7. P. 1–9.

ИСТОЧНИКИ

ВКонтакте. URL: <https://vk.com/feed>

Живой Журнал. URL: <https://www.livejournal.com/>

Коммерсантъ: последние новости России и мира. URL: <https://www.kommersant.ru/>

Яндекс Вордстат. URL: <https://wordstat.yandex.ru/>

Google Ngram Viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=Albert+Einstein%2CSherlock+Holmes%2CFrankenstein&year_start=1800&year_end=2019&corpus=ru-2019&smoothing=3

СЛОВАРИ

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950–1965. 17 т.

Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург : Ажур, 2021. 424 с.

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. Москва : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 4 т.

Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Санкт-Петербург : Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. 550 с.

Щетинина А. В., Леонтьева Е. В., Касатова С. А. Толковый словарь русских неологизмов. Ч. 1. Институциональная лексика. Екатеринбург : Ажур, 2024. 518 с.

Щетинина А. В., Леонтьева Е. В., Касатова С. А. Толковый словарь русских неологизмов. Ч. 2. Неинституциональная социальная лексика. Екатеринбург : Ажур, 2025. 320 с.

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/>

Merriam-Webster : America's Most Trusted Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

REFERENCES

Borisova E.G., Esayan A.Ya. 2018. Novye tendentsii frazeobrazovaniya v mediasfere [New Trends in Phrase Formation in the Media Sphere]. *Poliparadigmallye konteksty frazeologii v XXI veke: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Polyparadigmatic Contexts of Phraseology in the 21st Century. Proceedings of the International Scientific Conference]. Tula, TPPO, pp. 203-209.

Grigorenko O.V., 2009. *Novyye naimenovaniya lits v sovremennom russkom yazyke: slovarnyye materialy* [New Names of Persons in the Modern Russian Language. Dictionary Materials]. Voronezh, Nauch. kn. Publ. 517 p.

Gromenko E.S., Pavlova A.S., Priemysheva M.N., 2020. О «kovidno-koronavirusnykh» protsessakh v russkom yazyke 2020 goda [About the “Covid-Coronavirus” Processes in the Russian Language in 2020]. *Studia Slavica Hung.*, vol. 65, no. 1, pp. 1-22.

Demytyev V.V., 2014. Kategoriya personalnosti v semantike noveyshikh angliyskikh zaimstvovaniy v russkoy idiomatike [The Category of Personality in the Semantics of the Latest English Borrowings in Russian Idioms]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*, no. 3, pp. 43-53.

Kozlovskaya N.V., 2023. GPT i CHATGPT: kak eto po-russki? (Ob elektronnykh slovarnykh statyakh v neologicheskom resurse neolex.iling.spb.ru) [GPT and CHATGPT: How Is It in Russian? (On Electronic Dictionary Entries in the Neological Database neolex.iling.spb.ru)]. *Terra Linguistica*, vol. 14, no. 4, pp. 67-78. DOI: 10.18721/JHSS.14405

Kolesov V.V., 2006. *Gordyy nash yazyk* [Our Proud Language]. Saint Petersburg, Avalon Publ., Azbuka-klassika Publ. 352 p.

Leontyeva T.V., 2022. Yazykovye indeksy edineniya i vrazhdy [Language Indices of Unity and Animosity]. *Nauchnyy dialog*, vol. 11, no. 10, pp. 70-87. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87

Leontyeva E.V. 2024. Moya Rimskaya imperiya: ot fleshmoba do frazeologizma [“My Roman Empire”: From Flashmob to Idiomatic Expression]. *Nauchnyy dialog*, vol. 13, no. 3, pp. 31-53. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-31-53

- Medvedev V., 2020. Vyzovy sovremennomu russkomu literaturnomu yazyku [Challenges for the Modern Russian Literary Language]. *Studia Rossica Posnaniensia*, vol. 45, no. 2, pp. 195-204. DOI: 10.14746/strp.2020.45.2.15
- Mokienko V.M., 2022. Staroye novoye i novoye noveysheye (k proyektu «Bolshogo slovarya russkikh frazeologicheskikh neologizmov») [Old New and New (To the Project “Big Dictionary of Russian Phraseological Neologisms”)]. *Neologiya. Neografiya. 2021: sb. nauch. st. Mezhdunar. nauch. konf., Sankt Peterburg, 1–2 dek. 2021 g.* [Neology. Neography. 2021: Collection of Scientific Articles of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, In-t lingv. issled. RAN, pp. 132-142.
- Predislovie [Preface], 2016. Krongoz M.A., ed. *Slovar yazyka interneta.ru* [Dictionary of the Russian Internet Language]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., pp. 3-8.
- Polyakova E.K., 2016. Frazеологическая единица в отношении к пословицам и поговоркам [Phraseological Unit in Relation to Proverbs and Sayings]. *Russkaya frazeologiya i frazeografiya: K 100-letiyu A. I. Molotkova: kollektiv. monogr.* [Russian Phraseology and Phraseography: On the 100th Anniversary of A.I. Molotkov. Collective Monograph]. Ivanovo, Ivan. gos. un-t, pp. 24-42.
- Turkulets I.A., 2023. Novaya frazeologiya russkogo yazyka [New Phraseology of the Russian Language]. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye* [Modern Pedagogical Education], no. 4, pp. 342-346.
- Khusnutdinov A.A. 2018. O nekotorykh zadachakh otechestvennoy frazeologii i frazeografii [On Some Tasks of Domestic Phraseology and Phraseography]. *Poliparadigmalye konteksty frazeologii v XXI veke: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Polyparadigmatic Contexts of Phraseology in the 21st Century: Proceedings of the International Scientific Conference]. Tula, TPPO, pp. 460-465.
- Shulezhkova S.G., 2019. Russkiye i bolgarskiye frazeologicheskiye neologizmy kak obyekt slovarnogo opisaniya [Russian and Bulgarian Phraseological Neologisms as Objects of Dictionary Description]. *Nauchnyy dialog*, no. 9, pp. 173-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189
- Shchetinina A.V. 2021. Mezhdum imenem sobstvennym i apellyativom: leksikografirovaniye slov s pogranichnym statusom (na primere neologizma Breksit) [Between Proper Name and Appellative: Lexicography of Words with Borderline Status (Exemplified by Neologism Brexit)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 5, pp. 32-42. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.3>
- Andersen G., 2020. Three Cases of Phraseological Borrowing: A Comparative Study of as if, Oh Wait and the Ever Construction in the Scandinavian Languages. *Ampersand*, no. 7, pp. 1-9.

SOURCES

Vkontakte. URL: <https://vk.com/feed>

Zhivoy Zhurnal [Live Journal]. URL: <https://www.livejournal.com/>

Kommersant: posledniye novosti Rossii i mira [Kommersant: The Latest News from Russia and the World]. URL: <https://www.kommersant.ru>

Yandex Vordstat [Yandex Wordstat]. URL: <https://wordstat.yandex.ru/>

Google Ngram Viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=Albert+Einstein%2CSherlock+Holmes%2CFrankenstein&year_start=1800&year_end=2019&corpus=ru-2019&smoothing=3

DICTIONARIES

Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. [Dictionary of the Modern Russian Literary Language. In 17 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950–1965.

Leontyeva T.V., Shchetinina A.V. *Slovar aktualnoy leksiki edineniya i vrazhdy v russkom yazyke nachala XXI veka* [Dictionary of Current Vocabulary of Unity and Enmity in the Russian Language of the Early 21st Century]. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2021. 424 p.

Slovar russkogo yazyka. V 4 t. [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Poligrafresursy Publ., 1999.

Krongauz M.A., ed. *Slovar yazyka interneta.ru* [Dictionary of the Russian Internet Language]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2016. 288 p.

Slovar russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi [Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era]. Saint Petersburg, In-t lingv. issled. RAN, 2021. 550 p.

Shchetinina A.V., Leontyeva E.V., Kasatova S.A. *Tolkovyy slovar russkikh neologizmov. Ch. 1. Institutsionalnaya leksika* [Explanatory Dictionary of Russian Neologisms. Pt. 1. Institutional Vocabulary]. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2024. 518 p.

Shchetinina A.V., Leontyeva E.V., Kasatova S.A. *Tolkovyy slovar russkikh neologizmov. Ch. 2. Neinstitutsionalnaya sotsialnaya leksika* [Explanatory Dictionary of Russian Neologisms. Pt. 2. Non-Institutional Social Vocabulary]. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2025. 320 p.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionarycambridge.org/ru/словарь/английский/>

Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

Information About the Author

Anna V. Shchetinina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, anna-73.schetinina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>

Информация об авторе

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент кафедры языков массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, anna-73.schetinina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

- комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

- поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

- расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

- повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

- поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the journal is aimed at achieving the objectives set:

- comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

- supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

- expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

- enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

- supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The editorial board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

